

455

1961г.
ПРОРЕЗЕР

ИЗБРАННЫЯ
СОЧИНЕНІЯ

БЛАЖЕННАГО [1]
АВГУСТИНА,

ЕПИСКОПА
ИППОНІЙСКАГО.

Г.
Часть I.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,

7 8 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ І ЧАСТИ:

Книга І

Стран:

Глава і. О врагахъ имени Христова, которыхъ во время разоренія Рима, ради Христа, по побѣдѣ пощадили варвары.	1
— 2. О томъ, что никогда ни на одномъ сраженіи таиъ не поступлено, дабы побѣдители пощадили побѣжденныхъ ради боговъ ихъ.	4
— 3. Сколь безугодно Римляне думали, что боги, которые Троию сохранить не могли, охранять ихъ будутъ.	6
— 4. О храмѣ убожища Юнониномъ у Троянъ, который никого не избавилъ отъ Грековъ; и храмахъ Апостольскихъ, которые всѣхъ къ себѣ убожавшихъ защитили отъ варваровъ.	8
— 5. О общемъ обыкновеніи непріятелей, побѣжденные грады разрушающихъ, какого былъ Кесарь мнѣнія.	10
— 6. О томъ, что ни самыя Римляне никакого города не плѣнили; дабы въ храмахъ онаго пощадили побѣжденныхъ.	11
— 7. Что при разореніи Рима жестокое приключилось по обыкновенію военному, а милосердіе послѣдовало отъ всемогущества Христова.	12
— 8. О прибыткѣ и вредѣ, которые и добрымъ и злымъ по большой части обнѣими сущъ.	13
— 9. О винахъ, ради которыхъ и добрые и злые равно наказуемы бывають.	16
— 10. О томъ, что святыя въ потерянннхъ временныхъ вещей ничего не лишаются.	20
— 11. О концѣ временной жизни какъ долготѣишій, такъ и крашкой.	23
— 12. О погребеніи человеческихъ тѣлъ, которое хотябъ Христіанамъ было возбранено, никакого не дѣлаетъ вреда.	26
— 13. Какая есть вина погребати тѣла Святыхъ	29
— 14. О плѣненіи Святыхъ, которые никогда жестокаго ушибленія лишаемы не были	31

- Глава 15. О Регулѣ, которой представляеть на себѣ примѣръ плѣна, за законъ добровольно претерпѣаемаго, что однако ему было бесполезно, понеже почиталъ боговъ. - 32
- 16. Блудодѣяствомъ, которое можетъ быть претерпѣли и добродѣтельныя дѣвицы, могла ли оскверниться добродѣтель душевная безъ соизволенія. - 35
- 17. О самоизвольной смерти по причинѣ страха казни, или безчестія. - 37
- 18. О насильственномъ блудодѣяствѣ, которое душа въ насилуемомъ тѣлѣ безъ соизволенія претерпѣваетъ. - 40
- 19. О Лукреціи, которая насилowana бывши, себя умертвила. - 40
- 20. О томъ, что нѣтъ въ Священномъ Писаніи никакого повелѣнія, которое бы Христіанамъ отдавало право въ самопроизвольной смерти. - 45
- 21. О убійствахъ людей, которые беззаконіемъ челоукоубійства не почитаются. - 47
- 22. О томъ, что смерть самопроизвольная никогда не можетъ принадлежать къ великодушію. - 48
- 23. Каковымъ есть примѣръ Катоновъ, которой, не могши снести, что Кесарь побѣдителемъ остался, самаго себя умертвилъ. - 49
- 24. О томъ, что въ той добродѣтели, коею Регулъ превысилъ Катона, несравненно превосходятъ Христіане. - 51
- 25. О томъ, что беззаконія беззаконіемъ уклоняясь не должно. - 54
- 26. О томъ, въ какомъ разумѣ дѣла учиненными почитаться должно сдѣланныя святыми, кои дѣлають законъ запрещаетъ. - 55
- 27. О томъ, надлежитъ ли самопроизвольно умерщвлять себя, дабы чрезъ то избавиться отъ грѣха. - 57
- 28. Для чего попустилъ Богъ грѣху содѣлану быти въ плоти воздержныхъ людей. - 59

- Глава 29. Что Христіане отвѣтствовать должны невѣрнымъ, которые ихъ упрекають тѣмъ, что Христосъ ихъ не избавилъ отъ неистовства враговъ. - 61
- 30. О томъ, что ропщущіе и жалующіеся на Христіанскія времена, желаютъ по видимому быть въ благополучіи, хотябы оно было и заочное. - 63
- 31. Какими пороковъ степенями усилилось въ Римлянахъ желаніе владычествовать надъ другими. - 65
- 32. О установленіи театралныхъ игръ. - 67
- 33. О порокахъ Римлянъ, коихъ не исправило раззореніе отечества. - 68
- 34. О милосердіи Божіемъ, которое раззореніе Рима умѣрило. - 70
- 35. О крыющихся между нечестивыми сынахъ церкви, и о ложныхъ внушрѣ церквамъ Христіанамъ. - 71
- 36. Объявляетъ, о чемъ въ слѣдующемъ состваніи говорить онъ имѣетъ. - 72

Книга II.

- Глава 1. О образѣ, котораго въ нуждѣ стязанія употребить должно. - 105
- 2. О томъ, что показано въ первой книгѣ. - 107
- 3. О томъ, что онъ приводитъ намѣренъ исторіи, изъ которыхъ открывается, коликое зло претерпѣвали Римляне, прежде нежели благочестіе Христіанское началось. - 109
- 4. О томъ, что почитатели боговъ никогда отъ боговъ своихъ и никакихъ не получали заповѣдей къ благонравію житію, и въ священнослуженіяхъ ихъ всякія мерзости отправляли. - 110
- 5. О мерзостяхъ, коими мать боговъ отъ почитателей своихъ почитаема была. - 112
- 6. О томъ, что языческіе боги не преподавали ученія, какъ хорошо жить. - 114

- Глава 7. О томъ, что изобрѣщенія философовъ бесполезны, когда каждаго къ порокамъ склоннаго человека болѣе побуждаетъ то, что б.ги сдѣлали, нежели то, что люди умств. ован. - 116
- 8. О есапральныхъ при свщеченослуженіи играхъ, въ которыхъ боги не оскорбляются цзреченіемъ ихъ згзосцей, но умилоствивляются. - 118
- 9. Что древніе Римляне о пресѣчзніи вольности стихотворческой думали, которой Греки послѣдуя боговъ своихъ суду не ограничивали. - 119
- 10. Съ какимъ умысломъ вреднымъ желаютъ бѣсы, дабы или ложныя пресипупленія, или истинныя о нихъ были разглашаемы. - 121
- 11. О актеряхъ, которые у Грековъ къ управленію республикою допущены, потому что неправеднымъ дѣломъ почиено, дабы умилоствивляющіе боговъ отъ людей презираемы были. - 123
- 12. О томъ, что Римляне, окнимая вольность у стихотворцовъ, дабы они не помогали людямъ, позволяя напрошнвъ поносить боговъ, лучшихъ о себѣ были мыслей, нежели о богахъ. - 125
- 13. О томъ, что должны были Римляне понять, что боги ихъ, когда требовали, дабы имъ почтеніе отдаваемо было мерзкими играми, недостойны были божеской чести. - 126
- 14. О томъ, что лучшимъ былъ Платонъ, который въ благоиравномъ гражданствѣ не давалъ мѣста стихотворцамъ, нежели сіи боги, которые повелѣли себя почитать есапральными играми. - 129
- 15. О томъ, что Римляне нѣкоторыхъ боговъ не по разсужденію, но изъ ласкаательства поспзвили. - 132
- 16. О томъ, что ежели бы боги имѣли попеченіе сдѣлать людей праведными, то Римляне должныствовали принять правила къ благоиравному житію отъ боговъ, нежели заимствовать законы отъ людей. - 133

- Глава 17. О похищеніи сабинокъ, и другихъ неправдахъ, которыя въ Римѣ въ выхваляемыя времена дѣлаемы были. - 134
- 18. О томъ, что о нравахъ Римлянъ или страхомъ обуздываемыхъ, или отъ безопасности въ распустность пришедшихъ, Саллюстіева открываетъ исторія. - 137
- 19. О томъ, что Римская республика развращенною стала въ прежде нежели возбранилъ Христосъ почитать ихъ боговъ. - 140
- 20. О томъ, каковое благополучіе имѣть, и какимъ образомъ жизнь препрозождать желаютъ тѣ, которые порочатъ Христіанскаго благочестія времена. - 143
- 21. О томъ, что боги Римлянъ ни мало объ ономъ попеченіи не имѣли, дабы республика Римская развращенными обычаями не погибла. - 144
- 22. О томъ, что переменны временныхъ вещей не отъ любви, или неимвсти демоновъ, но отъ опредѣленія истиннаго Бога зависятъ. - 147
- 23. О дѣлахъ Силлы, коихъ поспѣшествователей себя показали демоны. - 151
- 24. О томъ, сколько сильно побуждаютъ злые духи людей къ злодѣніямъ, когда въ дѣланіи беззачснй какъ бы божесивенный воли своей примѣръ гредлагаютъ. - 154
- 25. О тайныхъ демоновъ совѣтахъ въ разсужденіи благоиравія, когда явно въ свщеченослуженіяхъ ихъ всякое непотрѣбство внушаемо было. - 157
- 26. О томъ, съ коль великимъ истребленіемъ общественнаго ученія Римляне блзми своимъ поспзвили мерзскія игры. - 163
- 27. О спасишельности благочестія Христіанскаго. - 161
- 28. Увѣщаніе Римлянамъ о отшверженіи почитанія боговъ. - 163

КНИГА III.

1. О бѣдствіяхъ, которыхъ одни злые люди
ищашся, и которыя всегда міръ претерпѣ-
лъ, когда почиталъ боговъ. - 215
2. О томъ, что боги, коихъ Римляне и Греки
почитали, имѣли ли причину попустить, дабы
раззоренъ былъ Илій. - 216
3. О томъ, что боги не могли оскорблены быть
Парисовымъ прелюбодѣйствомъ; понеже оное и
между самими богами не рѣдко случалось. - 218
4. О томъ, что невѣроятно, дабы боги казнили
прелюбодѣйство Парисово, котораго не опмѣши-
ли въ матери Ромуловой. - 220
5. О убійствѣ Ромуловомъ, котораго боги не
опмѣстили. - 221
6. О раззореніи Илія, учиненномъ полководцемъ
Маріевымъ Фимбриемъ. - 222
7. О томъ, надлежало ли богамъ Троянскимъ пре-
поручить Римъ. - 225
8. О томъ, должно ли вѣрить, что миръ и ти-
шину, бывшую во время царствованія Нумы, бо-
ги даровали. - 227
9. Надлежало ли того желать, что толкымъ
браней неистовствомъ Римское умножается го-
сударство, когда тѣмъ способомъ, коимъ во
время царствованія Нумы умножилось, могло
быть и спокойнымъ и безопаснымъ. - 227
10. О кумирѣ Куманскаго Аполлона, о котораго
плачѣ думали, что онъ предзнаменуетъ бѣдствіе
Грекамъ, которымъ пособить не могъ. - 230
11. О томъ, сколь много боговъ прибавили Рим-
ляне сверхъ уставленныхъ Нумою, коихъ мно-
жество ни мало не пользовало Римлянамъ. - 232
12. О томъ, по какому праву и по какому ир-
ному договору удержали при себѣ Римляне пер-
вые браки. - 234
13. О беззаконной войнѣ, нанесенной Римлянами
Албанцамъ, и о побѣдѣ, полученной изъ жела-
нія обладать другимъ. - 237

Глава

- Глава 14. О томъ, какова Римскихъ Царей жизнь была
и кончина. - 241
15. О первыхъ у Римлянъ Консулахъ, изъ кото-
рыхъ одинъ другаго изъ отечества изгналъ, и
наконецъ въ скоромъ времени по содѣланіи ужа-
сныхъ челоуѣкоубійствъ, отъ раненаго непріате-
ля уязвленъ будучи, погибъ. - 246
16. О томъ, какія бѣдствія претерпѣла респуб-
лика по началѣ Консульства, въ коихъ отвра-
щеніи боги, Римлянами почитаемые, ни мало не
помоществовали. - 249
17. О томъ, коликія претерпѣли Римляне неща-
стія и бѣдствія во время браней съ Карвагенца-
ми, когда тщетно о помоществованіи боговъ
молили. - 256
18. О бѣдствіи, бывшемъ во время второй войны
съ Карвагенцами, которое съ обѣихъ сторонъ
истощило силы. - 259
19. О гибели Сагунтинцовъ, которымъ при
истребленіи ихъ, въ разсужденіи того, что бы-
ли въ дружбѣ съ Римлянами, боги Римскіе не
подали помощи. - 261
20. О Митридатомъ указѣ, которымъ пове-
лѣлъ всѣхъ гражданъ Римскихъ, находящихся въ
Азіи, умертвить. - 264
21. О внутреннихъ злоключеніяхъ, которыя пре-
терпѣла Римская республика, и которыя пред-
взило худое предзнаменованіе, состоящее въ
томъ, что домашніе скоты перебѣсались. - 265
22. О раздорѣ, которой произвели буншы Гра-
ховъ. - 267
23. О храмѣ Согласія, по приговору Сенатскому
на мѣстѣ смятеній и убійствъ поставленномъ. - 268
24. О различныхъ браняхъ, послѣдовавшихъ послѣ
построенія храма Конкордіи. - 270
25. О войнѣ градской Маріевой и Силлиной. - 271

- Глава 26. О томъ, какова была Силлина побѣда, которая омщивала Маріеву жестокость. - 272
- 27. О сразеніи нападенія Готскаго съ тѣми пораженіями, которыя Римляне какъ отъ Галловъ, такъ и домашнихъ междоусобій претерпѣли. 275
- 28. О непрерывности браней, которыя предварили пришествіе Христово. - 276
- 29. О томъ, съ какимъ безстыдствомъ настоящія нещастія Христу приписываютъ тѣ, которымъ не позволяется боговъ почитать, когда столь великія бѣдствія въ тѣ времена были, въ которыя они боговъ почитали. - 278

Книга IV.

- Глава 1. О томъ, что въ первой книгѣ говорено. - 337
- 2. О томъ, что во второй и третьей книгѣ содержится. - 339
- 3. Пространство, или обширность государства, которая приобретаема войнами, должно ли почитать между благими щастливыхъ, или премудрыхъ людей. - 342
- 4. Государства безъ правды сколь подобны разбоямъ. - 344
- 5. Обѣдлыхъ гладіаторовъ, коихъ сила и могущество подобно было достоинству Царскому. 345
- 6. О любовестии Нина Царя, который, дабы имѣть пространнѣйшее государство, первый воевалъ съ сосѣдами. - 347
- 7. Царства земныя при распространеніи своемъ получаютъ ли пособіе отъ боговъ, и когда умаляются, не уже ли отъ оныхъ ославляемы бываютъ. - 349
- 8. Которыхъ боговъ пособіемъ, думаютъ Римляне, увеличено ихъ государство, и хранимо, когда

они

- они каждому богу въ защищеніе по одной вещи препоручить, сами не довѣряли. - 351
- Глава 9. Государства Римскаго обширность надлежитъ ли приписывать Юпитеру, котораго многобожники верховнымъ богамъ признаваютъ. - 354
- 10. Какимъ мнѣніемъ послѣдовали тѣ, которые разныхъ боговъ къ различнымъ міра частямъ поставили. - 355
- 11. О многихъ богахъ, о коихъ языческіе училища говорятъ, что они составляютъ одного и того же Юпитера. - 359
- 12. О мнѣніи тѣхъ, которые Бога душою міра, а міръ тѣломъ Божиимъ поставляли. - 363
- 13. О тѣхъ, которые животныя разумныя части Божіими единственно почитаютъ. - 364
- 14. Распространеніе государствъ непристойно приписывается Юпитеру, когда, по ихъ мнѣнію, Викторія есть богинею, которая къ оному дѣлу одна довольна. - 365
- 15. Пристойно ли добрымъ желать пространно господствовать. - 366
- 16. Какая была причина, что Римляне, всѣмъ вещамъ и всѣмъ движеніямъ боговъ разныхъ назначая, храмъ Покоя за вратами градскими поставили. - 368
- 17. Когда Юпитеръ имѣетъ верховную власть, то должно ли почитать Викторію богинею. 369
- 18. Щастіе и Фортуны богами почитающіе съ какимъ разсужденіемъ оное дѣлаютъ. - 370
- 19. О Fortunѣ женской. - 372
- 20. О добродѣтели и вѣрѣ, которыя язычники храмами и священнослуженіями почитали, пропустивъ другія блага, которыя также почести надлежало бы, ежели правильно другимъ приписывали божество. - 373
- 21. О томъ, что неразумѣя единого Бога, язычники должеествовали быть довольными одною добродѣтелію и щастіемъ. - 375

Глава

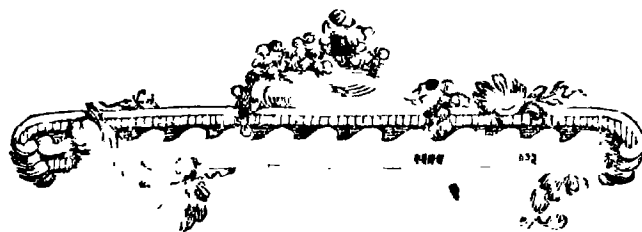
- Глава 22. О щастіи, которое Римляне, почитатели многих боговъ, долгое время не почитали божескою честію, когда оно одно вмѣсто всѣхъ было бы довольно. - 378
- 23. О томъ, что одного Бога почитать должно, котораго хотя именовали язычники не знаютъ, но чувствуютъ, что Онъ даруетъ щастіе. - 383
- 24. О театральныя игры, коихъ боги отъ почитателей своихъ требовали. - 384
- 25. О трехъ родахъ боговъ, о коихъ рассуждалъ Сцевола первосвященникъ. - 387
- 26. Къ распространенію государства Римскаго способствовало ли почитаніе многихъ боговъ? - 389
- 27. О ложности гадательства, которымъ предназначалась крѣпость и неизблемость Римскаго государства. - 393
- 28. Какихъ были мыслей о языческихъ богахъ ихъ самые почитатели. - 393
- 29. О мнѣніи Варроновомъ, который, отринувъ народное предубѣжденіе, хотя къ познанію единого Бога не достигъ, однако признавалъ, что одного Бога почитать должно. - 395
- 30. Съ какимъ видомъ пользы обладатели языковъ у покоренныхъ себя народовъ ложныхъ не измѣняли богопочитаній. - 398
- 31. Что премудростію и властію истиннаго Бога всѣхъ Царей и царствъ уставлены времена. - 399
- 32. О государствѣ Іудейскомъ, которое учреждено отъ единого Бога, и было сохраняемо, покуда въ истинномъ богопочитаніи Іудеи пребывали. - 400

Книга V.

- Глава 1. О томъ, что Римскаго и прочихъ государствъ вина ни случайная, ниже зависить отъ положенія звѣздъ. - 427

- Глава 2. О сходствѣ и несходствѣ здравія близнецовъ, или двойней. - 431
- 3. О доводѣ, который изъ горшечнаго колеса Нигидій математикъ взялъ въ рѣшеніи вопроса о близнецахъ. - 433
- 4. О Исавѣ и Іаковѣ близнецахъ, которые между собою въ нравахъ и дѣлахъ великое различіе имѣли. - 434
- 5. Какимъ образомъ убѣждаемы бывають математики признаться въ ложности своей науки. - 435
- 6. О близнецахъ различнаго пола. - 439
- 7. О избраніи дня, въ которой бы жену понять, и въ которой что либо насаждать, или сѣять. - 441
- 8. О тѣхъ, которые не положеніе звѣздъ, но связь причинъ, отъ воли Божіей зависящихъ, именемъ судьбы называють. - 444
- 9. О предавленіи Божіемъ и свободномъ человеческомъ произволеніи противъ опредѣленія Цицерона. - 446
- 10. Владычествуетъ ли надъ волею человеческою какая либо необходимость. - 454
- 11. О общемъ Божіемъ промыслѣ, въ устройствѣ коего все содержишься. - 458
- 12. Чрезъ что древніе Римляне удостоились, что истинный Богъ, хотя они Его не почитали, распространилъ ихъ государство. - 459
- 13. О любви хвалы, которая хотя въ самой вещи есть порокъ, однако добродѣтелию почитается; потому что другіе большіе пороки обуздываютъ. - 468
- 14. Объ отверженіи любви похвалъ человеческихъ; понеже праведныхъ хвала должна состоять въ Богѣ. - 469
- 15. О воздаяніи временномъ, которое воздалъ Богъ Римлянамъ за ихъ благонравіе. - 472
- 16. О воздаяніи праведныхъ гражданъ вѣчнаго града, коимъ полезны примѣры добродѣтелей, дѣланныхъ Римлянами. - 473

- Глава 17. Сколь удалены должны бышь Христіане отъ
высокомыслия о себѣ. естли что либо сдѣла-
ють изъ любви къ вѣчному отечеству, когда
почти много важнаго Римляне учинили изъ любви
къ славі и земному граду. - - 474
- 18. Государство Римское устроено отъ истин-
наго Бога, отъ коего зависитъ всякая власть,
и коего прѣмыслѣ все управляется. - 481
- 19. Времена и окончанія браней отъ Божія за-
висятъ суда. - - 483
- 20. О войнѣ, на которой Гадагансъ Царь Готѣ-
ской, почтитель бѣсовъ, въ одинъ день съ без-
численнымъ войскомъ побѣжденъ. - • 485
- 21. Сколь истинно естъ Христіанскихъ Государей
благополучіе. - - - 487
- 22. О благополучныхъ успѣхахъ, которые Богъ
даровалъ Константину, Христіанскому Им-
ператору. - - - 489
- 23. О вѣрности, вѣрѣ, любви и благоговѣніи
Феодосія Императора. - - - 490
- 24. Противъ завистливыхъ, кои отвѣтъ писали
на издавныя уже Августиномъ книги. - 493

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ проповѣдъ язычниковъ.

К Н И Г А I.

Глава первая.

*О прагахъ имени Христа, мѣтарыхъ до пре-
мѣ разоренія Рима, ради Христа, по побѣдѣ
поощадили папѣры.*

Преславный градъ Божій, какъ въ семъ вре-
менѣ печеніи, когда онъ между нечести-
выми спранспвуетъ, живучи вѣрою, такъ и
въ оной недвижимости вѣчнаго жилища, коего
ожидаетъ терпѣніемъ, „покуда правда обра-
„нился на судъ,“ имѣющій получить знаме-
нистую послѣднюю побѣду и совершенный миръ,
симъ сочиненіемъ для себя предпріимъ, ко-
торое я тебѣ обязался издавъ возлюбленный
сыне мой Маркеллине! защитишь намѣренъ
противъ тѣхъ, которые боговъ своихъ пред-
почитають своему Творцу. Великое дѣло и
важное, но Господь естъ помощникъ нашъ.
Ибо я вѣдаю, коликія силы потребны, чтобъ
показать и увѣришь гордыхъ въ томъ, сколь
велика естъ добродѣтель смиреніе, которое

Чистъ I.

А

всѣ-

всякую земную пышность, временнымъ непостоянствомъ колеблемую, не отъ человека упоребляемымъ щеславіемъ, но по Божіей благодати дарованною высокою превосходящюю. Понеже царь богъ и творецъ града сего, о которомъ мы говоримъ предприняли, въ писаниі избранныхъ своихъ, приговоръ свой открылъ, въ коемъ сказано: „Богъ гордымъ пропавшимъ, смиреннымъ же даемъ благодать.“ Сіе Божіе свойство, чтобъ пропавшимъ гордымъ, и напыщенныя души надменный духъ себѣ восхищаетъ, и утѣшается плѣмъ, когда въ выхвалу ему говорятъ: „Твое свойство щадить покаяющихся, и поражаетъ гордыхъ.“ Не должно молчаніемъ преищи того, чего пребываетъ порядокъ предпріятнаго нами сочиненія, и что выговорить можно, по есмь, что градъ земный, который владычествовалъ другими желалъ, когда народы ему повинуются, то онъ самъ любобачіемъ обладаемъ бывалъ. Изъ сего бо града происходилъ враги, пропавъ коихъ вооружаться надлежитъ за градъ Божій, изъ коихъ однако многіе исправивъ свое заблужденіе нечестія, гражданами въ ономъ становящися способными: многіе же толикимъ на оный пламенѣющъ ненависти огнемъ, и полъ въ явныхъ благодареніяхъ его искупителя благодарны, что и нынѣ разсуждаютъ бы отъ ономъ не стали, естлибъ отъ непріятельскаго бѣжавъ меча, въ священныхъ онаго мѣстахъ не спасали своей жизни, которою гордятся. Не враги ли имене Христова суи Римляне, которыхъ ради Христа пощадили

ваг-

варвары? (*) Свидѣтельствующъ о томъ мѣста, гдѣ положены мученики, и храмы Апостоловъ, которые во время онаго разоренія града прибѣгшихъ и своихъ и иновѣрцовъ приняли. До сихъ мѣстъ кровожаждущій свирѣпствовалъ непріятель: въ сихъ мѣстахъ получалъ предѣлъ неистовящійся человекоубійца. Туда препровождаемы были сжалившимися неприятели пощажденные въ плѣхъ мѣстъ люди, дабы не попались они на свѣчу таковымъ, которые подобнаго милосердія не имѣли: которые однако въ противномъ случаѣ будучи жестокими, и на подобіе звѣрей свирѣпствуютъ, когда къ онымъ мѣстамъ приближались, гдѣ имъ было запрещено въ томъ, что въ другихъ случаяхъ по праву войны позволяемо было, тогда вся неистовства ихъ обуздывалась лютоствъ, и желаніе плѣна погасало. Такимъ образомъ избавились многіе изъ плѣхъ, кои нынѣ Христіанскимъ временамъ поносятъ, и несчастіе, которое Римъ претерпѣлъ, Христу приписываютъ: а добро, то есмь, что они осмѣлились въ живыхъ, дарованное имъ ради Христа и его чести, не присвоивъ Христу, но своей судьбѣ: когда иначе должны были, естлибъ имѣли иѣсколько благодаренія, все то, что отъ непріятелей жестокое претерпѣли, приписать Божію промыслу, который обыкновенно расплѣнныя человѣческія равы бранію исправляетъ; также жизнь

А 2

с е і п -

*) Разумѣетъ здѣсь Аларика Готскаго Царя, котораго поучилъ.

смерпиныхъ праведную и похвальную тако-
выми оскорбленіями искушаетъ, и искушен-
ную или на лучшую премѣняетъ, или въ семь
мірѣ для нѣкоторыхъ потребностей продол-
жаетъ. Оное же, что ихъ или въ другихъ мѣ-
стахъ ради имени Христова, или въ мѣстахъ
Христову имени посвященныхъ, и по щедрому
милосердію къ вмѣщенію множеству избран-
ныхъ, сверхъ обыкновенія браней свирѣлые
варвары пощадили, приписать временамъ Хри-
стіанскимъ: и для того приносимъ благодаре-
ніе, и къ имени его неможно припекаемъ, да-
бы избавившись казни огня вѣчнаго: котораго
имени припворно упоминая многіе изъ нихъ
ради избѣжанія казней насмѣхающаго бѣдствія.
Ибо которые, какъ видимъ ны, своевольно и
жестко ругаются рабамъ Христовымъ, не
моглибъ избавившись отъ погибели оной и по-
раженія, еспѣлибъ не припворились быть ра-
бами Христовыми. И нынѣ съ неблагодарною
надмѣнностію, и нечесливѣшимъ безуміемъ
его имени прошиваясь, имѣя развращенное сер-
дце, дабы вѣчною тьмою быть наказаннымъ;
къ которому имени съ ложнымъ признаніемъ
прибѣгли, дабы временнымъ живопомѣ насла-
ждались.

Глава вшорая.

*О томъ, что никогда ни на одномъ сраженіи-
такъ не поступлено, дабы побѣдители по-
щадили побѣжденных ради боговъ ихъ.*

Столько сраженій описаныхъ какъ до основ-
анія Рима, такъ отъ его основанія и началъ
всего

владычества онаго, пускай прочтутъ и пред-
ставятъ, что нѣкоторые народы, покоривъ
какойлибо городъ, пощадили побѣжденных, о
коихъ имъ извѣстно было, что они убѣжали
въ храмы боговъ своихъ: или что варварскій
нѣкоторый предводитель арміи повелѣлъ, дабы
воины ворвавшись въ городъ, ни одного не уби-
вали изъ плѣнныхъ, коихъ найдутъ ушедшими въ
храмы. „Не видѣлъ ли Еней, что Пріамовою
„кровію осквернили непріатели огонь имъ са-
„мимъ посвященный? Діомидъ и Улиссъ убивъ
„спражей Троянскихъ, не похитились священ-
„ный кумиръ, и руками въ крови обогранны-
„ми не прикоснулись ли дѣвственнымъ богини
„воскриліямъ? „ При всемъ томъ далѣе напи-
санное несправедливо, будто „паки позывнув-
„шаяся Троянъ надежда возвращается. „ Ибо
послѣ того они побѣждены, послѣ того Гре-
ки Троя мечемъ и огнемъ истребили, послѣ
того Пріама убѣжавшаго къ жертвеннику уби-
ли. И не для того Троя погибла, что ли-
шилася Минервы. Ибо что прежде потеряла
Минерва, дабы ей пропасть изъ города? не
спражей ли своихъ? Сіе прямо не ложно: ибо
по убіеніи оныхъ могла она унесена быть.
Понеже не людей кумиръ оный, но люди его
хранили. Какимъ же образомъ его почитали,
дабы хранилъ опечесство и гражданъ, кото-
рый не въ состояніи былъ своихъ сохранить
спражей.

Глава шрешія.

Сколь безумно Римляне думали, что боги, которые Троию сохранить не могли, охранять ихъ будутъ.

И тѣмъ ли надлежало хвастать Римлянамъ, что таковымъ богамъ препоручили свой городъ Римъ въ хранение? О наижалостнѣйшее заблужденіе! И насъ поносятъ, когда о богѣ ихъ таковое говоримъ, и не порицающіе писателей, которыхъ дабы выразумѣть, давали другимъ награжденіе: сверхъ сего учителей и наставниковъ самихъ и государственнаго жалованья и чести достойнѣйшими почитали. Ибо у Виргилія, (котораго для того малолѣтніе дѣти читающіе, чпобъ поль великій стихотворецъ, знаменитый и изрядный въ младыхъ лѣтахъ впечатлѣнъ будучи въ умѣ ихъ, не могъ припсти въ забвеніе, по оному Горациеву слову: „Чемъ единожды напоенъ будетъ новый сосудъ, оной запахъ долго, временно содержащъ спашетъ:“) у сего, говорю, Виргилія вводится Юнона гнѣвающаяся на Троицѣ, которая возбуждая на гнѣвъ Еола царя въпродѣ, говоритъ: „Незавидимый мною родъ плыветъ по Тирренійскому морю, везя съ собою Илій въ Италію, и боговъ побѣжденныхъ.“ Такъ должны ли были благоразумные Римляне симъ побѣжденнымъ богамъ препоручать Римъ, дабы оный побѣжденнымъ никогда не былъ? Но можетъ быть Юнона говорила сіе такъ, какъ раздраженная женщина, не вѣдая и сама, что говорила. Чп

самый Еней? Которой не однократно набожнѣйшимъ названъ? Не такъ ли говоритъ? „Панѣе солнцевъ жрецъ священною рукою и побѣжденныхъ боговъ, и малолѣтняго внука самъ влечетъ.“ Не признается ли онъ, что боги, коихъ побѣжденными не спрашиваться называлъ, ему препоручены, а не онъ имъ, когда ему сказано: „Священные вещи и боговъ тебѣ препоручаетъ Троя.“ И такъ когда Виргилій таковыхъ боговъ побѣжденными, и дабы какимъ ни естъ образомъ скрылся, челоуку препорученными признаваетъ: то какое безуміе естъ, думать, что таковымъ защитникамъ благоразумно препорученъ Римъ, которой аки бы не могъ чрезъ то никогда разоренъ быть, ежели оныхъ боговъ не потеряетъ? А наипаче побѣжденныхъ боговъ какъ бы защитниковъ почиталъ, что иное естъ, какъ имѣть не боговъ добрыхъ, но злыхъ демоновъ? Ибо сколь благоразумнѣе вѣрять можно, что Римъ не дошелъ бы до такого разоренія, ежели бы оные боги прежде погибли: а они всенепремѣнно погибли бы въ древности, естлибы Римъ ихъ не сохранилъ. Ибо кто не видитъ, сколь щепотное было предразсужденіе, аки бы не можно быть побѣжденну подъ защитою побѣжденныхъ, которые боги сами для того погибли, понеже лишились своихъ боговъ, то естъ спрагчей: особливо когда одна могла быть вина погибели, то естъ чпобъ имѣть спрагчей, которые могли погибнуть? И такъ когда сіе о богѣ побѣжденныхъ сказываемо и вослѣваемо было, не

можно было стихопворцамъ лгать, но разумныхъ людей понуждала истинна въ томъ признахъ. Но о семъ приличіе на другомъ мѣстѣ пространіе говорить я намѣренъ. Теперь то, что началъ, нѣсколько по силѣ моей изъясню, то есть о неблагодарныхъ людехъ, которые нещасіе въ наказаніе развращенныхъ своихъ нравовъ претерпѣнное, изъ поношенія Хрісту приписываютъ: а что ихъ ради Хріста щадятъ, тому не внимаютъ, и пошъ самый языкъ прошивъ имени его съ безуміемъ святиотатской дерзости употребляютъ, которыми ложно и припворно употребляли имя его, дабы оспаривъ въ живыхъ, или пошъ самый языкъ, которыми въ мѣстахъ Хрісту посвященныхъ удерживали изъ спираха, дабы чрезъ то быть въ безопасности, и какъ бы подъ защитою; послѣжъ того, какъ безъ всякаго вреда оспаривъ, на Хріста злохуленіемъ успремили.

Глава четвъртая.

О храмѣ убѣжища Юнониномъ у Троянѣ, который ни кого не избавилъ отъ Грековъ: и храмахъ Апостольскихъ, которые пѣхъ хъ себѣ убѣжающихъ защитили отъ перваровъ.

Самая, какъ я сказалъ, Троя, мать народа Римскаго, въ мѣстахъ богамъ своимъ посвященныхъ, не могла защититъ гражданъ своихъ отъ огня и меча Грековъ, которые пѣхъ же боговъ почитали, ниже въ самомъ храмѣ убѣ-

убѣжища Юнониномъ. „Избранные спражи Фениксъ и жестокий Улиссъ хранили корысти: „сюда отсюда Троянское сокровище исхищенное изъ огня, и шпанезы боговъ и чаши изъ цѣльнаго элапа, и одежды собираемы были: „опроки и отъ спираха полумеривзья вокругъ „споятъ матери.“ То есть избрано было мѣсто полъ великой богини посвященное, не для того, дабы не можно было извести отпуда побѣжденныхъ, но дабы заключитъ ихъ тамъ. Сравни теперь храмъ убѣжища не рядоваго какого либо бога, и не проспаго, но сеспры самага Юпитера и жены и царицы всѣхъ боговъ, съ храмами построенными въ памяти нашихъ Апостоловъ. Туда по зажженіи храмовъ и боговъ корысти сносимы были, не съ пѣмъ, чпобъ возвратитъ оныя побѣжденнымъ, но чпобъ раздѣлитъ побѣдителямъ: здѣсь же и то самое, чпо въ другихъ мѣстахъ сюда принадлежащимъ признано, съ честію и благоговѣніемъ возвращено. (*) Тамъ потеряна, здѣсь сохранена вольность: тамъ заключенъ, здѣсь возбраненъ плѣнъ. Тамъ отъ владычествующихъ непріятелей припѣснены были доспавшіеся въ рабство, здѣсь для освобожденія сжалившимися врагами приводимы были. Наконецъ оный храмъ Юнонинъ избрало себѣ сребролюбіе и гордость легкомысленныхъ Грековъ,

А 5

(*) Безмѣрное количество элапа взято было въ Баниканѣ побѣдителями Гомедами, но повелѣніемъ Аларика возвращено. Смори Орозіа Кн: 7. когда донесено, что оно принадлежитъ Хрістіанскимъ Церквямъ

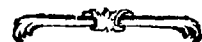
ковъ, сіи же Христовы храмы избрало себѣ милосердіе и нечаянная людскость самыхъ наижесточайшихъ варваровъ. Развѣ можетъ спастись нѣкоторые Греки въ оной своей побѣдѣ пощадили храмы общихъ боговъ, итуда ушедшихъ несчастныхъ и побѣжденныхъ Троянъ не умертвили, и плѣнны не опважились: а Виргилій по обычаю стихопворцовъ солгалъ объ ономъ. Никакъ, онъ описалъ обыкновеніе непріятелей испреблającychъ города.

Глава пятая.

О общемъ обыкновеніи непріятелей побѣжденныхъ грады разрушающихъ, какого былъ Кесарь мнѣніа.

О семъ обыкновеніи и Кесарь, какъ пишетъ Салюстій достовѣрный историкъ, въ приговорѣ своемъ, данномъ въ Сенатѣ, не пропустилъ упомянуть: что похищающіе дѣвицы и отроки, отънимающіе отъ общаго родипельскихъ дѣти, жены преперпѣвають все, что побѣдителямъ угодно, расхищаются богачество въ домахъ и въ храмахъ, дѣлается убійство, и производятся пожары: наконецъ оружіемъ, трупами, кровію и воплемъ все наполняется. Здѣсь ежели бы онъ умолчалъ о храмахъ, то подумали бы мы, что храмы боговъ щадимы были отъ непріятелей. И сіе не отъ чужестранныхъ непріятелей, но отъ Капилины и его общниковъ знатныхъ Сенаторовъ и гражданъ Римскихъ храмамъ дѣлаемо было. Но сіи были пагубные люди и разорители своего отечества.

Глава

Глава шестая.

О томъ, что ни самые Римляне никакого города не плѣнили, дабы въ храмахъ онаго пощадили побѣжденныхъ.

Начто намъ другіе народы, которыя между собою воевали, и никогда побѣжденныхъ въ храмахъ боговъ ихъ не щадили, исчислять: посмотримъ на самихъ Римлянъ, коимъ въ опмѣнную выхвалу сказано: „Щадящъ покаряющихъ и поражающъ гордыхъ, и что они „молучивъ обиду, за лучшее почипали прощать „оную, нежели опмѣивать: „когда полки и шоль многія города, дабы имѣть проспанное владычество, плѣненныя разоряли, пускай представящъ намъ, какой храмъ они выключили, съ тѣмъ, что ежели кто въ оный уйдетъ, тотъ остался бы невредимъ. Или они сіе дѣлали, но писатели ихъ дѣла о томъ умалчивали? Никакъ. Могли бы они пропустить шоль знаменитыя по ихъ мнѣнію благоговѣнія знаки, которые всякія изыскивали мѣры въ выхвалу своего народа? Изряднѣйшій мужъ изъ Римлянъ Маркъ Маркелъ, который завоевалъ наипрекраснѣйшій городъ Сиракузы, сказывающъ, плакалъ прежде, что такой городъ разрушился, и прежде пролилъ гражданъ крови, свои проливъ слезы. Старался дабы цѣлоудіе и у непріятелей сохранить. Ибо прежде нежели побѣдителемъ будучи повелѣлъ вступать въ городъ, запретилъ спрого, дабы ни кто не дерзалъ дѣлать насилія женамъ. Однако разоренъ городъ по обыкновенію военному:

при.

при всемъ томъ ни мало опъ шоль цѣлому-
дреннаго и милосердаго предводителя не было
повелѣно, дабы тѣхъ не касаться, которые
въ томъ или другой убѣгутъ храмъ. Что
конечно не было бы пропущено, когда не умол-
чано ни о его плачѣ, ни о томъ, что онъ при-
казалъ въ защищеніе цѣломудрія. Фабія разру-
шивши Тарента похваляющъ за то, что онъ
не согласился похитить кумировъ. Ибо когда
нѣкто ему напомнулъ о ваяніяхъ боговъ, ко-
ихъ множество взято, что съ ними повеливъ
сдѣлать: скромность свою прикрасилъ шуткою.
Ибо спросилъ: какія онъ? и когда ему доне-
сено, что великія и припомъ богато воору-
женныя: сказалъ: оставимъ Тарентинцамъ гнѣваю-
щихся на нихъ боговъ. И такъ когда ни объ
онаго плачѣ, ни о смѣхѣ и шуткѣ сего, ни объ
цѣломудріи съ милосердіемъ онаго, ни о забав-
ной скромности сего, писатели Римскіе умол-
чать не могли: то какъ бы пропустили они
то, что въ честь нѣкоторыхъ боговъ пред-
водители ихъ пощадили людей, запретивъ въ
храмахъ оныхъ убивать и плѣнить.

Глава седьмая.

*Что при разореніи Рима жестокое приключи-
лось пообыкновенію военному, а милосердіе
послѣдствовало отъ всемогущества Христа.*

И такъ въ семъ недавно приключившемся
Рима пораженіи, все, то есть, опустошеніе,
убійство, расхищеніе, пожаръ, озлобленіе, все
то причинило обыкновеніе военное. А что
не-

необыкновенное учинилось, что свирѣпство
варварское споль крошкимъ спало, что про-
спиранныя храмы Христіанскія, кои наполены
были имѣли пощажденнымъ народомъ, избра-
ны и опредѣлены, дабы въ оныхъ никого не
убивать, дабы изъ оныхъ никого не похищать,
дабы въ оныя, даруемые свободою опъ сжалив-
шихся непріятелей опводимы были: сіе Хри-
стову имени, сіе Христіанскимъ временамъ
приписать надлежитъ; кто сего не видитъ,
томъ слѣпъ; кто видитъ, а непрославляющъ,
томъ неблагодаренъ; кто прославляющему
противится, томъ безуменъ. Не дай Богъ
чтобъ кто сіе присвоилъ жестокости варвар-
ской. Томъ звѣрскіе и безчеловѣчныя умы
успрашилъ, томъ обуздалъ, томъ укротилъ,
который чрезъ Пророка за долго предвозвѣс-
тилъ, сказавъ: „Посѣщу жезломъ беззаконія ихъ,
и ранами неправды ихъ, милость же мою не
разорю опъ нихъ.“

Глава осьмая.

*О прибиткѣ и предѣ, которыя и дофрѣмъ и
злымъ побольшой части овцами суть.*

Скажетъ кто либо: такъ для чегожъ оное
Божіе милосердіе коснулось и самыхъ нечеспи-
выхъ? Для того, что проспершій милосердіе
свое къ нимъ, есть томъ самой, который
„солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дож-
дитъ на праведныя и на неправедныя.“ Ибо
хотя нѣкоторые изъ нихъ о семъ размышляя,
опъ нечеспія исправляются: нѣкоторые же,
какъ

какъ Аношолъ говоритъ „нерадя о богатствѣ „благоспи и долгоперпѣнія Божія, по жеспо- „кости своей и непокаянному сердцу собира- „юпѣ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и опшкровенія „праведнаго суда Божія, иже воздаспѣ комуж- „до по дѣломъ его: „ однако долгоперпѣніе Божіе къ покаянію призываетъ злыхъ, какъ и наказаніе Божіе къ терпѣнію наставляетъ добрыхъ. Также милосердіе Божіе объемлетъ изъ любви добрыхъ, какъ спрогоспѣ Божія восхищаетъ къ наказанію злыхъ. Ибо благо- угодно было промыслу Божію приугошновитъ наконцѣ благая презеднымъ, коими не бу- дупѣ насыщанъся неправедные: и злая нече- стивымъ, коихъ не поспраждупѣ добрые. Симъ же временнымъ благимъ и злымъ благоволилъ бытъ общими обѣимъ, дабы и благое не чрез- мѣрно желаюмо было, кошорое и злые имѣюпѣ; и несчастія не удалялися, кошорое и добрые побольшой часни прешерпѣваюпѣ. Различіе же наипаче состоипѣ въ употребленіи сча- стія или несчастія. Ибо сими временными благими добрый не возкосипѣ, ни злыми пре- одолѣвается: злый же для того шакowymъ не- счастлиемъ наказываепѣ, понеже шастіемъ при- ходипѣ въ разврапшоспѣ. Показываетъ однако Богъ часто иъ сихъ раздѣленіяхъ явно свое дѣйствіе. Ибо ежелибъ всякій грѣхъ явнымъ наказаніемъ нынѣ былъ казнимъ, то подумалъ бы всякъ, что къ послѣдному суду ничего не оставляепѣся. Также, ежелибъ никакого пре- ступленія нынѣ не наказывалъ Богъ, то всякъ повѣрилъ бы, что нѣпѣ никакого промысла.

По-

добно о шастіи сказать, ежели бы онаго Бгъ нѣкошорымъ по прошенію ихъ очевидно даровалъ, то сказали бы мы, что сіе къ му нимало не принадлежипѣ. Также ежели ы всѣмъ оное просящимъ даровалъ, то по- чибы всѣ, что не для инаго чего либо благо- угождапѣ ему надлежипѣ, какъ шолько для шаковаго воздаянія. И шаковое благоугождение не учинило бы насъ праведными, но наипаче желающими и сребролюбивыми. А когда шакъ, то сѣ добрые и злые равное чтолибо поспрадавшие, различіе имѣюпѣ хопя то не различно, что обои прешерпѣли. Ибо находипѣ разноспѣ спрадавшихъ въ подобіи прешерпѣннаго. И хо- шя въ одинакомъ наказаніи, однако добродѣ- шель и порокъ не еспѣ одно. Ибо какъ въ номъ огнѣ злато сіаепѣ, плевы сгараюпѣ, и подѣ единымъ щепомъ плевы испончаюпѣ, что же очищаепѣ: и не смѣшиваепѣ елей въ густошюю, хопя въ одномъ гнѣпѣ выжи- та мѣ бываепѣ: шакимъ образомъ одинакое приключеніе добрыхъ искушаепѣ, и очищаепѣ: злыхъ казнипѣ, расхищаепѣ, испребляепѣ. По- чему въ одной и шой же скорби злые бога- кленупѣ и злословяпѣ: добрые благодаряпѣ и роставляюпѣ. Толь то великое различіе дѣ- лаепѣ, не сколь много ипо, но каковымъ ду- омъ прешерпѣлѣ. Ибо равно взмѣшенное шлапо, и благовонная маспѣ: одно гнусный за- пахъ, другая благовоніе испускаепѣ.

Глава

Глава девятая.

*О пинахъ, ради которыхъ и добрые и злы е,
равно наказуемы выпаютъ.*

И такъ что такое въ ономъ вещей смятеніи Хрістіане претерпѣли, которое бы не служило имъ къ благоуспѣшеству? Во первыхъ о самыхъ грѣхахъ, коими раздраженъ будучи Богъ, наполнилъ толикими бѣдствіями міръ, смиренно разсуждая, хотя они злодѣяніямъ и нечестію непричастны, однако не споль опѣ пороковъ признаваюмъ себя чистыми, акибы недоспойны они были временнымъ нещаспемъ бытъ наказаны. Ибо выключая то, что хотя кто похвально жизнь препровождаетъ, погрѣшаепъ однако въ чемъ либо, вразсужденіи тѣлеснаго вожделѣнія, хотя не въ ужасныя преслупленія, и бездну беззаконій, и мерзость нечестія впадая, но нѣ нѣкотори согрѣшенія или рѣдкія, или и частыя, но елику оныя малы. И такъ выключивъ сіе, кто сыщется такой, которой бы тѣхъ сѣмихъ, ради коихъ ужасной гордости, распустности, и сребролюбія, и мерзскихъ беззаконій и нечестія, Богъ какъ угрожая предвозвѣстилъ, сокрушаетъ землю, такъ почипатъ, какъ почипать должно; такъ съ ними жизнь препровождалъ, какъ жить надлежитъ? И побольшой частіи въ разсужденіи того, когда таковыхъ наставляюмъ, уѣщаваюмъ, а иногда и обличаюмъ, много дѣлается снисхожденія: или когда жалѣемъ шрудовъ, или не хоч. въ посрамить ихъ въ лице: или когда удаляе

опѣ ихъ злобы, дабы они не воспрепятствовали, и не причинили вреда въ временныхъ вещахъ: которыхъ или достигнувъ спремится наше желаніе, или которыхъ лишивъ боятсѣ наша слабость; такъ что (хотя добрымъ житіе злыхъ и неудобно, и того ради не впадаюмъ съ оными въ ту казнь, которая послѣ сей жизни таковымъ приуготовляется, однако поелику беззаконіямъ оныхъ казни достойнымъ снисходямъ, когда ихъ въ свѣихъ хотя малыхъ и проспительныхъ боятсѣ) праведно съ оными временнымъ наказаніемъ наказуюмъ, хотя опѣ вѣчной казни избавлены будупъ. Праведно и доспойно сію жизнь, когда опѣ бога наказываемы бываюмъ, гореспною чувспвуютъ съ тѣми, которые сладость любя не хопѣли огорчить согрѣшающихъ. Ибо еспля кто снисходитъ въ исправленіи и обличеніи дѣлающихъ злое, для того, да удобнѣйшее сыскаеть къ тому время, или ишся, дабы они опѣ того худшими не спались, или не учинили помѣшательства въ наспавленіи другихъ немощныхъ къ добродѣтельной жизни, и не припѣснили бы и не отвратили оныхъ опѣ вѣры: сіе не кажется поводомъ къ вожделѣнію, но совѣтомъ любви. То охуденія доспойно, что тѣ, кои опмѣнную жизнь препровождаетъ, и опѣ дѣлъ злыхъ удаляютъ, однако снисходямъ грѣхамъ чужимъ, опѣ которыхъ отвращають и опводитъ долженспвовали, когда оныхъ боитсѣ, дабы они не причинили вреда въ тѣхъ вещахъ, коихъ они безпрепятственно и

Часть I.

Б

не

невинно употребляютъ, съ большимъ однако желаніемъ, нежели надлежало, особливо тѣ, которые странствуютъ въ семъ мірѣ, и надѣются получить горнее опечеснво. Ибо не только немоцнѣйшіе, жизнь провождающіе въ супружествѣ, имѣющіе дѣтей, или имѣющіе желаніе, домами и семействомъ обязанные: коихъ наставляетъ въ церкви Апостолъ, и увѣщааетъ, какимъ образомъ жить должны и жены съ мужами, и мужи съ женами: и дѣти съ родителями, и родители съ дѣтьми: и рабы съ господами, и господа съ рабами: много временнаго, много земнаго пріобрѣтающіе, и съ огорченіемъ того лишаются: рази котораго не смѣютъ оскорбить тѣхъ, коихъ житіе развращеннѣйшее и мерзостнѣйшее имъ не угодно: но и тѣ, кои вышней родъ житія избрали, и не обязаны супружескими узами, и пищею малѣйшею и одѣяніемъ довольствуются, поболшой часи сберегая свою славу, и щадя здравія, боясь нападеній злыхъ и развращенныхъ людей, опѣ обличенія оныхъ удерживаются. И хотя не столь ихъ спрашивается, дабы изъ страха чполибо имъ подобное дѣлали, однако того самаго, чего съ оными не дѣлаютъ, не хотѣя охудать, когда могутъ бытъ нѣкоторыхъ могли бы, охудая то, исправивъ: дабы, ежели того не учинитъ, не подвергнуть себя бѣдствію. Сіе не съ тѣмъ разсужденіемъ дѣлаютъ, что почитаютъ здравіе свое и славу полезною и нужною для наставленія людей, но наипаче по той слабости, которая удовольствіе себѣ получаетъ

опѣ,

опѣ ласкапелъствующаго языка, и челоѣческаго дне: (1) и чпо боятси разсудковъ людскихъ, и шертанія плоти или и умерщвленія: тоеспѣ дѣлаютъ сіе для нѣкотораго союза вожделѣнія, а не для долга любви. И пакъ мѣ немаловажною представляется виною, для чего добрые наказываются съ злыми, когда Богу благоугодно развращенныя нравы нанесеніемъ временной казни наказатъ. Ибо наказываются купно не для того, акибы купно препровождали злую жизнь, но понеже купно любящъ временную жизнь: хотя правда неравно, однако купно, которую добрые презираютъ должны спововали, дабы оные обличены будучи и исправлены пріобрѣли вѣчную. Къ доспикерію которой, ежели бы не восхопѣли бытъ общниками, то покрайней мѣрѣ подали бы знакъ, что любимъ враговъ: (2) понеже покуда въ живыхъ находятси, всегда не извѣстно, перемѣнятъ ли волю свою и хотѣніе на лучшее. Въ чемъ не равнудъ, но несравненно пыжчайшую вину имѣютъ тѣ, которыми чрезъ Пророка сказано: „Той убо во грѣсѣ своемъ умретъ, „крови же его опѣ руки приставника възвущу.“ (3) Ибо для того приставники, тоеспѣ старѣшины поставлены въ церкви, (4) дабы не щадили обличать (5) и охудать беззаконія. Привсѣмъ томъ не невиноватъ и томъ, который хотя начальникомъ не поставленъ, однако въ тѣхъ, съ коими сея жизни нуждами связанъ, примѣчая много исправленія доспойнаго или обличенія, ежели не радитъ уклоняся опасностями опѣ нихъ, въ разсужденіи потерянія

Б 2

тѣхъ

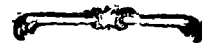

тѣхъ вещей, коихъ не какъ надлежало употребляеть, но выше мѣры оными употребляется. Вовпрыхъ имѣють добрые другую вину, для копорой временнымъ испизываюпси наказаніемъ, каковую имѣлъ Іовъ: (6) поестъ дабы духъ человѣческій былъ извѣстенъ, съ коликимъ благоговѣніемъ шуне любви бога. Сіе разобравъ и разсудивъ, посмотри, приключилось ли какое зло вѣрнымъ и благочеспивымъ, копорое бы не обратилось во благо. Развѣ только подумаемъ, что щепно естъ оное Апостольское слово, въ копоромъ говоритъ: „Вѣмы, „яко любящимъ Бога вся поспѣшеспвуютъ во „благое. „ (7)

Глава десятая

О томъ, что спятые въ потерянніи прменныхъ пещей ничего не лишаются.

Потеряли все, что имѣли. Но не уже ли вѣру? Не уже ли благоговѣніе? Не уже ли благо внутренняго челоѣка, копорый богатъ предъ Богомъ? Сіе естъ богатство христіанъ, копорымъ обогатившись Апостолъ говорилъ: „Есть же приобрѣтеніе веліе благочеспіе съ до- „вольствомъ. Ничтоже бо внесохомъ въ міръ „сей, слѣдовательно и изнесши ничего не мо- „жемъ. Имуще же пищу и одѣяніе, сими до- „вольни да будемъ. Ибо хощіи обогатисися, „впадають во искушеніе и въ сѣпи и вожде- „лѣнія многія несмысленныя и вредныя, ко- „порыя погружаютъ челоѣка въ бездну и „погибель. Корень всѣхъ золъ естъ сребро- „лю-

любіе, котораго нѣкоторые желая отъ вѣры „оппали, и вринули себя во многія печали. (1) И такъ копорые во время онаго расхищенія Рима, лишились земнаго богатства, ежели оное такъ почитали, какъ слышали отъ сего по- наружности нищаго, а по внутренности бога- таго (Павла): то естъ ежели міръ употребляли такъ какъ бы не употребляя, тѣ могли ска- зать съ онымъ сильно искушеннымъ, и не- преодолѣннымъ (Іовомъ): „Нагъ изыдохъ отъ „чрева матере моея, нагъ и возвращуся „въ землю. Господь даде, Господь отъятъ: „якоже господеві изволися, тако быспъ: бу- „ди имя Господне благословено. „ Какъ добрый рабъ вмѣсто великаго богатства имѣлъ самую волю Господа своего, копорому повинуюся обогащался мыслію, и не беспокоился, что ли- шался вещей тѣхъ, копорыя вскорѣ умирая имѣлъ оставить. Немошнѣйшіе же, копо- рые богатство хоща не предпочитали Хрісту, однако нѣкопорымъ вожделѣніемъ привязаны были къ оному, тѣ сколько погрѣшили любя- щее, оное лишасть почувспвовали. Ибо споль- кожъ они печалились, сколько прежде объ оныхъ заботились, по вышепомянутому Апо- спольскому слову. Ибо надлежало, дабы тѣ наспавлены были самымъ опытомъ, копорые нерадѣли о наспавленіи словесномъ. Понеже когда сказалъ Апостолъ; „Хощіи обогатиси- „ся, впадаютъ во искушеніе. „ и проч. то все- неспремѣнно приспраспіе къ богатству оуж- далъ, а не самое богатство, когда на другомъ мѣстѣ повелѣлъ: „Богатымъ въ кинѣшнѣмъ вѣкѣ

„запрещай не высокоумдрствовать, ни уповать
 „на погибающее богатство, но на Бога жива,
 „дарующаго намъ вся обильно въ наслажденіе: да
 „дѣлають доброе, да богатящиса добрыми дѣ-
 „лами, да подають, да даруютъ другимъ, да
 „сокроуиществують себѣ основаніе доброе на
 „будущее время, да примутъ вѣчную жизнь. „
 Сіе которые дѣлали изъ своего богатства,
 пѣгобожаніемъ великаго прибытка въ
 маломъ убыткѣ утѣшались, и больше радова-
 лись о томъ, что распочивъ вѣрѣе сохранили,
 нежели скорѣли о томъ, что удержавъ удоб-
 нѣе потеряли. Ибо сіе могло на земли погиб-
 нуть, чего пожалѣли инуда пренести: понеже
 которые приняли совѣтъ Господа своего, гла-
 голющаго: „Не скрывайте себѣ сокровища на
 „земли, идѣже моліе и плія пліють, и идѣже
 „тапѣе подкочивають и крадутъ; но скрывай-
 „те себѣ сокровище на небеси, а може пзпѣ
 „не достигаютъ, и моліе не расплѣвають. (2) И
 „дѣже бо сокровище пвое, шу и сердце пвое
 „будетъ. Извѣдали опытомъ въ прискорбное
 время, сколь они благоразумны были, не пре-
 зирая неложнаго изспавника, и сокровища сво-
 его вѣрнѣйшаго и не препобѣдимаго Храниле-
 ля. Ибо ежели многіе радовались, что тамъ
 имѣли положенное богатство, куда не случи-
 лось непріятелю илпшн: колми паче справедли-
 вѣе радоваться могли, которые по наспавле-
 нію Бога своего пуда сокровище скрыли, ку-
 да никакой непріятель достигнуть не можетъ.
 Чего дѣя Паулинъ нашъ Ноланскій Епископъ,
 который изъ наибогатѣйшаго добровольно став-
 ши

ши нищимъ, но въ святости избыточествую-
 щимъ; когда самой городъ Нолу варвары опу-
 сношали, и содержали въ осадѣ, такимъ об-
 разомъ въ сердцѣ своемъ, какъ самъ послѣ
 намъ открылъ, молился: Господи не попусти,
 дабы меня мучили изъ злата и сребра: ибо гдѣ
 находишься все сіе, ты знаешь. (3) Понеже все
 свое имѣніе тамъ онъ хранилъ, гдѣ хранить и
 сокровиществовать совѣщивалъ и научалъ пошъ,
 который предсказалъ, что бѣдствіе на міръ
 имѣетъ приипи. И чрезъ сіе всѣ послушавшіи
 наспавленія Господа своего, которой изъяснялъ,
 гдѣ и какимъ образомъ скрывать сокровище
 надлежитъ, ни самыхъ земныхъ богатствъ,
 во время нашествія варваровъ не лишился.
 Которые же не сожалѣли о томъ, что не
 новинулись гласу учителя своего, пѣ, что съ
 таковыми вещми дѣлать должчо, когда пре-
 дварительно разумомъ опредѣлишь не хотѣли,
 послѣдовавшимъ попомъ опытомъ познали.
 Но добрые нѣкоторые христіане жестоко му-
 чены были, дабы открыли о своемъ имѣ-
 нии непріятелямъ. Пускай пзпѣ, но ежели
 они были прямо добрые, то ни показатъ ни
 лишились сокровища своего они не могли, ко-
 шогымъ сами они были. (4) Ежели же были
 мучимы, и не восхотѣли открытъ маммоны не-
 правды, (5) то они не были добрыми. Поучить
 ихъ надлежало, которые за злато столько
 претерпѣли, сколько за Христа спрдасть дол-
 женствовало: дабы они того наипаче любили,
 который спраждушихъ за имя свое вѣчнымъ
 обогащаетъ блаженствомъ, а не злато и сре-
 бро,

бро, за которое спирадаты нещастнѣйшее есть дѣло, которое сберегается лжею, ежели же испинну сказать, то открывається и похищаемо бываетъ. Ибо Христа въ мученіи исповѣдая никто не лишился, злата же никто не могъ уберечь не опрекшись и не запершись. Чего для полезнѣйшими можетъ спастись были мученія, копорыя научали благо неплѣнное любить, нежели то добро, которое безъ всякаго полезнаго плода обладающихъ собою мучило. Но многіе мучены и таковыя, копорыя ничего не имѣли, а только думали о нихъ, что имѣютъ. Можетъ быть таковыя имѣть желали, и не съ святымъ хотѣніемъ были нищими: копорымъ показать надлежало, что не богатство, но самое того возжеланіе таковыхъ достойно мученій. Ежели же изъ намѣренія пріобрѣсти лучший животъ, не имѣли сокровеннаго здѣсь злата и сребра, то не знаю, случилось ли кому изъ таковыхъ, дабы его мучили за то, что думали о немъ, аки бы онъ имѣетъ. Привсемъ томъ, ежели и сіе случилось, то конечно таковой исповѣдая въ мученіяхъ нищету свою, Христа исповѣдалъ. Чего для хотя ему непріятели и не повѣрили, однако не могъ таковой исповѣдникъ святой нищеты безъ небеснаго мздовоздаданія мученъ бытъ.

Глава первая надесять

О концѣ претяжной жизни какъ долголѣтней такъ и краткой.

Говорятъ также, что многіе Христіане долговременнымъ голодомъ изнурены. Но и сіе самое благовѣрные безъ роппанія снося, въ пользу себѣ обратили. Ибо кои голодомъ умерли, тѣ восхищены оны бѣдствій жизни, такъ какъ болѣзнію тѣлесною. Коихъ же голодъ не умертвилъ, тѣхъ научилъ воздержанію жизнь препровождать, научилъ долготременію поспѣться. Но многіе также Христіане убиты, многіе поносными видами смерти скончались. Сего за прискорбное почестъ не можно, понеже оно всѣмъ рожденнымъ на свѣтѣ есть общее. То одно знаю, что никто не умеръ, копорой бы не имѣлъ умереть. Конецъ жизни какъ долголѣтнюю, такъ и краткую дѣлаетъ одинаковою. Ибо ни одно не лучше, ни другое не хуже, ни одно болѣе, ни другое короче, когда все равно. Чпожъ въ томъ нужды, какимъ родомъ смерти жизнь сія ни оканчивается, когда томъ, чья жизнь оканчивается, впрочемъ умереть принуждаемъ не бываетъ. А какъ каждому изъ смертныхъ всегдашнимъ подверженныхъ случаямъ безчисленные угрожающъ смерти, и неизвѣстно, копорая кому приключится: то вопрошаю, что лучше, одну ли претерпѣть смерть умирая, (1) или всѣхъ спрашиваться живучи? Я вѣдаю, что нерадѣніе избираетъ лучше жить подъ страхомъ безчисленныхъ смертей, нежели од-

нѣжди умерши, ни одной болѣе не страшитъ-
ся. Но иное естъ, чего робкостъ плѣсныхъ
чувствъ уклоняется; иное что здравый ра-
зумъ справедливымъ признаваетъ. Злою смерть
почитать не должно, которую предварила
добродѣтельная жизнь. Ибо ничто не дѣлаетъ
смерти злою кромѣ того, что слѣдуетъ по-
слѣ смерти. И такъ не много заботиться о
томъ должно тѣмъ, коимъ по необходимости
умереть надлежитъ, что такое приключилось,
и скорое было виною ихъ смерти, но о томъ
разсуждать имъ поспѣшно, куда по смерти
селятся. Почему когда извѣстно Христіа-
нъ, что несравненно лучшею была смерть
блѣднаго нищаго (Лазаря) (2) который
кончину своей не имѣлъ никого предстоя-
щаго, кромѣ псовъ лижущихъ раны его, не-
жели и нечестиваго богача въ порфирѣ и вис-
соцѣ: (3) то ужасныя оныя виды смертей
какой вредъ причинили тѣмъ, которые бла-
гоуравно жизнь препроводили?

Глава втораядесять

*О погребеніи человѣческихъ тѣлъ, которое
хотя въ христіанамъ было позвранено, ника-
кого не дѣлаетъ вреда.*

Но въ пошлюкомъ множествѣ пораженныхъ
тѣлъ многіе непогребенными (изъ христіанъ)
ошались. Однако вѣра того не спрашивается,
воображая то, что предречено, а имянно, что
трупы оныя снѣдающіе звѣри, тѣламъ, кой
воскреснутъ имѣютъ, вреда причинить не мо-
гутъ,

гунъ, когда „и власъ главы не погибнетъ.“ Ибо
не сказала бы истинна: „Не убойтесь отъ уби-
вающихъ тѣло, души же не могущихъ убить;“,
ежели бы по вредъ какой либо причинило, что
враги съ тѣлами умерщвленныхъ дѣлають хо-
тѣли. развѣ кто същется споль несмысленъ,
который будетъ прекословить, что тѣхъ,
кои убиваютъ тѣло, не должно бояться
прежде смерти, дабы они не умертвили тѣла,
но что боясь надлежитъ, дабы они не воз-
бранили, чтобъ тѣло погребено не было.
Слѣдовательно ложно то, что Христосъ гово-
ритъ: то естъ, что тѣ, кои убиваютъ тѣ-
ло, по смерти не могутъ ничего болѣе дѣ-
лать. Ежели имѣютъ власть великое нѣчто
дѣлать надъ тѣлами. Не дай же Богъ, чтобъ
то было несправедливо, что сказала истинна.
Ибо сказано, что убивающіе тѣло нѣчто
дѣлають убивая тѣло, понеже естъ чувство
въ тѣлѣ умерщвляемомъ: а послѣ того не имѣ-
ютъ силы дѣлать что либо, понеже въ тѣлѣ
умерщвленномъ нѣтъ уже болѣе чувства. И
такъ многія тѣла христіанъ ошались землею
не покровенны: привсемъ томъ ни одного изъ
нихъ отъ неба и земли оплучилъ, которую
наполняютъ вездѣсущіемъ своимъ Той, Кото-
рой знаешь, откуда воскресить собою соз-
данное. Правда пишется во Псалмѣ: „Поло-
жиша трупъ рабъ пвоихъ брашно пшцамъ
небеснымъ, плоти преподобныхъ пвоихъ
звѣремъ земнымъ. Проліяша кровь ихъ яко
воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погре-
баны;“ (1) Но сіе сказано наипаче для увели-
ченія

ченія варварства тѣхъ, кои то учинили, нежели ради несчастія тѣхъ, кои оное претерпѣли. Ибо хоща оное въ разсужденіи зрѣнія людскаго и кажется жестокиѣ и немилосерднымъ; но „честна предъ Господемъ смерть „преподобныхъ его“. И для того все то, что есть приуготовленіе къ погребенію, балсамованіе, погребашелныя церемоніи, болѣе служатъ къ утѣшенію живыхъ, нежели къ ползѣ умершихъ. Ежели бы пользу дѣлало нечестивому (2) богатое погребеніе; то другимъ причинялобы вредъ убогое, а наипаче ежелибы кто либо не удостоился никакого. Знаемое погребеніе въ разсужденіи зрѣнія людскаго учинили рабы богатому оному облачающемуся въ порфиру: но несравненно знаменитѣйшее здѣлали Ангели оному нищему гноемъ обтекшему, которые не въ мраморной его опнесли гробъ, но пренесли на лоно Авраамово. Смыются сему тѣ, проповѣдъ коихъ мы защищаемъ градъ Божій предприняли: (3) привсемъ томъ и Философы ихъ презирали попеченіе о погребеніи, (4) и всѣ арміи, за земное сражаяся опечество, и умирая, не заботились о томъ, въ какомъ мѣстѣ, и какимъ звѣремъ въ пищу они доспанутся. (5) И спиховорцы съ одобреніемъ о томъ говорятъ „: (6) Небомъ покрывается, кто не „имѣетъ гробницы“. Слѣдовательно тѣмъ меньше должны насъ (язычники) упрекать не погребенными тѣлами христіанъ, которымъ общано и самага тѣла, и членовъ всѣхъ возобновленіе не только отъ земли самой, но и изъ внутреннихъ нѣдръ другихъ стихій, въ

ко-

которыя трупы обрапились, имѣющія „въ „мгновеніи ока“, (7) возвращены бытъ и возобновлены.

Глава Третьянадцатая

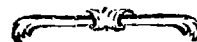
Какая есть цѣна погребать тѣла Святыхъ.

При всемъ томъ не должны безъ погребенія повергать тѣла умершихъ, а особливо Святыхъ и вѣрныхъ, которыхъ какъ бы орудій и сосудовъ на всѣ добрыя дѣла употреблялъ духъ Святой. Ибо ежели родительская одежда или перстень и прочее таковое тѣмъ бывающъ приипнѣ, чѣмъ кто болѣе къ родителемъ пламенѣетъ любовію: то кольми паче не надлежитъ презирать тѣхъ, которыя намъ свойственны и союзны, нежели всякое носимое нами одѣяніе. Ибо оныя не къ украшенію (1) или къ вспомошествованію наружному, но къ самой природѣ человѣческой принадлежатъ. Почему и древнихъ Святыхъ о тѣлахъ должное прилагается было попеченіе къ погребенію, и опираемо было самое погребеніе и поминаеніе. И сами они будучи въ живыхъ о погребеніи своихъ тѣлъ, или о пренесеніи оныхъ, попомкамъ заповѣдывали. И Товія (2) погребая мершыхъ, обрѣлъ благодать предъ Богомъ, какъ свидѣтельствовалъ Ангелъ. И самъ Господь, который имѣлъ въ третій день воскреснуть, благоговѣйной жены доброе дѣло (3) проповѣдаетъ, и повелѣваетъ проповѣдывать, которая драгоценный мѣръ излуда на члены

ег;

его, и устроила его на погребеніе. И съ похвалою также въ Евангеліи воспоминаюся тѣ, копорые снявъ съ креста тѣло Его, тщаельно обвили, и погребенію предали. (4) Но сіи примѣры не по намъ внушаюпѣ, акибы въ трудахъ находися нѣкое чувствіе, но означаюпѣ, что къ Божію промыслу, копорому таковыи челоѣколюбныи дѣла благоугодны, и тѣла умершихъ принадлежатѣ, ради утвержденія вѣры вразсужденіи воскресенія. Въ сихъ дѣйствіихъ и о томъ даеся намъ знапѣ, коликое есѣ воздаяніе за милоспныи, (5) копорыи мы живущимъ и чувспвующимъ раздаемъ; когда у Бога и по не забвенно, что безчувспвеннымъ тѣламъ по долгу оказываемъ. Правда находися и другія примѣры Святыхъ Папріарховъ, (6) копорые что о погребеніи или пренесеніи тѣлъ своихъ ни завѣщавали, все по какъ пророчеспво разумѣпѣ должно: однако здѣсь намъ не мѣсто о томъ говорипѣ, когда довольно мною сказаннаго. И ежели попребное для продолженія жипія живыхъ, какъ по пища и одѣяніе, хотя не не огорчипельно, когда оныхъ не достаепѣ, однако не преодолаиваюпѣ въ добродѣшельныхъ къ претерпѣнію и сношенію того крѣпости, и не испребляюпѣ омпѣ сердца благоговѣнія, но наипаче дѣлаюпѣ по искушеніи оную плодоносѣйшею: по можепѣ ли здѣлапѣ нещасными покоящихся уже въ сокровенныхъ святыхъ храмахъ, недостапокъ и лишеніе того, что при погребеніи наблюдаепся умершихъ? И такъ когда во время разоренія Рима или другихъ городовъ сего

сего лишилися многія Хрістіанскія тѣла погребенія, въ томъ нѣпѣ вины ни въ живыхъ оставшихся, поелику они того учинипѣ были не въ силахъ, ни знака наказанія мертвыхъ, копорые уже того не могли чувспвовать.

Глава чешвертаянадесять.

О плѣненіи Спятыхъ, которыи никогда Боже-скаго утѣшенія лишаемы не были.

Говоряпѣ также, что многіе Хрістіане въ плѣнѣ опшвены. Правда великое было бы сіе нещаспие, ежелибы они въ такое мѣсто заведены были, гдѣбы не могли найпѣ Бога своего. Находися въ Священномъ Писаніи величайшіи въ семъ случаѣ утѣшенія, были въ плѣнѣ три опроки, (1) былъ Даніилъ, были другіе Пророки, (2) и Богъ пребывалъ съ ними утѣшая ихъ. И такъ не оставилъ Богъ вѣрныхъ своихъ, когда были они подѣ владѣніемъ варварскаго народа, копорой не оставилъ Пророка во чревѣ киповѣ. (3) И сему они, поестѣ тѣ, пропипѣ коихъ мы пишемъ, смѣюпся, и не вѣрияпѣ: а сами напротивъ въ своихъ книгахъ за истипное признаваюпѣ, что Аріонъ Мисимнійскій знапный гуслиспѣ, (4) когда бросилъ изъ корабля въ море, подхваченъ былъ дельфиномъ (свиньєю морскою) и на маперую землю вывезенъ. Однако наша онаи о Іонѣ Пророкѣ повѣспѣ невѣрояпѣе? Совершенно невѣрояпѣе, понеже чуднѣ, и чуднѣ потому, понеже могущеспвеннѣе.

Глава пятнадцатая.

О Регулѣ, который представляетъ на себѣ примѣръ плѣна за законъ добродѣльно претерпѣваемаго: что однако ему было бесполезно, понеже почиталъ боговъ.

Имѣяиши однако и они, что должно за законъ добровольно претерпѣвать плѣнъ, между своими знаменитыми мужами примѣръ. Маркъ Аттилій Регулъ (1) полководецъ Римскій въ плѣнъ взявъ былъ Карфагенцами, которые желая наипаче того, дабы возвращены были ихъ воины, коихъ плѣнили Римляне, нежели содержа въ себя римскихъ плѣнниковъ; то для испрошенія того послали съ прочими послами и сего Регула, взявъ отъ него клятвенное обѣщаніе, чтобъ онъ возвратился въ Карфагенъ, ежели желаемого ими не исходатайствуютъ. Оправился онъ, и прибывъ въ Римъ, совѣтовалъ въ сенатѣ желанію Карфагенцовъ прошивное, понеже онъ признавалъ не полезнымъ для республики Римской разбѣнъ учинить плѣнникамъ. Послѣ того совѣта не принуждали его Римляне возвратиться къ Карфагенцамъ. Но онъ какъ клялся, такъ не принужденно то и исполнилъ. А Карфагенцы его нововымышленными и спрашными умеривили мученіями. Ибо заключивъ его въ тѣсную нѣкотораго рода бочку набитую со всѣхъ сторонъ гвоздми оспирѣвшими, дабы онъ принужденъ былъ споя не обращаться ни куда безъ жесточайшихъ терзаній; безсонницею уморили. (2) Достойно подлинно выхва-

хваляюиъ мужество превышающее послѣ величайшее нещастіе. Богами онъ клялся, за возбраненное коихъ почитаніе, говоряиъ нынѣ, шакія бѣдствія роду человѣческому приключились. Такъ какимъ же образомъ ихъ почитали, дабы они сію жизнь дѣлали благополучною, когда справедливо клявшемуся и кляпвы не преступившему или восхопѣли или попустили шакимъ подпасъ мученіямъ, копорыхъ болѣе и на самыхъ вѣроломцовъ и клятвонарушителей навести не могли. Но для чего разсужденія своего не заключаю Дилеммою? Ежели подлинно почиталъ онъ Боговъ, когда ради данной кляпвы не хотѣлъ ни въ опечесствѣ своемъ оспаться, ни въ другое какое удаиъсь мѣсто, но разположилъ возвратиться къ безчеловѣчнымъ непріателямъ; сіе ежели онъ полезнымъ для здѣшней жизни почиталъ, копорыя онъ полъ ужасный конецъ получилъ, то безъ сумнѣнія онъ обманывался, и ошибался. Ибо своимъ доказалъ примѣромъ, что боги вразсужденіи благополучія сея жизни ни мало не помогаютъ своимъ почитателямъ, когда самъ онъ крайне предавшійся ихъ почитанію, и побѣжденъ и плѣненъ: и понеже не хотѣлъ иначе поступить, а только такъ, какъ онъ чрезъ боговъ клялся, то новымъ и неслыханнымъ казни видомъ мученъ бывши, лишился жизни. Ежели же почитаніе боговъ послѣ сей жизни вмѣсто воздаянія даруетъ благополучіе, то для чего клеветуиъ на христіанскія времена, говори, что для того бѣдствіе Риму приключилось, понеже онъ

боговъ своихъ почиташъ преспалъ, когда томъ же Римъ щадательно почитая боговъ, могъ также несчастливымъ быть, какъ и оный Регулъ? Развѣ можетъ быть кто прошивъ очевидной истинны, зараженъ будучи безуміемъ чудной слѣпоты, спанетъ прекословить, и говорить, что цѣлой городъ почитающій боговъ несчастливымъ быть не можетъ, а одинъ человекъ можетъ: понеже могущество ихъ боговъ многихъ наипаче сохранитъ въ силахъ, нежели каждаго особенно: когда извѣстно, что множество соспоитъ изъ чистыхъ и особенныхъ лицъ. Когда же говоритъ, что Маркъ Регулъ въ самомъ плѣнѣ, въ самыхъ оныхъ тѣлесныхъ мученіяхъ, могъ быть блаженнымъ вразсужденіи душевной добродѣтели: слѣдовательно истинную добродѣтель долженъ снискивать городъ, дабы возмогъ быть блаженнымъ. Ибо не опѣинуда бываетъ городъ благополучнымъ, и не опѣинуда человекъ: когда городъ не что другое есть, какъ согласное множество людей. Чего для я теперь не вхожу въ разбирапельство того, каковая была въ Регулъ добродѣтель. Довольно того, что симъ знаменитымъ примѣромъ принуждены они признасться, что боговъ почиташъ надлежитъ не для тѣлесныхъ благъ, или тѣхъ вещей, которыя по наружности намъ приключаются: когда Регулъ лучше восхотѣлъ всего сего лишиться, нежели раздражитъ боговъ, коими клялся. Но что дѣлать съ такими людьми, которые хвастаются, что такового имѣли гражданина, каковы

вымъ не хотятъ имѣть цѣлаго города? Ежели они не спрашались, то пускай признаются, что могло приключиться нѣчто такое городу Риму щадательно боговъ почитающему, что приключилось Регулу, и на христіанскія времена пускай не клеветуютъ. Но понеже начался вопросъ о христіанахъ тѣхъ, кои въ плѣнъ отведены: то пускай посмотришь на свой примѣръ, и умолкнутъ, которые спасительному благочестію безстыдно и безумно насмѣхаются. Понеже естли для боговъ ихъ не было поносительно, что усерднѣишій ихъ почиташель, чтобъ не быть данной онымъ кляшвы нарушителемъ, лишился опечесива, когда другаго не имѣлъ, и плѣненъ будучи у непріятелей томною смертію, и мученіемъ новаго безчеловѣчія умерщвленъ: тѣмъ меньше должны поносить имя Христіанское, что Христіане, то есть, находясь въ плѣнѣ, которые горняго опечесива по неложной вѣрѣ ожидая, и въ своихъ жилищахъ почитали себя спранниками и пришельцами.

Глава шестнадцатая.

Блудодѣйствіемъ, которое можетъ быть претерпѣли и добродѣтельными дѣлцами могли оскверниться добродѣтель душевная безъ соизволенія.

Думаютъ, что великое нѣчто предлагаютъ Христіанамъ, когда увеличивая ихъ плѣненіе, прибавляютъ, что многія подѣланы блудодѣйства Христіанкамъ, не только за-

мужнимъ, и дѣвицамъ обрученнымъ въ замужство, но и нѣкоторымъ монахинямъ. Въ семъ случаѣ не вѣра, не набожность, не самая добродѣтель, нарицаемая цѣломудріемъ или чистотою, но наше соспязаніе между спыдомъ и благоразуміемъ нѣкоторымъ образомъ спѣсняется. Мы не о томъ здѣсь попеченіе прилагаемъ, дабы иновѣрцамъ данъ оповѣсть, какъ, чпобъ нашимъ единовѣрнымъ подавъ утѣшеніе. И такъ пускай почтено будетъ за истинное, что добродѣтель, коею право живетъ человекъ, изъ жилища душевнаго членами плѣсными управляется, и плѣло святымъ бываетъ чрезъ употребленіе святой воли. Которое ежели неоспоримо и твердо, то во всемъ, что другій о плѣлѣ или въ плѣлѣ ни учинилъ, чего безъ собственнаго грѣха избѣжать не можно, нельзя почести виновнымъ претерпѣваго. Но понеже не только что касается до болѣзни, но и похоти, въ плѣлѣ чуждомъ все содѣлано быти можетъ, то все, чпобъ таковое содѣлано ни было, хотя твердоости цѣломудрія душевнаго не повреждаетъ, однако спыдъ наводитъ; дабы не подумалъ кто, что оное претерпѣно съ соизволеніемъ душевнымъ, которое можетъ спастись безъ нѣкотораго плѣснаго удовольствія быти не могло. И по сему, которые себя умертвили, дабы чего таковаго не пострадать, какой немилосердый оныхъ не извинитъ? и которые умертвили себя не восхотѣли, дабы не убѣжать чужаго злодѣянія и беззаконія, самоубійствомъ, плѣмъ ежели кто сіе въ порокъ причнетъ, тотъ самъ не избѣжитъ порока безумія.

Глава

Глава седмаянадесять.

О самоизвольной смерти по причинѣ страха казни или безчестія.

Когда не позволяется часпною властію никому убити человека, или злодѣя: которой вольности никакой законъ не даетъ: то и тотъ всенепремѣнно есть человекоубійцею, которой самага себя убиваетъ. И плѣмъ виноватѣ бываетъ, когда себя умертвилъ, чѣмъ менѣе вины имѣлъ, за которую себя умертвилъ рѣшился. Ибо ежели поступокъ Іудинъ (1) достойно проклинаемъ, и признаемъ, что его истинна судилъ, (2) и вѣдаемъ, что онъ удавленіемъ себя, беззаконнаго онаго предательства не только не очистилъ, но наипаче увеличилъ оное, понеже опчаяваясь милосердія Божія, и погибельно (3) раскаяваясь, никакого себѣ мѣста къ спасительному покаянію не оставилъ: кольми паче воздерживаться долженъ отъ убіенія себя тотъ, который не находилъ въ себѣ таковой казни достойнаго. Ибо Іуда себя умертвивъ, умертвилъ беззаконника: однако жизнь скончалъ виновнымъ и въ Христовой смерти и своей; понеже за свое злодѣяніе, другимъ злодѣйствомъ лишилъ себя жизни.

Глава осмаянадесять.

О насильственномъ влудѣйствіи, которое душа въ насилуемомъ тѣлѣ безъ соизволенія претерпѣваетъ.

И такъ для чего человекъ, которой ничего худаго не дѣлаетъ, себѣ злодѣйствовать

будетъ, и себя самого убивая, челоѣка убиваѣтъ невиннаго, дабы не пострадать чего оуи злодѣющаго, и надѣ собою дѣлаѣтъ беззаконіе собственное, дабы не претерпѣть беззаконія чуждаго? Но челоѣкъ боится, дабы не осквернила его чужая похоть. Не оскверниѣтъ, ежели будетъ чужая. Есѣли же оскверниѣтъ, то не будетъ чужая. Но когда цѣломудріе есѣ душевная добродѣтель, и общицею имѣетъ другую добродѣтель мужество, (1) коѣорое всякое зло претерпѣваѣтъ наипаче, нежели на оное соглашаѣтся намѣреваѣтъ: ни одинъ же мужественный (2) и цѣломудренный челоѣкъ не имѣетъ во власти своей того, что надѣ тѣломъ его дѣлаѣтся, а только то, на что онѣ соглашается, или что оувергаетъ умомъ. И такъ кто изѣ благоразумныхъ вообразиѣтъ себѣ, что онѣ теряѣтъ цѣломудріе, когда въ обыкномъ и припѣсненномъ его тѣлѣ исполняется чуждая похоть? Ибо ежели такимъ образомъ цѣломудріе погибаетъ, то уже цѣломудріе не будетъ добродѣтелию душевною, и не будетъ принадлежать къ тому благу, (3) коѣорое составляетъ изрядство въ жизни, но считаѣтся будетъ между тѣлесными благими: каковыми сущѣ, силы, красота, совершенное здравіе, и подобное таковое, изѣ коихъ хотя иное и уменьшается, (4) однако тѣмъ самимъ благая и праведная жизнь не умаляется. Ежели цѣломудріе есѣ изѣ числа таковыхъ, то для чего тѣщимся сѣ бѣдствиѣмъ даже тѣлеснымъ берегаѣтъ оное? А ежели оно есѣ душевнымъ

добромъ, то и тогда, когда насиліе претерпѣваетъ тѣло, оно не погибаетъ. (5) Но что болѣе? Оно есѣ благомъ сѣяпаго воздержанія, когда нечистотѣ тѣлесныхъ вожделѣній не повинуетъ, и самое тѣло освящаетъ. И потому, что оно тѣмъ не покаряѣтся, и чистота въ самомъ тѣлѣ не погибаетъ, (6) понеже оное свято и Богоугодно употребляетъ продолжается хотѣніе, также, сколько силъ есѣ, возможность. Ибо тѣло не тѣмъ есѣ свято, что члены его не повреждены, или тѣмъ, что никакихъ прикосновеній не претерпѣли, когда можетъ различными случайностями уязвленное претерпѣваѣтъ насиліе: и врачи иногда помогая здравію, то надѣ нимъ производяѣтъ, чего взоръ ужасается. Повивальная бабка нѣкоѣорой дѣвицы испытывая рукою непорочность, или по злобѣ, или по невѣжеству, или по случаю, оную нарушила. Я не думаю, чтобы кто былъ столь безуменъ, коѣорой бы подумалъ, что она дѣвица потеряла непорочность тѣлесную, коѣорой нарушены уды. И такъ ежели намѣреніе претерпѣваѣтъ твердо, чрезъ коѣорое освящается и тѣло, то не лишаетъ челоѣка насиліе чуждой похоти, свястости тѣлесной, коѣорую охраняѣтъ неизмѣняемость собственного воздержанія. Или ежели бы какая либо жена принявъ развращеніе въ мысли, и нарушивъ намѣреніе, коѣорое Богу обѣщала, спремилась къ прелестнику своему, то не уже ли оную назовемъ по тѣлу святою, коѣорая потеряла святость душевную, коѣорую освящалось тѣло?

ло? Никакъ. Мы отсюда должны научаться, что не погубляется святость плѣсная, когда невреждена пребываетъ святость душевная: такъ какъ теряется святость плѣсная, когда нарушается святость душевная, хотябы плѣсу никто не прикасался. И потому, когда не имѣетъ ничего въ себѣ жена самопроизвольной смерти достойнаго, которая безъ своего на то соизволенія претерпѣла насиліе, и обременена грѣхомъ чужимъ: то кольми паче не должна она дѣлать извѣснаго чело-вѣкоубійства, когда опасается во первыхъ чужаго, во вторыхъ неизвѣснаго беззаконія. Что? Не уже ли противъ сего яснаго доказательства, которымъ утверждаемъ, что въ насилуемомъ плѣбѣ, безъ нарушенія намѣренія чистоты съ другой стороны, и безъ соизволенія на оное беззаконіе, тотъ беззаконнымъ считается, который учинилъ насиліе, а не та, которая насиліе претерпѣла безъ соизволенія; оправдаваясь вооружиться плѣ, противъ коихъ мы предприняли защищать Христіанскихъ женъ, насилуемыхъ въ плѣбѣ, не только душевную святость, но и плѣсную.

Глава девятнадцатая.

О Лукреціи, которая насилуемая бывши, себя умертвила.

Лукрецію (1) древнюю благородную жену Римскую за цѣломудріе безмѣрными превозносятъ похвалами. Ей, когда насиліе учинилъ Тарквинія царя сынъ, то она о злодѣяннѣ ре-
по-

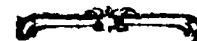
потребнаго юноши мужу своему Коллатину, и родственнику своему Бруту открыла, мужамъ знаменитымъ, и оныхъ къ мщенію (2) за то клятвою обязала. Наконецъ сожалѣя о такомъ поруганіи ей причиненномъ, сама себя умертвила. Что скажемъ? прелюбодѣицею ли ея или непорочною почтемъ? Кто подумаетъ, что въ семъ вопросѣ заключается какая либо трудность? Изрядно нѣкто и справедливо сказалъ: „Удивленія достойно, двое были, и одинъ прелюбодѣяннѣ учинилъ.“, Блестительно и истинно. Ибо смотря онъ на смѣшеніе двухъ плѣбъ, примѣшилъ одного наигнуснѣйшее вожделѣніе, другой наинепорочнѣйшее хотѣніе: и не тому внималъ, что дѣлалось соединеніемъ членовъ, но что происходило въ разности мыслей: „Двое, говорилъ, были, и одинъ прелюбодѣяннѣ содѣлалъ. Но нѣтъ ли чего въ оной большаго мщенія достойнаго, нежели въ томъ, который учинилъ прелюбодѣяннѣ? Онъ изъ опеченства и съ опцемъ своимъ изгнанъ: а сія послѣднюю и крайнюю казню претерпѣла. Ежели не почищается то нецѣломудріемъ, когда жена безъ соизволенія насиліе претерпѣваетъ: то не можетъ быть правосудіемъ, когда непорочная казню принимаетъ. Васъ призываю судіи Римскіе и законы. Васъ, которые по учиненіи злодѣяннѣ никакого злодѣя, (3) не произведши надъ нимъ суда, не соизволяли умертвить. Ежелибъ вамъ кто либо довелъ о такомъ пресупленіи: и вы утвердили бы, что не только казни она не достойною буду-

чи, но и непорочною и невинною умершвлена: то не казнили бы вы жеспотчайшею казнію того, котораго оное учинил? Но сіе учинила оная Лукреція, оная, говорю, вами прославленная Лукреція. Она невинную, непорочную, насиліе претерпѣвшую Лукрецію умершвила. Учините вы приговорѣ. Ежели онаго для того учинить не можете, понеже нѣтъ той предъ судомъ, которую бы осудить на казнь долженствовали: то для чего вы убійцу непорочныя и непорочныя толико превозносите похвалами? для чего оная у преисподнихъ судей, которые вашихъ спихотворцовъ описываются списками, нисколько не защищаете? то есть, не избавляете ея отъ казни, которая у нихъ опредѣлена (4) „на тѣхъ, кои смерть себѣ причинили безъ всякой виновности своими „руками, и возненавидѣвъ свѣтъ, извергли свои „души, которыми, когда онѣ спремались въ „горня, судьба не попускаетъ, тѣмъ, что окру- „жаетъ ихъ Озеро, по которому плыть не „возможно.“ Или можете спастись ея тамъ нѣтъ, понеже она себя не напрасно, но признавая себя по совѣсти участницею въ преступленіи, умершвила? Ибо можете быть она, хотя юноша и нагло успремился на нее, однако внутренно пронута будучи имѣющимъ послѣдовать удовольствіемъ, была на то согласна, о чемъ ей одной (5) было извѣстно: и оное въ себѣ самой казня, въ такую впала печаль, что расположилась оное очистишь смертію: хотя и тогда не надлежало ей себя умершвить, когда не безплодное могла лож-
нымъ

нымъ своимъ богамъ принести покаяніе. И ежели оно такъ, и ложно то, что „были „двое, и одинъ прелюбодѣяніе учинилъ:“ но справедливе сказать, что оба прелюбодѣяніе содѣлали, одинъ явнымъ нападеніемъ, другая тайнымъ соизволеніемъ, то она себя умершвила по винѣ, и для того могутъ ученые ея защитники увѣрять, что ея у преисподнихъ нѣтъ между тѣми, кои невинно себя умершвили. При всемъ томъ защита сія съ обоихъ сторонъ ослабѣваетъ, такъ, что ежели скрыть человекоубійство хотятъ, то утверждають прелюбодѣйство, и когда желаютъ ея оправдать въ прелюбодѣйствѣ, то обнажаютъ человекоубійство. И подлинно не возможно ея оправдать, (6) когда вопрошается такимъ образомъ: Ежели она прелюбодѣица, то для чего похвалами ея превозносятся? а ежели она цѣломудренна, то для чего сама себя умершвила? Однако изъ сего знашнаго ихъ жены примѣра на возраженіе тѣмъ, кои поносительно говорятъ о Хрістіанскихъ женахъ, не имѣя сами никакого понятія о святости въ плѣнѣ насилуемыхъ: довольно того, что въ числѣ знашыхъ Лукреціи выхвалять: „двое „были, и одинъ прелюбодѣяніе учинилъ.“ Ибо таковою отъ нихъ почитаемая была Лукреція, что никакимъ прелюбодѣйственнымъ не могла себя осквернить соизволеніемъ. И такъ что она сама себя, поелику претерпѣла прелюбодѣйство, не прелюбодѣицу умершвила, сіе не есть знакомъ любви къ цѣломудрію, но немоущію стыда. Ибо заирала она себя въ мерзос-
сти

спи чужей, ею претерпѣнной, хотя безъ соизволенія: и она будучи Римляною (7) алчною въ славѣ, чрезвычайно успрашавася того, дабы не почли, что она не безъ соизволенія по претерпѣла, ежели не докажетъ своею кончиною, что насильственно оное надъ нею учинено. Чего для при зрѣніи людскомъ въ свидѣтельство души своей оную казнь себѣ нанесла, которыми совѣспи своей показатъ не могла. Ибо стыдилась почитаема быть общницею, ежели она станетъ сносить по терпѣливо, что другіи надъ нею учинилъ гнусно. Жены Хрістіанскія того не здѣлали, которыя претерпѣвъ подобное, не лишили себя жизни, и на себѣ не опмщевали преступленій чужихъ, дабы чрезъ то къ чужимъ преступленіямъ, не прибавили своего беззаконія: то есть, дабы, когда непріятели причинили имъ насиліе, изъ стыда не здѣлались самоубійцами. Ибо имѣютъ внутрь себя славу чистоты, „свидѣтельство совѣспи своей“, (8) имѣютъ же сіе предъ очами Бога своего, и не ищутъ болѣе, кромѣ того, дабы не удались отъ закона Божія, хотя и не могутъ избѣжать отъ подозрѣній людскихъ.

Глава двадесятая.

О томъ, что нѣтъ въ Священномъ Писаніи никакого пожеланія, которое въ Хрістіанамъ отдавало право въ самопроизвольной смерти.

Не напрасно въ Священныхъ правильныхъ книгахъ нѣтъ нигдѣ ни повелѣнія, ни позволенія, дабы мы ниже ради полученія безсмертія, или чтобы избавившись отъ какого либо бѣдствія, сами себя убивали. Ибо разумѣть должны, что намъ оное и запрещено, когда законъ говорилъ: „Не убій“,: особливо, что не приложилъ: ближняго своего: такъ, какъ запрещающесвидѣтельствовать, сказалъ: „Не свидѣтельствуй на ближняго своего свидѣтельства „ложна“. Однако не можно почитать, что тотъ отъ сего преступленія свободенъ, которой пропивъ самаго себя свидѣтельствующа ложно: понеже любитель ближняго, правило любленія, беретъ отъ самаго себя; когда писано: „Возлюбиши ближняго своего, яко самъ „себе“. И такъ ежели повиненъ есть въ преступленіи закона тотъ, кто ложно на себя свидѣтельствуетъ, равно какъ бы онъ свидѣтельствował на ближняго: когда въ оной заповѣди, копорою ложное свидѣтельство запрещается, возбраняется лжесвидѣтельствовать на ближняго, и можетъ несмысленнымъ казаться, что не запрещено на себя ложно свидѣтельствовать: то кольми паче разумѣть надлежитъ, что возбранено человеку убивать самаго себя, когда въ оной заповѣди: „Не „убій“, безъ всякаго прибавленія написанной,

ни самъ шопѣ, кому повелѣвается, не исключенъ. Чего для нѣкоторые щитаются доказывать, что сія заповѣдь простирается и до скоповъ и звѣрей, и прекословятъ, что и оныхъ убивать не позволено. Но ежели такъ, то для чегожъ не простираютъ оной заповѣди и до правъ и прочаго, что кореніями въ землѣ водружается? Ибо и сей родъ вещей хопи не чувствуютъ, (1) однако живепѣ: а шѣмъ самимъ можепѣ и умираепѣ; равно когда насиліе ему причинено будепѣ, и убипѣ быепѣ. Почему и Апостолъ, о таковыхъ сѣменахъ говоря, „Ты,, сказываепѣ, „еже сѣеши, не оживепѣ, аще первѣе не умрепѣ.,, И во псалмѣ написано: „Уби градомъ винограды ихъ.,, И такъ не уже ли чрезъ то, когда слышимъ: „Не убій:, испоргаютъ распѣнія почитемъ за беззаконіе, и сѣ Манихеями заблуждаютъ несмысленно согласимся? Чего для оспавивъ таковое безумство, когда читаемъ: „Не убій:, ежели не разумѣемъ сего о распѣніяхъ; поелику въ нихъ нѣпѣ никакого чувства: то ниже о живошныхъ безсловесныхъ, летающихъ, плавающихъ, ходящихъ, и пресмыкающихся или ползающихъ: понеже разумомъ и словесностію сѣ нами не соединяются, копорой имъ равно сѣ нами не дано: почему праведнымъ Божіимъ устройепемъ и жизнь ихъ и смерть, нашимъ служатъ употребленіемъ. И такъ оспавемъ, чтообъ мы разумѣли о людехъ то, что сказано: „Не убій:, то епѣ другаго; слѣдовательно и самаго себя. Ибо убивающій себя, не другое что убиваепѣ, какъ чепѣка.

Глава двадешаъ первая.

О убійствахъ людей, которыя беззаконіемъ чепѣкоубійства не почитаются.

При всемъ томъ шойже самый Божій законъ дѣлаепѣ нѣкоторые изыянія, и позволяепѣ убивать чепѣка: то епѣ копораго Богъ умершвивъ повелѣваепѣ, какъ закономъ даннымъ, такъ повелѣніемъ на время для нѣкой особы опкрытымъ. Не самъ же шопѣ убиваепѣ, копорый обязанъ услугою повелѣвающему, равно какъ спомоществованіемъ епѣ мечъ употребляющему. И пошому прошивъ сей заповѣди, въ коей сказано: „Не убій,, шѣ не послушили, копорые по Божію повелѣнію (1) войны имѣли: такъже и шѣ, кои нося на сѣбѣ общественныя власти лице, по Божію закону, то епѣ по повелѣнію правосудія преступниковъ предавали смерти. И Авраамъ не шолько не охужденъ и не обвиненъ въ порокъ жестокости, но и похваленъ набожностію, копорой соизволилъ сына не законопреступно, но изъ повиновенія Богу умершвивъ. И не напрасно вопрошаютъ нѣкоторые: надлежитъ ли почитаепѣ за повелѣніе Божіе, что Іефѣай (2) дочъ ему на спрѣчу изшедшую умершвилъ, когда онъ обѣщался то принеспѣ Богу на жертву, что при возвращеніи его сѣ сраженія первое на спрѣчу ему попадепѣ. И Самсона (3) инаково не извиняютъ, копорой себя самаго сѣ непріятелями разрушивъ домъ умершвилъ, какъ шолько шѣмъ, что Духъ Свяшій шайно оное повелѣлъ ему учинитъ, копорый чрезъ него

него чудодѣйствовалъ. И такъ выключивъ се, шоесть, когда или законъ праведный вообще, или самый источникъ правды Богъ особенно повелѣваетъ умертвить, всякъ кто или самого себя, или другаго кого убьетъ, повиненъ естъ преступленію челоукоубійства.

Глава двадцатьшъ вторая.

О томъ, что смерть самопроизвольная никогда не можетъ принадлежать къ великодушію.

И когорые сами надъ собою шо учинили, тѣхъ можетъ быть многіе хопя не заблагодаруміе, но по крайней мѣрѣ за великодушіе похвалы достойными почитаютъ. Однако ежели здравѣе разсудить, шо таковой поступокъ несправедливо называется великодушіемъ, когда кто либо не въ силахъ будучи снести или шого, что каженъся жестокимъ, или чужихъ преступленій, самого себя умертвилъ. Ибо въ таковомъ челоуки примѣчается наипаче разумъ немощнымъ, копорой снести не можетъ, или жестокаго тѣлеснаго рабства, или безумнаго народнаго мнѣнія. И посправедливости великодушнѣйшимъ шого названъ должно, копорой бѣдственную жизнь препертвовать наипаче можетъ, нежели удаляться отъ оной: и презираетъ общенародное несправедливое разсужденіе, копорое по большой части (1) мракомъ заблужденія бываетъ покрыто, чувствуя въ себѣ чистоту и блистательность собственной совѣсти. И ежели такоаго челоука великодушнымъ почитать надлежитъ,

ко-

копорый самого себя убиваетъ, шо таковымъ наипаче признатъ должно Клеомврода (2) онаго, копорой, сказывающъ, прочитавъ Платонову книгу о безсмертіи души написанную, бросился съ стѣны, и такимъ образомъ преселился отъ сей жизни къ оной, копорую почиталъ лучшею. Ибо ничего его не побуждало, ни бѣдствие, ни преступленіе или справедливое или ложное, копорого бы, когда не въ силахъ былъ снести, избавиться, но только имѣлъ одну смѣлостъ къ прерванію узъ лесныхъ сей жизни, и къ принятію смерти. Копорой однако поступокъ отважнымъ и дерзновеннымъ наипаче, нежели благоразумнымъ почитается и самъ Платонъ, копорого онъ читалъ. Копорой, ежели бы шогда прилучился, шо конечно шого не велѣлъ бы дѣлать, и не только, но и возбранилъ бы совсѣмъ оное.

Глава двадцатьшъ третія.

Какимъ есть примѣръ Катона, копорый не могши снести, что Кесарь побѣдителемъ остался, самого себя умертвилъ.

Говорятъ, что многіе самихъ себя умертвили, дабы не попастъ въ руки непріятелямъ. Мы не о томъ вопрошаемъ, бывало ли когда нибудь шо, но надлежалось оное дѣлать. Ибо здравый разумъ предпочитаетъ должно примѣрамъ, съ копорымъ и примѣры согласуютъ, но оныя, копорыя чемъ превосходятъ въ честности, тѣмъ наипаче достойны подражанія. Не дѣлали шого Патриар-

Патріар-

иеріархи, ни Пророки, ни Апостоли: понеже и самъ Господь Христосъ, когда ученикамъ своимъ повелѣлъ во время гоненія бѣгати изъ града во градъ, могъ бы дать наставленіе, дабы они сами себя умерщвляли, дабы не попали въ руки гонимей. Но какъ онъ того не повелѣлъ, ни совѣща на то не подалъ, дабы его послѣдователи такимъ образомъ отъ сей жизни преселялись, которымъ по преселеніи вѣчныхъ жилища угощавъ общался, то какія бы примѣры языки незнающіе Бога ни предлагали, однако извѣстно, что то возбранено почитающимъ единого Бога. При всемъ томъ и они сверхъ Лукреціи, о которой выше довольно мы говорили, не находящъ другаго примѣра, кромѣ Капона (1) онаго, которой въ Ушикъ себя умертвилъ. Не для того я сіе говорю; будто онъ одинъ (2) только то учинилъ, но для того, что онъ былъ мужъ ученый и добрый, (3) такъ, что можетъ быть многимъ кажется то правильнымъ, что онъ учинилъ. О поступкѣ коего, что я иначе скажу? развѣ то, что друзья его мужи также ученые (4) по своему благоразумію совѣщивали того не дѣлать, почитая то не великодучіемъ, но малодушіемъ. Чрезъ сіе открывается не честность предостерегающая себя отъ гнусности, но немощь, которая не въ состояніи сносить нещастій. Сіе и самъ (5) Капонъ показалъ на любезномъ своемъ сынѣ. Ибо ежели постыдно было подъ властію побѣдителя Кесаря жить, то для чего сего срама сыну своему онъ былъ виновникомъ, что-

тому велѣлъ надѣяться отъ Кесаря всего хорошаго? Для чего не принудилъ его съ собою умереть? Ибо когда Торкватъ (6) сына своего безъ его повелѣнія сражавшагося, и оставшагося побѣдителемъ надъ непріятелями, умертвилъ: то для чего побѣжденный Капонъ, побѣжденного пощадилъ сына, который не пощадилъ себя? Не уже ли постыднѣе было безъ повелѣнія сразившись быть побѣдителемъ, нежели съ стыдомъ покориться побѣдителю? И такъ Капонъ не о томъ разсуждалъ, что стыдно покориться побѣдителю: въ противномъ случаѣ онъ бы могъ отъ сего стыда побѣдительскимъ своимъ мечемъ избавить и сына своего. Такъ чуждъ такое виною было поступка онаго? Не что другое, какъ только, что онъ, сколько любилъ своего сына, которому прощенью былъ и желалъ и надѣлся отъ Кесаря; столько завидовалъ Кесаревой славы, дабы, то есть, онъ и его не пощадилъ, (7) какъ самъ Кесарь, (8) пишущъ исторіи, сказалъ: или дабы сказать нѣчто умѣреннѣе, онъ постыдился.

Глава двадцать четвертая.

О томъ, что въ той добродѣтели, коею Регулъ преподобилъ Катона, несравненно превосходятъ Хрістіане.

Не хочется тѣмъ, противъ коихъ мы пишемъ, дабы мы святаго мужа Іова, который столь ужасное зло тѣломъ своимъ претерпѣвалъ, нежели умертвивъ себя, избавившись

всѣхъ мученій, восхотѣлъ: или другихъ свя-
тыхъ, въ нашихъ священныхъ книгахъ зна-
менистыхъ и наидостойнѣйшихъ вѣры, кото-
рые плѣненіе и владычество надъ собою вра-
говъ изволяли лучше претерпѣвать и сносить,
нежели самихъ себя убивать; предпочитали
Капону. Но мы изъ ихъ же книгъ докажемъ,
что Регулъ Маркъ, Марка Капона превосход-
нѣе. Ибо Капонъ никогда Кесаря не побѣж-
далъ, которому побѣжденъ будучи не восхо-
тѣлъ покориться, и чтобъ по нуждѣ не поко-
ряться, по за лучшее избралъ самого себя у-
бить: Регулъ же Карфагенцовъ уже побѣждалъ,
и получилъ побѣду не надъ гражданами, сожа-
лѣнія, но надъ непріятелями, похвалы до-
стойную: наконецъ онъ ихъ побѣжденъ быв-
ши, согласился лучше жить у нихъ подъ вла-
стію, нежели избавившись онъ ихъ смертію.
Такимъ образомъ сохранилъ и подъ владыче-
ствомъ Карфагенцовъ терпѣніе, и въ любви
къ Римляномъ постоянство: не избавляя по-
бѣжденного плѣна онъ непріятелей, и не уда-
ляя непобѣдимаго духа онъ гражданъ. И сіе
учинилъ онъ, по-есть что себя не умертвилъ,
не изъ любви къ сей жизни. Сіе доказалъ онъ
плѣмъ, что ради данной клятвы, къ плѣмъ же
своимъ непріятелямъ, которыхъ онъ болѣе въ
сенатъ оскорбилъ словами, нежели на сраже-
ніи оружіемъ, не усправившись возвратился.
И такъ великій презритель здѣшней жизни,
когда залучшее почелъ получить конецъ оныя
онъ исповѣдающихся непріятелей, казнями, ка-
кія имъ угодны, нежели самого себя умерт-
вивъ,

вить, по плѣмъ самимъ ясно показалъ, что
великое есть беззаконіе, человеку убивать са-
мого себя. Изъ числа всѣхъ своихъ похвалъ-
ныхъ и добродѣтелями знаменитыхъ мужей
ни одного лучшаго не представляющъ Римляне,
котораго ни щастіе не привело въ распус-
тность: ибо великимъ бывши побѣдителемъ,
пребылъ навсегда недостапочнымъ; (1) ни не-
щастіе не преодолѣло: ибо на великія мученія
возвратился небоязненно. И такъ ежели муже-
ственные и знаменитые люди, защитники зе-
мнаго опечесства, и боговъ хопя ложныхъ,
неложные почитатели, и ненарушители клятвъ,
которые непріятелей побѣжденных по обы-
чаю и праву военному могли убивать: плѣ по-
бѣждены будучи онъ непріятелей, самихъ се-
бя умертвить не восхотѣли: и когда смерти
ни мало не успрашались, однако за лучшее
почли побѣдителей обладающихъ ими сносить,
нежели причинить самимъ себѣ смерть: какъ и
иначе христіане истиннаго Бога почитающіе, и
къ горнему опечесству стремящіеся, онъ тогда
воздержались будучи, когда ихъ промыслъ го-
жій или ради искушенія, или ради исправле-
нія на время покоритъ непріятелямъ, кото-
рыхъ въ ономъ состояніи не оставляетъ Вы-
шній, которыхъ ихъ ради пришелъ въ міръ
въ великомъ смиреніи: особливо которыхъ ни
какой воинской власпи права не обязываютъ,
дабы самого непріятеля умертвлять побѣж-
деннаго,

Глава двадцать пятая

О томъ, что беззаконія беззаконіемъ уклоняться не должно.

Коль великое естъ сіе безуміе, что человекъ себя умерщвляетъ, или для того, что нѣкто надъ нимъ учинилъ преступленіе, или чтобъ не учинилъ, когда самага преступника, или преступленіе здѣласть имѣющаго врага не опважился умертвить? Но бояться и опасаться должно, дабы сладострастію непріятельскому подверженное тѣло ласкнымъ удовольствіемъ не привлекло духъ къ соизволенію на беззаконіе. И потому, говорятъ, не для чужаго преступленія, но ради своего, прежде нежели впасть во оное, умерщвляя себя надлежитъ. Никакимъ образомъ не учинитъ того духъ, дабы соизволилъ на сладострастіе тѣла своего возбужденное чужимъ сластолюбіемъ, который Богу наипаче и его премудрости, нежели тѣлесному вождельнію покоренъ. При всемъ томъ, ежели проклятое естъ беззаконіе и казни достойное преступленіе, самага себя умерщвляя, какъ самая ясная истина открываетъ, то кто същется столь безуменъ, который бы сказалъ такъ: Согрѣшимъ нынѣ, дабы послѣ какимъ нибудь образомъ не согрѣшили: нынѣ учинимъ человекоубійство, дабы послѣ не впасть въ прелюбодѣіе? Ежели сколько владычествуетъ неправда надъ нѣкоторыми, что не непорочность, но грѣхи избираемы бывають; то не сноснѣ ли неизвѣстное будущее прелюбодѣіство, нежели извѣстное

стное и безсумнительное настоящее человекоубійство? Не лучше ли подпасть такому преступленію, которое исцѣлился можетъ покаяніемъ, нежели учинить такое беззаконіе, которое не оставляетъ по себѣ мѣста покаянію? Сіе сказалъ я для тѣхъ, которые для избѣжанія не чужаго, но своего грѣха, дабы чужому сладострастію возбужденнымъ собственнымъ не соизволилъ, себя умерщвляють. Впрочемъ не уповашельно, чтобы Христианская душа уповающая на Бога своего, и возложившая надежду свою на него, и утверждающаяся помощію его; не уповашельно, говорю, дабы таковая душа, каковыми либо тѣлесными удовольствіями къ соизволенію на мерзость склонилась. Ежели она вожделительная (1) брань, живущая въ умерщвляемомъ (2) тѣлѣ безъ закона нашего хотѣнія своимъ закономъ воюетъ: то кольми паче невинна она бываетъ въ тѣлѣ не соизволяющаго, когда невинна въ тѣлѣ спящаго.

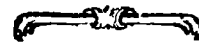
Глава двадцать шестая.

О томъ, въ какомъ разумѣ дѣла учиненными почитать должно сдѣланныя спящими, кои дѣлать законъ запрещаетъ.

Но говорятъ, что нѣкоторыя (1) святыя жены во время гоненія, дабы опѣ гонимелей спаси свое цѣломудріе, въ быстрыя бросились рѣки, и такимъ образомъ жизнь скончали, которыхъ мученіе въ Каѳолической церкви празднуется съ великимъ почтеніемъ. О

сихъ я ничего не дерзаю сказать. Ибо не знаю, не повелѣлъ ли Богъ церкви чрезъ нѣкоторые свидѣтельства достовѣрныя, дабы такимъ образомъ память ихъ почивала? И уповашельно, что оно такъ было. Понеже можетъ спастись онъ по учинили не обманувшись какъ люди, но отъ Бога получивши повелѣніе; ни заблуждая умомъ, но повинувшись Богу: какъ и о Сампсонѣ вѣрить не иначе должно. Когда же Богъ повелѣваетъ, и внушаетъ прямо, что онъ повелѣваетъ, то кто охуждаетъ будетъ таковое повиновение? Привсемъ томъ не безгрѣшно томъ поступаетъ, который обѣщался бы сына принести Богу на жертву, когда то Авраамъ съ похвалою учинилъ. Ибо и воинъ повинувшись власни надъ нимъ узаконенной, когда убиваетъ человека, ни мало по закону своего опечества въ человекоубійствѣ не бываетъ виноватымъ: но напропихъ ежели того не учинилъ, то обвиняется за преслушаніе и пренебреженіе повелѣнія. Ежелибъ онъ самъ собою безъ повелѣнія по учинилъ, то осужденъ былъ бы въ преступленіи человекоубійства. И такъ за что казнимъ бываемъ, когда здѣлаемъ то безъ повелѣнія; за то казненъ будетъ, ежели по принятіи повелѣнія не здѣлаемъ онаго. Ежели сіе безгрѣшно, когда повелѣваетъ предводитель, то кольми паче, когда повелѣваетъ Творецъ. И такъ томъ, который слышитъ, что не должно себя умерщвлять, пускай дѣлаемъ то надъ собою, когда повелѣваетъ таковой, кою повелѣніе презираетъ не надлежитъ.

житъ. Мы разсуждаемъ по наружности, а о сокровенныхъ разсуждать не можемъ. Никто не знаетъ, что дѣлается въ человекѣ, кромѣ духа, которой находится въ человекѣ. О семъ говоримъ, сіе утверждаемъ, что никто не долженъ самопроизвольную смерть себѣ причиняя убогая прискорбности временной, дабы не впастъ въ скорбь вѣчную, ни кто ради своихъ грѣховъ прежнихъ, для которыхъ наипаче попребна сія жизнь, дабы возможно было покаяніемъ оныя уврачевать: никто изъ желанія лучшей жизни, ожидаемой послѣ смерти; понеже виновныхъ въ своей смерти, лучшая жизнь не пріемлетъ.

Глава двадесять седьмая.

О томъ, надлежитъ ли самопроизвольно умерщвлять себя, дабы чрезъ то избавиться отъ грѣха.

Остается одно изъ того, о чемъ мы говорили начали, которое выгоднымъ кажется, дабы человекъ себя самого умерщвлялъ, поестъ дабы не впастъ въ грѣхъ, или по причинѣ приманчиваго и легкаго удовольствія, или жестокия болѣзни. Которое ежели допустить, то до того дойдемъ, что должны будемъ увѣщавать людей, тогда наипаче себя умерщвлять, когда они банею святаго опрожденія омывшись, получили освященіе всѣхъ грѣховъ. Ибо тогда есть время опасаться будущихъ грѣховъ всѣхъ, когда всѣ заглажены прошедшія. Ежели смерть самопроизвольная

есть добро, то для чего не тогда люди себя умерщвляютъ? Для чего каждый новокрещенный себя щадитъ? Для чего въ пошлѣнїи бѣдствїя по свободенїи вдаются, когда удобно отъ всего самоизвольною смертію избавишься? И когда написано нѣгдѣ: Любяй бѣдствїе, впадешъ въ оное? Для чего любятъ пошлѣнїя бѣды и опасности, или ежели не любятъ, то по крайней мѣрѣ не отвращаются? Для чего пребываютъ въ сей жизни, которому преселишься позволяется? Не уже ли безумная развратность превратила сердце, и отъ размышленїя о истиннѣй отвратила такъ, что ежели себя умерщвляетъ кто, дабы не впасть въ грѣхъ облагораживающаго имъ въ плѣненїи, намѣревалъ въ живыхъ ослабѣть, дабы сносить цѣлый міръ повсѣчасно, наполненный искушенїями, и паковыми, каковыхъ находясь подъ властію одного спрашивающаго, и прочими безчисленными, безъ которыхъ жизнь не препровождается? Для чегожъ мы въ увѣщанїяхъ прашимъ время, которыми новокрещенныхъ наставляемъ, и шчимъ побудить или къ храненїю дѣвственнѣй чистоты, или къ воздержанїю вдовамъ приличному, или къ сохраненїю супружеской вѣрности, когда имѣемъ лучшей и крапчайшей способъ, дабы не грѣшитъ, то есть увѣщевать ихъ по полученїи прощенїя во грѣхахъ, къ самоизвольной смерти, дабы ихъ ко Господу чистыми и непорочными предпослать. Но кто къ сему увѣщаваетъ, тотъ не только малоразсуденъ, но и совсѣмъ безуменъ. Ибо съ какимъ безразсудствомъ другому говоритъ: Умерши себя, дабы

дабы къ малымъ твоимъ грѣхамъ не прибавишь большихъ, когда жить будешь подъ властію такого, который не имѣетъ зазорнїя въ разсужденїи варварскаго своего нрава? Кто, развѣ беззаконникъ одинъ сказать можетъ: Умерши себя, когда получилъ ты опущенїе во всѣхъ твоихъ грѣхахъ, дабы паки равныхъ или еще и тяжчайшихъ не здѣлать, когда ты живешь въ мірѣ полъ многими беззаконными удовольствїями ласкомъ, пошлыми жестокостями неисповѣдаемыми, пошлыми заблужденїями и ужасами изобилующемъ. Сїе понеже беззаконно есть сказать, то конечно беззаконно есть и умерщвлять себя. Ибо ежели бы была какая благословная вина къ дѣланїю сего надъ собою, то безъ сомнѣнїя сїя была бы основательнѣйшею. А поелику и сїя вина ложна, слѣдовательно нѣтъ никакой. И такъ не скучайте хрістіане жизнь вашу, ежели враги поругались чистотѣ вашей. Имѣете великое и истинное утѣшенїе, ежели совѣсть васъ увѣщаетъ, что вы не соизволяли въ грѣхахъ тѣмъ, коимъ пощено согрѣшивъ къ вамъ.

Глава двадцать осмая.

Для чего попустилъ Богъ грѣху согрѣшнику быть въ плоти подержныхъ людей.

Ежели, можетъ стать, желаете знать, для чего сїе Богъ попустилъ: то отвѣщаемъ, что высокій есть промыслъ Творца міра и Правителя, и неиспытанны судбы его, и неизслѣдимы пути его. (1) Однако вопросы

подкрѣпленнаго, дабы могли бытъ святыми и шѣло и духъ; и что сіе добро не есть таковымъ, которое можно похитить безъ соизволенія духа. Такимъ образомъ можетъ спастись сія ошибка ихъ въ мнѣніи чрезъ сіе исправлена. Ибо когда помышляютъ, какою совѣстію они благоугождали Богу, и несумѣнно вѣруютъ, что онъ, когда такимъ образомъ ему работали, и его призывали, ни какъ не могъ ихъ оставить, при томъ когда онъ не неизвѣстенъ о томъ, сколь приипна ему числота, слѣдовательно понимаютъ и то, что слѣдуетъ, то есть, что онъ никогда не попустилъ бы, дабы сіе прилучилось святымъ его, ежели бы такимъ образомъ могла погибнуть святость, которую онъ имъ даровалъ, и въ нихъ оную любилъ.

Глава двадцать девятая.

*Что Хрістіане отпѣтствоватъ должны не-
пѣрнымъ, которые ихъ упрекаютъ тѣмъ,
что Христосъ ихъ не извапилъ отъ неистоп-
ства прагмъ.*

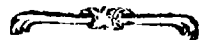
И такъ имѣютъ Хрістіане, почитающіе Всевышняго и истиннаго Бога, утѣшеніе свое не ложное, ни въ надеждѣ на вещи колеблющіяся или падающія заключающееся, и живіе самое временное недостойное сожалѣніе, въ которомъ наставляются къ вѣчному, и земное добро на подобіе странниковъ употребляютъ, и не плѣняются онымъ, несчастіемъ же или искушаются, или исправляются. Но шѣ, которые благонравію ихъ

ихъ смѣются, и когда постигнутъ ихъ какое временное несчастіе, вопрошаютъ; гдѣ есть Богъ (1) вашъ? пускай отвѣтствуютъ сами, гдѣ Боги ихъ, когда поликамы они препернѣли, ради избѣжанія отъ коихъ или почитаютъ оныхъ, или утверждаютъ, что почитать должно. Ибо Хрістіане отвѣтствуютъ: Богъ нашъ вездѣ есть, вездѣ весь, нигдѣ особенно не заключается, который можетъ всякому присутствовать невидимо; онъ когда на насъ насылаетъ несчастіе, то или заслуги наши испытываетъ, или грѣхи исправляетъ, и мздовоздаяніе намъ вѣчное за преперпѣнное съ благоговѣніемъ несчастіе временное приуготовляетъ. Вы же кто таковы, которые были бы достойны, дабы мы говорили съ вами о божествахъ вашихъ, шѣмъ меньше о Богѣ нашемъ, „Иже есть спрашенъ надъ всѣми боги: „(2) Яко вси бози языкъ бѣсове, господь же „небеса сотвори?

Глава тридцатая.

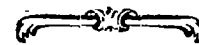
*О томъ, что ропчущіе и жалующіеся на Хрістіанскіе времена, желаютъ по пидимому
быть въ благополучіи, хотѣвъ оно было и за-
зорное.*

Естьлибъ оный вашъ Сципіонъ Назика (1) въ живыхъ находился, который нѣкогда былъ у васъ первосвященникомъ, котораго, во время ужасной войны съ Карфагенцами, когда исканъ былъ достойный мужъ для воспріятія на себя должности исправлять священнослуженіе Фригій-

гійское, цѣлой сенатъ избралъ, котораго на лице, можетъ быть, не дерзнули бы воззрѣть. Онъ бы васъ унялъ отъ такой дерзости и безстыдства. Ибо для чего вы оскорблены будучи несчастіемъ, ропщете на Христіанскія времена, развѣ для того, что желаете наслаждаться роскошю вашею въ безопасности, и погружались въ распусшность нравовъ не вкусивъ никакой прискорбности? понеже не для того желаете имѣть пищу и спокойствіе, и изобиловать всякимъ богатствомъ, дабы сіе добро съ благоразуміемъ и честностію употреблять, то есть съ скромностію, презвенностію, и воздержностію; но дабы испытывать различныя роды роскошей по свойству вашей развратности безумной; и въ благополучіи вдаваться въ такое зло, которое гораздо хуже свирѣвующихъ враговъ. А онъ Сципіонъ (2) великій вашъ первосвященникъ, онъ говорю мужъ по приговору всего сената одобренный, спрашася, дабы сего вамъ не приключилось бѣдствія (то есть развращенія), не хотѣлъ, дабы соперникъ Римскаго государства Карѣагенъ былъ разоренъ; и подавшему свой голосъ, дабы оной городъ разорили, Капону, проповѣрчивъ, боясь немощнымъ и слабымъ вашимъ душамъ непріятеля, то есть безопасности, примѣчая, что необходимо потребенъ, (3) такъ какъ нѣкошорый надежный защитникъ и оберегатель для Рима страхъ. И не обманулся онъ въ своемъ мнѣніи: самымъ дѣломъ то послѣдовало, и показало, сколь справедливо онъ говорилъ. Ибо по разореніи Карѣа-

еаге-

еагена, (4) то есть по сверженіи великаго страха съ Римской республики, шолкое во время благополучія послѣдовало зло, что разорвавъ согласіе и союзъ, во первыхъ жестокия и кровопролитныя (5) произошли смущенія, потомъ вскорѣ сплещеніемъ беззаконныхъ винъ, (6) по причинѣ междоусобныхъ браней; шолкія причинены пораженія, шолко пролило крови, шолкія по безмѣрной алчности дѣлались грабительства, шолко изгнано въ ссылку гражданъ, шоль свирѣбло неистовство междоусобное, что Римляне оныя, которые препроводя невинную жизнь спрашилися несчастія отъ непріятелей, тѣ впадши въ распусшность, жесточайшее несравненно претерпѣли отъ своихъ согражданъ: и желаніе оное, дабы владычествовать надъ другими, которое весь народъ Римской безпредѣльное имѣлъ, какъ скоро въ нѣкошорыхъ сильнѣйшихъ превосходнѣйшимъ стало, то изнузивъ, и продолжавъ прочихъ, своихъ согражданъ подъ иго рабства покорило.

Глава шридесять первая.

Какими пороковъ степеньми усилилось въ Римлянахъ желаніе владычествовать надъ другими.

Желаніе владычествовать другими осталось бы безъ дѣйствія въ надменныхъ душахъ, покуда бы продолженіемъ получаемыхъ чести достигло до царской власти. Продолженія же

Чистъ I

Д

поѣ

получаемыхъ честей не было бы, ежели бы не превозмогла гордоспъ. Не превозмогла же бы гордоспъ, ежели бы народъ не былъ сребролюбивымъ, и поврежденнымъ роскошю. Сребролюбивымъ же и распутнымъ учинился народъ благополучіемъ, котораго Назика онъ предвидя совѣщивалъ опасаться, когда не соглашался на разореніе города непріятельскаго наивеличайшаго, крѣпкаго, и богатаго: дабы страхомъ обуздаваемо было своевольство, и дабы своевольство обуздаваемо бывши не впало въ роскошъ и распутство, по удержаніи же роскоши дабы не усиливалось сребролюбіе, и дабы по опраженіи сихъ пороковъ, въ Римѣ полезная процвѣтала добродѣтель, и возрастала, и съ оною купно прибывала приспосовѣнная граду вольность. Отсюда же происходило, и отъ сея предчувствующія будущее къ опеческву любви происходило, что той же вашъ первосвященникъ великій, сенаторъ безъ разногласія приговоромъ одобренный, когда сенаторъ вознамѣрился Театръ (1) построишь, отъ того удержалъ одинъ, и важною своею рѣчью уговорилъ всѣхъ, дабы они къ мужесквеннымъ опеческства своего обычаямъ, не допускали Греческой распутности, (2) и не попребства чужестраннаго къ поврежденію и разслабленію мужесства Римскаго: и столь успѣлъ оною своею рѣчью, что сенаторъ предчувствуя изъ его словъ неложность будущаго, всѣ партеры, которые на время для зрѣлищъ поставляемы были, запретилъ имъ предъ поставлять. Съ какимъ бы пачаніемъ изъ Рима

истре-

истребилъ онъ всѣ театральныя игры, ежели бы отважился пропитьсь власпи пѣхъ, которыхъ почиталъ богами, о коихъ онъ не зналъ, что они суть вредныя бѣсы: или ежели и понималъ, что они бѣсы, но почиталъ что ихъ умилоствлять наипаче должно, и ежели презиралъ. Ибо не было еще опкровенно ученіе горнее языкамъ, которое върою сердца очищая, къ снисканію небесныхъ или выше-небесныхъ съ кротоспю благоговѣнія, премѣнилобы человѣческое желаніе, и избавило бы людей отъ гордаго и надменнаго владычества бѣсовъ.

Глава придесять вторая.

О установленіи театральныхъ игръ.

Но вѣдайте, которые сего не знаете, или которые и знаете, но припворяетесь, будто не вѣдаете: внимайте ропчущіе на того, который васъ отъ такихъ обладателей избавилъ. Театральныя игры, зрѣлища мерзостей, (1) и своевольство сумозбродствъ, не человѣческимъ безразсудствомъ, но боговъ вашихъ повелѣніемъ заведены. Сноснѣе было бы, (2) ежели бы вы божескую честъ отдавали оному Сципіону, нежели когда почитаете таковыхъ Боговъ. Ибо оныя Боги не были лучшими, нежели ихъ первосвященникъ. Внушите, ежели разумъ вашъ упиваяся долговременно виномъ заблужденій, можетъ о чемъ либо здраво разсуждать. Боги для утоленія заразы въ пѣ-

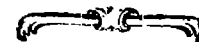

лахъ человѣческихъ игры Ѳеапральныя повелѣли для себя представлять: первосвященникъ же вашъ въ предосторожность, дабы не заразиться душевно, самой Ѳеапръ строить запрещалъ. Ежели вы душу предпочитаете тѣлу, то разсмотрите, кого вамъ почитать должно. Ибо и она зараза тѣлесная (3) не пошому прекратилась, понеже къ народу военному, и къ однимъ Цирценскимъ (4) играмъ привыкшему Ѳеапральныя игры нѣжное введено безуміе: но лукавство злыхъ духовъ предвидя, что она зараза скоро прекратится, другую заразу несравненно злѣйшую? кою они умышляютъ, изъ сего случая не тѣла, но нравамъ навели: кою души несчастныхъ толкою помрачила тѣмою, толкою обезобразила мерзостью, что потомки наши можетъ быть сочтутъ невѣроятнымъ, а именно, что городъ Римъ опустошенъ будучи заразою, вопрично заразился послѣ того безуміемъ столь, что изъ Рима прибѣгнувъ въ Карфагенъ, каждый день на Ѳеапрахъ прерывъ, одни предъ другими исповествовали.

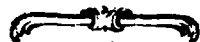
Глава тридцать третія.

О порокахъ Римлянъ, коихъ исправило разореніе отечества.

О безумныя души! какое сіе зло великое не говорю безуміе, но исповство васъ обьяло, что вы не помышляя о своей гибели, въ то время, когда восточные народы, какъ
мы

мы слышали, рыдали, и наивеличайшія города въ опдаленнѣйшихъ странахъ сѣтовали и плакали; Ѳеапры заводили, въ нихъ входили, ихъ наполняли, и дѣлали дѣла гораздо безумнѣйшія, нежели прежде. Сего боялся онъ вашъ Сципіонъ, то есть, дабы вамъ въ сію душевную заразу не впасъ, и неистребить чести: когда запрещалъ и опговаривалъ заводитъ Ѳеапры: понеже онъ видѣлъ, что вы въ благополучіи удобно придете въ развратность и распустность, и пошому желалъ, дабы вы всегда имѣли страхъ отъ непріятелей. Ибо онъ не почиталъ благополучнымъ того города, кою сѣбѣ хотя стоялъ, но рушилось благонравіе. Но въ васъ болѣе подѣйствовало то, что злые демоны вамъ прельщая внушили, нежели то, въ чемъ благоразумные предостерегали. И отсюда то происходилъ, что зло вами дѣлаемое не хотите себѣ присвоивать, несчастіе же, кою за то претерпѣваете, христіанскимъ временамъ приписываете. Понеже въ безопасности вашей, не спокойствія республикѣ желаете, но ищете того, дабы ваше своеволие и прихоти оспавались безъ наказанія, кою развратившись въ щастіи, не могли исправиться въ злочленіи. Хотѣлъ вашъ онъ Сципіонъ, дабы вы страхъ имѣли отъ непріятелей, дабы не впали вы въ роскошь, а вы напротивъ поражены будучи отъ враговъ, не претали погружаться въ оную. Погубили вы пользу (1) происходящую отъ бѣдствій, и несчастнѣйшими спали, и пребываете неопребными. И то самое, что

вы въ числѣ живыхъ почитаетесь, Божіимъ естъ дарованіемъ, который васъ щадя, направляетъ, дабы вы раскаявшись исправились; который вамъ неблагодарнымъ явилъ свое милосердіе, дабы вы подъ именемъ рабовъ его, въ мѣстахъ мученической памяти посвященныхъ, непріятельскихъ избавились рукъ.

Глава тридцать четвертая.

О милосердіи Бжіемъ, которое разореніе Рима умѣрило.

Сказываютъ, что Ромуль и Ремъ, дабы умножить народомъ Римъ, построили храмъ убѣжища, (1) чпобъ всякъ въ оный ушедшій безъ всякаго оставался вреда. Чудный въ честь Христову предварилъ примѣръ. Сіе учредили разрушители города, что прежде завели основатели онаго. И такъ не важно то, что основатели Рима для умноженія здѣлали народа, когда важнѣе того учинили варвары, дабы непріятелей ихъ безчисленное спаслось множество. Сіе и подобное, ежели можетъ пространнѣе и приличнѣе, пускай опвѣчаетъ врагамъ своимъ общество Господа нашего и спранспвующій градъ царя Иисуса Христа.

Глава тридцать пятая.

О крыющихся между нечестивыми сынахъ цркви, и о ложныхъ пнутрѣ цркви христіанахъ.

Должны христіане памятовать, что въ числѣ враговъ ихъ крыются таковые, которые гражданами Града Божія бывъ имѣютъ, и не почитаютъ себя за оскорбительное, таковыхъ сносить, какъ бы безплодно, покуда совѣсти всѣхъ опокроются: такъ какъ и изъ числа ихъ имѣетъ въ себѣ Градъ Божій, покуда спранспвуетъ въ мирѣ, соединенныхъ общеніемъ таинствъ, которые не наслѣдятъ жребія святыхъ, (1) изъ коихъ нѣкоторые пайно, другіе явно таковыми суть. Которые съ самыми врагами на Бога ропсатъ не ужащаются: иногда съ оными въ театры, иногда съ нами въ цркви входятъ. При всемъ томъ о исправленіи нѣкоторыхъ и изъ таковыхъ опчаяваться не должно, когда у явныхъ враговъ предбусавленные скрываются други наши, о которыхъ и они не знаютъ. Ибо слеплены, и смѣшаны сіи два града въ семъ вѣкѣ, покуда различатся и раздѣлятся въ послѣднемъ судѣ (2) о коихъ началъ и размноженіи, и должныхъ каждому концахъ, о чемъ я говорю предпринимая, сколько Богъ мнѣ поможетъ покажу къ славѣ града Божія, который по сравненіи всего заключающагося въ проливной споронѣ съ онымъ, блистательнѣе явится.

Глава шридесять шестая.

Объявляетъ, о чемъ нѣ слѣдующемъ состязаніи говорить онѣ имѣетъ.

Но еще нѣчто сказать мнѣ должно противъ тѣхъ, которые разореніе Римскаго государства приписываютъ нашему благочестію, которое возбраняетъ имъ жертвы приносить богамъ. Ибо напомнить имъ надлежитъ, сколько и сколь великія злоключенія Римъ, или къ его державѣ принадлежащія провинціи претерпѣли, прежде нежели возбраняемо было ихъ богамъ жертвоприношеніе, которые всѣ конечно они намъ приписать не постыдились бы, ежели бы наше благочестіе тогда сіяло, или отъ святошапскихъ имъ жертвъ возбраняло. Потомъ показать имъ потребно, для чего истинный Богъ увеличивать ихъ державу, и помогать благовоилъ, котораго во власти всѣ царства: (1) также и то, сколь мало помогли имъ тѣ, коихъ богами почитаютъ; или лучше сказать, сколько прелестію своею и обманами причинили имъ вреда. Наконецъ говорить буду противъ тѣхъ, которые ясными доводами сражены будучи, силясь доказывать, что боговъ должно почитать не для выгоды въ настоящей жизни, но ради прибытка, который имѣетъ быть послѣ сея жизни. Которое противоположеніе многого требуетъ труда, и достойно тончайшаго состязанія, потому, что нужно будетъ вооружаться противъ философовъ, и припомъ не маловажныхъ, но знаменитѣйшихъ и славнѣйшихъ,

шихъ, которые и съ нами сходственное умствуютъ; какъ то о безсмертіи души, и что истинный Богъ міръ создалъ, и о промыслѣ его, коимъ онъ вселенную созданную имъ управляетъ. Но какъ и въ томъ, что они въ прописность намъ умствуютъ, возразить имъ должно, то и оное исполню: дабы опразивъ по мѣрѣ силъ нечестивыя противоположенія, защититъ градъ Божій, истинное благочестіе, и богочитаніе, въ которомъ единственно неложно вѣчное обѣщается блаженство. И такъ прекратимъ въ семъ мѣстѣ книгу, дабы намъреваемое нами опѣвинуду начать.

Конецъ первой книги о Градѣ Божіемъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

на

Книгу Блаженнаго Августина Епископа Иппонійскаго о Градѣ Божіемъ першую.

На Главу первую.

(1) Опѣ въры живѣ будетѣ. Аввакумѣ во второй главѣ: праведникѣ опѣ въры живѣ будетѣ. Тожѣ самое часто повторяетѣ Павелѣ.

(2) Правда обратится на судѣ. Псаломѣ девяносто прерій. На Еврейскомѣ стоилѣ такѣ: понеже въ правду обратится судѣ. О скончаніи въка разумѣется, о коемѣ сказуется слѣдующее: послѣдняя побѣда. Сражается здѣсь церковь непрестанно, и побѣждаетѣ всегда. Но концемѣ единия брани естѣ спепень выпоря. Тогда будетѣ послѣдняя и совершенная побѣда, когда преселившись на небо будетѣ въ царствіи мирнаго Царя Хріста Іисуса.

(3) Маркеллине, Находяпися писма Августиновы къ Маркеллину и Маркеллиновы взаимно къ Августину. Обхожденіе ихѣ по видимому началось въ Африкѣ. Ибо Орозій о Маркеллинѣ такимѣ образомѣ пишетѣ: на сихѣ дняхѣ по повелѣнію Онорія, при спомоществованіи Константина мирѣ и единство во всей Африкѣ возвращены церкви православной, и плѣло Христово, коимѣ мы есмы, возжелѣнную получило пищу, по возложеніи исполнитѣ сіе святое повелѣніе Маркеллину полковнику,

нику, мужу впервыхѣ благоразумному и щадельному, и всѣхѣ свободныхѣ наукѣ любителью.

(4) Щадитѣ покаяющихся. Виргилій въ 6 Енеид. когда выхвалы другихѣ народовѣ исчислилѣ, коими они Римлянѣ превосходятѣ, жѣ Римлянамѣ обратившись сказалѣ оныя слова.

(5) Самое желаніе владычествовать. Древнее слово, что тиранну подвластные служатѣ, а самѣ онѣ своимѣ роскошамѣ и сладострастіямѣ. Такѣ о Царяхѣ Персидскихѣ говорилѣ Діогенѣ Циническій, такѣ Цицеронѣ въ Парадоксахѣ о Кесарѣ.

(6) Бранію исправляетѣ. Сіе самое видно на Римлянахѣ, которые лучшими были въ нравахѣ во время войны, нежели глубокаго мира.

На главу вторую.

(1) Не видѣлѣ ли Еней. Виргилій во второй книг. Енеид. видѣлѣ Екуву и спо невѣстокѣ и Пріама и проч. Сіе случилось въ ту ночь, въ которую Троею овладѣли Греки, и оную зажгли, когда Пиррѣ Ахиллесовѣ сынѣ Пріама у жертвенника убилѣ.

(2) Діомидѣ и Улиссѣ убивѣ спражей и проч. И сіе изѣ Виргиліевой той же книги. О Палладиномѣ кумирѣ разумѣтъ надлежитѣ, которой Діомидѣ и Улиссѣ во время Троянской брани похитили изѣ храма Минервина. Но устрашилися они учинитѣ святопаство, къ которому присовокупили и убійство; при всемѣ шомѣ Греки Троянѣ побѣдили. О Палладиномѣ

ку-

кумиръ писатели много различнаго пишутъ, коихъ мнѣнія долго исчислять. Довольно сказать, что изъ Варрона, Діонисія Аликарнасскаго, Овидія, Плутарха, и Сервія взявъ въ роялѣнѣйшее видно, что Хриза Паллантова дочь вышедъ замужъ за Дардана, въ приданое принесла кумиръ Палладинъ, и другихъ великихъ боговъ ваянія, коимъ Дарданъ въ Самофракіи храмы поставилъ. Которыя боги послѣ того перевезены внуками оныхъ въ Илію по полученіи ими оповѣща такого, что городъ тотъ на всегда цѣль пребудетъ, въ которомъ пребудетъ Палладинъ кумиръ. Чего для скрытъ онъ былъ въ самое невходное мѣсто храма, а вмѣсто его подобный ему поставленъ былъ наружи, и хранимъ былъ нерадиво. И когда Пирръ узнавъ о томъ Илена прорицателя Пріамова сына, что городъ оспаненъ не побѣжденнымъ, покуда Палладинъ кумиръ въ ономъ пребудетъ, и о томъ возвѣстивъ своимъ Греческимъ вельможамъ, то Діомидъ и Улиссъ во первыхъ притворно въ оный храмъ вошли, потомъ напади на стражей и убивши оныхъ, поддѣльный оный Палладинъ кумиръ похитили: а настоящий по овладѣніи уже городомъ Греками Сикасъ Енею вручилъ съ другими великими богами. Еней оныя въ Италію привезъ. Такимъ образомъ изъ Албы, или какъ Варронъ думаетъ, изъ Лавинія въ Римъ Палладинъ кумиръ принесенъ, и поставленъ въ храмъ Весты, который когда загорѣлся, то Метеллъ первосвященникъ Палладинъ кумиръ изъ огня изхитилъ лишившись чрезъ то зрѣнія.

лія. Палладинъ кумиръ видѣнъ былъ при Геліогабалѣ Императорѣ, когда горѣлъ храмъ Весты.

(3) Дѣйствиельнымъ воскриліямъ. Ибо баснословцы Палладу описываютъ дѣвицею.

На Главу третью.

(1) Ненавидимый мною народъ. Враждовала Юнона на Троянъ во первыхъ, что Трояне произошли отъ Дардана Юпитерова и Елекирина сына, которая была наложница Юпитерова, а Юнона прямая жена Юпитерова. Во вторыхъ, что похищенный Ганимедъ предпочтенъ былъ въ служеніи богамъ предъ Ивою Юнониною дочерью. Въ третьихъ, что Антигона Лаомедонтова дочь пренебрегла красоту лица Юнонина, и за то превращена въ иппиду буселемъ называемую. Въ четвертыхъ наконецъ, что Парисъ Пріамовъ сынъ разбирая ссору богинь спорящихъ о красотѣ, Юнонѣ предпочелъ другую.

На Главу четвертую.

(1) Мать Римскаго народа. Ибо отъ Троянъ, которые за предводительствомъ Енеевымъ пришли въ Италію, построенъ Лавиній, отъ Лавинійцевъ Алба, отъ Албанцовъ произошли Римляне. Салюстій же пишетъ, что городъ Римъ сперва построили Трояне, которые съ Енеемъ скипались не имѣя жилища собственнаго всюду.

(2)

(2) Фениксъ. Аминпоровъ сынъ, у Ахилла былъ наставникомъ, который обучалъ его добро говорить, и добро дѣлать, какъ Омиръ въ Иліадѣ 3.

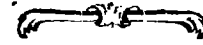
(3) Что и въ другомъ мѣстѣ. Великое множество въ Батиканѣ взято Готами золота, и по повелѣнію Аларика паки возвращено, когда донесено ему было нарочно, что оное золото принадлежитъ Христіанскимъ церквамъ, какъ пишетъ Орозій въ кн. 7.

(4) Легкомысленные Греки. Симъ именемъ и Цицеронъ Грековъ называетъ въ рѣч. за Флакка. Тожъ означаетъ и Луціанъ въ воздаяніи служащимъ. И Іамвлихъ Грековъ своихъ легкомысленными нарицаетъ.

На Главу шестую.

(1) Сиракузы прекрасный городъ. Сиракузы городъ былъ въ Сициліи древній и богатѣйшій. Сей при года въ осадѣ содержалъ Маркеллъ, наконецъ овладѣлъ онымъ, въ которомъ столько въ добычу получено богатства, сколько едва въ Карфагенѣ по разореніи онаго, хотя оный былъ въ наипушщемъ состояніи, и Риму ни въ чемъ не уступалъ.

(2) Свои пролилъ слезы. Ливій въ кн. 25 пишетъ, что Маркеллъ вошедъ въ Сиракузы, и осмотрѣвъ съ высокаго мѣста прекрасный изъ всѣхъ въ тогдашнее время городъ, прослезился частію отъ радости, что овладѣлъ такимъ городомъ, частію разуждая о древности

сти и славѣ города. Тожъ утверждаетъ и Валерій о людскости.

На Главу седьмую.

(1) Учинило сіе обыкновеніе военное. Квинтилианъ въ книгѣ осьмой пишетъ изъясняя, что дѣлается по плавленіи градовъ, такимъ образомъ: разливается по домамъ и храмамъ пламень, прескъ кровлей и различный вопль составляющій одинъ нѣкоторый звукъ. Иные бѣгутъ невѣдомо куда, другіе въ послѣдніе прощаются съ своими кровными обнявшись, рыданіе женъ и младенцовъ, и по несчастію своему до того дня сохраненныхъ въ живыхъ стариковъ слышится повсюду. Расхищаются частныя дома и священные храмы, износятся корысти одними, другіе бѣгутъ за оными, гонятъ похитители побѣжденныхъ окованныхъ предъ собою. Мать силился удержалъ при себѣ младенца. И ежели гдѣ случился более добычи, тамъ побѣдители между собою производятъ драку.

(2) Посѣщу. Сіе во псалмѣ 88 сказано о дѣлахъ Давидовыхъ, естли они пресупалять будутъ законъ.

На Главу осьмую.

(1) Каково будетъ употребленіе. Теренцій: почитаемое у челоѣка добромъ, какъ то родители, опечетство, други, родъ, ближніе, богатство: все сіе таковымъ поставятъ должно,

жно, какво человека къ онымъ расположеніе. Кпо умбепѣ оныхъ упопреляпѣ, шому они добро, а кпо не умбепѣ, шому зло. Сіе взявѣ Теренцій изѣ Платона, во многихъ мѣстахъ повшоряепѣ.

На Главу девятую.

(1) Человѣческій день. Вѣ первомъ посланіи къ Коринѣяномъ вѣ глав. 4 Павелъ пишепѣ: мнѣ же не велико естѣ, да опѣ васѣ испяжуся, или опѣ человѣческаго дне. День человѣческій естѣ человѣческій разсудокъ или судѣ, по которому кпо или добрымъ или злымъ починаепся. Сему пропивополагается день господень, который пайная сердца испышуетѣ и судитѣ.

(2) Любимѣ. Враговѣ любятѣ повелѣваетѣ господѣ у Матѣея вѣ главѣ 5.

(3) Чрезѣ пророка. Іезекіиля глава 33.

(4) Начальники надѣ народомъ вѣ церкви. Епископы, которые шожѣ значапѣ, что надзирашели, надсмотрщики, наблюдашели, спражи, начальники. Цицеронѣ къ Аппику вѣ кн. 7 пишепѣ: Помпей хошепѣ, дабы я былѣ надѣ всею Кампаніею, и приморскою спраною Епископомъ. И проч. Андромаха у Омира Екпюра называетѣ Троямскимъ Епископомъ. Аѣниине посланныхъ опѣ себя вѣ города плапашій имѣ данѣ, Епископами называли, коимъ повелѣвали пшательно наблюдапѣ и смопрѣпѣ, что вѣ каждомъ изѣ оныхъ дѣлаепся. Начальниковѣ надѣ годовыми запасами Аркадіи Юрисконсултѣ Епископами нареклѣ.

(5)

(5) Дабы не щадили обличапѣ. Апостолѣ Павелъ сіе внушаетѣ Тиму.

(6) Іовѣ. Іеронимѣ вѣ толкованіи на Іова говоритѣ: Но сіе приключилось Іову; дабы явлено было вѣ людѣмъ, что по внушренности Богу было извѣстно.

(7) Вѣмѣ яко любящимъ Бога. Римлян: 8 Глава.

На Главу десятую.

(1) Корень всѣхъ золѣ. Къ Тимое: 1 послан. вѣ глав. 6.

(2) Не скрывайте себѣ сокровища. Матѣ. глав. 6.

(3) Павлинѣ нашѣ. Павелъ Діаконѣ пишепѣ, что когда Готѣы разоряли Ипалію, и потомѣ разорили городѣ Нолу, гдѣ былѣ Епископомъ набожный мужѣ Павлинѣ, и какѣ Григорій обѣявляетѣ, краснорѣчивый и вѣ вѣншнемъ ученіи искусный, и имѣвший дарѣ Пророчества, который когда на искупленіе плѣненныхъ Готѣами все испошилѣ имѣніе, и увидѣлѣ плачущую неупѣшно вдовицу о плѣненіи своего сына, тогда не могѣ набожный сей Епископѣ снести того сѣ пренебреженіемъ: чего для сѣ оною вдовицею опправился вѣ Африку, гдѣ сынѣ ея плѣненный находился: гдѣ самого себя вмѣсто ея сына отдалѣ вѣ рабство. Но варвары уважая свяпоспѣ его, со всѣми его гражданами изѣ плѣна оппустили. О семѣ пространнѣ повѣствуетѣ Григорій Папа Римскій вѣ книг. 3. Но я думаю, что не о сихъ временахъ говоритѣ Августинѣ, вѣ

Часть I.

Е

ко-

которыя уже въ небесныя обиталища онѣ преселился, но о первыхъ Готическихъ.

(4) Которыя сами были. То есть добродѣтели, которыми никто похитить и испортить не можетъ. И она единственно обладающихъ собою дѣлаетъ добрыми. Ибо ежели богатство есть добро, то для чего, какъ говорилъ Цицеронъ въ Парадоксахъ, обладатели своихъ не дѣлаютъ добрыми.

(5) Маммона. Маммона есть слово Сирское, какъ Иеронимъ говорилъ, и означаетъ у Сирянъ богатство, что у Грековъ *πλοῦτος*. Августинъ въ словѣ о словахъ Господнихъ, и въ вопросахъ Евангельскихъ утверждаетъ, что Маммона на Пуническомъ языкѣ означаетъ прибыль, ростъ или корысть, и объясняетъ, что Еврейскій и Африканскій языкъ одинъ къ другому близки.

На Главу первую надеша.

(1) Одну переписать. Такимъ образомъ Кесарь сказалъ, что онъ лучше единожды желаетъ умереть, нежели тысячу кратъ смерти бояться.

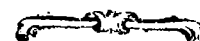
(2) Добродѣтельного нищаго. Известна сія повѣсть изъ Луки 16 главы, о Лазарѣ нищемъ и богатомъ сатанѣ.

(3) Виссонъ. Виссонъ есть родъ льнянаго полотна знаменитаго, какъ пишетъ Плиніи въ кн. 19 натуралн. истор.

На Главу вторую надеша.

(1) Положиша Трупъ. Псаломъ 78.

(2)

(2) Ежелибы похитили дѣлало нечестивому. Луканъ въ книгѣ 9 : и въ вѣчныя душою преселился обиталища, куда не достигаютъ во златъ и со ароматами погребенные.

(3) Смыются сему. У Римлянъ великое прилагалось попеченіе о погребеніи. У нихъ вмѣсто казни не погребенному бывъ повергнутому почивалось, и такъ было положено въ правахъ: кто родителей своихъ въ бѣдствіи оставилъ, тотъ да поверженъ будетъ безъ погребенія; кто не оправдалъ себя въ Сенатѣ въ какойлибо другаго кончинѣ или смерти, да будетъ поверженъ безъ погребенія; челоукоубійца да будетъ поверженъ безъ погребенія. Отсюда то и Цицеронъ по мнѣнію народному за Милона говоря сказалъ, что несчастный есть трупъ Клодіевъ, который лишился обыкновенной Церемоніи погребенія.

(4) Философы. Языческіе философы, какъ то Диогенъ Киническій, который приказалъ себя умершаго повергнуть псамъ и птицамъ на съденіе. А когда друзья его ему напомнили о томъ, что его терзали оныя живописные будущи: вы, отвѣчалъ на то, положили подлѣ меня палку, которою бы мнѣ опогонять птицъ и псовъ. Да какъ жебѣ опогонять, сказали они, вѣтъ ты лишился чувствъ? Еслили, заключилъ имъ, я чувствъ имѣть не буду, то какой мнѣ вредъ причинитъ оное терзаніе? Тоже учинилъ и Мениппъ. Да и всѣмъ почти Киникамъ сіе было общимъ. Пишетъ Цицеронъ въ Тускулянскихъ, что Эзодоръ Киринейскій, когда Лисимахъ грозилъ ему,

Е а

что

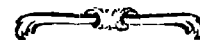

что распяты его на крестѣ, отвѣтствовалъ: пускай боится сего шови вельможи, а для меня все равно, въ землѣ ли мнѣ сгнить, или на высотѣ. Тогожъ мнѣнія держался Сократъ, какъ видно въ Платоновомъ Федонѣ.

(5) Цѣлыя арміи. Сіе безсумнительно. Ибо извѣстно, что прежде Геркулеса не было обычая убиенныхъ на войнѣ погребать. Геркулесъ первый ввелъ оное, какъ пишетъ Еліанъ въ различной Исторіи.

(6) Стихотворцы съ одобреніемъ. Луканъ въ 7 говоря о убитыхъ на Фарсальскомъ сраженіи, которыхъ Кесарь запретилъ сжигать и погребать, Кесарю сказалъ: ничего ты не здѣлаешь симъ гнѣвомъ. Какая въ томъ нужда сжженымъ будупъ трупы, или сгниютъ сами. Природа въ свое лоно все пріемлетъ. И мало ниже: Пріемлетъ земля все, что родила, небомъ покрывается, что не имѣетъ гробницы. Тожъ одинъ говоритъ у Сенеки: Всѣмъ природа погребеніе даровала: препергввшимъ кораблекрушеніе, волны: распятыя на крестахъ къ своему погребенію чрезъ согнишіе стремятся; живыхъ сжигаемыхъ казнъ погребаетъ. Стихъ также оный Меценатовъ всею древностію похваляется: О погребеніи я нимало не пекусь, погребаетъ оставленныхъ природа.

(7) Въ мгновеніи ока. 1 послан: Коринѣ: глав: 15.

На Главу шрешію надесятъ.

(1) Не къ украшенію. Платонической секты философы утверждали, что чловѣка составляетъ единственно душа, а тѣло почитали они одеждою душъ, или лучше сказать пемницею.

(2) И шовія. Товіи 2. и 12. глава.

(3) доброе дѣло. Матѣ. глав: 26, о Маріи Магдалины.

(4) Въ Евангеліи. У Іоанна глав. 19. о Іосифѣ и Никодимѣ.

(5) За милосныни. Матѣ: 10. глав: и чаща спудены воды не лишается мзды своей.

(6) Папріарховъ. Іаковъ умирая повелѣлъ сыну своему Іосифу погребсти себя между гробницами своихъ предковъ, а не въ Египтѣ. Бытія глав: 47. И самъ Іосифъ повелѣлъ братіи своей, дабы они внушили потомкамъ, что когда исходитъ будупъ изъ Египта въ землю ихъ праотцамъ обѣшанную, изнесли кости его изъ Египта, о чемъ пишется въ послѣдней главѣ бытія.

На Главу четвершую надесятъ.

(1) Были въ плѣнѣ. Даніил: 1. Ананія, Мисаилъ, Азарія, съ Даніиломъ у Навуходносора.

(2) Другіе Пророки. Какъ то Іеремія и Іезекіиль, и проч.

(3) Во чревѣ Киповѣ. Разумѣется здѣсь Іона, который пребылъ при дни во чревѣ Киповѣ прообразовалъ придневное воскресеніе Хрістово опѣ мертвыхъ.

(4) Аріонъ Мисемнійскій. О Аріонѣ басня и о Делфинѣ у писателей извѣстна. Иродотъ первый написалъ оную, въ книгѣ первой своихъ Музъ. Потомъ Овидій въ Фастахъ. И Плиній въ кн: 9. и Геллій въ кн: 16. Еліанъ о животныхъ, и другіе многіе. Оріонъ былъ изъ Мисемна города Лезвійскаго острова, во времена семи Греческихъ мудрецовъ. Ибо Періандръ его крайне любилъ. Находясь писателемъ, которые увѣряютъ, что онъ есть изобрѣтателемъ прагматическаго стиха. Онъ когда изъ Италіи ѣхалъ моремъ въ домъ свой съ великимъ богатствомъ, и примѣшилъ, что корабленики согласились его убить, то онъ просилъ ихъ, дабы они прочее все взявши, жизнь ему одну оставили, и какъ не могъ у нихъ того испросить, то наконецъ упросилъ ихъ, дабы они позволили ему утѣшить себя предъ смертію на гуслахъ. На пріятность его пѣнія собралось нѣсколько дельфиновъ (свиней морскихъ) Аріонъ не невѣдая о природѣ оныхъ животныхъ, съ гуслями и во всемъ одѣяніи бросился къ одному на хребетъ, который его вывелъ къ Тенару. Тамъ видимо ваніе Делфина везущаго, и человека на немъ сидящаго. Плиній утверждаетъ, что дельфинъ есть животное человеколюбивое, и доказываетъ оное многими примѣрами.

На Главу пятуюнадесять.

(1.) Марію Аппилій Регулъ. Онъ во время первой съ Карфагенцами войны пославленъ кон-

консуломъ съ Манліемъ Волфономъ. Обоимъ имъ поручена была война съ Карфагенцами. Аппилій первый изъ всѣхъ Римское войско въ Африку перевезъ, гдѣ нѣсколько кратъ побѣдивъ Карфагенцовъ, принудилъ ихъ поспоронней требовать помощи. Призвали они тогда изъ Лакедемона Ксантппа человека искуснѣйшаго въ воинскихъ дѣлахъ, который по правивъ Карфагенскую армію, вступилъ въ сраженіе съ Римлянами, на которомъ Римское войско побито, и самъ предводитель Римскій Аппилій Регулъ попался въ плѣнъ непріятелямъ. И бывъ нѣсколько лѣтъ въ ономъ, въ лѣто четвертонадесять войны оной, а отъ построения Рима 503, посланъ въ Римъ въ сенатъ согласить Римлянъ размѣняться плѣнниками, подъ такою клятвою, что ежели онаго не исходайствуетъ, то бы въ Карфагенъ возвратился. Прибывъ въ Римъ опровергалъ Сенату чинить размѣнъ, объявляя что Карфагенцы у Римлянъ въ плѣнъ находящіеся люди молодые и способные къ войнѣ, а напроптивъ Римляне находящіеся въ Карфагенѣ престарѣлыя и къ сраженіямъ не способные. Сенатъ на то согласился. И какъ его въ уговаривали, дабы онъ обратно въ Карфагенъ не ѣздилъ, однако онъ лучше разсудилъ сохранить клятву данную непріятелямъ, хотя и зналъ, что его, по узнанію того, что онъ причиною тому, что сенатъ не согласился учинить размѣнъ, ждетъ жесточайшія мученія. И такъ возвратившись въ Африку томительнымъ и нововымышленнымъ родомъ мученія жизнь скончалъ.

(2) Заключенъ. Нѣкоторые пишутъ, что онъ инымъ родомъ мученія скончался, но Валерій въ книгѣ девятой утверждаетъ, что онъ заключенъ въ машинѣ узкой на подобіе бочки здѣланной, набитой отовсюду гвоздми; которому послѣдуетъ здѣсь Августинъ.

На Главу седьмуюнадесять.

(1) Ежели поступокъ Іудинъ. Исторія извѣстна изъ Евангелія.

(2) И его истинна судитъ. Петръ Апостолъ въ дѣяніяхъ Апостольскихъ говоритъ, что онъ нечестиво и беззаконно учинилъ, что и Христа предалъ, и удавился.

(3) Погибельно. Ибо онъ такъ раскаялся, что думалъ, акибы не можно такового злодѣянія покаяніемъ загладитъ.

На Главу осьмуюнадесять.

(1) Общницею имѣетъ другую добродѣтель мужество. Добродѣтели между собою сопряжены и связаны, какъ Философы учатъ. Но нѣкоторые изъ нихъ съ другими болѣе связи имѣютъ, нежели съ иными.

(2) Ни единъ же мужественный. Плутархъ, еспли память меня не обманываетъ, изъ мнѣнія Менандрова предлагаетъ, и говоритъ, что мужественнаго человѣка не есть знакомъ сказывать: сего я терпѣть не стану; ему свойственно говорить: сего я не здѣлаю.

(3) Къ тому благу. Къ добродѣтелямъ. Ибо проякій родъ благъ сдѣлали Философы

Пла-

Платоническіе и Перипатетическіе, коимъ народъ послѣдовалъ? то естъ добра душевнаго, добра тѣлеснаго, и добра щастія или наружнаго.

(4) Изъ коихъ хотя иное и умаляется. Сіе не только по мнѣнію Стоиковъ, но и Платоническихъ и Перипатетическихъ Философовъ, которые почитали, что внѣшнее и тѣлесное добро къ блаженству нѣсколько служилъ, однако къ препровожденію добродѣтельной и святой жизни нимало не принадлежилъ.

(5) Не погибаетъ. Такимъ образомъ сѣпующую Лукрецію утѣшали Бруцій и Коллапинъ, отвращая, какъ говоритъ Ливій, беззаконіе отъ принужденной, на творца злодѣянія, сказывая, что мысль грѣшилъ не тѣло, и увѣряя, что гдѣ не было намѣренія, тамъ нѣтъ вины. И кормилица она у Сенеки въ Ипполитѣ доказываетъ, что мысль дѣлаетъ не цѣломудренною, не случай.

(6) Чистота въ самомъ тѣлѣ не погибаетъ. Выразумѣть можно, что по мнѣнію народному сказано или Брутомъ или Ливіемъ о крови Лукреціи уже заколовшейся, а не какъ оно въ самомъ дѣлѣ было: Сею непорочною прежде расплѣнія оныя царемъ, кленусь кровію. Какъ быдубы послѣ насилія не таковою же непорочною кровь была, когда не было въ мысли сладостраспія: но что онаго не было, то показываюти они сами.

На Главу девяшунадесяшъ.

(1) Лукрецію. Повѣсть сія всѣмъ извѣстна, хотя оную Діонисій нѣсколько илаково пишетъ, нежели Ливій, но въ прочемъ они согласны.

(2) Къ мщенію. Ливій словами Лукреціиными говоритъ: Но дайте мнѣ десницы и кляпву, что прелюбодѣи безъ казни не останутся: даютъ всѣ порядку кляпву.

(3) Никакого злодѣя. Цицеронъ пишетъ о смертномъ приговорѣ на гражданина Римскаго, что законами положена такая предосторожность, дабы не дѣлали приговора, развѣ когда будетъ весь народъ въ собраніи. Образъ же и порядокъ описываетъ въ рѣчи за домъ свой, и Плутархъ въ Грахахъ.

(4) Определена. Виргилій въ шестой пишетъ, что изъ девяти круговъ состоитъ адъ, изъ коихъ о претѣмѣ шакъ говоритъ: Не въ дальности отпуда находясь тѣ, которые будучи невинными, сами себя умертвили, и возненавидя свѣтъ, изгнали изъ тѣла своего души: которые сказать не можно, сколько желали паки здѣсь быть и сносить всякую бѣдноту и тяжкія мруды. Но судьба къ тому не допускаетъ и девять краѣвъ окружившая ихъ рѣка Спикъ.

(5) Ей одной. Ибо другой не могъ того знать, можетъ быть изъ удовольствія внутренно подала согласіе.

(6) Не возможно ея оправдать. Есть Силлогизмъ обоюду колкій: то есть, если она прет-

прелюбодѣица, то для чего выхваляется? А ежели цѣломудренная, то для чего закролась?

(7) Римлянкою. Римляне были крайне славолюбивы, о коихъ сказано: Превозможенъ любовь къ отечеству, и безмѣрное желаніе хвалы. Да и самая Лукреція, какъ о ней говоритъ Овидій въ Фастахъ: Побѣжденная страхомъ жена, побѣдила славолубіемъ.

(8) Свидѣтельство совѣсти. Павелъ во 2. послан: къ Кирино: въ главѣ: 1. говоритъ: Слава наша есть свидѣтельство совѣсти нашей. Тожъ Стоики и всѣ языческіе разумные люди утверждали.

На Главу двадесяшую.

(1) Хотя не чувствуешь. Аристотель утверждаетъ, что растѣнія имѣютъ душу и живутъ, а только чувствую не имѣютъ. Платонъ и Емпедоклъ почитали, что растѣнія суть одушевленные и чувство имѣющія. Но какъ бы то ни было, умереть могутъ, велику живутъ,

На Главу двадесяшъ первую.

(1) Которые по Божію повелѣнію. Какъ по Іудеи, кои хотя воевали, но по явственному повелѣнію Божію. Если они не почтены нечестивыми, когда повинясь Богу воевали и убивали, то наименее чистыми изъ всѣхъ почестся могутъ тѣ, кои многія пытки Хрістіанъ въ противность прещенія Божія убиваютъ,

(2) Иефеай. Судей глав: 11. котораго дѣйствіе похоже на то, что Трагическіе стихотворцы пишутъ о Агамемнонѣ, который дочь Ифигенію принесъ на жертву Діанѣ. Иефеаеву жертву многіе оуждають. Ибо обѣщанъ въ приносимыхъ на жертву вещахъ разумѣнь бы надлежало.

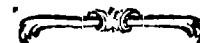
(3) И Сампсона. Смори о томъ судей въ главѣ 16.

На Главу двадесять вторую.

(1) Которое по большей части. Подлой народъ древніе мудрецы великимъ учителемъ заблужденій обыкновенно называли.

(2) Клеомбронъ. Онъ прочетши книгу Платонову Федона о безсмертіи души, дабы онъ сея жизни, которая есть какъ бы смертию нѣкоею, преселиться къ безсмертію, съ спѣны градской бросился въ море, хотя ему ни какого тогда не было нещасія: какъ пишетъ Цицеронъ въ первой кн.: Тускулянскихъ вопросъ: Ему здѣлана Каллимахомъ Греческая Епиграмма слѣдующаго содержанія: Житіе прощай, повергшись съ высокой спѣны и умирая Амвразіопляниль юноша ты сказалъ, ни какого зла въ смерти не признавая: но писаніе Платоново не въ такомъ разумѣ понимать тебѣ надлежало.

(3) Но и возбранилъ бы. Въ началѣ той же книги Федона говоритъ, что беззаконіе есть убить самого себя, и что Богъ неинако въ такомъ случаѣ гнѣвается, какъ Господинъ, когда кто изъ его невольниковъ самъ себя убьетъ.

убьетъ. И на другихъ многихъ мѣстахъ утверждаетъ, что безъ повелѣнія Божія изъ сея жизни никому изъ человѣкъ исходитъ не должно. Ибо мы находимся въ жизни сей какъ въ спрору, на мѣстахъ онъ повелителя каждому назначенныхъ, и что большаго достоинъ наказанія, которой добровольно жизнь оставилъ, нежели кто бѣжитъ въ арміи онъ сраженія.

На Главу двадесять третью.

(1) Кромъ Катона. Катоны произошли онъ поколѣнія Порційевъ изъ Тускула города Латинскаго. Первый въ ономъ родѣ Катонъ названный осторожнымъ и благоразумнымъ, былъ М. Порцій, человѣкъ новый, но достигшій великихъ чиновъ. Его правнукъ былъ М. Порцій Катонъ, оба великіе и наинепорочные. Онъ назывался большимъ, а сей меньшимъ. Мершой съ Помпеемъ защищалъ вольность народа противъ тиранства Кесарева, а когда Кесарь побѣдилъ Помпея при Фарсалии, то Катонъ потерявъ какъ бы нѣкую подпору съ своей стороны, видя что все преодолѣлъ Кесарь, въ Упикѣ Африканскомъ городѣ, прочитавъ прежде два раза книгу Платонова Федона, о безсмертіи души, кинжаломъ себя закололъ.

(2) Будто онъ одинъ. Ибо многіе на различныхъ сраженіяхъ сами себя умертвили, дабы не попастъ въ власть непріятелямъ. По-неже въ томъ же сраженіи Сципионъ, Метелъ, Афраній и Юва Царь себя умертвили.

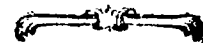
(3)

(3) Ученый и добрый. Обоихъ Кап- новъ непорочность и мудрость въ пословицу обратились. Опикуда сказалъ и Ювенахъ: Трѣ- тій Капонъ съ небесъ упалъ. Сего Капона къ Виницію такимъ образомъ описываетъ Вел- лей Паперкулъ: Сей произшелъ рожденіемъ опъ Капона начальника онаго фамиліи Пор- ціевъ, человекъ добродѣтели подобной, и разумомъ во всемъ ближе къ Богамъ, нежели къ людямъ, которой дѣлалъ хорошее не съ шѣмъ, дабы другимъ казаться, но понеже инаково дѣлать не могъ, и который по столь- ко основательнымъ и благоразумнымъ почи- талъ, что имѣетъ правду: не имѣлъ ника- кихъ человѣческихъ пороковъ, всегда своимъ обладалъ щастіемъ. Сіе Веллей. Я уже оста- вляю Сенекины, Лукановы, Цицероновы, Са- люстіевы и другихъ свидѣтельствъ.

(4) Ученые. Въ Ушикѣ, сказывающъ, съ Ка- пономъ были Аполлонидъ Споикъ, и Димитрій Перипатетикъ, и Клеанѣ лѣкарь. Ибо Капонъ Греческихъ Философовъ въ свипѣ своей мно- гихъ имѣлъ, и сколько Грековъ ненавидѣлъ прадѣдъ его, столько онъ любилъ, и предъ ночью тою, въ которую онъ закололъ себя, за ужинкомъ происходило спязаніе о истинной свободѣ и вольности человѣческой, въ кото- ромъ Димитрій много говорилъ противъ того, что Капонъ постоянно утверждалъ, то есть хваля шѣхъ, которые сами себя умертвили, такъ, что всѣ шушъ бывшіе начали подозрѣ- вать, что онъ предпринялъ самъ себя умер- твить.

(5)

(5) Сіе и самъ. Плутархъ пишетъ, что когда Кесарь приближался къ Ушикѣ, то Капонъ всѣхъ своихъ на кораблѣ оппустилъ, совѣто- валъ и сыну, дабы и онъ съ ними опправил- ся, однако онъ не могъ уговоренъ бытъ, дабы опца оставилъ. Сего сына Капонова, какъ Ливій въ книгѣ 114, и самъ Кесарь въ описа- ній войны Африканской повѣспвуетъ, про- стилъ Кесарь.

(6) Ибо когда Торкватъ. Манлій Торк- ватъ Консулъ, сыну, поелику въ прошив- ность его приказанія сразился съ непріятелемъ хопи и щасливо, опрубилъ голову повелѣлъ.

(7) Дабы и его не пощадѣлъ. Плутархъ повѣспвуетъ, что Капонъ ни просилъ опъ Кесаря ничего не хопѣлъ, ни желающимъ хо- дапайствовать за него не попустилъ.

(8) Какъ самъ Кесарь. Извѣстно слово Кесарево сказаное вѣспнику возвѣспившему о Капоновой смерти: Завидую я пвоей славѣ о Капонъ! ибо и ты позавидовалъ моей, дабы въ числѣ славныхъ моихъ дѣлъ не считалось то, что Кесарь Капона сохранилъ.

На Главу двадесять четвертую.

(1) Недостаточнымъ. Ливій въ Книгѣ 18. и Валерій въ примѣрахъ о нищетѣ пишущъ: Когда Апшилій Регулъ спозналъ, что еще на годъ опредѣилъ сенатъ начальствовать ему въ Арміи, то писалъ къ консуламъ, да- бы они ему на смѣну прислали кого другаго. Между причинами, для чего онъ опъ должно- стии ономъ отказывается, предсказилъ особли-

во

во оную, что поле его состоящее изъ семи нивъ наемщиками опустошается: и ежели опустошеніе оное продолжится, по дойдешъ до того, что ему ни жены ни дѣшей кормить будетъ нѣчемъ.

На Главу двадесять пшую.

(1) Естли оная вожделишельная. Ибо похоть плѣсная движется и при сопровожденіи оной хощенія, отсюда по по преодоленіи хощенія или воли отъ плоти, раждается спыдъ.

(2) Въ умерщвляемыхъ. Уды наши смерти подлежатъ, и ежечасно умираютъ, и однако по видимому жизнь имѣютъ различную отъ души. Кольми паче безъ вины естъ, естли движенія оныя похоти во время сна происходятъ. Безъ вины же потому, понеже природа движеніе оное дѣлаетъ безъ соизволенія воли, кольми паче плѣ останушся безъ вины, гдѣ не только покоится воля, какъ то во снѣ, но и пропившся.

На Главу двадесять шестую.

(1) Но говорящъ, что нѣкоторые. Писемъ Амвросій въ книгѣ 3. о дѣвахъ, что Пелагія съ матерію и сестрами бросилась въ рѣку, дабы отъ гонящаго за ними воина расплаты не были. Однако оную, какъ онъ же говорилъ, церковь въ число мучениковъ включила. И Евсевій въ церковной исторіи повѣствуетъ, что Софронія сама себя умерщвила, дабы не претерпѣвъ насилія отъ Максенція Кесаря.

На

На Главу двадесять осьмую.

(1) И неизслѣдимы. Римляномъ глава 11.

(2) Но смиренномудрствую. Къ Римляномъ глав. 12.

(3) Со шрепешомъ радовались. Псаломъ 2.

(4) И такъ какъ нѣкоторые. Премудр. Солом. глав. 4.

На Главу двадесять девятую.

(1) Гдѣ естъ Богъ швой? Псаломъ 41. Быша мнѣ слезы моя хлѣбы день и ночь, вшегда глаголашися мнѣ на всякъ день, гдѣ естъ Богъ швой?

(2) Спрашенъ. Псаломъ 95.

На Главу шридесятую.

(1) Назика. Назика сынъ былъ Гнея Корнилія Сципіона, который съ П. брапомъ въ Гишпаніи отъ Африканцовъ убилъ во время шпорыя войны съ Картегенцами, въ лѣто оныя войны 14. когда десятию мужами по разгнутіи книгъ Сивиллиныхъ стихъ такой найдень, что будетъ такое время, когда непріятели изъ Италіи изгнаны будутъ, естли мать Боговъ изъ Пессимунта Фригійскаго города въ Римъ принесена будетъ. Ошправлены тогда послы къ Апшалу тамъ царствовавшему, дабы именемъ Сената и народа Римскаго мать Боговъ у него испросили. Послы на пути спросили Делфійскаго Аполлина, естли какая надежда къ испрошенію матери Боговъ у Апшала. Оракулъ повелѣлъ имъ благо-

Чистъ 1.

Ж

душе-

душеспвоваѣ и надѣяѣся, объявляя, что они ея выпросяѣ: въ прочемъ спарались бы, дабы въ Римѣ она принята была изряднѣйшимъ изъ всего города мужемъ. И какъ уже въ Остію прибылъ корабль, то по приговору учиненному подѣ клятвою Сенапоровъ, почтенъ наилучшимъ изъ всѣхъ юноша Сципіонъ Назика, ни какова тогда чина неимѣвший, который мать боговъ и священнослуженіе ея принялъ по повелѣнію Сенапа: какъ пишетъ Ливій въ книгѣ 29 и другіе многіе.

(2) А оный Сципіонъ. Въ лѣто опѣ построения Рима 600 когда послы Римскіе вѣдвшіе въ Кареагенъ донесли въ Римѣ, что они ужасное приуготовленіе кораблей въ Кареагенѣ примѣтили, тогда разсуждаемо было въ Сенапѣ, что надлежитъ войну объявить Кареагенцамъ въ разсужденіи онаго. М. Порцій Капонъ, дабы нѣкогда могъ въ безопасности жить Римъ, совѣтовалъ не только объявить войну, но и испребитъ совѣмъ сей спрахъ. Назика же, о которомъ я выше говорилъ, не подавалъ на то согласія, опасаясь, дабы чрезъ то въ роскошь и распустиность народъ не пришелъ, и желалъ, дабы чтолибо народъ Римской на подобіе узды удерживало опѣ развратности, чего для и совѣтовалъ не только не разоряѣ Кареагена, но и не объявляѣ войны безъ законной и великой причины, какъ пишетъ Ливій и другіе.

(3) Потребенъ. Аппій Клавдій обыкновенно говаривалъ, какъ пишетъ Валерій, упражненіе народа Римскаго лучше похвалиѣ можно,

жно, нежели праздность. Понеже оный народъ спокойствіемъ въ разслабленіе приходилъ, спрахъ же обычаи народа Римскаго въ своемъ состояніи содержиѣ, напрошивъ спокойствіе многочисленныя ввело пороки.

(4) Ибо по разореніи Кареагена. Салюстій въ войн. Югуртин. Прежде разоренія, говорилъ, Кареагена Сенапъ и народъ Римской благоустройно республикою управляли, никто не стремился тщеславиться предъ другимъ, ни владычествоваѣ иными своими согражданными: спрахъ непріятелей въ благонравіи содержалъ городъ: но какъ спрахъ опѣ мыслей удался, то немедленно вошли своевольство и гордость.

(5) Кровопролитныя. Тиберій Граха, потомъ К. брата, въ коихъ сперва до кровопролитнаго сраженія дойдено, изъ коихъ первое было по прошествіи десяти лѣтъ по разореніи Кареагена.

(6) Сплещеніемъ беззаконныхъ винъ. Ибо опѣ возмущенія и бунта Грахова произошелъ Трибунаѣ Ливія Друза, котораго прошивопоставили всадникамъ слѣдующимъ установленію Грахову. Опѣ сего началась война съ союзниками, понеже Ливіемъ Друзомъ обѣщаннаго городъ исполнять не могъ. Опѣ сего война съ Миеридапомъ; когда Миеридапъ Царь Понтийскій надѣясь на раздоры Италіи, повелѣлъ многія тысячи Римлянъ въ его спранахъ поругующихъ убить. Отсюда междоусобныя войны Маріевы и Силлины. Также Серторіевы, Лепидовы, Катилинины, и Помпеевы. По-

помѣ самодержавство Кесарево, по убіеніи котораго произошли брани Антоніевы, Филиппинскія, Брута и Кассія; Сицилійскія, Секста Помпея, и проч. наконецъ республика въ Монархію и тиранство премѣнилась.

На Главу тридцать первую.

(1) Театръ. Ливій въ кн. 48. и Валерій о устанавленіяхъ древнихъ пишутъ, что Валерій Мессала и Кассій наняли было Театръ строителю, въ которомъ бы народъ Римскій сидя смотрѣлъ игры. Но Назика одержалъ въ приговорѣ сенатскомъ верхъ, сказывая, что сіе зрѣлище причинилъ великій вредъ нравамъ. И такъ приговоромъ сенатскимъ все оное приуготовленіе осталось безъ исполненія, и определено при томъ сенатомъ, дабы не только въ городѣ, но и за городомъ ближе тысячи шаговъ не дѣлалъ никто Театра, и не заводилъ игръ, которыя бы народъ смотрѣлъ сидя. За нѣсколько до трети съ Карфагенцами войны народъ Римской нѣсколько лѣтъ смотрѣлъ на игры стоя; до самаго разоренія Коринея, въ которое время Л. Мумій, для игръ, которыя въ торжествѣ дѣлалъ, Театръ построилъ, однако на время. Первой навсегда Театръ здѣлалъ въ Римѣ Помпей великій, какъ пишетъ Тацитъ въ кн. 14, по примѣру того, которой видѣлъ онъ въ Митилинѣ во время войны съ Миридапомъ.

(2) Греческой распутности. Греки за нѣсколько вѣковъ прежде Римлянъ имѣли Театры, и самое имя показывающъ, что сіе наименованіе

не театръ отъ Грековъ происходитъ. Ибо Греческое слово *θεατρον* значилъ смотрѣнь или зрѣнь.

На Главу тридцать вторую.

(1) Зрѣлища мерзостей. Ибо мерзостнѣйшее и недостойное зрѣніе, дѣлаемо, и слышаніе, сказываемо было.

(2) Сноснѣ было бы. Терпулліанъ въ Апологетикѣ говоритъ: Терпимѣ было бы богами поспавишь, мудрости Сократа; правды, Аристиды; войны,Themistocles; вишійства, Цицерона; щастія, Силлу; богатства, Красса; величественности, Помпея; важности, Капона. Ибо сіи боговъ самихъ превосходили въ тѣхъ вещахъ. Не скрывали сего и древніе многіе, что благонравные ихъ мужи лучшими были своихъ боговъ. Сенека въ книгѣ второй о спокойствіи жизни утверждаетъ, что Капонъ Упиценскій лучшимъ былъ примѣромъ мудраго мужа, нежели Геркулесъ или Ираклій, или Улиссъ. Луканъ также говоритъ, что той же Капонъ есть отецъ опечества, и наидостойнѣйшій жертвенниковъ и олтарей Римскихъ.

(3) Ибо и она зараза плесная. Ливій въ книгѣ 7 говоритъ, что завсденіе игръ ни душамъ благочестіемъ не помоществовало, ни плѣла отъ заразы не избавило.

(4) Къ однимъ Циценскимъ. Циценскія игры первый въ Римѣ завелъ Ромулъ, въ четвертый мѣсяцъ по построении города, какъ пишетъ Фабій Пикторъ, въ которой день по-

хипилъ онѣ Сабинокѣ. Нѣкоторые же утверждаютъ, что Цирценскія игры прежде заведены, что и въ рошнѣ. Цирценскими называются онѣ, какъ говоритъ Сервій, понеже мѣста тѣ, гдѣ игры отправляемы были, ограждались, *circum*, вокругъ, *enibus*, мечами. Ибо какъ невѣжественная древность еще не могла построить такихъ мѣстъ, гдѣ бы играли игры, съ оградами, то играла онѣ между рѣками и мечами, дабы лѣнивые и желающіе уймы, опуску имѣли преляпствіе. Потомъ при Тарквиніи Прискѣ царѣ назначено мѣсто таковое, въ которомъ каждый годъ игры отправляемы были, какъ Ливій пишетъ, и назывались великими, Римскими, и Цирценскими. Конское въ онѣхъ производилось ристаніе, и сражались между собою бойцы. Сіи игры посвящены были богу Консу, котораго Греки Непшунѣмъ на коняхъ ѣздящимъ называли, которому храмъ по сказанію Діонисіеву Евандромъ въ Латіи построенъ, и назначенъ праздникъ, въ которой свободжались отъ работъ и употребленія людьми на другія дѣла, кони, и ослы, на которыхъ тогда возлагали вѣнки.

На Главу тридцать третью.

(1) Погубили вы пользу происходящую отъ бѣдствій. Коими люди исправляются, и спановаясь благоразумнее, и которыя вмѣняются въ заслугу, когда люди онѣ терпѣливо сносятъ. Платоръ въ Горгіи говоритъ, что бѣдствія и казни полезны и тѣмъ, кои

ихъ

ихъ претерпѣваютъ, и тѣмъ, кои на онѣхъ взираютъ. Ибо обоимъ спановаясь лучшими, одни чрезъ прискорбность, другіе чрезъ при-
мѣръ.

На Главу тридцать четвертую.

(1) Храмъ убѣжища. Мѣсто было священное, откуда извлекалъ никого убѣжавшаго было не можно, изъ онѣхъ первой таковой храмъ построили потомки Геркулесовы. Ибо по смерти Геркулесовой потомки его, какъ пишетъ Сервій въ изъясненіи 8 книгъ Енеидъ. боясь мщенія отъ тѣхъ, коихъ обидѣлъ дѣдъ ихъ, первые изъ всѣхъ построили храмъ убѣжища, то есть храмъ помилованія въ Аѳинахъ, изъ котораго не можно было никого извлечь силою. Слово сіе азилъ, сложено изъ Греческаго, *α*, значащаго не, и безъ, и *σῆρω*, влеку, извлекаю. Что и Спаций во 12 Эивайдъ утверждаетъ, говоря: сказываютъ, что Иракліевы внуки удовольствовавшись сраженіями, храмъ по смерти его поставили въ прибѣжище всѣмъ находящимся въ бѣдствіи. Азилъ Ремъ и Ромулъ построили между замкомъ и капитоліею, дабы множество злодѣевъ и преслупниковъ въ надеждѣ избавятся отъ казни, прибѣгали въ новой городъ для жительства. Въ Греціи и Азіи множество было таковыхъ храмовъ. Но Тиверій Кесарь огорчась онѣхъ вольностию, и безнаказательностию злодѣевъ, всѣ права онѣхъ отменилъ, какъ пишутъ Светоній и Тацитъ.

Ж 4

На

На Главу придесять пѣтую.

(1) Которые не наследуютъ жребія святыхъ. По оному слову Господню: мнози званни, мало же избранныхъ.

(2) Въ послѣднѣмъ судѣ. Такимъ образомъ пишется въ Евангеліи, что Ангели разлучатъ злыхъ отъ среды праведныхъ въ скончаніи вѣка.

На главу придесять шестую.

(1) Котораго во власти всѣ царства. Такимъ образомъ у Матфея въ главѣ 23 Христосъ говоритъ: Дадется мнѣ всяка власть на небеси и на земли.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

К Н И Г А II.

Глава первая.

О образѣ, котораго пѣ нуждѣ спязанія употребить должно.

Ежели бы доказательству несумнѣнной истинны, слабое человѣческой привычки мнѣніе не дерзало прошивиться, но здравому ученію немощь свою какъ бы нѣкоторому врачевству препоручало, покуда по вѣрѣ благоговѣнія Божественною уврачевалось помощію; то не многого труда потребно было бы къ опраженію всякаго тщетныхъ мнѣній заблужденія, особливо тѣхъ людей, которые не несправедливо разсуждаютъ, и чувствованія свои словами довольными изъясняютъ. Нынѣ же поелику въ помѣ большая и гнуснѣйшая безумныхъ душъ состоитъ болѣзнь, что онѣ безсловесныя свои движенія по данномъ доказательствѣ, о не основательности оныхъ, поль совершенномъ, сколько одному человѣку для другаго дать

БЛА-

Ж 5

по

потребно, или по крайней своей слѣпотѣ, которая не видитъ и самыхъ осязаемыхъ вещей; или по непреклонному упрямству, которое и видимаго не терпитъ: какъ бы нѣ которое основаніе и истинну защищаютъ: по предлежитъ нужда, говорить проспраннѣ, дабы вещи ясныя представитъ не для зрѣнія невидящимъ оныхъ, но для осязанія тѣмъ, которые и осязаютъ оныя и прекословятъ. Однако какой можетъ быть конецъ спязанію, и предѣлъ разговору, ежели будемъ опивѣспивовать всегда опивѣчающимъ. Ибо или которые не могутъ выразумѣть сказываемаго нами, или споль упорный имѣютъ разумъ, что когда и разумѣютъ, однако тому не повинуются, тѣ опивѣспивуютъ, какъ писано, и говорятъ неправду, и неизмѣнно безумствуютъ. Которыхъ противоположенія, ежели бы мы всегда восхотѣли опрашивать, когда они расположились безъ зазрѣнія говорить, только бы, какимъ бы то образомъ ни было, нашему спязанію противорѣчить, то не видитъ ли, сколь оное безконечно, бѣдственно и бесплодно? Чего для я сыне мой Маркеллине, не хочу, дабы ни ты, ни другіе, которымъ сей нашъ трудъ съ пользою по любви къ Хрісту служилъ, не были моихъ твореній такими судіями, которые желалибъ непрестанно видѣть новыя наши опивѣшы, когда услышатъ, что тому нѣчто противоположается, что мною написано; дабы небыли таковыя судіи подобными тѣмъ же

женамъ, о которыхъ упоминаетъ Апостолъ, „которые всегда учатся, и никогда въ разумъ истинны не достигаютъ.“

Глава вторая.

О томъ, что показано въ первой книгѣ.

И такъ въ первой книгѣ, когда я предпринялъ говорить о Градѣ Божіемъ, которое сочиненіе при помощи Его начато, то во первыхъ сръшилось мнѣ, дабы опивѣспивовать тѣмъ, которые оныя войны, коими сей міръ сокрушается, а особливо недавно бывшее опъ варваровъ Риму разореніе, Хрістіанскому благочестію приписываютъ, коимъ возбраняются скверными жертвами служить демонамъ: когда наипаче долженствовали присвоить Хрісту, что ради его имени, въ противность уставовъ и обыкновенія военнаго, священныя проспраннѣшія храмы варвары свободными учинили, для тѣхъ, кои убѣгутъ въ оныя. И во многомъ для Хріста такое дѣлали снисхожденіе, что не только то, что въ самой вещи Хрістіанскимъ церквямъ принадлежало, но и оное, о которомъ изъ страха имъ ложно сказано, аки бы онымъ принадлежитъ, такъ уважено, что непозволительнымъ почли все то для себя варвары, что по правамъ военнымъ въ другихъ случаяхъ имъ позволялось. И опшуда то произошелъ вопросъ, для чего сіи Божія благодѣянія проспирались даже до самыхъ нечестивыхъ и неблагодарныхъ? ко-

щѣ

порый вопросъ (1) касающійся многого, въ вѣхъ семъ, или въ разсужденіи божіихъ благодѣяній, или человѣческихъ поражений: которыя поелику хорошо или худо живущимъ безъ чувствительнаго намъ различія приключаются, многихъ безпокояѣ обыкновенно; оной, говорю, вопросъ, дабы по причинѣ предпріятого нами сочиненія разрѣшивъ, нѣсколько говорилъ я обширнѣе, особливо ради утѣшенія святыхъ женъ, благоговѣйныхъ и непорочныхъ, которыя нѣчто претерпѣли отъ непріятелей, которое причинило имъ прискорбность въ разсужденіи цѣломудрія, хотя не лишило твердости и постоянства цѣломудрія; дабы они не сожалѣли о томъ, что остались въ живыхъ, когда не имѣя въ томъ, дабы расказываться въ нечистотѣ. Потомъ нѣчто сказалъ противъ тѣхъ, которые Хрістіанъ претерпѣвшихъ оное бѣдствіе, и особливо насилуемыхъ женъ, хотя чистыхъ и святыхъ дерзновенно поносящъ, будучи сами непогрѣбѣйшими и развращеннѣйшими, и непохожими на тѣхъ Римлянъ, коихъ знаменитыя дѣла выхваляются, и въ Исторіяхъ прославляются, и не только, но и славѣ древнихъ Римлянъ жестокии оспаютъ проптивниками и врагами. Ибо они Римъ основанный и умноженный попеченіемъ и трудами древнихъ, гнуснѣйшимъ учинили стоящій, нежели когда бы онъ разрушился, понеже въ разрушеніи онаго камни и древа, въ житіи же сихъ все, не спѣвъ, но нравовъ достопамятности и украшенія пали, когда развращенностію ихъ

ихъ сердца болѣе, нежели огнемъ дома ихъ града горѣли. Симъ окончалъ я первую книгу: теперь намѣреваю поговорить, коликія нещастья Римъ претерпѣлъ со времени основанія своего, какъ внутри себя, такъ и въ покоренныхъ себѣ провинціяхъ: которое все написано было бы Хрістіанскому благочестию, ежели бы тогда Евангельское ученіе противъ ложныхъ Боговъ свидѣтельствомъ свободнымъ трембало.

Глава шестая.

О томъ, что онъ приподитъ намѣренъ исторіи, изъ которыхъ отърысается, коликое зло претерпѣвали Римляне, прежде нежели благочестіе Хрістіанское началось.

Памятовать должно, что я напоминая сіе, вооружаюсь только противъ непросвѣщенныхъ, отъ коихъ невѣжества произошла оная просвѣтительная пословица: „Дождя не спало, „(1) пому виною Хрістіане.“ Ибо находятся изъ нихъ свободнымъ наукамъ обученные, которые любящъ исторіи, помощію коихъ безъ трудности о семъ вѣдающъ. Но чтобъ зѣлапъ насъ невѣждамъ ненавистными, припворяются, будто того не знаютъ, и между простымъ народомъ силаться утверждать, что бѣдствія, которыми въ опредѣленные времена, и въ назначенныя отъ Бога мѣстахъ родъ человѣческій скорбляемъ быть долженъ, приключаются по причинѣ имени Хрістіанскаго,

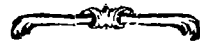

которое противъ Боговъ ихъ съ великою славою всюду распространяется. И такъ пускай съ нами разсмотримъ, какія бѣдствія многократно и многообразно претерпѣвали Римляне, прежде нежели Христосъ пришелъ во плоти, прежде нежели имя Его, коему напрасно завидуютъ, прославилось въ людехъ: и пускай тогда защищаютъ, ежели могутъ, Боговъ своихъ, которыхъ съ тѣмъ почитаютъ, дабы никакого зла не претерпѣвали почитателямъ ихъ, которое нынѣ пострадавъ приписываютъ намъ. Ибо для чего они допустили бѣдствія на почитателей своихъ, которыхъ и описывали намъренъ, прежде нежели оскорбило ихъ прославленное имя Христово, и ихъ жертвы возбрало?

Глава четвертая.

О томъ, что почитатели Боговъ никогда отъ Боговъ своихъ и никакихъ не получали заповѣдей къ благонаправленному житію, и въ священнослуженіяхъ ихъ всякія мерзости отъ пращали.

Вопервыхъ для чего боги ни мало не пеклись, дабы почитатели оныхъ не были развращенныхъ нравовъ? Ибо Богъ истинный ихъ оставилъ, которыхъ Его не почитали: боги же, коихъ почитатели нынѣ жалуются, такъ какъ люди неблагоустроенные, что имъ возбраняется боговъ почитаніе, для чего никакихъ къ благонаправленному житію не дали заповѣдей?

новъ? Ибо всенепременно надлежало, чтобъ, какъ люди о жертвоприношеніи богамъ, такъ боги о дѣлахъ человѣческихъ имѣли попеченіе. Но опивѣтствуется, что всякъ по своему хощенію есть золъ. Кто сіе за истинное не почитетъ? Однако надлежало совѣтующимъ богамъ предписать заповѣди, а не скрывать оныя отъ народовъ ихъ почитателей, но съ громогласнымъ проповѣданіемъ предостатъ: чрезъ пророковъ также каждого согрѣшающаго обличать, явно угрожать тѣмъ, кои зло дѣлаютъ, казню, напротивъ благонаправно житіе препровождающимъ обѣщать воздаяніе. Что сему подобное когдалибо въ храмахъ ихъ провозглашаемо было? Хаживали и мы нѣкогда въ молодыхъ лѣтахъ на зрѣлища и празднества святошатствъ сихъ: видали неистовствующихъ, (1) слышали музыкантовъ, забавлялися мерзкими играми, представляемыми богамъ и богинямъ, и небесной дѣвицѣ Верекиней, (2) матери всѣхъ боговъ, предъ образомъ которыхъ въ праздникъ Омовенія (3) ея, то непогрѣбнѣйшіе актеры (4) въ слухъ всѣмъ пѣвали, чего не только матери боговъ, но и матери какихъ нибудь сенаторовъ, или какихъ либо честныхъ мужей, и не только то, но и матери ихъ самихъ комедіантовъ мерзко было бы слушать. Ибо имѣютъ люди въ родителехъ нѣчто уваженія достойное, котораго ни самое неопотребство испребитъ не можетъ. Понеже оную мерзость гнусныхъ словъ и дѣлъ, комедіанты оныя въ домахъ своихъ для приобученія себя при матеряхъ своихъ поспы-

ди-

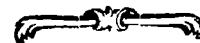
дились бы представлять, которую представляли общенародно, предъ маперію всѣхъ боговъ, при зрѣніи и слышаніи безчисленнаго множества народа обоего пола. Которое ежели изъ любопытства могло окружать, то крайней мѣрѣ огорчившись въ разсужденіи чистоты своей, должно было возвратиться въ дома посрамленнымъ. Ежели сіе есть священнослуженіе, то что можетъ назваться святошествомъ? Ежели сіе есть омовеніе, то что можетъ быть оскверненіемъ? И сіе называлось пиршествомъ, въ которомъ жертвоприносителей пищею, какъ бы насыщаемы были нечистые демоны. Ибо кто не чувствуетъ, какіе должны быть оныя духи, кои таковыми мерзостями услаждаются: развѣ шопѣ, который совсѣмъ не знаетъ, находятся ли нечистые духи, прельщающіе людей именемъ боговъ; или шопѣ, который препровождаетъ таковую жизнь, въ которой сихъ наипаче и милостивыми и благошворительными къ себѣ имѣть желаетъ, и спрашиваетъ ихъ гнѣва, нежели истиннаго Бога.

Глава пятая.

О мерзостяхъ, коими мать боговъ отъ почитателей своихъ почитаема была.

Не таковыхъ въ семъ случаѣ хочу я имѣть судей, которые мерзкаго обыкновенія пороками утѣшаются наипаче, нежели прошиваясь онымъ, но онаго самаго Назику

Сци-

добреннаго всемъ сенапомѣ, коего руками онаго демона Кумирѣ принявъ и въ Римѣ внесенъ. Пускай бы онъ сказалъ намъ, хотѣлось ли бы ему, дабы мать его удостоилась чести божеской, какъ у Грековъ и Римлянъ и другихъ народовъ опредѣлены божескія смертнымъ почести, которыхъ къ себѣ оказанныя уважали заслуги, и почитали, что они спались бессмертными, и причислены къ богамъ. Конечно пожелалъ бы онъ такого щастія и жребія маперіи своей. Потомъ ежели бы мы его спросили: желаетъ ли онъ, дабы при божественномъ почтеніи маперіи его таковыя мерзости представляемы были? Что не возопилъ ли бы онъ, что лучше для него, ежели мать его лишена будучи чувствъ, лежать будещъ мертвою, нежели будучи богинею, слышать таковое? Я не уповаю, чтобъ сенапорѣ Римскаго народа, одаренный таковымъ разумомъ, съ каковымъ возбранялъ созидать есапѣ во градѣ храбрыхъ мужей, пожелалъ, дабы мать его такъ почитается, чтобъ богиня таковыми священнослуженіями и жертвами умилошвиваемая была, каковыми честная жена всякая оскорблена была бы. И не повѣрилъ бы, чтобъ стыдливость честной жены такъ въ противное божествомъ премѣнилась, чтобъ ея таковыми почестями призывали ея почитатели, каковыми ругательствами, ежели бы кого другаго поносили, когда она въ живыхъ находилась, естлибъ не закинула она уши, и не удалась прочь, то стыдомъ объяты были бы вѣсто ея и родшвенники, и мужъ и дѣти. При всемъ

Часть I.

З

томъ

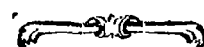

помѣ таковая мать боговъ, каковую всякой непопретной челоуѣкъ поспыдился бы имѣти матерью, намѣревая занять разумъ Римлянъ, искала изряднѣйшаго мужа, которагобы обманомъ прельстивъ: оной подобна, о коей написано: (1) „жена же драгоцѣнныя мужей „души плѣняетъ.“ дабы оный великій духъ симъ какъ бы божественнымъ свидѣтельствомъ восхищенъ будучи, и почивая въ самомъ дѣлѣ себя благонравнымъ, истиннаго благочестія не изыскивалъ, безъ котораго всякой разумъ, хопя въ прочемъ похвалы достойный, гордостію низпадаетъ. И такъ какимъ образомъ, есплибы не имѣла умысла и лукавства, требовала она богиня изряднѣйшаго мужа и благонравнаго къ своему священнослуженію, когда въ священнослуженіи ея такихъ вещей она пребуеетъ, каковыя благонравные мужи удалялись и отвергали отъ своихъ пировъ?

Глава шестая.

О томъ, что языческіе боги не предполагали ученія какъ хорошо жить.

Отсюда то происходилъ, что о житіи и нравахъ городовъ и народовъ, которые боговъ оныхъ почитали, боги попеченія не имѣли, и дѣлали, чтобъ почитавшеи ихъ не въ поляхъ и виноградахъ, не въ домѣ и денгахъ, и наконецъ не въ самомъ плѣлѣ, которое душѣ подвласно, вредъ преперпѣвали, но дабы въ семъ

семъ ужасномъ и проклятомъ злѣ самымъ разумомъ, самымъ управляющимъ плотию духомъ погружались, и спланивались непопретнѣйшими; сіе самое ни мало не возбраняя попускали. Или ежели возбраняли, то сіе наипаче пускай покажутъ язычники, пускай намъ откроютъ. Пускай же не хвастаютъ невѣдомо какими шепшамъ нѣкоторыхъ малочисленными людьми слуху внушенными, и тайнымъ нѣкоторымъ вдохновеніемъ преданными, которые наставляли на добронравіе и чистоту: но пускай покажутъ и представлятъ мѣста таковыми нѣкогда посвященные собраніямъ: но мѣста не такія, гдѣ отыраляются игры съ безчинными воплями и движеніями комедіантовъ, или гдѣ празднуются фугалія (1) со всякимъ своевольствомъ мерзостей, и подлинно празднество фугалія, то есть прогнанія, но прогнанія не другаго чего, какъ только зазрѣнія, стыда и честности: но гдѣ бы народъ слушалъ то, что повелѣваютъ боги: напримѣръ о испребленіи сребролюбія, о удаленіи отъ гордости, о обузданіи похоти: гдѣбы научались бѣдные люди тому, чему учиться за нужное признаваетъ Персія, (2) который не безъ поношенія за то народу говоритъ: „Вникните несчастные, и вины вещей познайте, „что мы такое въ свѣтѣ, и для чего въ жизнь „сію родились, какой порядокъ устроенъ, „или сколь нечувствительно прехожденіе челоуѣка отъ опрочества къ юности, какія „предѣлы полагаютъ должно сребролюбію, чего „надлежитъ желать, что похъзы въ монетахъ

„сколько надобно издерживать имѣнія для „опечесства, и любезныхъ сродниковъ, какимъ „тебѣ богъ повелѣлъ быть, (3) и какое тебѣ „даровалъ соспояніе.“ Пускай отвѣчаютъ, въ какихъ мѣстахъ сіи наставляющихъ Боговъ обыкновенно читаемы были заповѣди, которыми народъ ихъ почитающій слушалъ? Такъ какъ мы показываемъ, что на то у насъ церкви устроены, гдѣ бы благочестіе Хрістіанское ни распространилось.

Глава седьмая.

О томъ, что изобрѣтенія философовъ бесполезны, когда каждаго къ порокамъ склоннаго человека болѣе побуждаетъ то, что Боги издѣлали, нежели то, что люди умствопали.

Можетъ спастся философъ училища намъ предсказавшій: однако то не Римское, но Греческое: или ежели потому Римское, понеже и Греція самая есть провинціею Римскою, слѣдовательно не боговъ заповѣди суть, но изобрѣтенія человѣковъ, которые одарены будучи проникательными разумами, всячески пытались размышленіемъ достигнуть до того, что скрывается въ природѣ вещей, чего въ разсужденіи нравовъ желать должно, чего удаляться; что въ самихъ умствованияхъ правилахъ прямымъ союзомъ связывается, или что не стѣдуетъ изъ перваго предложенія, или еще оному и пропивно. И нѣкоторые изъ нихъ нѣчто великое изобрѣли, сколько имъ Богъ по-

помогъ, сколько же въ разсужденіи немощи человѣческой были воспрепятствованы, заблудили, наипаче когда ихъ надменности (1) Божій промыслъ праведно вопрошивилъ, дабы показать примѣромъ ихъ, что пупъ благочестія ведущій горѣ происходитъ отъ смиренномудрія. При всемъ томъ, ежели философы нѣчто изобрѣли, которое къ препровожденію добродѣтельной и блаженной жизни довольнымъ быть можетъ: то не лучше ли онымъ опредѣлять божескія почести? Не лучше ли и честнѣе было, ежели бы въ Платоновомъ храмѣ книги его читаемы были, нежели въ храмахъ бѣсовскихъ жрецамъ обрѣзываться, развращеннымъ быть посвящаемымъ, (2) или прочему безчеловѣчному и мерзкому дѣлаему быть, которое при священнослуженіяхъ таковыхъ боговъ совершается? Не лучше ли было бы для наставленія къ правдѣ юношесства читать всенародно законы боговъ, нежели щегольно хвалить законы и установленія предковъ, (3) сколь скоро вознеисповиялся сластолюбіемъ, какъ Персій Еороритъ окропленнымъ ядомъ, то болѣе сморилъ на то, что издѣлалъ Юпитеръ, нежели взирающъ на то, чему училъ Платонъ, или какъ думалъ Катонъ. Отсюда то у Теренція (4) развращенный юноша вводился разсматривающимъ картину на стѣнѣ написанную, гдѣ изображено было, какъ Юпитеръ пустилъ данаѣ на лono золотый дождь: и въ разсужденіи мерзскихъ своихъ дѣлъ защищающаго себя, пѣмъ, что онъ своими поступками подражаетъ

жаешь Богу, а какому, говоришь Богу? Такому, которой ужасным громом колеблешь небеса: которой ежели самъ то дѣлаешь, то я будучи, говоришь, человекомъ, не дѣлаюль того? Конечно дѣлаю и безъ принужденія.

Глава осьмая.

О театральныхъ при спященнослуженіи играхъ, въ которыхъ Боги не оскорбляются изреченіемъ ихъ мерзостей, но умилощаютъ.

Но говоряшь, что сіе описывается и преподается только въ басняхъ стихотворцовъ. Я не могу сказать чтобъ таинъ ихъ Мерзостнѣйшими были Театральныя дѣйствія. Я то говорю, въ чемъ противорѣчащихъ облачаетъ искорія, то есть, что тѣ самые игры, въ которыхъ владычествуютъ вымыслы стихотворческія, не невѣжескии повинкованіемъ къ священнослуженію Боговъ своихъ присоветовали Римляне, но что самые Боги съ пренебреженіемъ повелѣвая, какъ бы испоргли оное, дабы игры торжественно были представляемы, и въ честь ихъ посвящаемы. Чего я въ первой книгѣ кратко коснулся. Ибо какъ усилилась зараза (1) въ Римѣ, то по совѣту первосвященника въ первыхъ въ Римѣ оныя игры заведены. И такъ ктобы не подумалъ, что въ препровожденіи жизни то ему наипаче дѣлать должно, и тому подражать, что дѣйствуется въ играхъ богами уславленныхъ, нежели оному, что пишется въ законахъ чело-

ловѣческихъ совѣтомъ изданныхъ? Прелюбодѣемъ Юпипера ежели ложно описали стихотворцы, то боги будучи непорочными, видяшное беззаконіе чрезъ забаву человеческую себѣ приписываемое, должны были гнѣваться и опмщевать. И сіи сущіе легчайшія и сноснѣйшія Театральныя игры, то есть комедіи и трагедіи, сирѣчь представленіе стихотворческихъ басней сложенныхъ не безъ привнесенія множества мерзкихъ дѣлъ (2) и гнусныхъ словъ: которыя между науками честными и свободными опроки принуждаемы бываютъ опъ снѣрѣйшихъ читать и понимать.

Глава девятая.

Что древніе Римляне о пресѣщеніи полноты стихотворческой думали, которой Греки послѣдуя боговъ стихъ суду не ограничивали.

Какихъ же мыслей были древніе Римляне о стихотворцахъ, объ ономъ свидѣтельствуютъ Цицеронъ въ книгахъ писанныхъ имъ о республикѣ, гдѣ Сципіонъ (1) спязуясь говоритъ: Никогда бы комедіи не въ силахъ были одобрить свои театральныя преступленія, ежели бы не вошло въ обыкновеніе. И Греки нѣкоторые древніе неправого своего мнѣнія нѣкое сохранили сходство, у которыхъ закономъ было позволено, чтобъ комедія представляла что хочешь (2) и о чемъ хочешь, и такъ какъ въ тѣхъ же книгахъ говоришь Африканъ: кого она не коснулась; или луч-

ше сказать, кого не перзала, кого пощадила? но пускай такъ, пускай непопулярныхъ людей, бунтовщиковъ, какъ то Клеона, Клеофонла, (4) Ипервола (5) она перзала. Снесемъ и то безъ досады, что лучше бы пакowychъ гражданъ Ценсоръ (6) или надзиратель долженъ былъ охуждать, нежели спихопворецъ: но Перикла, (7) который въ своемъ городѣ съ великимъ благоразуміемъ и гражданскія и военныя опправлялъ дѣла чрезъ нѣсколько лѣтъ, безславилъ спихами, и представлялъ оныя спихи на есапрѣ не приличеспвовало сполькожъ, какъ ежелибъ Плавтъ нашъ (8) или Невій, Публия и Кнея Сципіона, (9) или Цецилій (10) Марка Капона (11) вознамѣрились злословить. Потомъ не много ниже: Наши, говоривъ законы (12) двенадцати таблицъ хотя не много главъ въ себѣ заключающъ, однако между оными не преминули учинить запрещеніе подъ смертною казнью, ежели кто обезславилъ кого, или ругательныя сочинилъ спихи. Весьма справедливо. Ибо житіе наше подлежитъ законнымъ судіямъ, а не спихопворческимъ умамъ, и не должны мы слышать поношеній, кромѣ такихъ, о коихъ доносить должно быть въ судъ, и прошивъ коихъ отвѣчать мы обязаны. Сіе изъ Цицероновой четвертой книги о республикѣ заблаго я почелъ выписать опѣ слова до слова, пропустивъ нѣкоторыя рѣчи для удобнѣйшаго понятія, или нѣсколько перемѣнивъ. Ибо сіе много служилъ къ тому, что я изъяснялъ намѣреваю. Онъ говорилъ по-
томъ

томъ много другаго, и такимъ образомъ заключаемъ сіе положеніе, дабы показавъ, что древнимъ Римлянамъ неугодно было, дабы или хвалимъ былъ въ есапрѣ еще въ живыхъ находящійся человекъ, или злословимъ. Но Греки какъ я сказалъ, хотя не благоразумно, однако приличіе оное позволили, когда примѣнили, что богамъ ихъ пріятно, не только когда люди поносимы, но когда и сами они укоряемы въ есапральныхъ басняхъ бывающъ тѣми беззаконіями, которыя или спихопворцами вымыслены, или которыя въ самой вещи богами здѣланы, которыя воспоминаются и представляются въ есапрахъ, и о! когдабы ихъ починателямъ смѣха, а не подражанія достойными оныя казались. Ибо знакомъ было чрезвычайной гордости не перзавъ безславіемъ начальниковъ городовъ, и гражданъ, когда боги повелѣвали нещадить собственной своей славы. Понеже что язычники въ защищеніе представляющъ, что оное несправедливое, но ложное и вымышленное предлагается; потому наипаче должно быть оное непростительнымъ беззаконіемъ, еспли вникнуть въ благоговѣніе благочестія: есплиже разсудить о злобѣ демоновъ, то откроется, что ничего хитрѣе и лукавѣ сего къ прелщенію быть не можетъ. Ибо когда поносимъ бываетъ государь въ собственномъ отечествѣ, доброй и правосудной, то тѣмъ болѣе казни заслуживаетъ злословящій, чѣмъ злословіе его опѣ истинны удаленіе, и опѣ житія того государя чуждѣ. И такъ какія казни будутъ довольны къ
3 5 ошмще-

опищенію, когда таковая ужасная и чрезвычайная богамъ дѣлается обида?

Глава десятая.

Съ какимъ умысломъ преднымъ желаютъ вѣсы, дабы или ложныя преступленія или истинныя о нихъ были разглашаемы.

Но злые духи, которыхъ язычники богамъ почитаютъ, и шѣ самыя беззаконія, которыхъ не дѣлали, желаютъ, дабы о нихъ разглашали, только бы разумъ человѣческій сими мнѣніями, какъ бы сбѣжи уловить, и съ собою къ угошованному привлечь мученію: хотя шѣ люди, коихъ богами признавать совѣнующъ, радующіеся о заблужденіяхъ человѣческихъ, и себя вмѣсто шѣхъ, дабы ихъ обожали, безчисленными образами вредными и коварными представляющіе, оныя беззаконія дѣлали: хотя напропивъ ни одинъ изъ оныхъ въ самой вещи не дѣлалъ того, однако лукавые духи желаютъ, дабы вымышляемы были беззаконія о богахъ, дабы казалось людямъ довольнымъ основаніемъ, чтобъ дѣлать всякія преступленія, и мерзости, когда будучъ думать, что въ шѣмъ подражаютъ небожителямъ. И такъ Греки, когда чувствовали, что они суть рабы таковыхъ боговъ, то при шѣликомъ поношеніи дѣлаемомъ снхотворцами ихъ богамъ, не почли за благо ограничивать снхотворцовъ, дабы они ихъ щадили: можетъ быть или желая чрезъ шѣ уподобиться своимъ богамъ; или боясь, дабы не раздражили боговъ, когда

да стануть искать честнѣйшей себѣ славы, и предпочипать себя богамъ. Къ сему сходству принадлежатъ, что Греки своихъ комедіантовъ (1) представляющихъ таковыя басни не малой чести достойными судили. Ибо, какъ въ тойже книгѣ о республикѣ упоминается, Есхинъ (2) Аѣинскій, мужъ краснорѣчивый, (3) когда въ юношесствѣ предсавлялъ трагедій, получилъ достоинство управителя республикою: и Аристодемъ, (4) который актеромъ былъ трагедій, въ важныхъ дѣлахъ мира и войны посломъ посланъ былъ многократно къ Филиппу Аѣинскому царю. Ибо непристойнымъ почитали дѣломъ, когда идѣли, что тожѣ искусство, и театральныя игры богамъ ихъ пріятны, почитали актеровъ въ числѣ безчестныхъ людей.

Глава первая надешѣ.

О актерсахъ, которые у Грековъ къ управленію республикою допущены, потому что несправеднымъ дѣломъ почитено, дабы умилостивляющіе боговъ отъ людей презираемы были.

Сіе Греки хотя мерзко учинили, но въ разсужденіи боговъ своихъ сходственно, которые не отважились защищать жизни гражданъ своихъ, дабы оную не перзалъ языкъ снхотворцовъ и актеровъ, которые, какъ сами Греки вѣдали, и боговъ жизни не щадили, понеже сами боги шѣго желали и прѣбывали: и самихъ шѣхъ людей, которые шѣ въ

еаапрахѣ дѣйствовали, что богамъ угоднымъ признавали и вѣдали, почли, что не только не презираю, но и весьма почитаю должно. Ибо какую бы причину предсавивъ они могли, для чего жрецовъ почитаютъ? думаю не иную, какъ что чрезъ нихъ приносятъ богамъ пріятныя жертвы. Такъ для чегожъ бы они актеровъ имѣли въ презрѣніи, когда извѣстно имъ было, что они дѣлаютъ удовольствіе или честь богамъ, которые того требовали, и объявляли, что они раздражены будутъ, ежели люди того для нихъ не дѣлаютъ? особливо когда Лабеонъ, (2) котораго искуснымъ въ таковыхъ вещахъ прославляютъ, боговъ добрыхъ отъ боговъ злыхъ такую почитанія разностию различаютъ, то есть что злые боги (3) умилоспиваемы бываютъ закланіемъ животныхъ и людей, и печальными моленіями, добрые же веселыми и пріятными жертвами, какъ на примѣръ, играми, пированіями, и одропосланіями. О чемъ всемъ, каково оно, ежели Богъ поможетъ, обспояпелнѣе поговоримъ. Теперь что касається до настоящей матеріи, продолжимъ; то есть или хотя все всѣмъ богамъ безъ разбору такъ какъ добрымъ отъ людей приносился; ибо не пристойно быть богамъ злыми, или лучше сказать, когда всѣ сіи духи нечистые суть злы: или съ прямымъ различіемъ, какъ Лабеонъ думалъ, однимъ такія, другимъ инныя совершающія обѣты, однако прилично Греки обоимъ достойными чести почитаютъ, и жрецовъ, которые жертвы приносятъ, и акп -

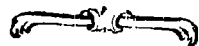

актеровъ, которые игры представляющъ; дабы не обличилъ кто ихъ, что они дѣлаютъ всѣмъ своимъ богамъ обиду, когда не представляютъ пріятныхъ всѣмъ богамъ игръ; или что гораздо хуже, когда не представляютъ игръ въ честь добрыхъ боговъ, которые оныя любятъ.

Глава вшораянадесять.

О томъ, что Римляне отнимая полность у стихотворцовъ, дабы они не поносили людей позволяя напротивъ поносить боговъ, лучшихъ о себѣ были мыслей, нежели о ботахъ.

А Римляне напрошивъ, какъ въ ономъ о республикѣ разглагольспвіи хвастаетъ Сципіонъ, не были согласны, дабы житіе и слава подвержена была поношеніямъ и злословіямъ стихотворцовъ, и опредѣлили казнь смертную тому, кто дерзнетъ сочинить таковаго рода стихи. Что самое въ разсужденіи боговъ надмѣнно и неблагочеспиво. Ибо когда они вѣдали, что Боги не только терпѣливо но и съ удовольствіемъ отъ стихотворцовъ пріемлютъ поношенія и злословія: то для чего почли себя недостойными обидъ, и себя въ томъ случаѣ - оградили закономъ, въ разсужденіи же боговъ оныя злословія и поношенія совокупили съ священнослуженіемъ? Сіе ли ты похваляешь Сципіонъ, что стихотворцамъ опшняпа вольноспкъ поношенію кого либо изъ Римлянъ, когда видишь, что они ни одного изъ боговъ вашихъ

шихъ не пощадили? не уже ли шы почелъ большаго уваженія достойнымъ вашу рапушу, (1) нежели Капитолію, одинъ Римъ, нежели цѣлое небо, когда стихотворцовъ злорѣчивый языкъ закономъ былъ ограниченъ, дабы не поносили гражданъ, напрошивъ ни одинъ Сенаторъ, ни одинъ вельможа, ни одинъ перво-священникъ не возбранялъ, дабы той же самый языкъ не перзалъ поношеніемъ боговъ? Недостойнымъ тебѣ казалось, дабы Плавтъ или Невій Публий и Кнея Сципіона, или Цецилій Марка Капона злословилъ, то достойнымъ ли шы почелъ, дабы Теренцій вашъ (2) мерзкими беззаконіями Юпитера благаго и великаго возбуждалъ юношей къ позорнымъ дѣламъ?

Глава шрестіинадесятъ.

О томъ, что должны были Римляне понять, что боги ихъ, когда требовали, дабы имъ почтеніе отдаваемо было мерзскими играми, недостойны были божеской чести.

Но можетъ быть опивчалъ бы онъ мнѣ, ежелибъ живъ былъ; какимъ образомъ судили-бы мы казни-достойнымъ то, что боги сами священнымъ бытъ благоволили, когда есапральныя игры, гдѣ все шакое оппправляеи-ся и къ Римлянѣмъ ввели, и повелѣли, дабы оное ихъ чести посвящаемо было? Такъ для чегожъ Римляне не поняли, что шакѣе бо-ги не суиъ испинныя, и что они не достпѣ-ны, дабы имъ чести божеская отдаваема бы-ла

да республикою? Ибо ежелибы тогда не при-дичеспвовало и ни мало не надлежало ихъ по-читашъ, когда бы они пребывали, дабы игры оппправляемы были въ чести ихъ состоящія изъ поношенія Римлянъ, то какимъ образомъ богами они признаны почтенія достойными, а не злыми духами, когда для прельщенія людей пребывали, дабы ихъ беззаконія пред-спавляемы были вмѣсто почтенія? Привсемъ томъ Римляне хопя уже шлетворнымъ онымъ суевѣріемъ заражены были, когда боговъ оныхъ почитали, копорые повелѣли есапральныя мерзости вмѣсто почтенія себѣ предспавляшъ шакъ какъ священныя, однако памятуя свое достоинство и стыдъ, акпсровъ шакѣе басней не почитали по обычаю Грековъ, но какъ у Цицерона шопѣе говоритъ Сципі-онъ: когда Римляне искусиво и въ играхъ и въ есапральныя дѣйствія за безчестное иѣ-чно прежде почитали, родъ сей людей, то еспъ актеровъ, не шолько чести должной граж-данѣмъ лишили, но и опредѣлили, дабы цен-соры ихъ и изъ числа гражданъ (1) и ко-лѣнъ выключали. Знаменитое подлинно благо-разуміе, копорое причести надлежитъ къ по-хваламъ присвоаемымъ Римлянамъ. Но я бы желалъ, дабы сіе благоразуміе само себѣ послѣ-довало, само себѣ подражало. Прямо сіе хо-рошо: что всякъ, кто пожелаешъ бытъ актеромъ, не шолько лишаешъ надежды къ чести, но и выключаемъ былъ ценсорѣмъ изъ числа гражданъ. О духъ града ищущаго хвалы, и прямо Римскій! Но пускай опивчалъ-спиву-

спивующѣ мнѣ, справедливо ли они лишаютѣ актеровѣ чести, когда къ почитанію боговѣ присовокупляютѣ игры? Оныя театральныя искуства чрезѣ много лѣтъ Римляне мужественные и храбрые не знали: копорыи хотѣли къ удовольствію человѣческому были изобрѣшенными, или развращенностію обычаевѣ въ употребленіе взошли, но не боги ли требовали, дабы оныя въ честь имѣ представляемы были? И такѣ для чего презираютѣ актера, чрезѣ котораго почитается Богѣ? И для чего въ мерзости театральной зазираетѣ и порочитѣ актера, когда поклоняются тому, который онаго требовалѣ? Въ семѣ словопреніи находящія Греки и Римляне. Греки думаютѣ, что они дѣлаютѣ справедливо, почитая актеровѣ, когда почтеніе отдаютѣ богамѣ, кои оныхѣ игрѣ требовали: Римляне же не только изѣ сенаторскаго достоинства, но и изѣ числа гражданѣ простыхѣ актеровѣ исключали. Въ семѣ словопреніи таковое умствование спорѣ весь разрѣшаетѣ. Предлагаютѣ Греки: ежели таковыхѣ боговѣ почитатѣ должно, то людей, то есть актеровѣ почитатѣ надлежитѣ. Предлагаютѣ Римляне, что никакѣ таковыхѣ людей почитатѣ не надобно. Заключаютѣ Христиане: слѣдовательно никакимѣ образомѣ таковыхѣ боговѣ почитатѣ не должно.

Глава четвертаянадесять.

О томѣ, что лучшимѣ былѣ Платонѣ, который въ благомъ гражданствѣ не давалѣ мѣста стихотворцамѣ, нежели сіи боги, которые пожелали себя почитатѣ театральными играми.

Наконецѣ вопрошаемѣ, для чего самые стихотворцы сочинили таковыхѣ басенѣ, копорымѣ закономѣ двенадцати таблицѣ возбранено злословитѣ гражданѣ, полѣ ужасными поношеніями терзающіе боговѣ, равно безчестными не почитаются, какѣ и самые актеры? Справедливо ли дѣлается, что актеры вымысловѣ стихотворческихѣ и безчестныхѣ боговѣ, безчестными поспавляются: и напротивѣ почитаются таковыхѣ здоровѣ сочинители? Не лучше ли отдать справедливостѣ Платону Греческому, (1) который умомѣ разпредѣляя, каковымѣ граду бытѣ должно, опредѣлилѣ, что стихотворцовѣ изѣ града какѣ мятежниковѣ и враговѣ выгонятѣ надлежитѣ. Онѣ же негодовалѣ и за обиды дѣлаемые богамѣ, и не хотѣлѣ, дабы повреждаемы были сердца человѣческія вымыслами стихотворцовѣ. Сравни теперь Платона изгоняющаго стихотворцовѣ изѣ города, дабы они не развращали гражданѣ, съ божествомѣ истиннымѣ боговѣ, копорыя требовали, дабы имѣ отдаваемо была честь чрезѣ игры театральныя. Онѣ, дабы таковыя сочиненія на свѣтѣ не являлись, хотя не могѣ присовѣтоватѣ, однако разглагольствіемѣ своимѣ совѣтѣ ватѣ легкомы-

сленнымъ и распущнымъ Грекамъ. Боги же дабы оныя игры представляемы были, въ коихъ заключались сѣхнопворческія басни, согласіе на то уважныхъ и скромныхъ Римлянъ нуждоу испоргли. И не только повелѣли, чѣмъ оныя дѣйствуемы были, но чѣмъ имъ были посвящаемы, имъ торжественно представляемы. Кому приспѣиѣ божескую честь опредѣлилъ бы градъ, Платону ли, который сѣи гнусности и мерзости возбранялъ, или бѣсамъ радующимся о заблужденіи людей, которыми онъ истиннаго присовѣщавъ не могъ? Сего Платона и Лабенъ (2) между полубогами полагаетъ, каковыми на примѣръ сущъ Ираклій и Ромулъ. Полубоговъ же предпочинаетъ героямъ, но обоихъ въ числѣ боговъ поставляетъ. (3) При всемъ томъ сего, котораго онъ называетъ полубогомъ, я не спрашусь предпочестъ не только полубогамъ, но и самымъ богамъ. Сходствуютъ же Римскіе законы съ умствованіемъ Платоновымъ, когда онъ охуждаетъ всѣ сѣхнопворческія выдумки, а они опнимаютъ вольность у нихъ злословию гражданъ: онъ извергаетъ ихъ изъ своего города, сѣи актеровъ сѣхнопворческихъ басней опрѣвдаютъ опѣ сообществу гражданъ, а ежелибы нѣсколько взяли дерзновенія противъ боговъ, которые пребывали есепральныхъ игръ, то можетъ быть и опвсюда бы ихъ оппринули. И такъ ни какимъ образомъ не могли опѣ боговъ своихъ Римляне надѣяться закона, или къ наставленію добрыхъ, или исправленію злыхъ нравовъ, которыхъ они сами

сами

сами своими законами превосходятъ и побѣждаютъ. Ибо боги въ честъ себѣ пребуотъ есепральныхъ игръ, а Римляне лишаютъ всякаго почтенія актеровъ: боги повелѣваютъ представлятъ себѣ самѣ поношенія вымышленныя сѣхнопворцами, Римляне наглотъ сѣхнопворцовъ удерживаютъ законами, дабы они и людей не поносили. Полубогъ же оный Платонъ, и распущности таковыхъ боговъ прошивался, и показалъ, чѣмъ Римлянамъ должно дѣлать, который сѣхнопворцамъ по хопѣнїю своему и изволенію агущимъ, или бѣднымъ людямъ дѣла боговъ къ подражанію предлагающимъ въ благоустроенномъ городѣ жить не позволялъ. Мы правда Платона ни богомъ ни полубогомъ не починаемъ, ни ангелу святому всевышняго бога, ни истинному пророку, ни какому либо апостолу, или Хрістову мученику, ниже какому нибудъ Хрістіанину не уподобляемъ, котораго нашего мнѣнія вину при помощи божіей въ своемъ мѣстѣ изъяснимъ. Однако думаемъ, что его, когда они признаютъ полубогомъ, предпочестъ надлежитъ ежели не Ромулу и Ираклію: хопи онъ ни брата не убилъ, (4) и не учинилъ никакого беззаконія: (5) по крайней мѣрѣ или Пріапу, (6) или Кинокефалу (7) или лихорадкѣ, (8) которыхъ боговъ Римляне частію опѣ стороннихъ (9) народовъ приняли, частію сами обоготворили. (10) И такъ какимъ образомъ поликое сердецъ и нравовъ зло, хорошими заповѣдми и законами или наставляющее возбранили бы, или вселившееся ис-

И 4

нѣра-

коренили таковыя боги, которые пшались о разпроспраненіи и умноженіи беззаконій, желая, дабы оныя, которыя были или ихъ собственныя, или какъ бы собственныя, посредствомъ театральныхъ игръ людямъ спались извѣстными, чпобѣ, какъ бы изволеніемъ боговъ, возжигалось и воспламенялось непопрѣбное сластолюбіе человѣческое само собою.

Глава пятнадцатая.

О томъ, что Римляне нѣкоторыхъ боговъ не по разсужденію, но изъ ласкательства поставили.

Какъ же можно назвать благоразуміемъ, когда избираютъ они себѣ боговъ и самыхъ ложныхъ, а не ласкательствомъ, когда онаго Платона, коего почитаютъ полубогомъ, столько въ разсужденіяхъ полагающаго трудовъ, дабы зломъ душевнымъ, коего наипаче оберегаться надлежитъ, нравы человѣческіе не распались, ни однимъ священнымъ храмомъ не удостоили, а Ромула своего многимъ другимъ богамъ предпочли: хотя и онаго поставляли полубогомъ (1) наипаче, нежели богомъ, какъ тайное ихъ писаніе изъясняетъ? Ибо и жреца ему называемаго Фламенъ (2) назначили, которой жреческой чинъ (3) столь превосходилъ прочія, что прее единственно жрецовъ Фламенъ нарицаемыхъ, (носившихъ на головахъ шапки (4) опушанныя вокругъ шерстяными нитками) преемъ богамъ назначали. (5)

Жре-

Жреца Фламенъ Диалисъ называемаго Юпитеру; Фламенъ Марціалисъ, Марсу; Фламенъ Квириналисъ, Ромулу. Ибо Ромулъ по усердію народа (6) воспріимъ бывши на небо, Квириномъ послѣ того нареченъ. (7) и чрезъ по Ромулъ предпочтенъ и Нептуну, и Плутону Юпитеровымъ братьямъ, и самому Сатурну опцу ихъ, пошому, что великаго священника, коегого поставляли Юпитеру, назначили и ему, и Марсу можетъ быть для Ромула, коегого опцемъ Ромулу признавали.

Глава шестнадцатая.

О томъ, что ежелибы боги имѣли попеченіе здѣлать людей прapedными, то Римляне долженствовали принять прапила къ благонапному житію, отъ боговъ, нежели заимствовать законы отъ людей.

Ежелибы могли Римляне отъ боговъ своихъ принять законы къ препровожденію благонапного житія, то не приняли бы законовъ Солоновыхъ отъ Аѳинянъ, (1) спустя отъ основанія Рима приспа лѣтъ. Принявшижъ Солоновы законы не въ такомъ же видѣ содержали ихъ, какъ приняли, но лучшими (и исправнѣйшими учинить старались. И хотя Ликургъ (2) объявлялъ, что Лакедемонцамъ по повелѣнію и внушенію Аполлонову законы предписалъ, однако Римляне по благоразумію своему доспойно тому не повѣрили, и для того законы взяли изъ другаго мѣста. (3)

И 3

Нума

Нума Помпилий, (4) который вступилъ на царство по Ромулъ, нѣкоторыя законы, поелику древнѣе не были довольны къ управленію Римомъ, сочинилъ. Который также многія священнослуженія Римлянамъ уставилъ, однако не пишущъ, (5) что онъ отъ боговъ оныя законы принялъ. И такъ зло душевное зло житія, зло нравовъ: которыя шель велики, что по признанію наичуднѣйшихъ мужей (6) ими погибающъ республики при цѣлослѣстнѣ градскихъ: боги Римлянъ, дабы оныя ихъ почитателямъ не приключились, ни малато о томъ попеченія не имѣли, но наипаче тщались о томъ, дабы оная злая, какъ выше я показадъ, распространились, и умножались.

Глава седмаянадесять.

О похищеніи Савинокъ, и другихъ неправдахъ, которыя въ Римѣ въ пыхпаемые времена дѣлаемы были.

Развѣ можетъ спастись народу Римскому для того законы отъ боговъ не предписаны, что у нихъ правда не по законамъ, но по природѣ болѣе силы имѣла, какъ Салюстій говоритъ. По сей по я думаю правдѣ (1) похищены Савинки. (2) Ибо что можетъ быть праведнѣе, и лучше, какъ дочерей чужихъ приманенныхъ умышленно зрѣлищемъ не изъ рукъ, и не съ согласія родителей ихъ взять, но насиліемъ, какъ кому попало, похитить? Понеже ежели неправедно здѣлалибы Савинцы, ког-

когдабы не согласились отдать дочерей своихъ, когда ихъ просили въ замужство; посколь не справедливѣе похищать не данныхъ? Праведнѣе бы можно было воевать и вооружаться на оной народъ, который дочерей своихъ не отдалъ въ замужство сосѣдамъ своимъ, которые ихъ просили, нежели съ такимъ воевать народомъ, который прѣбывалъ обратнѣ похищенныхъ своихъ дочерей. И такъ сіе шамъ наипаче учинено быть могло, гдѣ Марсъ сыну своему сражающемуся помогъ бы, дабы обиду въ отпказанныхъ бракахъ отпмспить, и такимъ образомъ къ женамъ, какія ему были угодны, достигнуть. Ибо можетъ быть по нѣкоторому праву войны похитилъ бы праведно, будучи побѣдителемъ, шѣхъ, въ которыхъ ему неправедно отпказано. По какому же праву мира похитилъ онъ неданныхъ, и сражался какъ будто праведно съ ихъ отцами, которые праведно вооружились. Сіе правда полезнѣе (3) и щасливѣе послѣдилось. При всемъ томъ хощя въ память (4) сего обмана Цирценское зрѣлище оспалось, однако поступка онаго въ Римѣ примѣръ не былъ благоугоденъ; и удобнѣе Римляне въ томъ погрѣшили, что послѣ толикой неправды Ромула обоготворили, напрошивъ ни какимъ закономъ или обычаемъ не позволили, дабы народъ примѣру оному подражалъ, по естъ въ похищеніи женъ. По сей правдѣ по изгнаніи (5) царя Тарквинія (6) съ дѣшными изъ Рима, котораго сынъ насиліе учинилъ Лукреціи, Юній брутъ Консулъ, Дикиній Тар-

квинія Коллашина мужа оной Лукреціи, поварища своего опѣ должности опрѣшилъ, и въ Римѣ жишъ не позволилъ, за одно то, что онѣ назывался Тарквиніемъ, и родспвенникомъ былъ оному Тарквинію. И сіе беззаконіе онѣ учинилъ или безъ пропировѣчія, или и съ согласія народнаго, который Коллашина Консуломъ прежде поставилъ, какъ и самаго Брута. По сей правдѣ Маркъ Камиллъ (7) въ тогдашнее время мужъ изряднѣйшій, который Веепшнѣ спрашнхъ непріятелей Римскаго народа, по десятилѣтней войнѣ, въ которое время Римская армія худо сражаясь, жестоко была поражена, когда уже самый Римъ былъ въ страхѣ и опчаяніи, удобно побѣдилъ, и ихъ наибогатѣйшій городъ плѣнилъ; збиспю злословящихъ мужество его и своевольствомъ и беспыдствомъ прибуновъ и родныхъ обвиненъ будучи, споль не благодаримъ избавленный собою Римъ почувствовалъ, что извѣстившись о обвиненіи своемъ, спольвожно во изгнаніе опправился: взысканъ съ него и шпирфъ денежной простирающійся до нѣсколька пысячъ рублей. И сіе учинено съ такимъ человѣкомъ, который вскорѣ потомъ (8) имѣлъ бытъ опмспителемъ за спольже самый Римъ неблагодарный Галламъ. Не хочу я болѣ упоминать мерзкаго и неправеднаго, которое дѣлаемо было въ Римѣ, когда сильные (9) спарались покорить себѣ народъ, и народъ не хотѣлъ онимъ покориться, и когда обѣихъ споронъ защитники болѣ спарались преодолѣть другихъ, нежели разсуждать о правдѣ.

Глава

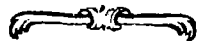
Глава осмаянадесять.

О томъ, что о нравахъ Римлянъ или страхомъ обуздываемыхъ, или отъ безопасности въ распутиность пришедшихъ, Салюстіепа открываетъ исторію.

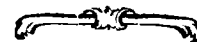
И такъ употребляю я въ свидѣтельство самого Салюстія, которой когда въ выхвалу Римлянъ сказалъ, что у нихъ не по законамъ, но по природѣ правда болѣ дѣйствовала: прославляя оное время, въ которое по изгнаніи царей въ короткое время невѣроятнымъ образомъ процвѣлъ Римъ. Однако спольже Салюстіи въ первой книгѣ своей исторіи, (1) въ самомъ началѣ признается, что и тогда, какъ послѣ царей Консуламъ вручена была республика, въ скоромъ времени (2) претерпѣвала обиды и наглости сильныхъ, и разныя происходили въ Римѣ раздоры. И когда сказалъ, что благонравно и въ великомъ согласіи жизнь препровождалъ народъ Римскій между впору и послѣднею войною (3) съ Каррагенцами: то вину сего благосостоянія приписалъ не любви къ правдѣ, но спраху, то есть дабы не прервали мирныхъ договоровъ Каррагенцы. Почему и Назика онѣй для обузданія непопрестства, и для сохранения благонравія, дабы спрахомъ обуздавъ беззаконія, опговаривалъ разорять Каррагенъ. Что самое въ самомъ дѣлѣ сбывшееся показывается Салюстіи, „когда говоритъ: Но несогласіе, (4) и сребролюбіе, и гордость, и прочія беззаконія, которыя обыкновенно при благополучіи рождающ-

И 5

ся,

ся, по разореніи Кареагена чрезвычайно усилились: чрезъ сіе даешъ намъ знаніе, что и прежде рождались и усиливались. Чего для изъясненія, почему онъ то сказалъ, говоритъ: „Обиды сильныхъ, и попричинъ той оплаченіе народа опъ сенаторовъ, и другія раздоры въ Римъ происходили: и не болѣе Римляне жили въ согласіи, покуда изгнавъ царей боялись Тарквинія, и покуда не окончили жестокой войны съ Епсруріею. (5) Не видишь ли, сколько короткое время по изгнаніи царей благокрѣпче нѣсколько жили Римляне? Но и по тому виною полагаетъ спрахъ, понеже боялись войны, которую производилъ Тарквиній изгнанный изъ царства Римскаго, и соединившійся съ Епсрусками. И такъ послушай что онъ далѣе продолжаетъ: „Попомъ, говоритъ, вельможи Римскіе гражданъ вмѣсто невольниковъ „употреблялъ, билъ и казнилъ (6) такъ какъ „цари, опнимають земли, (7) и одни управляють въ государствѣ дѣлами начали. Чемъ обиженъ „и крѣпсненъ будучи народъ, особливо по причинѣ частыхъ браней, когда великія налагаемы „были подати, и дѣлаемы были военныя наборы, вооружившись вышелъ въ гору священную (8) и Авентинскую, и тогда выбралъ „себѣ прибуновъ народныхъ, и другія установилъ права: но сіи раздоры и междоусобія съ „обѣихъ сторонъ прекращены были вшорою съ „Кареагенцами войною. Видишь ли каковы были Римляне въ скоромъ времени по изгнаніи царей, о которыхъ Салюстій говоритъ: что у нихъ не по законамъ но по природѣ наипаче правда дѣй-

дѣйствовала? И такъ ежели оныя времена таковыми представляются, въ которыя, какъ сказывающъ, благонравною была Римская республика: то что уже о слѣдующихъ временахъ разсуждать должно, когда по малу измѣнясь, какъ тойже пишеть историкъ, изъ наипрекраснѣйшей и благонравнѣйшей дѣлалась непопрѣбнѣйшею, и беззаконіями избыточествующею, то естъ, какъ онъ самъ упоминаетъ, по разореніи Кареагена? Которыя времена оныйже Салюстій какимъ образомъ описываетъ, всякъ оное можетъ въ его читать исторіи, которая открываетъ, чрезъ каковая злая дошли Римляне до сраженій междоусобныхъ (9) съ котораго времени, какъ онъ же говоритъ, нравы предковъ не по малу, какъ прежде, но вдругъ низвержены, юноши сладострастіемъ и сребролюбіемъ такъ развратились, что подумалъ бы всякъ, что вновь таковыя родились, которые и сами ничего домашняго не имѣли, (10) и не могли терпѣть, дабы другіе чтили о имѣнь могли. Попомъ пишеть Салюстій пространно о преступленіяхъ Силлы, и прочихъ мерзостяхъ Римскихъ: и другіе писатели въ томъ согласуютъ, хотя они не столько красноглаголю (11) писали. Однако видишь, какъ думаю я, и всякъ, кто ни вникнетъ, Удобно увидитъ, что мерзость развращенныхъ нравовъ, въ которой погружался Римъ, началась прежде пришествія нашего всевышняго царя. Ибо сіе дѣлалось не только прежде нежели Христосъ во плоти началъ учить, но и прежде нежели родился опъ дѣвы. И такъ

когда пошкое зло временъ оныхъ, или сноснѣйшее, или по разореніи Карфагена несносное и ужасное не приписываютъ своимъ богамъ: то для чего наспоющія и нынѣшнія бѣдспвія Хрісту причипаютъ, который спасительнымъ ученіемъ и ложныхъ боговъ почитать возбраняетъ, и сіи человѣческія вредныя вожделѣнія оуждая, отъ сихъ золъ въ расплѣніе приводящихъ міръ, вѣрныхъ своихъ восхищаетъ, и наполняетъ оными вѣчный и преславный градъ свой.

Глава девятнадцатая.

О томъ, что Римская республика разпращеною сталась прежде нежели позбранилъ Хрістосъ почитать ихъ боговъ.

Не видно ли, что Римская республика, о чемъ не я первой говорю, но ихъ писатели, которыми насъ за деньги научали, повѣспвуютъ, прежде пришествія Хрістова, по малу измѣняясь, изъ прекрасной и благонравной, непопрѣбною и беззаконіями изобилующею спалась? Не видно ли, что прежде пришествія Хрістова, по разореніи Карфагена, обычаи предковъ не помалу какъ прежде, но вдругъ разрушились? споль то юноши сладострасптіемъ и сребролюбіемъ развратились! Пускай покажутъ заповѣди боговъ своихъ данныя Римскому народу противъ сладострасптія и сребролюбія. Но о когдабы хопя сполько не предписывали законовъ къ честнымъ дѣламъ, и не

не требовали бы отъ Римлянъ безчестныхъ и позорныхъ дѣлъ! Пускай посмотришь у насъ, то увидишь, и въ пророкахъ, и въ святомъ Евангеліи, и въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, и въ посланіяхъ величайшее множествъ заповѣданий возбраняющихъ сребролюбіе и сладострасптіе, которыя во всѣхъ собраніяхъ народа на то созываемаго провозглашаемы бывають. При всемъ томъ онаго, что ихъ (Римская) республика до пришествія Хрістова по причинѣ сладострасптія и сребролюбія и мерзкихъ и варварскихъ обычаевъ непопрѣбнѣйшею спалась, не приписываютъ богамъ своимъ: оскорбленіе же въ нынѣшнее время за ихъ гордость и роскошь приключившееся, присвоятъ благочестію Хрістіанскому: котораго заповѣди о правдѣ и благонравіи ежелибы выслушали, и исполняли поощались цари земные, и всѣ народы, князи и всѣ судіи земспіи, юноши и дѣвы, спарцы съ юношами, всякой возрастъ и полъ, и пѣ самые, коихъ мытарями (1) называютъ, и воины: то и царспва свои подѣлалибы благополучными, и на небеси царспвія блаженнаго не лишились бы. Но понеже одинъ слушаетъ, другій презираетъ, и большая часть людей болѣе лестныя пороки, нежели суровость полезныхъ добродѣтелей любятъ, то повелѣается рабамъ Хрістовымъ терпѣть и не ненавидѣть, царей, князей, судей, воиновъ, богатыхъ, убогихъ, свободныхъ, рабовъ, обоихъ половъ; и сносить, ежели нужда того пребудетъ, и самую наиразвратеннѣйшую республику, и симъ терпѣніемъ въ святѣйшемъ ономъ

ономъ и августѣйшемъ небесномъ обществѣ
знаменитое себѣ приуготовлять мѣсто.

Глава двадесятая.

*О томъ, како посполучіе имѣть, и ка-
кимъ образомъ жизнь препрождать жела-
ютъ тѣ, которые порочатъ Христіанскаго
благочестія времена.*

Таковые почитатели и любители оныхъ
боговъ, копорымъ въ беззаконіяхъ подражать
за удовольствіе себѣ сплываѣ, ни мало о томъ
не беспокоятся, что ихъ республика непо-
пробспивами и беззаконіями наполнена. Тодь-
кобъ, говоряѣ они, стояла, толькобъ про-
цвѣтала богатствомъ, толькобъ славилась по-
бѣдами, и что лучшимъ благополучіемъ почи-
нается, имѣлабъ безопасный миръ. И что
болѣе до насъ принадлежитъ? До насъ при-
надлежитъ наипаче, дабы всякъ всегда
приумножалъ богатство, которое былобы до-
вольно на распоченіе всегдашнее, и копорымъ
бы каждый сильнѣйшій поработалъ себѣ не-
мощныхъ. Пускай разбогачиваются нищіе
богатымъ изъ нищизны, и для того, дабы подѣ-
лать оныхъ болѣе разслабляѣ и прихо-
дитъ въ разлѣненіе. Богатые бѣдныхъ пускай
употребляюѣ по своему щеславію какъ хо-
пятъ. Народъ пускай руками плещетъ не-
пѣмъ, копорые полезное имъ совѣтуюѣ, но
пѣмъ, копорые дѣлаюѣ для него удоволь-
ствіе и роскошь. Пускай повелѣваемо не бу-
детъ

дѣлать трудное, и возбраняемо непопробное.
Цари пускай не о томъ разсуждаюѣ, сколь
хадъ благонравными, но сколь хадъ послуш-
ными владычествуюѣ. Провинціи пускай ца-
римъ не какъ исправляющимъ ихъ нравы, но
какъ обладателемъ ихъ имѣніемъ, и всѣхъ
упѣхъ промыслителямъ служаѣ, и оныхъ
пускай не усердно почитаютъ, но непопроб-
но и рабски да боятсѣ. Пускай запрещаемо
будетъ спрого, дабы чужихъ виноградъ ни-
кто не вредилъ, а не то, дабы жизни своей
никто не причинялъ вреда. Пускай никого не
приводяѣ къ судіямъ, кромѣ тѣхъ, копорые
вредъ причинили или вещи чужой, или дому,
или здравію безъ соизволенія другаго. Впро-
чемъ изъ своихъ, или съ своими, или со всѣ-
ми, кои на то согласны, пускай дѣлаютъ,
что угодно. Пускай умножатся обществен-
ныя блудницы, или для всѣхъ, копорые сла-
дострастіемъ довольствоватъ себя хотятъ,
или особливо для тѣхъ, копорые особенныхъ
и чистыхъ содержатъ не въ состояніи. Пу-
скай создаютъ пространныя и прекрасныя
дочы, пускай заводятъ знаменитыя пиры,
гдѣ кому угодно, и возможно. Пускай день
и ночь продолжаются игры, пѣнство, и
прочее. пускай вездѣ танцуюѣ, есашры не-
благоприсойною радостію, и воплями и вся-
кимъ родомъ непопробнаго и мерзкаго удо-
вольствія наполняются. Пускай тогъ почи-
нается общественнымъ врагомъ, копорому сіе
благополучіе не нравится. Пускай того, ко-
торой сіе дерзнулъ бы уничтожитъ, множе-
ство

ство свободного народа не слушаетъ, изъ общества изринетъ, испребитъ опъ среды живыхъ. Пускай почитаютъ тѣхъ боговъ, которые таковое благополучіе промыслили народу, и промышленное сохраняютъ. Пускай ихъ почитаютъ, какъ они сами хотятъ, пускай пребываютъ игрѣ, какихъ желаютъ, которыя могутъ имѣть опъ своихъ почитателей: только пускай припомъ учинитъ, дабы сіе благополучіе не было разрушено ни опъ непріятеля, ни опъ заразы, ни опъ другаго какаголибо приключенія. Кто изъ благоразумныхъ таковое общество, не говорю Римской Имперіи, но дому Сарданапалову (1) уподобитъ, который былъ нѣкогда царемъ распутнымъ споль, что на гробницѣ своей повелѣлъ написать; что онъ только то имѣетъ умершій, что его сладоспирасіе, когда въ живыхъ находился, испощило. Ежелибы сіи имѣли таковаго царя, который бы всѣ таковыя дѣла имъ позволялъ, и спротоспи никакой не употреблялъ противъ ихъ, то думаю доброхотнѣе бы они, нежели древніе Римляне Ромула, таковаго царя почитали храмомъ, и жреца Фламенъ называемаго ему назначили.

Глава двадесять первая.

О томъ, что боги Римлянъ ни мало объ ономъ попеченія не имѣли, дабы республика Римская разпрощенными обычаями не погибла.

Но что касается до настоящаго вопроса, то хотя Римляне и увѣряютъ, что ихъ рес-

публика была похвалы достойною, однако она, по свидѣтельству ихъ наивученѣйшихъ писателей, за долго до пришествія Христова непопретною и беззаконною спалась, или лучше сказать, совсѣмъ вида не имѣла республики, и разрушилась своими развращенными нравами. И пакъ дабы она совершенно не погибла, то боги, хранители сего народа, почитателямъ своимъ долженствовали предписать законы, особливо въ разсужденіи житія и нравовъ, когда почитатели ихъ шолкими храмами, шолкимъ числомъ жрецовъ, шолкими родами жертвъ, шоль различными священнослуженіями, шолкими празднествами, шоль многими и шоль великими играми ихъ чтили, гдѣ демоны ничего болѣе не дѣлали, какъ только то, что имъ хотѣлось, не спараясь о томъ, какимъ образомъ почитатели ихъ жизнь препровождаютъ, но наипаче прилагая попеченіе, дабы они развращенно жили, особливо когда почитатели ихъ изъ подъ спрахъ все то имъ опправляли. А ежели оные боги предписали имъ какіе законы, то пускай они представятъ, покажутъ и прочтутъ, какіе законы, оному граду данные, презрѣли Гракхи (1), что смияшеніемъ все возмутили? Какіе Маріи (2), и Цинна (3), и Карбо (4), кто дошли до междоусобной войны, по неправды винамъ (5) начатой и жестоко продолженной, жестокае же окончанной? Какіе наконецъ самый Силла (6), котораго жизни, нравовъ, дѣлъ, по описанію Саллюстія и другихъ историковъ, кто не

ужаснется? Кто не признается, что она республика уже тогда погибла (7)? Или можетъ спастись осмѣляясь въ защищеніе своихъ боговъ, какъ они обыкновенно то дѣлаютъ, предложитъ *Виргиліево* оное мнѣніе, что ради таковыхъ нравовъ отступили и удалились всѣ боги (8) отъ своихъ храмовъ и жертвенниковъ, помощію которыхъ государство сіе стояло. Вопервыхъ, ежели оно такъ, то для чего они ропщутъ на благочестіе Христіанское, что онымъ оскорблены будучи боги ихъ, ихъ оставили, когда предъ ними нравами своими опъ городовъ и оларей столь многихъ и мѣкихъ боговъ на подобіе мухъ опогнали? Вовторыхъ, гдѣ сія полна боговъ была, когда гораздо прежде, нежели распались древніе нравы, опъ Галловъ плѣненъ и сожженъ былъ Римъ (9)? Или они тутъ же были, но спали? Ибо въ тогдашнее время по плѣненіи всего города одинъ оставался холмъ Капинолинскій, который также плѣненъ былъ бы, ежели, какъ спали боги, такъ спали бы и гуси (10). Опъ сего случая почти въ равное впали суевѣріе Римляне съ Египтянами (11), обожжающими звѣрей и птицъ, когда для гусей (12) дѣлали празднество. Но я теперь не разсуждаю о тѣхъ приключеніяхъ, которыя вредъ причиняютъ не только душѣ, сколько тѣлу, то есть тѣ, которыя случаются или опъ непріятеля, или заразы. Я теперь говорю о расплѣніи нравовъ, которые сперва легкимъ образомъ измѣнялись, наконецъ такъ пали и разрушились, что самыя

мыя Римскіе писатели, хотя спѣны и дома неразрушимо стояли, республику падшею не сомнѣвающимся почитали. Праведно же изъ храмовъ своихъ и жертвенниковъ удалились боги, ежели градъ заповѣди ихъ о благонравномъ житіи презрѣлъ. И такъ какимъ образомъ назовемъ мы тѣхъ богами, которые съ почитателями своими не хотѣли жить, которыхъ, когда они худо жили, не научили жить благонравно?

Глава двадцать вторая.

О томъ, что переменны временныхъ вещей не отъ любви, или ненависти демоновъ, но отъ опредѣленія истиннаго Бога зависятъ.

Что болѣе? Боги ихъ помогали имъ, дабы они удовольствовались себя своими вожделѣніями, и напропивъ никогда не пособствовали къ тому, дабы обуздывали оныя. Ибо которые Марію (1), человеку новому и не изъ знашнаго рода, заводчику наижесточайшихъ браней междоусобныхъ, дабы ему семь разъ быть Консуломъ, пособствовали, и во время бытности своей седьмой разъ въ Консульствѣ, дабы умеръ въ глубокой старости и не попался въ руки Силлѣ, который вскорѣ имѣлъ быть побѣдителемъ: то для чего тому же Марію не пособствовали, дабы онъ опъ столь жестокихъ и безчеловѣчныхъ злодѣній удержался? Ибо ежели къ тому боги ихъ имъ не пособствовали, сіе есть не маловажно, столь, что они и сами при-

знаются, что при неблаговоленіи боговъ ихъ можетъ случиться человѣку таковое благополучіе временное, и могутъ люди таковые, каковъ былъ Марій, имѣть здравіе, силы, богатство, честь, достоинство, долговѣчность, и наслаждаться тѣми въ то время, когда боги на нихъ гнѣваются. Также что могутъ люди таковые, каковъ былъ Регулъ, мучимы быть плѣномъ, рабствомъ, нищетою, безсонницею, болѣзнями и смертью претерпѣть въ то время, когда боги ихъ любятъ. Сіе ежели признаютъ они неложнымъ, слѣдовательно ихъ боги не поспѣшествовали людямъ къ благополучію, а тѣмъ самымъ напрасно ихъ почитаютъ. Ибо ежели добродѣтелямъ душевнымъ и благонравію жившій, коихъ воздаянія ожидать надлежитъ послѣ смерти, противное, дабы народъ тому научался, успавили; и ежели также въ сихъ временныхъ и скоропреходящихъ благихъ какъ ненавидимымъ себѣ вреда не причиняютъ, такъ и любимымъ пользы не приносятъ: то для чегожъ ихъ люди почитаютъ? Для чего изыскиваютъ съ толкимъ ищаніемъ средствъ къ ихъ почитанію? Для чего роютъ, аки бы оные боги, оскорблены будучи многотрудными и прискорбными временами, удались? Для чего благочестіе Христіанское недостойными поношеніями терзаютъ? Ежели же оные боги въ сихъ вещахъ власныи благодѣтельствовали, или злошворить, то для чего они непопулярному мужу Марію поспѣшествовали, и отъ благонравнаго человѣка Регула удались?

Не

Не можно ли выразумѣть чрезъ сіе, что они неправедны и непопулярны? Ежели для того думаютъ почитать ихъ должно и бояться, то и того думать не надлежитъ; ибо не меньше ихъ почиталъ Регулъ, какъ Марій, и для того не должно избирать непопулярнѣйшей жизни, понеже болѣе Марію поспѣшествовали, нежели Регулу. Ибо Метеллъ (2), Римскій мужъ, достойный чести, имѣвшій пять сыновъ Консулами, былъ щастливъ и въ временныхъ вещахъ; и напропивъ Капилина (3) непопулярный при недоспѣхѣ на войнѣ, своимъ злодѣйствомъ продолжаемой, лежѣлъ пораженъ. И прямиыи и безсомнѣльнымъ благополучіемъ наслаждаются добродѣтельные люди, почитающіе Бога, которыхъ одинъ оное даровать можетъ. И такъ когда погибала она республика злыми нравами, тогда боги ничего не дѣйствовали къ управленію, или исправленію нравовъ, дабы она не погибла, но еще прилагали къ развращенію нравовъ не мало, дабы она погибла. Пускай же сіи боги не припворяются добрыми, аки бы оскорблены будучи неправдою гражданъ, удались. Совсѣмъ сіе неправда: они совершенно тѣмъ были, но не могли ни помоществовать повелѣвая, ни скрываться молча. Я оставляю то, что Марій (4) сказавшимися Миншурянами препорученъ богинѣ Марикѣ въ ея роцѣ, дабы ему щастіе служило. Чего для онъ по крайнемъ опчаяніи невредимъ въ Римѣ, будучи безчеловѣчнымъ, безчеловѣчное повелѣ войско, въ которомъ сколь крово-

пролитная, сколь безчеловѣчная, сколь самаго непріятеля свирѣпѣйшая была побѣда его, пускай всякъ читаеиъ писавшихъ объ ономъ. Но сіе, какъ я сказалъ, оставляю, и Марикъ, невѣдомо какой, кровопролитнаго благополучія Маріева не приписываю, но тайному нѣкому промыслу Божию, служащему къ загражденію успѣхъ и къ свободженію опѣ заблужденій ихъ, которые сіе тщательнѣ примѣчаютъ. Понеже въ таковыхъ вещахъ демоны хотя нѣсколько и могутъ, но столько могутъ, сколь имъ Всемогущаго волею поущено будетъ, дабы мы не уважали земнаго благополучія, которое, такъ какъ Марію, многимъ злымъ людямъ случается, и чтобъ не поспавляли онаго зломъ, когда видимъ, что благочестивые и добродѣтельные мужи, почитающіе одного истиннаго Бога, превосходили многихъ, хотя демоны того не хотѣли; и дабы мы не думали, что сихъ нечистѣйшихъ духовъ или для сего временнаго добра умилоспивлять, или бояться должно. Ибо какъ самые злые люди на земли, такъ и демоны не все, что хотятъ, дѣлаютъ могутъ, но только то, что своимъ спроеніемъ имъ попускаетъ полтъ, котораго судьбы неиспытанны, и котораго праведно никто оуждать не можетъ.

Глава двадесять третія.

О дѣлахъ Силлы, коихъ постѣшествователями себя показали демоны.

Силла самый (1), котораго времена таковы же были, какъ и первыя, за которыя онъ мстипелемъ себя представлялъ, когда въ первый разъ противъ Марію армію повелъ, внутрення разбѣченнаго живошнаго такое щастіе ему предвозвѣщали, что Постумій (2) жрецъ подвергалъ себя смертной казни, ежели того не сдѣлается при помощи боговъ, что Силла намѣревалъ. Видишь ли, что не удались боги опѣ храмовъ и жертвенниковъ, когда о будущемъ предсказывали, и напрошивъ о исправленіи Силлы ни малаго попеченія не прилагали? Обѣщали великое благополучіе, и напрошивъ злаго вождельнія какимъ либо прещеніемъ не обуздывали. Попомъ когда онъ былъ въ Азіи, воюя противъ Мипридаша (3), то чрезъ Луція Тиція сказано ему опѣ Юпитера, что онъ Мипридаша побѣдитъ, что и сбылось. А наконецъ, когда намѣренъ онъ былъ возвратиться въ Римъ для опмищенія кровію гражданъ обидѣ собственнхъ и друзей своихъ, то вторично сказано ему опѣ Юпитера чрезъ нѣкотораго шестаго легеона воина, что какъ предвозвѣщена ему побѣда надъ Мипридашомъ, такъ нынѣ общаетъ дарованъ ему власть возвратить опѣ враговъ и выручить республику не безъ великаго пролитія крови. Тогда вопрошилъ Силла: каковъ видомъ былъ явившійся ему? И когда

воинъ сказалъ и описалъ видъ, тогда вспомнилъ онъ, что и тому въ такомъ же видѣ явился, который о побѣдѣ надъ Митридатомъ предсказалъ. Что здѣсь открѣчать могутъ, для чего боги оныя пеклись о томъ, чтобъ предвозвѣстить оное щастіе, и не спарались утѣшаніемъ исправить Силлу, который злодѣйскимъ оружіемъ не только имѣлъ обезобразить республику, но и совсѣмъ разрушить оную? Чрезъ сіе познать можно, что оныя боги суть демоны, какъ я выше уже однократно говорилъ. И извѣстно намъ изъ священнаго писанія, и самыя дѣла доказывающіе, что они дѣла свои опправляютъ съ лѣтъ, дабы ихъ за боговъ признавали и почитали, дабы по имъ опправляемо было, чрезъ что опправляющіе, сообщившись съ ними, были бы тезопитными на судъ Божіемъ. Помомъ когда Силла прибылъ въ Тарентъ и тамъ приносилъ жертву, примѣтилъ на поверхности воловьей печени подобіе воловой короны. Тогда Постумій, жрецъ вышепомянутый, свѣдѣствовалъ, что симъ предзнаменуется знающая ему побѣда, и повелѣлъ, дабы онъ внутреннія оныя части одинъ употребилъ. Спусти нѣсколько времени, невольникъ нѣкоего Луція Поція пророческимъ голосомъ возопилъ: я присланъ вѣстникомъ отъ Беллоны: побѣда твоя, Силла! Сказавъ сіе, прибавилъ: сгорилъ Капитолія. Выговоривъ сіе, вышелъ изъ лагерей. На другой день дерзновеннѣе разгнѣлся, и вопилъ: Капитолія сгорѣла! Сгорѣла же въ самомъ дѣлѣ; что удобно

демону

демону было и предусмогнѣть и скоро возвѣстить. Ты тому только внимай, что нашей истиннѣ посочисвущи и къ намѣренію нашему принадлежишь, каковыхъ боговъ хотѣишь имѣть тѣ, которые хулятъ Спасителя, свободившаго хотѣние человѣческое отъ области демоновъ. Вопилъ человѣкъ, пророчествуя: побѣда твоя, Силла! и дабы повѣрили тому, что онъ вопилъ, вдохновенъ будучи богачи, предвозвѣстивъ нѣчто вскорѣ бытъ имѣющее, которое и сдѣлалось, отъ котораго мѣста далеко отстоялъ тотъ, чрезъ котораго духъ оный говорилъ; однако не вопилъ: преспанъ отъ злодѣйной Силла, каковыя онъ, будучи побѣдителемъ, подѣлалъ, которому корона золотая, знаменитый знакъ его побѣды, на воловьей печени явилась, которые знаки ежели бы праведные боги давали обыкновенно, а не нечестивые демоны, то поистиннѣ оными внутренностями живошнаго мерзкое наипаче и самому Силлѣ вредное зло будущее открыли бы. Ибо оная побѣда не столько пользы сдѣлала его достоинству, сколько причинила вреда его вождѣбнію, отъ котораго произошло, что онъ, желая безмѣрнаго, и напыщаясь своимъ щастіемъ, болѣе самъ погибъ въ нравахъ, нежели непріятелей своихъ погубилъ въ тѣлахъ. Сіе столь плачевное и сѣтованія прямого достойное ни внутренностями живошныхъ, ни пшицезрительствомъ, ни сновидѣніемъ, ни вдохновеніемъ боги не предсказали; ибо они болѣе боялись, дабы

онѣ не исправился, нежели чѣмъ не былъ побѣжденъ. При всемъ томъ довольно и они съ своей стороны дѣлали, дабы онѣ, ставши славнымъ согражданъ своихъ побѣдителемъ, и плѣненъ бывши мерзкими беззаконіями, демонамъ самымъ преданнѣйшимъ былъ бы.

Глава двадцать четвертая.

О томъ, сколь сильно побуждаютъ злые духи людей къ злодѣяніямъ, когда въ дѣланіи беззаконій какъ бы божественный воли своей примѣръ предлагаютъ.

И опѣ сего кто не разумѣетъ, кто не видѣлъ, развѣ тотъ одинъ, котораго таковымъ богамъ подражать наипаче желаетъ, нежели благодарію Божію опѣ ихъ сообщества разлучиться, сколь много дѣлаютъ зла злые оные духи примѣромъ своимъ, которые какъ бы Божеское хощеніе представляють къ злодѣяніямъ? Но что болѣе? На нѣкоторомъ равномъ мѣстѣ (1) въ Кампаніи, гдѣ не много спустя беззаконная междоусобная неистовствовала война, боги оные между собою прежде сражались. Ибо тамъ слышанъ былъ великій прескъ, и многіе послѣ того сказывали, что они видѣли двѣ арміи, сражающіяся чрезъ нѣсколько дней. И какъ скоро окончилось оное сраженіе, тогда найдены слѣды какъ бы человѣческіе и конскіе, которые подѣланы были въ ономъ сраженіи. И такъ ежели дѣйствительно между собою боги сражались,

жались, то какъ не извинить междоусобныхъ браней человѣческихъ? Однако разсудить должно, какова боговъ сихъ злоба, или бѣдность. Ежелижъ они припворялись сражающимися, то что они иное дѣлали, какъ только чѣмъ бы Римляне, междоусобно сражаясь, какъ бы подражая примѣру боговъ, думали, что они никакого злодѣянія не дѣлаютъ? Ибо уже начались междоусобныя войны, и нѣкоторое беззаконныхъ сраженій проклятое предварило пораженіе. Уже многіе пронуты были шѣмъ (2), что воинъ нѣкоторый (3) когда убитаго обнажалъ, по обнаженіи трупа позналъ, что то былъ его братъ, и проклявъ междоусобную брань, себя самого умертвилъ и легъ купно съ братомъ. И такъ дабы не накутила таковая брань, но чѣмъ жаръ беззаконной войны болѣе воспламенился, тотчасъ сіи демоны, которыхъ они богами признавали и почитенія достойными судили, между собою сражающимися восхотѣли явиться людямъ, дабы Римляне не успрашились продолжать междоусобную брань, но чѣмъ человѣческое преступленіе и беззаконіе божескимъ извинено было примѣромъ. Симъ коварствомъ злые духи и игры, о чемъ я выше говорилъ, театральныя себѣ опправлять повелѣли, въ которыхъ толкія беззаконія боговъ театральнымъ пѣніемъ и дѣйствіями басенъ внушаемы были народу, что всякъ хотя бы и вѣрилъ тому, хотя бы и не вѣрилъ, однако какъ скоро увидѣлъ, что боги желаютъ, дабы то опправляемо было, безъ опасности подражаетъ. И такъ дабы кто не

почелъ, что поношенія, дѣлаемые богамъ, составляютъ нѣчто недостойное боговъ, когда стихопворцы описывали ихъ сражавшимися (4), то они для прельщенія людей стихопворческія басни, то есть сраженія взаимныя между собою не только чрезъ актеровъ въ театръ, но и сами собою на полѣ сраженія видѣ представляя, утвердили и одобрили. Сіе принуждены мы сказать, понеже писатели Римскіе не сомнѣваются повѣснствовать, что непотребными нравами гражданъ Римская республика давно уже погибла, и потеряла видѣ республики гораздо прежде пришествія Господа нашего Іисуса Христа; которой погибели богамъ своимъ не приписываютъ тѣ, кои вло скоропреходящее, коими добродѣтельные хотѣли жили, хотѣли умерли, погибнуть не могли, Христу нашему присвояютъ, виною его поставляя, когда Христосъ нашъ прошивъ распятія нравовъ многія предписалъ заповѣди о благонравіи; боги же ихъ никакихъ законовъ не дали почитающему ихъ народу, дабы оная республика не погибла, но наипаче щцались своими примѣрами, прилагая къ онымъ вредную важность, развращить нравы, дабы она погибла; о которой, думаю, всякъ скажетъ, что она не для того погибла, что удалились отъ всѣхъ храмовъ и жертвенниковъ боги, какъ бы любящіе добродѣтели, когда оскорблены они пороками людскими, понеже полъ многими знаками внутренностей разсѣченныхъ живописныхъ, толкими гадашельствомъ и птичьимъ движеніемъ,

ніемъ, споль не малочисленными пророчествами показывали себя знающими будущее, и помощниками въ сраженіяхъ, чрезъ что опровергается, что они не удалились. И ежели бы они въ самомъ дѣлѣ удалились, то конечно не поилимъ бы жаромъ воспламенялись Римляне къ междоусобной брани, каковымъ по ихъ поощренію и побужденію.

Глава двадцать пятая.

О тайныхъ демоновъ совѣтахъ въ разсужденіи благонравія, когда явно въ священнослуженіяхъ ихъ всякое непотребство внушаемо было.

Когда сіе такъ, когда явно мерзости, смѣшанныя съ безчеловѣчствомъ, и поношеніи боговъ и беззаконіи, какъ ими содѣланныя, такъ и вымышленныя, которыхъ обнародованія сами они преобладали, и гнѣвались напрошивъ, ежели бы того учинено не было, въ извѣстные и уставленные праздники, имъ назначенные, отправляемы и предъ глазами всѣхъ для подражанія представляемы были: то для чего о тѣхъ же самыхъ демонахъ, которые таковыми распущеностями показывающъ себя нечистыми духами, которые своими беззаконіями и злодѣянствыми, или прямыми, или припворными, и онымъ испробованнымъ отъ безспудныхъ и отъ спыдливыхъ испорченныхъ отправленіемъ, виновниками себя являющъ беззаконнаго и непотребнаго житія: сказываютъ, что они въ храмахъ

храмахъ своихъ и внутреннихъ священныхъ даюпъ нѣкоторыя хорошія заповѣди о благонравіи нѣкоторымъ избраннымъ своимъ и угодицамъ? Ежели оно такъ, то тѣмъ самимъ болѣе открываея лукавая злоба злыхъ духовъ; ибо такая естъ сила честности, благонравія и чистоты, что всякая, или почти всякая прогаема бываеъ человѣческая природа, и никогда не погружается въ мерзости беззаконій споль, чтобъ могла потерять чувство честности. И потому злоба демоновъ естъ, какъ въ нашихъ пишется священныхъ книгахъ, не преображается во Ангела свѣтла, не исполняетъ своея прелести. И такъ опкровенно предлагается народу скверная нечистота, а по внутренности припворная чистота едва ли немногимъ извѣстна. Скрывается благоприсойность, и неприсойность внушается. Что дѣлается злое, оное привлекаетъ всѣхъ къ зрѣнію; а доброе сказуемое едва ли нѣкоторыхъ малочисленныхъ находипъ слушателей, такъ какъ бы честнаго стыдился, а нечестное прославлять надлежало. Но гдѣ сіе, естъли не въ демонскихъ храмахъ? Гдѣ, естъли не въ гостиницахъ обмановъ? Ибо оное дѣлается для того, дабы честнѣйшіе, коихъ невеликое число, тѣнились; сіе же, дабы многіе непогрѣбные не исправились. Гдѣ же и когда слышали заповѣди небесной чистоты, не извѣстно. Предъ самую кумирницу, гдѣ кумиръ (1) нѣкоторый поставленъ былъ, спекаясь опвсюду, смапривали съ жадностію на игры, которыя пред-

представляемы были, и видали съ одной стороны блудническую пышность, съ другой богиню дѣвицу (2). Сей кланялись, предъ оною мерзости опправляли. Не видали мы тамъ ни одного актера, копорой бы зазиралъ себя; ни одной актрисы, копорая бы стыдилась: всякъ опправлялъ непогрѣбную свою должность. Знали всѣ, что было богинѣ дѣвицѣ угодно, и представали по, по окончаніи чего искуснѣйшею каждая честная жена въ домъ свой возвращалась. Нѣкоторыя жены стыдясь опвращали взоръ свой опъ непристойныхъ и мерзкихъ движеній актеровъ, и наставленія, служащаго къ любодѣнію, видѣть усамляясь, тайно пому учились. Ибо стыдились людей прямо смотрѣть на безстыдныхъ тѣлодвиженія, но не дерзали оныя священнослуженія чистымъ сердцемъ почитаемой богини охуждать. Однако пому научились въ храмѣ, къ исполненію копорого въ домъ своемъ искали сокровеннаго мѣста. Крайнѣ чудно, ежели былъ какой либо стыдъ и зазрѣніе, чтобъ люди не свободно дѣлали пресупленія, копорымъ научились опъ боговъ, копорые всенепремѣнно разгнѣвались бы, ежели бы опправляемо того не было. Ибо какой духъ иной тайнымъ внушеніемъ непогрѣбные колеблетъ умы, и поощряетъ къ дѣланію прелюбодѣній, и радуется о содѣянныхъ, естъли не пошъ, копорый такими священнослуженіями услаждается, заводя въ храмахъ ваянія демоновъ; копорый любитъ въ играхъ изображенія беззаконій;

который внушаеиъ тайно слова правды къ прельщенію малочисленныхъ благонравныхъ; который явно вводилъ побужденія къ беззаконіямъ для того, дабы владычествовать надъ безчисленными злыми?

Глава двадесять шестая.

О томъ, съ какою великимъ истребленіемъ общественнаго ученія Римляне богамъ своимъ посвятили мерзкія игры.

Мужъ важный и философъ Туллій (1) вопилъ во уши гражданъ, что онъ между прочимъ имѣетъ долгъ опправленіемъ игръ умилоспивляющъ мать Флору, копорыя игры (2) шѣмъ благоговѣиѣе опправляли обыкновенно, чѣмъ оныя мерзостѣе. Попомъ на другомъ мѣстѣ (3), будучи уже Консуломъ, при послѣдней крайности града, говорилъ, что чрезъ десять дней игры опправляемы были, и что ни одной вещи не опущено, копорая служила къ умилоспивленію боговъ, какъ было бы не лучше было таковыхъ боговъ воздержаніемъ раздражать, нежели умилоспивлять безчестіемъ; и честностію на вражду подвизать, нежели слишкомъ неблагопрістойностію на милость привлекать. Ибо не могли люди самые безчеловѣчные (4) столько причинить вреда, для коихъ умилоспивляли боговъ, нежели ко-ликой сами боги наносили вредъ, когда умилоспивляемы были развращенною мерзостію; когда, дабы опраиить то, чего справ ились опъ непріимлемъ въ разсужденіи шѣла, шѣмъ умило-

умилоспивляемы были боги, дабы добродѣтель въ душахъ побѣждена была, копорые не стали бы защищать градъ, ежели бы прежде не развратили челоѣческихъ нравовъ добрыхъ. Сіе умилоспивленіе боговъ неблагопрістойное, нечистое, безстыдное, непопрѣбное и мерзкое, копорого актеръ Римляне лишали чести, выключали изъ числа гражданъ, признавали гнусными, поспивляли безчестными; сіе, говорю, таковыхъ боговъ зазорное и истинному благочестію пропривное умилоспивленіе, сіи басни на боговъ неблагопрістойныя и поносительныя, сіи безчестныя боговъ дѣла, гнусно вымышленныя, или гнуснѣе содѣланныя, глазами и ушами весь градъ перенималъ; сіе примѣчалъ бытъ богамъ благоуднымъ, и пошому вѣрилъ, что не шѣлько опправляющъ то должно, но и подражать оному. Я знаю то, что или хорошее, или честное весьма малочисленнымъ и весьма тайно внушаемо было, ежели шѣлько было внушаемо; но и тогда наипаче боялись демоны, дабы оно не спалось извѣстнымъ, а не того, дабы оно не произведено было въ дѣйство.

Глава двадесять седьмая.

О спасительности благочестія Христіанскаго.

И такъ негодуютъ Римляне, что опъ таковыхъ нечестивѣишихъ власней адскаго ига и сообщества, осужденнаго на вѣчное мученіе, избавлены и Хриспомъ на свѣтъ спасительнаго благочестія опъ оной погубельной нечестія шѣмъ свободены, и роищутъ неправедныя и

неблагодарные, и онымъ непошребнымъ духомъ крѣпко одержимые, что народъ спекается къ дерквамъ, гдѣ бы слышать, какимъ образомъ въ семъ вѣкѣ маловременномъ жизнь прспровождаютъ надлежитъ, дабы удоспоиться послѣ сей жизни вѣчно и блаженно жить; гдѣ священное писаніе и ученіе правдъ съ высокаго мѣста предъ всѣми чипается, дабы и тѣ, кто по оному исполняютъ, слушалъ къ воздаянію, и тѣ, коимъ не исполняютъ, къ суду и осужденію, куда хотя бы пришелъ кто изъ таковыхъ презритель и пересмѣшниковъ заповѣдей, то вдругъ все его дерзновеніе и кощунство внезапно премѣняется, или страхомъ, или стыдомъ обуздывается; и что ничего для нихъ мерзкаго и незаконнаго къ зрѣнію и подражанію не предлагается; гдѣ истиннаго Бога или заповѣди внушаются, или чудеса повѣствуются, или дарованія похваляются, или пребуемы бываютъ Божескія благодѣянія.

Глава двадесать осьмая.

Увѣщаніе Римлянамъ о отверженіи почитанія боговъ.

Сего наипаче желайте, о хвалимые Римляне! о отродѣ Регуловъ, Сцеволовъ, Сципіоновъ, Фабриціевъ (1)! сего наипаче желайте, сіе опъ мерзкой оной суебы и лукавнѣйшей демоновъ злобы различите. Ежели что въ васъ по природѣ находится похвалы достойнаго (2), оное не инаково очищается и совершается, какъ истиннымъ благочестіемъ, нече-

нечестіемъ же распочается и казнимо бываетъ. Нынѣ же изберице, чему вамъ слѣдовать, дабы вы не самимъ въ себѣ, но въ Богѣ истинномъ неложно хвалимымъ быть; ибо тогда славу въ народахъ вы имѣли, но тайнымъ судомъ Божіа промысла истиннаго благочестія, которое бы вамъ избрать, не имѣли. Возстанице, день приблизился (3), такъ какъ возпали въ часно (4) въ нѣкоторыхъ, коихъ совершенною добродѣтелію, истинною вѣрою и спрдаваніями хвалилися, копорые всѣми силами прошивъ враждебныхъ власней сражаяся, и оныхъ великодушно умерщвляя и мужественно побѣждая, кровію своею намъ отечество сіе пріобрѣли, къ которому отечеству васъ призываемъ и увѣщаваемъ, дабы вы приложились къ числу его гражданъ, копорыхъ какъ бы храмомъ убѣжища естъ истинное опущеніе грѣховъ. Не слушайте изверговъ своихъ, копорые злословятъ Христа и Христіанъ, и называють наши времена злыми, когда ищутъ таковыхъ временъ, въ копорыхъ нѣтъ прямого спокойствія жизни, но одно безопасное непошребство. Сіе вамъ и ради земнаго опечества нѣкогда было неугодно. Нынѣ усремишесь къ небесному, за которое мало попрудитесь, и въ ономъ истинно и вѣчно воцаритесь; ибо тамъ вамъ не Весты жерлвенникъ, не Капитолинскій камень (5), но Богъ единый и истинный вѣчное царство даруетъ (6). Не ищите боговъ ложныхъ и обманчивыхъ, но опвергните ихъ наипаче и презрите, исходя на истинную свободу. Они не боги, но злые духи,

копорымъ вѣчное ваше блаженство есть ка-
знию. Не споль Юнона завидовала Троянамъ,
опѣ коихъ вы произошли, что они преселя-
ются въ Римскіе города, какъ сіи демоны,
коихъ вы еще богами почитаете, всему роду
человѣческому въ вѣчныхъ селеніяхъ. И са-
ми вы нѣсколько о таковыхъ духахъ разсужде-
ніемъ достигли, когда играми ихъ умиоспив-
ляли, и пѣхъ людей безчестными признавали,
чрезъ коихъ опправляемы были игры. Не
пропившись, дабы васъ извели на свободу
опѣ нечистыхъ духовъ, копорые на ваши
выи возложили иго опправляя ихъ безчестіе.
Актеровъ, представляющихъ беззаконія боговъ,
вы удалили опѣ чести; молились же испин-
ному Богу, дабы Онъ удалил опѣ васъ боговъ,
упѣшающихся своими беззаконіями, или испин-
ными, что весьма имъ безчестно; или ложны-
ми, что наполнено злобою. Хорошо, что
вы сами собою актеровъ изъ общества гра-
жданъ исключили; испрезвились совершеннѣе,
и увидите, что таковыми дѣйствіями не
умилоспивляется Божіе величество, копоры-
ми гнушаются честные люди. И такъ ка-
кимъ образомъ боговъ, копорые упѣшаются
таковыми приносимыми имъ служеніями, мо-
жете причислить къ святымъ небеснымъ си-
ламъ, когда пѣхъ людей, чрезъ копорыхъ
приносится таковое имъ служеніе, въ числѣ
гражданъ Римскихъ самыхъ послѣднихъ не
пославаете? Несраженно горній градъ зна-
менинѣе, въ копоромъ побѣдою правда,
достоинствомъ свяпость, миромъ блажен-
ство,

ство, жизнью вѣчность: такъ можепѣ ли
таковой градъ въ числѣ гражданъ своихъ
таковыхъ боговъ, когда вы въ своемъ имѣнѣ
людей таковыхъ за спыдѣ себѣ почитали? И
потому ежели хотите достигнуть блаженна-
го онаго града, то удалились опѣ сообщества
съ демонами. Недостойно опѣ честныхъ по-
читаются пѣ, копорые чрезъ безчестныхъ
умилоспивляются. Вы должны опѣ сообще-
ства своего сихъ чрезъ благочестіе Христіян-
ское удались, какъ актеровъ опѣ вашей
чести удалили. Въ разсужденіи же благъ пѣ-
лесныхъ, копорыми единственнo злые на-
слаждались желаютъ, и въ разсужденіи злыхъ
пѣлесныхъ, копорыхъ претерпѣвать не хо-
пятъ, и надъ сими никакой не имѣютъ де-
моны власпи, копорую хотѣ бы и имѣли, то
долженствовало бы мы оныя презирать, неже-
ли изъ оныхъ ихъ почитать, и почитая ихъ,
быть не въ состояніи достигнуть того, въ чемъ
они намъ завидуютъ. Однако и надъ сими не
имѣютъ они такой власпи, каковую имъ
приписываютъ пѣ, копорые упѣждаютъ,
что ихъ ради сихъ почитать должно. Мы
сіе въ слѣдующей книгѣ разсмотримъ, а те-
перь сію окончаемъ.

Конецъ второй книги о Градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженного Августина, Епископа Иппонійскаго, о Градѣ Божіемъ, вторую.

На главу вторую.

(1) Который вопросъ. Онъ былъ вопросомъ главнѣйшимъ пѣхъ философовъ, которые утверждали, что міръ никакимъ промысломъ Божіимъ не управляется, какъ пишетъ Плутархъ въ книгѣ первой о положеніяхъ философовъ.

На главу третію.

(1) Дождя не спало. Означаетъ, что нечестивые язычники обыкновенно такъ говорили, дабы всякое приключившееся зло причислаемо было въ вину Христіанамъ. Тертуліанъ говоритъ, что язычники въ оправданіе ненависти своей къ Христіанамъ присовокупили и то безуміе, что почитаютъ Христіанъ виною всѣхъ поражений и убытковъ народныхъ. Если, говоритъ, Тибръ наводнилъ городъ, вышедъ изъ береговъ, если Нилъ не наводнилъ полей, если не спало дождя, если учинилось землетрясеніе, если приключился гладъ, если зараза, тогда всѣ вопіютъ: должно Христіанъ повергнуть лвамъ на растерзаніе. Кипріанъ противъ Димитріана: но когда ты говоришь, что многіе жалуются, что брани чаще подымаются, что заразы, что глады свирѣпѣютъ,

что опъ долговременной засухи нѣтъ дождей, и сіе приписываютъ намъ: то уже молчать болѣе не должно.

На главу четвертую.

(1) Видали неисповѣдающихся. Сіе мѣсто требуетъ о матери боговъ нѣчто сказать. Диодоръ Сицилійскій въ книгѣ 4 Библиотеки басню предлагаетъ о матери боговъ не одинаковымъ образомъ. Ибо, во первыхъ, пишетъ, что Целюмъ опъ Тимей жены родилъ мужеска полу дѣшей сорокъ пять, а женска двухъ: Регину и Опу, изъ коихъ Регина, возрастомъ и разумомъ превосходѣйшая предъ Опою, всѣхъ своихъ братьевъ воспитала; и потому названа матерію боговъ, и вышла потомъ за брата своего Иперіона, съ которымъ родила Сола и Луну, которые когда злодѣянствомъ своихъ дядьевъ погибли, то она, въ неистовство пришедъ, съ шимпанами и кимвалами прошла своей областью земли, и онъ обычай оспаривала и послѣ ея смерти. Прилагаетъ Диодоръ другую басню, что Миною, наидревнѣйшій Фригійскій Царь, когда опъ жены Диндимены родилъ дочь, то повелѣлъ оную повергнуть на горѣ Цивеліи; но младенца воспитали на оной звѣри, который имѣлъ удивительную красоту. Наконецъ паспихова жена, онаго нашедъ, воспитала до совершеннаго возраста вмѣсто своей дочери, и опъ горы Цивеліи дала имя ей Цибела, которая, въ возростѣ пришедъ, оспрошю своего разума многія художества изобрѣла, какъ - то: пѣть, на флей-

флейпѣ играѣ, плясѣ, биѣ въ пимпанѣ и кимвалѣ, вылечиваѣ младенческія болѣзни; и поелику многіе вылечиваемы были ею младенцы, того ради великою маперію она наименована. Наконецъ когда она влюбилась въ юношу той страны, именемъ Аписѣ, и отъ него зачала младенца, то отецъ ея Мичой, слышавъ о добродѣтеляхъ ея и дѣйствіяхъ, возвратилъ ее къ себѣ подъ видомъ дѣвиги; но какъ спозналъ послѣ о ея непорядкахъ, то Аписѣ и прочимъ повелѣлъ казниѣ. Цибела изъ любви къ Апису, лишилась ума, взявъ флейпу и пимпанѣ, вышла изъ дому своего отца, и прошедъ всю оную страну въ безуміи, пришла наконецъ въ Нису къ Діонисію. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти, когда приключился въ Фригіи неурожай хлѣба, и распространилась болѣзнь вездѣ, то оракуломъ повелѣно, дабы Фригіяне почитали Аписѣ, и Цибелу. Отсюда - то произошли священнодѣйствія великой маперіи боговъ. Однако иные ее почитаютъ маперію Юпитера, Юноны, Нептуна и Плутона; и потому думаютъ, что она Реею, а по Латинѣ Опою названа, и что она есть пажъ самая, что Цибела и Зеспѣ. Но Веспѣ описываютъ басни дѣвигею, и что будто за то опрѣзаны дѣтородныя уды у Аписѣ, юноши наипрекраснаго, что онъ преступилъ ея повелѣніе. Ибо она, влюбясь въ него, приказала, дабы онъ ни съ какою женою иною дѣла не имѣлъ; но онъ, презрѣвъ то богини повелѣніе, любилъ Нимфу Сангрипиду, о чемъ про-

въ-

вѣла въ Цибелѣ, лишила его дѣтородныхъ уды. Для того - то и жрецовъ она, такимъ же образомъ обезображенныхъ, любила. И поелику сію богиню наипаче Фригіяцы на горѣ Идѣ почитали, того ради Идейскою маперію она наречена, и Верекинею, отъ горы той же Фригіи. Жрецовъ ея называли Галлами отъ Галла, рѣки Фригійской, копорыя вода пьющихъ оную въ неистовство и безуміе приводитъ. И самыя Галлы въ неистовствѣ своемъ вертятъ головою, и ножами лице и прочія плѣча часпи у себя разрѣзываютъ и кусаютъ, когда большее неистовство чувствующими припворяются, или и въ самомъ дѣлѣ безумствуютъ. Сію богиню, то есть великій на Идѣ камень, копорой народъ маперію боговъ называлъ, въ Римѣ посланники привезли, и день оный праздновали играми, именуемыми Мегалезіа. Лизій въ книгѣ 29 такъ о маперіи Идейской говоритъ: въ храмъ побѣды принесли богиню, и оной день праздновали. Народъ безчисленный несъ дары богинѣ, дѣлаемо было одропосланіе и игры, Мегалезіями нареченныя. И въ книг. 36: въ тожъ почти время храмъ посвященъ великой маперіи Идейской, копорую богиню П. Корнилій привезенную изъ Азіи въ чертоги внесъ отъ моря, и ради посвященія храма устроены были игры. Съ симъ согласуетъ и Барронъ въ кн. о языкѣ Латинскомъ.

(2) Верекинеѣ. Таковыми были Галлы Верекинеи, коихъ блаженный Августинъ въ

уполкованіи Бытейскихъ книгъ бѣснующимися, или бѣсомъ движимыми называемъ.

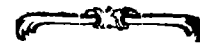
(3) Въ праздникъ омовенія. Въ день праздника великой мапери боговъ кумиръ ея, или лучше сказать камень, носимъ былъ Галлами къ Алмону рѣкѣ, которая не въ дальнемъ разстояніи отъ Рима впадаетъ въ Тибръ, на самое успіе и къ спокую обѣихъ рѣкъ, и тамъ оный омывали по древнему успановленію. Ибо какъ сперва привезена была сія богиня изъ Азіи, то въ ономъ мѣспѣ отъ жреца омыта была, и оной обычай каждой годъ совершался, какъ пишетъ Луканъ въ 1, и Овидій въ 3 кн. и Пруденцій въ Мученикословіи Романа.

(4) Непотребнѣйшіе актеры. Первыя каждый годъ театральныя игры были называемыя Мегалезія, въ коихъ къ новому дѣлу исходя актеры, съ удивительнымъ своевольствомъ и безстыдствомъ всякое непотребство и мерзость на мапъ боговъ и Алписа говорили. Въ пожъ время и другіе небезчестные люди, измѣнивъ на себѣ Римскія одежды, дабы признаны бытъ не могли, шапались по городу, и говорили всякія скверныя и мерзскія слова, какъ пишетъ Иродіанъ въ Комодѣ.

На главу пятую.

(1) О коей написано Припчей въ главѣ 6.

На

На главу шестую.

(1) Или гдѣ празднуется Фугалія. Во-первыхъ Варронъ въ книгѣ 5 о языкѣ Латинскомъ такъ пишетъ: въ Іюнѣ мѣсяцѣ народъ отправлялъ игры, Фугалія называемыя; понеже отъ нечаяннаго смятенія въ попѣ день народъ бѣгалъ. Ибо сей день былъ немного спустя по выходѣ Галловъ изъ Рима. И копорыѣ тогда жили близъ Рима народы, какъ-то Фикулніане, Фиденаты и прочіе сосѣди, заговоръ учинили противъ насъ; и попому нѣкоторые слѣды бѣгства народнаго въ священнодѣйствіяхъ нынѣ видимы, о копорыхъ дѣлахъ книги древностей много повѣствуютъ. До сихъ мѣспѣ Варронъ. Сіе составляетъ богини Фугіи праздникъ, которая есть богиней радости, отъ прогнанія непріятелей названной; ибо по прошествіи немногихъ дней сосѣдніе народы побѣждены отъ Римлянъ. И попому съ великимъ торжествомъ праздникъ оный празднуется; понеже великая была опасность, дабы оспашки Римскаго народа отъ Іальскаго пораженія въ концѣ испреблены не были, копорую богиню Илѣ въ книгѣ о богахъ Вишулою называемъ. Пизонъ пишетъ, что Вишулою называется Викпорія, богиня побѣды, какъ повѣствуютъ Макровій въ Сапурновыхъ празднествахъ. И такъ были Фугалія, или Фугіалія, отправляемы въ Іюнѣ, и почитался день богини радости наирадостнѣйшимъ, въ копорый, въроятно, народъ своевольствовалъ всячески и оказывалъ распустныя поступки.

(2)

(2) Персій. Въ Саширѣ преніей изъ заповѣди древней, которая предъ входомъ въ храмъ Аполлона Делфическаго Амфикліонами была написана: познай самага себя, сіе говоришь.

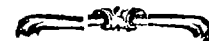
(3) Какимъ тебѣ Богъ повелѣлъ быть. Взято сіе Персіемъ изъ Платона, который вводилъ Бога назначающимъ всякому человеку, какъ въ строю войска, свое мѣсто, опѣ котораго безъ повелѣнія Божія удаляться не должно.

На главу седьмую.

(1) Когда ихъ надмѣнности. Понеже философы изобрѣшенное своимъ, какъ имъ казалось, умомъ себѣ приписывали, ничего не присвоая благодѣянію Божію. О семъ пространнѣе говорилъ Лактанцій.

(2) Развращеннымъ быть посвящаемымъ. Сіи всѣ были Галлы, неисповѣщіяся и бѣснующіяся люди, въ гнуснѣйшихъ порокахъ погруженные, о коихъ Апулій многія предлагаешь непотребства въ книгѣ 8 и 9 своего осла; также Лукіанъ, опѣ котораго Апулій заимствовалъ о томъ.

(3) И установленія предковъ. Тѣхъ, коихъ почитаемъ, примѣромъ наипаче возбуждаемся; ибо щимся подобными имъ быть, хотябы они были людьми, хотябы богами. Народъ обладашело спарашся сообразоваться, ученикъ учителю, котораго уважаетъ, и смертные мѣмъ, коимъ
вмѣ-

вмѣсто безсмертныхъ поклоняются. Для того - то и въ нашемъ благочестіи Христовы и священныхъ угодниковъ Его предложены примѣры, дабы мы имъ подражали. Платонъ въ кн. 2 о своей республикѣ оную причину между прочими полагаетъ, для чего не хочешь онъ, дабы въ его городѣ были спихотворцы; понеже что они вымыслили о богахъ, непотребнѣйшимъ есмь для чинашелей примѣромъ, опѣ котораго мѣста взяты оныя слова, которые произносящимъ вводятся у Лукіана Мениппъ. Я, говорилъ онъ, когда былъ еще опрокомъ и слушалъ Омира и Изіода, описывающихъ раздоры и войны не только полубоговъ, но и самыхъ боговъ прелюбодѣянїи, насилїя, похищенїя, казни, изгнанїя опцевъ и браки братьевъ и сестръ: тогда я думалъ, что все сіе хорошее и должное, и къ паковымъ же дѣйствїямъ хорошо расположенъ былъ; ибо я починалъ, что боги никогда бы не спали прелюбодѣйствовашъ, или одинъ пропизъ другаго бунповашъ, еспылибъ они того за хорошее не поспавляли.

(4) Отсюда - то у Теренція въ Евнухѣ. Херея, который вмѣсто Евнуха опѣ Парменїона къ Фаирѣ приведенъ былъ, горя любовію къ дѣвицѣ, подаренной опѣ Тразона воина Файдѣ, о любодѣянїи, сей дѣвицѣ имъ причиненномъ, Анпифону, поварицу своему, рассказываетъ такимъ образомъ: когда мы къ тому прїутошвляемся, тогда дѣвица въ комнаѣ особой сидѣла, смотря на картину, на которой написано было живописью, какимъ образомъ
Юпи-

Юпитеръ сошелъ нѣкогда на лоно Данаи въ видѣ золотого дождя. Потомъ и я смотрѣлъ началъ; и поелику Юпитеръ подобную прежде меня сыгралъ игрушку, то я наипаче любовался тѣмъ, что онъ преобразился въ чело-вѣка, будучи богъ. Да какой богъ? копорый жилище небесное горнее громомъ попрыскаетъ. А я, чело-вѣкъ будучи, не сдѣлалъ бы того? Никакъ. Я сдѣлалъ оное съ охотою. Басня о Данаѣ извѣстна, копорая, будучи великой и безпримѣрной красоты, опѣ опѣца своего Акризія хранима была въ особомъ чертогѣ, куда ни одному мужеска пола не позволялось входить, въ копорую влюбясь Юпитеръ, въ видѣ золотого дождя сошелъ въ оный покой и ея расшлалъ, то есть злаломъ, копорому все повинуются, и дѣвицу и спражей подкупилъ.

На главу осьмую.

(1) Ибо какъ усилилась зараза. Понеже и въ сей книгѣ и въ другихъ слѣдующихъ Августи-ниъ о театральныхъ играхъ по большой части упоминаетъ, то сіе самое пребуемъ, дабы нѣсколько проспраніе поговорить объ оныхъ; и что надлежало бы въ разныхъ описыванъ мѣстахъ, предложитъ все купно для лучшаго разумѣнія, и впервыхъ о ихъ началѣ у Грековъ и Римлянъ; ибо подражаніе сіе изъ Греціи перешло въ Италію. И такъ древніе въ Греціи земледѣльцы когда жертвоприношеніе дѣлали Либеру опѣцу за урожай, то, принеся жертвы на олпяхъ, пѣвали нѣчто вмѣстѣ моливъ; потомъ, дабы наипа-
че

че умилоствивитъ его, то всѣ его дѣйствія, побѣды, покореніе Царей, его шоржества и бѣдствія оныхъ Царей воспѣвали. Послѣ того начали сочинителямъ такового рода шворенія въ награжденіе опредѣлять козла, или кожу на жертву принесеннаго козла, наполненную виномъ. Хотя награжденіе было и не велико, однако многіе изъ земледѣльцевъ нашлись такіе, копорые для оказанія своихъ умовъ сочинили стихи, хотя неправильные и грубые; потомъ, какъ обыкновенно бываетъ, сдѣлали лучше. Но какъ описывая побѣжденныхъ Либеромъ Царей, не доставало матеріи каждый годъ предлагать о томъ, то касались сочинители другихъ Царей, подобное бѣдствіе претерпѣвшихъ. И сіе сочиненіе называли они прагедією, или опѣ Греческаго слова *ἀπὸ τῆς τριγῆς*, то есть опѣ козла, копорой еѣ награжденіе сочинителямъ даваемъ былъ; или опѣ гуцы деревяннаго масла, коею намазывали актеры себѣ лице, копорая по Гречески называлась *τριγῆς*. Что принадлежитъ до комедіи, то нѣкоторые пишутъ, что она началась при томъ же священнослуженіи; другіе же узраютъ, что при священнослуженіи бога па-спуховъ, и защитника сель Аполлона; а иные пишутъ, что купно и въ одно время священнослуженіе сіе опправляемо было обоимъ богамъ. Я скажу здѣсь то, что извѣстнѣе: когда Аѳиняне жили по деревнямъ, и въ городѣ опѣ Физея еще были не собраны, тогда земледѣльцы по совершеніи жертвъ, какъ надѣ бывшими при жертвоприношеніи, такъ и надѣ про-

проходящими мимо ихъ забавными шутками словами, и смѣхъ дѣлали для зрителей. По построении же города въ праздничные и уставленные дни сельскіе жители нарочно прѣвѣжали въ городъ, гдѣ какъ своихъ сельскихъ жителей, такъ и градскихъ пересмѣхали, особливо тѣхъ, отъ коихъ какую либо получили досаду. Граждане убѣдили искусныхъ писать сочиненія у себя того рода. Такимъ образомъ деревенскіе жители изгоняемы бывъ начали съ своею простотою, которою они или по независимости, или по зависимости терзали другихъ, однако не крайнѣ язвительно. Градскіе стихотворцы сначала, обличая пороки, сдѣлали не малую пользу; ибо многіе принуждены были отъ пороковъ отспасавшъ. Наконецъ начали и они по приспосовидности спили вмѣсто спрѣвъ употреблять: они спали терзая людей, уламиная отъ оныхъ поимянно. Такія терзанія претерпѣвъ нѣсколько крапъ на театрѣ Алкивіадъ отъ Евпола, приказавъ наконецъ онаго поймать, и будучи морской силы тогда главнымъ начальникомъ, повелѣвъ его утопить. И когда попопляемъ былъ Евполъ въ морѣ, тогда Алкивіадъ приговаривалъ ему часто: ты меня попоплялъ и погружалъ на театрѣ, а я тебя въ морѣ. Сего примѣра устроившисъ стихотворцы, къ тому же увидя, что стараниемъ Алкивіадовымъ изданъ законъ никого не поносить поимянно на театрѣ, перемѣнили комедію, ввели среднюю послѣ того, въ которой оуждаемы были пороки безъ наименованія лицъ. Но и оной родъ комедіи

медіи спался подозрительнымъ благородству; аки бы ихъ пороки единственно въ оныхъ комедіяхъ описывающъ; чего для вовсе отменены такого рода комедіи. Заведена послѣ того новая, которая изображала пороки низкихъ людей, не упоминая однако ихъ именъ, а предлагая имена вымышленныя, да и съ такою припомъ скромностию, что всякъ безъ огорченія сносить могъ описываемые, хотя бы точно его были, пороки. Сей родъ изобрѣлъ Менандръ, жившій во времена Александра Македонскаго. Но Анпифанъ Ларисскій безъ сомнѣнія въ семъ родѣ былъ первымъ. И сіе въ Греціи. Въ Римѣ же, когда при Консулахъ Суллиціѣ Попипѣ, Ликиніѣ Сполонѣ отъ основанія Рима около четырехсопато года разпространилась зараза, то, посмотрѣвъ въ книги Сивиллинскія, обѣщались завести игры. Вещь новая въ народѣ военномъ. Игроковъ выписали они изъ Эпруріи, которые при играхъ на флейсахъ плясали, движенія дѣлая, по тогдашнему времени, не совсѣмъ отвратительныя, и никакихъ стиховъ не припѣвали. Поселяне въ Италіи по древнему обычаю Грековъ по окончаніи жатвы и по совершеніи жертвоприношенія богамъ изъ благодарности за хороший урожай плодовъ на радости деревенскія производили другъ надъ другомъ шутки, не щадя припомъ и гнусныхъ словъ, терзая жестоко одинъ другаго стихами, называемыми у нихъ Фесценнинскими, получившими ими свое отъ города Фесценины. Симъ начали подражать и послѣдовавъ актеры Римскіе, но

Часть I. Л це

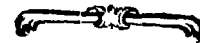

не упоминая именъ; ибо оное прежде закономъ было запрещено. И такъ когда на имя не можно было кого либо на театрѣ касаться, то по Греческому обычаю заведены новыя комедіи и сапиры; но не она, которая одного рода стихами перзаетъ пороки, каковыя писали Горацій, Персій и Ювеналъ; ибо сіе началъ Луцілій, жившій во времена Сципіона Емеліана и во времена войны Нуманшинской: но въ которой вводимы были Сапиры, или лѣсные боги, гнусные, одѣтые въ косматую одежду, и проч.

(2) Множества мерзкихъ дѣлъ. Въ актерѣхъ великое было своевольство и беззастыдливость; они не щадили никакой мерзости. При всемъ томъ сіе было терпимѣйшимъ, нежели что дѣлалось въ Бахусовыхъ празднествахъ, которыя за невѣроятную мерзость приговоромъ Сенаторскимъ истреблены, или во время празднествъ Сатурновыхъ, или празднествъ богини Флоры, которыя игры оппращаемы были чрезъ блудницъ и другихъ наизвращеннѣйшихъ. Опправляющія игры богинѣ Флорѣ когда не срамились своей богини, то одного человека присутствіи усрамились Капона, при которомъ играли оныя игры оппращались.

На главу девятую.

(1) Гдѣ Сципіонъ. Родъ Корниліевъ и оное наименованіе себѣ приняло Сципіоновъ отъ того, которой отцу, лишившемуся зрѣнія и по причинѣ спароспи одряхлѣвшему, вмѣсто, Scipionis, жезла былъ. Многіе изъ сей фамилии

фамиліи знаменитые были мужи, о коихъ буду я говорить въ своихъ мѣстахъ. Здѣсь, котораго Цицеронъ вводилъ въ книги о республикѣ разговаривающимъ, былъ Павла Эмилиа, который Персу Македонскаго Царя побѣдилъ, сынъ, котораго Сципіонъ, Африкана старшаго сынъ, себѣ усыновилъ; и потому отъ того рода, въ коемъ рожденъ, Эмилианскимъ называется. Онъ Картегенъ и Нуманцію раззорилъ.

(2) Чтoby комедія представляла что хочеть. Архаія, то есть древняя. Я уже сказалъ, что отъ того происходило, что многіе граждане изъ страху, дабы обезславлены не были на театрѣ, старались хорошо жизнь препровождать, ежели они такъ расположены были, или отъ пущи пороковъ воздерживались. Сократъ говаривалъ, что весьма полезно комедіаншомъ нарочно себя показывать; ибо ежели что либо достойно охудать будущъ, то мы необходимо исправимся; ежелижъ несправедливо, то оное къ намъ принадлежаще не будетъ. И самъ Сократъ, мужъ добродѣтельный, пересмѣялъ бытъ отъ Аристофана въ Облакахъ, которую комедію на томъ концѣ стихотворецъ издалъ. Сіе подало великое доказательство, что и тогда у стихотворцевъ былъ языкъ продажный, или что по пристрастію весьма много они дѣлали.

(3) Клеона. Клеонъ Бирсопола, фунтщикъ, Никію, Демосену и другимъ почти всѣмъ добрымъ людямъ врагъ былъ; однако

въ войнскихъ дѣлахъ искусный, какъ пишутъ Фукипидъ и Плутархъ. На него писалъ комедию Аристофанъ, которую онъ называлъ Всадниками, котораго когда онъ хохлалъ изъяснить богачество и пиранство, то игрокъ лица его, то есть Клеонова, представлялъ отказался, боясь силы Клеоновой. Стихотворецъ гущею деревяннаго масла намазалъ игрокамъ своимъ лица; но какъ и тогда не смѣли игроки появиться на театръ, то Аристофанъ самъ лице Клеоново представлялъ. Толикое-то неистовство стихотворцомъ на Клеона обладало! За которой поступокъ обвиненъ стихотворецъ отъ Клеона, и положено взять съ Аристофана пять талантовъ, то есть столько, сколько онъ взялъ съ другихъ за сіе сочиненіе; ибо вѣроятно, что онъ подкупленъ былъ отъ Никія и Демосфена, такъ какъ подкупленъ былъ писать на Сократѣ комедию Облака отъ Анипа и Мелиппа, враговъ Сократовыхъ, понеже онъ былъ не малой руки пьяница и много сочинялъ въ пьянствѣ за деньги. О Клеонѣ также упоминаетъ и Плутархъ въ Полипикѣ.

(4) Клеопонпа. И сего Плутархъ подобнымъ описываетъ Клеону.

(5) Ипервола. О семъ, какъ о неопребномъ гражданинѣ, упоминаютъ Фукипидъ и Плутархъ и Лукіанъ. Онъ выгнанъ изъ города не изъ страха силы его, или достоинства, какъ другіе, но какъ общественное града безобразіе и безчестіе. Цицеронъ, въ Брутѣ о Главціѣ говоря, сказалъ, что онъ былъ весьма схожъ на Афинскаго Ипервола, которой засвое

не-

неопребство поносимъ былъ въ древнихъ Аппическихъ комедіяхъ. Квинтилианъ въ первой кн. Наставленій объявляетъ, пиша о музыкѣ, что Ипервола обруганъ былъ отъ Евполида.

(6) Ценсоръ. Они чрезъ четыре года въ лѣтній поставляемы были; должность ихъ состояла оубнятъ имѣніе гражданъ и прочихъ людей, и судить о обычаяхъ. Ибо, пишетъ Феспиъ, толикимъ всякъ свое имѣніе почиталъ, каковымъ и во сколько оно отъ Ценсоровъ было оубнено. Тожъ и Цицеронъ къ Аппію Пулхру.

(7) Но Перикла. Сей краснорѣчіемъ и великимъ искусствомъ въ правленіи народомъ Афинскимъ такъ къ себѣ привязалъ народъ, что главнымъ начальникомъ нѣсколько лѣтъ былъ. Внутрь и внѣ опечества въ совѣтахъ былъ хорошъ, и въ щастіи равенъ. Въ его устахъ владычествовала красота витійства, какъ пишетъ Цицеронъ въ кн. о Витіи. По имѣнію Эннія пребывала богиня Свада, или, какъ Горацій говоритъ, Сваделя. Аристофанъ, древней комедіи сочинитель, говоритъ, что Периклъ изъ успѣвъ испускалъ молніи, и поражалъ громомъ, и смѣшивалъ всю Грецію. И сіе присвоили ему Аристофанъ и Евполъ, люди такіе, кои худо всегда о немъ говорили, какъ пишетъ Цицеронъ въ кн. 3 о Витіи, и Квинтилианъ въ книгѣ 12. Поносили также сочинители комедіи Перикла, что онъ имѣлъ голову продолговатую; и для того лице его всегда изображали въ шишакѣ.

Л 3

(8)

(8) Какъ ежелибъ Плавтѣ нѣтъ. Первымъ стихотворцемъ Латинскимъ былъ Ливій Андроникъ, какъ я выше сказалъ; ему послѣдовалъ Невій, потомъ Плавтѣ, который современнымъ почти былъ Невію, кой оспаривалъ комедіи, изъ коихъ большая часть и нынѣ находится въ цѣлости. Сему стихотворцу никто, ни въ его, ни въ ближайшія ему времена не нравился. Сципіонъ его называетъ своимъ, котораго никогда не видалъ, попому что онъ былъ Латинской. Ибо онъ говорилъ выше о Грекахъ.

(9) Публия и Кнея Сципіона. Сіи были братья, и ежели въришь Сервію, родные, изъ коихъ Публий родилъ Африкана старшаго, а Кней Назику, мужа изряднаго; оба они убиты въ Испаніи отъ Каррагенцовъ во время второй войны съ Каррагенцами. Сихъ двухъ братьевъ Цицеронъ за Корнелія Галла двумя перунами имперіи называетъ. Находясь писатели, которые утверждаютъ, что въ Виргиліевыхъ стихахъ сіи два брата разумѣются, когда онъ въ кн. 6 сказалъ: два перуна въ брани Сципіады, заимствовалъ стихъ оный изъ Лукреція, сказавшаго: Сципіады въ брани перуны и страхъ Каррагена.

(10) Или Цецилій. Цецилій Стацій процвѣталъ во время Македонской и Азіатской войны съ Энніемъ. Волкацій Седегилъ преимущественно ему отдавалъ предъ многими сочинителями комедій, а Горацій приписываетъ ему важность. Изъ его сочиненій ничего не осталось; при всемъ томъ рѣчи его по видимому не одобряетъ Цицеронъ.

(11)

(11) Марка Капона. Старшаго, который первый изъ роду Порціевъ высокія получилъ достоинства; онъ родился въ Тускулѣ и достигъ даже до торжествъ и Ценсорскаго чина; человекъ новый, всему благородству на зависть возвысившійся, великую имѣлъ въ республикѣ силу; жилъ во время Эннія и Цецилія.

(12) Наши, говоря о законахъ. У древнихъ римлянъ мало было пресупленій, за которые казнили смертью; а у потомковъ ихъ еще того меньше; ибо законъ Порціевъ осужденныхъ гражданъ запрещаетъ лишать жизни, а повелѣваетъ только посылать въ ссылку. И такъ что уголовнымъ дѣломъ считалось у Римлянъ сочинить въ поношеніе другаго стихи, оное доказываетъ, что Римляне безчестія чрезвычайно спрашивались. Однако чинашель долженъ здѣсь примѣчать и разсуждать, смертная ли дѣйствительно казнь положена стихотворцамъ за сочиненіе поносительныхъ стиховъ. Ибо у знамоковъ правъ и по между казнями по уголовнымъ дѣламъ почитается, когда кто изгнанъ будетъ изъ города; или, бывши вольнымъ, отданъ въ невольники; или когда кому запрещено будетъ употребленіе воды и огня. Въ слѣдующія времена сочинителямъ поносительныхъ и ругательныхъ стиховъ положено въ наказаніе бить ихъ батогами. Горацій въ письмѣ къ Августу: законъ и казнь обнародованныя, возбраняющія сочинять въ поношеніе другаго ругательные стихи, премѣнили видъ сочиненія страхомъ батога. Порфиріонъ говоритъ, что сочини-

Л 4

шелю

шело поносительныхъ стиховъ положено на-
казаніе башоги.

На главѣ десятую.

(1) Комедіаншовъ. Эмилій Пробусъ, говоря о Грекахъ, пишетъ: на театрѣ же выходитъ и составлять изъ себя зрѣлище для народа никто изъ Грековъ не почитаетъ за гнусное дѣло, что напропивъ у насъ опчаспи безчестнымъ, опчаспи неблагоприспѣйнымъ представляется.

(2) Есхинъ. Аѳинской вѣсти, непріязель Демосееновъ, трагедіи представлялъ на театрѣ. Для того - то Демосеенъ въ рѣчи о вѣнцѣ называетъ его прагическою обезьяною; Квинтилианъ именуетъ его лицемѣромъ, то есть актеромъ, чужія лица изображающимъ. Филостратъ въ Софистахъ пишетъ, что онъ безъ принужденія и добровольно избралъ ссылку; попомъ поѣхалъ было къ Александру, Азіею тогда обладающему, но какъ на пути услышалъ, что онъ скончался, то отправился въ Родосъ, и плѣнясь пріятностію онаго острова, остался тамъ жить.

(3) Мужъ краснорѣчивый. Что онъ былъ краснорѣчивъ, о томъ довольно извѣстно, и находясь такіе писатели, которые ему по Демосеенъ первое даютъ въ краснорѣчіи мѣсто. Въ немъ болѣе дѣйствовала природа, нежели наука. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ ни у какого учителя не учился, но вдругъ изъ писца сдѣлался вѣстиею, и говорилъ первую рѣчь противъ Филиппа, Македонскаго Царя.

ря. По сему случаю пріобрѣтши славу и любовь опъ народа, посланъ былъ къ оному Царю. Другіе же увѣряютъ, что учителями у него были Платонъ и Исократъ; иные же, что онъ учился у Леодаманна.

(4) Аристодемъ. Сей, какъ пишетъ Демосеенъ, посланъ былъ посломъ къ Филиппу съ Демосееномъ и Есиномъ. Его когда спросилъ Демосеенъ, сколько онъ взялъ награжденія, дабы рѣчь сказать, и онъ отвѣтствовалъ, что цѣлой палантъ: тогда Демосеенъ, а мнѣ, сказалъ, болѣе дали, дабы я олъчалъ, какъ пишетъ Криптолай.

На главу первуюнадесять.

(1) Жизни гражданъ своихъ. Сисеей когда комедію представлялъ для народа, въ которой Клеанеа, Стоическаго философа, поносилъ, тогда при негодованіи на Сисеея народа сказалъ философъ: неправеднымъ дѣломъ быть оное имѣнъ, естли люди будутъ сердиться за поношеніе, причиняемое имъ другими, когда Ираклій и Діонисій, боги, шрвзаемы будучи поношеніями актеровъ, не гибзуются.

(2) Лабенъ. Лабеновъ было три, крайнѣ искусные въ правахъ; но одинъ искуснѣйшимъ былъ другихъ, называемый Антиспій Лабенъ, который жилъ при Августѣ Кесарѣ. Онъ учился у Треватія Тесты; онъ не только въ правахъ былъ искусенъ, но и въ древности и всѣхъ наукахъ, какъ пишетъ Геллій. Августъ однако его не весьма любилъ, по причи-

нѣ той, что онѣ свободно разсуждалъ и вольно говорилъ. Мнѣніе его изъ Платоническаго и Стоическаго ученія по видимому произошло, съ нѣкоторою однако перемѣною. Ибо Платонической секты философы всѣхъ боговъ добрыми почитали; между демонами же и ироями нѣкоторыхъ добрыми, а нѣкоторыхъ злыми поставляли. Порфирій, о жертвахъ говоря, пишетъ, что истинной и прямой почитатель боговъ никакого животного бога не приноситъ не будетъ, но демонамъ. Онѣ же въ книгѣ о пути мысленныхъ и умныхъ пространно то изъясняетъ, которые добрые, которые злые демоны. Но о семъ индѣ.

(3) Злые боги. Чѣмъ ниже и хуже боги, тѣмъ плачевнѣйшимъ образомъ умилоспивляемы бытъ хощащѣ, каковыми сущѣ преисподніе боги: Плутонъ, Прозерпина и другіе.

На главу вторуюнадесять.

(1) Вашу рапушу. Рапушею было мѣсто, гдѣ находился Сенатъ, и полагается вмѣсто Сената, Капитолія же за самыхъ боговъ.

(2) Терентій вашъ. Сказываютъ, что онѣ друженъ крайнѣ былъ Сципіону и Лелію, при томъ и полагаетъ былъ опѣ нихъ въ сочиненіи басенъ, о чемъ и самъ Терентій на нѣкоторомъ мѣстѣ упоминаетъ. О Сципіонѣ же думаетъ Меммій въ рѣчи за себя самаго. И Квинтилианъ упоминаетъ въ десятой кн. Наставлен. о Леліѣ Корниліѣ Непотѣ; и Цицеронъ въ нѣкоторомъ письмѣ къ Аппику, хоща по мнѣнію другихъ пишущѣ.

На

На главу претьюнадесять.

(1) Изъ числа гражданъ. Необходимо надлежало наизвращеннѣйшихъ бытъ обычаевъ актерамъ и оплакиванія достойнаго непотребства, когда они въ числѣ гражданъ въ Римѣ не почитались, хоща въ ономъ многія тысячи другихъ пресупниковъ изъ числа гражданъ не исключены. Что же они исключаемы были изъ числа гражданъ, въ томъ увѣряющѣ Ливій и Валерій, развѣ прошены бывши опѣ властелиновъ оное учинящѣ, то есть изъ себя представитъ актеровъ. Ибо сіе имѣетъ видъ принужденія, такъ какъ десятому Лаберію приключилось, который по прозвѣ Кесаревой игралъ на театрѣ актеромъ, однако и послѣ того изъ впораго спешени и чина народа Римскаго исключенъ не былъ. Ибо кто пресупаетъ по видимому законъ по принужденію, оный не долженъ бытъ виновнымъ. Сверхъ сего изъ сего закона изъемлются актеры Апелляновъ, то есть спрочайшихъ басенъ, шутками своими древнее Италіянское насмѣхленіе изображающихъ распворенныхъ, какъ пишутъ Ливій и Валерій.

(2) Римляне мужественные и храбрые не знали. Почти чрезъ чепыре спа лѣтъ.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Платону Греческому. Платонъ въ кн. о республикѣ 2 стихотворцовъ изъ того города, который онѣ уставляетъ изряднымъ, изгоняетъ за то, что они пресупленія и без-

беззаконія богамъ приписываютъ и воспѣваютъ. И въ 10 книгъ тогожъ сочиненія, когда много говорилъ на нихъ Сократъ, все оное заключаеиъ пѣмъ мнѣнiемъ, что стихотворство, вводящее не сообразныя мужескы спраси, изгоняиъ надлежиъ, а оставляиъ то только, которое видѣ имѣиъ мужеска и непорочности. И такъ не всякое стихотворство оуждаеиъ; ибо стихотворцы иногда называеиъ божественнымъ родомъ, то естъ когда они священныя воспѣваютъ пѣсни. Естли говоряиъ стихотворцы о мужѣ добромъ, хотя нищемъ, что онъ блаженъ, и напрошивъ о зломъ, что онъ, и богатиъ будучи, бѣдѣнъ, естли только не крайнѣ своевольствуюиъ, ни неистоваяиъ и не ласкательствуюиъ, и не предлагаиъ того, что илииъ добрые обычаи: то они полезны обществу Платонову.

(2) Сего Платона и Лабеоиъ. Степени боговъ изъ Варрона, потомъ и изъ книгъ Платоновыхъ другихъ предложу. Римляне нѣкопрыхъ боговъ главными называли, другихъ средними, а иныхъ ироями низшими, какъ бы земными отъ слова *Гѣа*, коимъ именovali древнiе землю, какъ пишешъ Капеллъ. Средними почитали пѣхъ, кои за заслуги на небеса преселились, какъ говоритъ Цицеронъ въ законѣ. Они-то сущъ полубоги, какъ бы рожденные отъ смертныхъ и безсмертныхъ, какъ на примѣрѣ Ромуль, Геркулесъ, Эскулапiй и прочiе подобные. Ирои отъ смертныхъ сущъ рожденные, но по заслугамъ лучшую участь получили, нежели прочiе смертныя.

(3)

(3) Но обоихъ въ числѣ боговъ поста-вляеиъ. Тѣхъ, кои благонравно жили и жизнь скончали, въ числѣ боговъ древнiе Римляне полагали, и празднества, въ честь имъ уставленныя, Неціями назывались, какъ пишешъ Цицеронъ во 2 кн. Закон.

(4) Хотя онъ ни брата не убилъ. Какъ сiе учинилъ Ромуль, который убилъ брата своего Рема.

(5) И не учинилъ никакого беззаконiя. Какъ-то Геркулесъ, который любодѣисвами, похищенiями, разбоями, челоѣкоубiйствами осквернилъ вселенную, о которомъ однако язычники думали, что онъ мiръ очистиъ.

(6) По крайней мѣрѣ или Пріапу. Діодоръ начало почитанiя Пріапа описываетъ такимъ образомъ: когда Озирисъ, Египетской Царь, отъ Тиеона нечестиваго брата убиъ, то пѣло его бунтовщики, бывшіе въ заговорѣ, раздѣлили на части; но какъ дѣтродныхъ удовъ никто себѣ взяти не хотѣлъ, то оныя и брошены въ рѣку Нилъ; наконецъ какъ Озирисова супруга Изида побѣдила Тиеона, тогда по собранiи всѣхъ супруга своего часней не явилось дѣтродныхъ удовъ, которые Изида послѣ того посвятила и многими священнослуженiями почитать оныя повелѣла. И посвящаемые въ жречество вопер-выхъ Пріапу священнослуженiе опправляли. Она, перемѣнивъ имя, Пріапомъ нарекла; понеже симъ именемъ древнiе срамное всякое вещество какъ бы честнѣйшимъ покрывали. Греки его Саломъ и Иписаломъ называюиъ.

Изъ

Изъ Лапинщиковъ Колумеллѣ въ книгѣ 11: но описанный пенъ спараго дерева божество почидай Иппеалла, спрашнаго уда, который въ огородѣ грозилъ косою опроку, желающему что либо украситъ; ибо онъ былъ спражемъ огородовъ. Діодоръ также пишетъ, что и онъ Тиеономъ назывался. Онъ же упоминаетъ, что сей былъ сыномъ Венеры и Діонисія, который родился, какъ говорятъ Сервій и Валерій Флаккъ, въ Лампсакѣ, городѣ Элеспонтскомъ; и поному называется онъ Лампсакійскимъ и Элеспонтскимъ. Виргилій въ 4 Земледѣл: и спражъ онъ воровъ и ящицъ съ ивовою косою Элеспонтскій да сохранитъ Пріапъ. И на другомъ мѣстѣ у него говоритъ Пріапъ: опечесства лишусь вмѣсто наказанія; и бывши нѣкогда пивомъ, Лампсакъ, гражданиномъ, Галломъ буду. Иные думаютъ, что онъ родился въ городѣ Пріапѣ, не далеко отъ Лампсака. Сей богъ недавно вымышленный и Гезіоду неизвѣстный, котораго Фулгенцій между Семонами полагаетъ, и утверждаетъ, что онъ еще на небо не принятъ, по причинѣ малыхъ своихъ заслугъ.

(7) Кинокефалу, по Руски Псоглаву. Діодоръ въ книгѣ 4 пишетъ, что Кинокефалы имѣютъ тѣло человѣческое и голосъ, но головы псовы; они суть дикіе звѣри и неукротимые, и находясь великимъ множествомъ на островахъ Нила рѣки. Озирисъ имѣлъ у себя сына Анубиса, который за странствующимъ опцемъ послѣдовалъ, имѣя на своихъ знаменахъ изображеніе пса; того ради

ради въ Египтѣ почитаемъ былъ подъ видомъ пса, и называется онъ Виргилія лаятелемъ въ книгѣ 8; особливо потому, что онъ спражемъ означаемъ былъ тѣмъ Озириса и Изиды. Находятся и такіе писатели, которые думаютъ, что сей самый есть Меркурій, названный такъ по причинѣ чудкости.

(8) Или лихорадкѣ. Римляне многіе жертвенники воздвигнули лихорадкѣ. О древней нѣкакой, находящейся въ Паламѣ, упоминаетъ Цицеронъ во 2 книгѣ Законовъ. О той же и Валерій въ древнихъ установленіяхъ, и Плиній въ книгѣ 2. О другой также на площади Маріанскихъ монументовъ; о третіей въ верхнемъ концѣ улицы долгой находящейся.

(9) Частію отъ спороннихъ. Луканъ говоритъ къ Египту: мы въ храмы Римскіе пивую приняли Изиду и полупсовъ боговъ и проч.

(10) Частію сами обоготворили. Какъ-то лихорадку, и проч.

На главу пятуюнадесять.

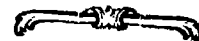
(1) Хотя онаго поспавляли полубогомъ. Цицеронъ въ Законахъ: боговъ и тѣхъ, кои всегда небожителями почитаются, чии. Оныхъ, коихъ заслуги преселили на небеса, Ираклія, Либерта, Эскулапія, Кастора, Поллюкса, Квирина.

(2) Ибо и жреца ему, называемаго Фламенъ. Что о Фламенахъ сказано будетъ, то все заимствовано изъ Варрона, Діонисія, Феста, Плутарха, Геллія, Сервія. Между чинами жреческими

ческими Нума Помпиль и некоторых поставил и нареки Фламинес, кои опрочих опмичались шапкою, какъ первосвященники, на которой обвязана была бѣлая щерстяная нипка вокругъ. Таковаго рода жрецовъ Нума сперва прехъ поставилъ: Юпитеру одного, который назывался Діалис опр Діа, что значилъ Юпитера. Другаго Марсу, который названъ Марціальнымъ, или Марсовымъ. Третьяго Квирину, который наименованъ Квиринальнымъ. Одному Фламену многимъ богамъ служилъ не подобало, какъ ни многимъ Фламенамъ былъ въ служеніи одному богу. Однако по малу число ихъ умножилось, и послѣ того было уже ихъ пянапцапъ, кромѣ тѣхъ, коимъ сіи чины изъ ласкапелъства даны, какъ-то К. Цесарю Дикшатору закономъ Антоніевымъ, за что Цицеронъ во второй рѣчи Филиппической негодуелъ; и Августу, и другимъ многимъ. Однако главѣйшими тѣ всегда были, коихъ Нума успавилъ, изъ ксихъ больше всѣхъ былъ Діевъ, который Юпитеру священнослуженіе опправлялъ, и онъ одикъ носилъ бѣлую шапку, и имѣлъ у всѣхъ величайшую важность, котораго церемоніи и права описываютъ Плутархъ въ проблемматхъ, Геллій въ книгѣ 10 изъ Фабія Пиктора, Массурія Сабинскаго, Варрона и прочихъ. Послѣднимъ былъ между Фламенами Фламенъ Помоны; поелику маловажною была богиня Помона, которая владычество имѣла надъ яблоками. Иные средспвенную имѣли силу, какъ-то Вулканальный, опредѣленный Вулкану; Фуринальный,

Фури-

Фуридъ, Фалацеръ, Фалакру, опцу Палапуальной богини, которая защищала палаты, Флоральный машери Флоры.

(3) Который жреческій чинъ. Фламинесъ хотя великую имѣли силу и власть, однако великому первосвященнику повиновались. Такъ народъ повелѣлъ во время первой съ Картагенцами войны, когда Л. Меллелъ, первосвященникъ великій, Постумія, Фламена Марсова, Консула, не уволилъ опр священнослуженія. Такъ во время первой войны Азіатской, когда П. Ликиній, первосвященникъ также великій, не позволилъ тхатъ въ Сардинію К. Фабію Пиктору Претору, Фламену Квиринову.

(4) Шапки. Луканъ въ книгѣ первой говоритъ: и неся шапку благородною выею Фламенъ. Валерій въ книгѣ первой пишелъ, что Сулпиція во время священнослуженія спадшая шапка лишила священства. Сервій въ книгѣ осьмой на Энеиды ушверждаетъ, что Римляне не давали шапокъ, какъ только главнѣйшимъ жрецамъ, какъ нынѣ Архіерейскихъ шапокъ не даюпъ никому, кромѣ Епископовъ.

(5) Тремъ богамъ назначали. Главныхъ и прямыхъ Фламеновъ, которые древнею оною властію поставлены.

(6) По усердію народа. По смерти Ромуловой Сенатъ пришелъ въ подозрѣніе народу, который догадывался, что Сенаторы его умертвили. Но народное сіе волнованіе утишено было свидѣтельствомъ Юлія Прокула, который клялся предъ народомъ, что видѣлъ Ромула идущаго и возносящагося на небо.

Часть I.

М

бо,

бо, какъ пишеть Ливій въ книгѣ первой, Эній сими словами вводитъ народъ Римскій плачущій о Ромулѣ: о Ромулѣ, Ромулѣ! скажи, каковымъ тебя оберегашелемъ боги родили? Ты ввелъ насъ внутрь спранъ свѣта. О отецъ отечества! О рожденный опъ крови боговъ!

(7) Квириномъ послѣ того нареченъ. Многимъ имена переменены по обоготвореніи, дабы важнѣйшими по оставленіи человѣческаго имени казались. Такимъ образомъ жена, копорая называлась Ледою, Немезою наречена; копорая была Циркою, ша прозвана Марикою; копорая прежде Иною, ша преименована богинею Машупою; копорый имя имѣлъ Энея, потъ прослылъ Юпигеромъ Индигесомъ. Ромулѣ Квириномъ названъ ради Сабинцовъ, для коихъ Римляне Квирипами назвались, опъ Куришянъ Сабинскихъ, какъ Овидій говоритъ; или потому, что копіе древніе Сабинцы называли квирисомъ, опъ копорого бранноносный взошелъ на небо богъ; или что Цари Сабинскіе назывались Квирипами; или для того, что Ромулѣ къ Римлянѣ присовокупилъ Куришянъ.

На главу шестуюнадесять.

(1) Опъ Аѣинянъ. Въ лѣто трехсотое опъ построения Рима, по многихъ раздорахъ между нродомъ и начальниками, три посла посланы были въ Грецію, копорымъ повелѣно было списать законы Солоновъ, также развѣдать о нравахъ, обычаяхъ и устанавъ

про-

прочихъ Грековъ, дабы возможно было въ городъ Римъ по примѣру Грековъ ввести права. Въ Аѣинахъ Херефанъ тогда былъ Архонтомъ во время Олимпіады восемьдесятъ второй. Послы повелѣнное тщательнѣе исполнили, и въ слѣдующій годъ возвратились. По приѣздѣ ихъ назначены десяти мужей для сочиненія законовъ, копорые во первыхъ десяти таблицъ правъ гражданскихъ Римлянамъ написали, потомъ прибавили еще двѣ, копоры всѣ утверждены въ общемъ народа собраніи. И сіи - то суть знаменитые законы двенадцати статей, о коихъ пишутъ Ливій въ книгѣ прешней, и Діонисій въ книгѣ десятой, и проіе.

(2) И хотя Ликургъ. Славны Ликурговы законы, копорые онъ предписалъ Лакедемонянамъ по внушенію, какъ онъ вымыслилъ, Аполлина Делейскаго. Наполнены суть Греческія и Латинскія книги сего Ликурга жестокими законами, копорые онъ предписалъ Спартанцамъ. Находился и цѣлая книга, Ксенофонтомъ о сихъ законахъ изданная. Много также написалъ о нихъ и Плутархъ, того ради описывать я пространіе не намѣренъ, дабы не нанести читателямъ скуки.

(3) Изъ другаго мѣста. Солоновы законы къ общежительной жизни и людскости болѣе служили, нежели Ликурговы, грубые и кровопролитные, какъ Платонъ и Аристотель примѣнили; ибо конецъ ихъ не иной какой былъ, какъ чтобъ Спартанцовъ исправными воинами подвласть.

М 2

(4)

(4) Нума Помпиль. О томъ смотри Ливія книгу первую, и Діонисія и Плутарха еѣ его житіи, и другихъ.

(5) Однако не пишушъ. Онъ вымыслилъ, аки бы съ Егерією Нимфою, а не богинею имѣетъ тайное свиданіе и сообщеніе.

(6) По признанію наичуждѣннѣйшихъ мужей. Плавцій въ Персіанинъ: вопрошаетъ дѣвицу Сагаристіонъ невольникъ: сколько бы для нее казался крѣпокъ городъ? Отвѣспивуетъ она: еспыли житиели въ немъ благонравны, то, по мнѣнію моему, онъ хорошо утвержденъ и укрѣпленъ; еспыли вѣроломство, любоспиканіе и скуноссть изъ онаго изгнаны, вчепверспыхъ зависть, впапыхъ гордоссть, вшеспыхъ непослушаніе, вседьмьхъ кляпвопреступленіе, въ осьмьхъ ѣ нерадѣніе, вдевяпыхъ обида, вдесяпыхъ беззаконіе. Сіи ежели изъ града изгнаны не будутъ, то споспѣнъ къ зашптъ онаго недовольны.

На главу седьмуюнадесять.

(1) По сей-то, я думаю, правдѣ. Язвительная насмѣшка здѣсь заключается.

(2) Похищены Сабинки. Когда Ромулъ не могъ испросить нѣ замужство у сосѣднихъ народовъ дѣвицъ за своихъ подданныхъ, то со совѣта дѣда своего Нумитора и Сенапа припворился, аки бы игры онъ соспавилъ намѣренъ Непшуну, на коняхъ ѣздящему. Такимъ образомъ выманивъ множесство женскаго пола на зрѣлище, сосѣднихъ народовъ всѣхъ, а наипаче Сабинокъ, повелѣлъ посреди зрѣлища по-

хипипъ.

хипипъ. И похищено женскаго пола, какъ Діонисій повѣспивуетъ, шесть сотъ восьмдесяпѣ человекъ. Валерій же Максимъ пишеть, что похищено пѣть сотъ двашпцать семь.

(3) Сіе, правда, полезнѣе. И сіи народы, у коихъ женскій полъ похищенъ, и другіе, коихъ или оные своими слезами, или примѣрѣ ко многимъ принадлежащій побудили, приняли оружіе противъ Римлянъ Сабинцы, Цениняне, Круспумерійцы, Апеннапы. Ромулъ, видя, что полъ сильная брань на него приутопояляется, прибѣгнулъ къ Эспрускамъ, коихъ тогда войско было сильно. Целій, также нѣкопсрый Эспрускій вельможъ, далъ помощь Ромулу, онъ копсраго гора Целій въ Римъ на-речена. Припомъ дѣдъ Ромуловъ прислалъ ѣпомогательное ему войско. Цининянъ, Круспумеріевъ и Апеннаповъ Ромулъ безъ дальней трудноспи преодолѣлъ, оспалась съ Сабинцами сомнипельная и бѣдспвенная война, копсрую похищенныя прозьбою своею пресѣкли; и такимъ образомъ миръ учиненъ и дружесство.

(4) Хотя въ память. Игры всякой годъ Непшуну, на коняхъ ѣздящему, опсправляемы были, и различно назывались: Цирценскими, Великими, Римскими; а у древнихъ Консуальными, и оныя въ чеспъ пому богу опсправляемы были, копсрой владычеспивуетъ надъ совѣтами, у копсраго помощи и совѣта Ромулъ нѣ неудобспвъ браковъ просилъ. Сего бога жертпвенникъ былъ подъ землею сокрытъ; понеже совѣтъ не только вещь священною,

но и, какъ говоритъ Платонъ, сокровенною и пайною бытъ долженствуемъ.

(5) По изгнаніи. Опять насмѣшка.

(6) Тарквинія. По изгнаніи Царей по приговору общаго собранія Консулами посланы Л. Юній Брутъ и Л. Тарквиній Коллатинъ, Лукреціинъ мужъ, Эгерія, брата Тарквинія Приска, сынъ, какъ пишетъ Ливій, а по увѣренію Діонисія внукъ. Брутъ, желая, дабы не только Царя въ Римѣ не было, но и имени Царскаго не осталось, опинялъ достоинство у своего поварища за то, что онъ Тарквиніемъ назывался, который, собравъ свое имѣніе, отбѣжалъ для житія въ Коллатію. О семъ поступкѣ пишетъ Цицеронъ въ претрїей книгѣ о Должностяхъ, что онъ не былъ соединенъ съ честностію, но поелику полезенъ былъ опечестію, того ради честнымъ по видимому почтенъ. Примѣченъ, говоритъ Юлій Обсеквенсъ, что никто, опинявши чинъ у своего поварища, года не жилъ, изъ коихъ былъ первый Брутъ, потомъ Т. Гракхъ и П. Тарквиній.

(7) Маркъ Камиллъ. Сей Веій богатымъ Этрусковъ городомъ по десятилѣтней осадѣ овладѣлъ. И тогда-то впервые народъ Римскій подъ кожами зимовашъ началъ изъ ненависти къ народу оному, дабы онъ изъ города не ушелъ. Сей Камиллъ, аки бы не надлежащимъ образомъ раздѣливъ корысть, полученную у Везнпянъ, позванъ бывши къ суду для избѣжанія зависти народной, хопя и ложно обнесенъ былъ, самъ добровольно

въ ссылку побжалъ въ Ардею за два года до обладанія Галлами Рима.

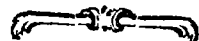
(8) Вскорѣ потомъ. По плѣненіи Галлами Рима Камиллъ, собравъ оставшееся войско, и освобожденъ бывши отъ изгнанія, Дикшапромъ посланъ пѣми, кои содержались въ осадѣ въ Капитоліи. Галловъ впервые изъ Рима легкимъ сраженіемъ выгналъ, потомъ на осьмой отъ Рима верспѣ жестоко разбилъ. Ливій въ книгѣ пятой говоритъ, что сей великій мужъ памятовалъ наипаче о бѣдствіи опечестіа, нежели о своей обидѣ; и для того впорымъ Ромуломъ нареченъ.

(9) Когда сильные. Сіе зло по изгнаніи Царей почти чрезъ пять сотъ лѣтъ продолжалось, что народъ и благородство раздоры и ненависть одни къ другимъ между собою питали, желая одни повелѣвать другими, которые раздоры малочисленными Трибунами народными съ спороны народной, и Сенапорами съ спороны благородныхъ возбуждаемы были. Отсюда сказалъ Луканъ: съ Консулами возмущающіе права Трибуны.

На главу осьмнадцатую.

(1) Однако той же Саллюстій въ книгѣ первой исторіи. Сіи книги Саллюстіевы управлены, а осталось только нѣсколько рѣчей.

(2) Въ скоромъ времени. По пятидесяти лѣтахъ. Ливій въ книгѣ второй пишетъ, что Ап. Клавдій, потомъ и П. Сервилій Консулами посланы. Достопамятенъ сей годъ полученіемъ извѣстія о Тарквиніевой смерти.

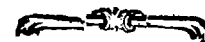

Оною вѣстію обрадованы вельможи, обрадованъ и народъ, но вельможей радость простерлась до своевольства: они начали обиды дѣлать народу.

(3) Между второю и послѣднею войною. Три войны были у Римлянъ съ Карфагенцами: первая продолжалась двѣнадцать два года въ Сициліи, потомъ въ Африкѣ. Она началась отъ построения Рима на чептыре ста девяносто лѣтъ году, во время Консульства Аннія Клавдія Кандакса и К. Фулвія Флакка; ибо столько Плиній считаетъ лѣтъ въ книгѣ приписавъ претѣей, въ которой должно читать вмѣсто пяти сотъ восьмидесяти пяти чептыре ста восьмидесяти пяти лѣтъ. Ливій же и Евпропій изъ сего числа принаписавъ лѣтъ исключаютъ. Другая война по прошествіи двѣнадцати трехъ лѣтъ, начавшаяся во время Консульства П. Сципіона и Т. Семпронія, и бывшая въ Испаніи, Сициліи, Италіи, Африкѣ, оконченная Сципіономъ Африканскимъ по прошествіи отъ начала оной семнадцати лѣтъ. Третья война по прошествіи отъ второй сорока девяти лѣтъ, начавшаяся при Консулахъ Маниліѣ и Марціѣ Ценсоринѣ, продолжавшаяся единственно въ Африкѣ, и окончившаяся Сципіономъ Африканскимъ младшимъ. Концемъ оной было разореніе города Карфагена.

(4) Но несогласіе. Саллюстіѣ въ войнѣ Югуртинской.

(5) Жестокія войны съ Эпруріею. Съ Порсенною, Царемъ Эпрусскимъ наисильнѣйшимъ, который хотѣлъ паки Тарквиніи на царство воз-

возвести, и въ пѣсной осадѣ содержалъ Римъ, и безъ сомнѣнія овладѣлъ бы Римомъ, есплибъ не былъ устращенъ К. Муціемъ Сцеволою, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ первой.

(6) Бить и казнить. У Римлянъ приговоренной къ смерти прутьями. бывалъ бить, потомъ умерщвляемъ. Когда же вина не важна была, то за довольное почиталось бить паковаго прутьями. Также должники, отдаваемые будучи заимодавцамъ отъ судей, много претерпѣвали отъ кредиторовъ жалости доспойнаго; ибо отданные въ узахъ заключаемы были, и бѣемы на подобіе невольниковъ. Сіи безпорядки прекратили законы Порціевы и Семпроніевы, которые не находящагося въ рабствѣ гражданина Римскаго бить прутьями, или плетьюми запрещають.

(7) Опнимать земли. Богатые пѣ поля и земли, коими помощію оружія завладѣли, сперва какъ бы за деньги именемъ всей республики отъ Сената покупали, потомъ одни старались завладѣть оными съ исключеніемъ народа. Отсюда произошли законы о размежеваніи земель, споль многократно предприемлемы были къ великому огорченію и смятенію благородныхъ.

(8) Въ гору священную. Сперва удалися народъ на священную гору, которая за рѣкою Аніеномъ, или, какъ пишетъ Пизонъ, на Авентинскую, которая составляетъ часть города. Тамъ, во первыхъ, народу даны Трибуны, какъ бы защитники онаго отъ обидъ дворянства. Оные Трибуны споль были важ-

ны, что ежелибъ кто ихъ обидѣлъ, того Юпитеру принести надлежало на жертву, а имѣнїе его продать, также и его родственниковъ. Второй разъ удался народъ вопервыхъ на Авентинскую гору, попомъ, дабы болѣе казался Римъ пустымъ, и опѣ того большій бы произошелъ въ Римѣ страхъ, пошелъ на гору священную. А послѣ того, помирившись съ Сенатомъ, паки на Авентинскую, гдѣ впрочемъ даны ему Трибуны; съ Авентинской пришли въ Капитолію, гдѣ великой первосвященникъ поставилъ Трибуновъ.

(9) До сраженій междоусобныхъ. Между Сенапорами и Гракхами, впервыхъ, Тиверіемъ, попомъ Каіемъ. Между Маріемъ и Силлою.

(10) И сами ничего домашняго не имѣли. Когда они были крайнѣ развращены и невоздержны, и похищенное мгновенно проматывали; чего ради принуждены были устремляться на чужое имѣніе, и спарались наполнить, какъ говорятъ, бездонную бочку.

(11) Краснорѣчиво. Всѣмъ вѣкамъ нравилось краснорѣчіе Саллюстіево, и наши Лапинцики въ равенствѣ его полагаютъ съ Оукипидомъ Греческимъ, какъ Квинтилианъ въ книгѣ десятой.

На главу девятнадцатую.

(1) Мышарями. Луки глава 3: Придошла же и мышари крестниши, и рѣша ему: учителю, что сотворимъ? Онъ же рече имъ: ничтоже вѣще положеннаго вамъ.

На

На главу двадесятую.

(1) Дому Сарданапалову. Онось Конкорось, котораго Греки Сарданапаломъ называли, былъ Царь Ассирійскій послѣдній, въ роскоши всякаго рода погруженный, который увѣдавъ, что Арбакъ Мидскій готовился напасть на него войною, вознамѣрился щасія опѣдать въ войнѣ. Но побѣжденъ бывши, изнѣженной на подобіе женѣ мужъ, и къ сраженію неспособный, возвратился во Дворецъ, въ которомъ себя и все свое богатство сжегъ. Онъ за долго еще до того, когда неистовился, погружаясь въ роскошахъ, какъ безумный, на гробницѣ своей повелѣлъ написать надгробную такого содержания: То имѣю я, что былъ и что испустило сладострасіе, прочія всѣ великія и изящныя дѣла оставлены. Цицеронъ приводитъ Аристотеля, о семъ сказавшаго такъ: что иное на скопской могилѣ, а не на Царской гробницѣ написалъ пы? Онъ сказываеиъ, что по имѣиъ мертвой, чего и въ живыхъ будучи долговременнѣе не имѣлъ, какъ только покуда наслаждался. Цицеронъ въ книгѣ дѣяпой Тускулянскихъ вѣпросовъ о шомъ говоритъ.

На главу двадесать первую.

(1) Гракхи. Когда защищали законы о раздѣленіи земель, то опѣ раздраженнаго тѣмъ дворянства убиты Тиверій Гракхъ опѣ Назики, Каіи опѣ Л. Олимпія, девяти лѣтъ спусия послѣ. И сія война была первая градская, въ которой до убійства дѣло доходило.

мо. Случилось сіе въ лѣто отъ построенія Рима шестъ сотъ двадцать седьмое.

(2) Марій. Онъ былъ изъ Арпина, чело-вѣкъ новой, однако семь разъ былъ Консуломъ. Впервыхъ Югурпу, потомъ Кимвровъ и Тевтонцовъ побѣдилъ, и надъ ними шорже-спивалъ; наконецъ изъ ненависти къ Силлѣ, который во время Югурпинской войны по-сломъ его былъ, началъ съ нимъ войну, на ко-торой самъ Марій побѣжденъ бывши, бѣжалъ въ Африку.

(3) Цинна. По побѣдѣ надъ Маріемъ, когда къ брани съ Мипридапомъ отправился Силла, оставилъ Консуловъ въ Римѣ К. Кор-нелія, Цинну и Октавія. Цинна, желая начать какія либо новости, разсорился съ поварщикомъ и выгнанъ отъ него и отъ всѣхъ добрыхъ людей, которую обиду когда всякаго рода мучительствами предпринялъ отмстить Цинна, по возвращенъ былъ изъ Африки Марій, и нанесена опеческу война, въ которое съ многочисленнымъ войскомъ вошедъ, многихъ лю-дей побилъ Цинна, и себя во второй разъ, а Марія въ седьмой безъ приговору народнаго поставилъ, въ которой должности Марій по-содѣланіи ужасныхъ пиранствъ и непопребствъ скончалъ свои дни.

(4) Карбо. Карбоновъ, какъ Цицеронъ къ Папірію Пепу пишетъ, много былъ изъ ро-да Папіріевъ. Здѣсь, о коемъ говоритъ Авгу-стинъ, былъ Карбонъ, Гней Папірій, держав-шій сторону Маріеву, которой, побѣжденъ бывши отъ Силлы, бѣжалъ въ Сицилію и тамъ отъ Помпея великаго убитъ. (5)

(5) По неправеднымъ винамъ. Азія про-винція и война съ Мипридапомъ Силлѣ доста-лись. Сего не перпя Марій, по причинѣ преж-нихъ съ Силлою несогласій отъ времени войны съ Югурпою, чего для П. Сулпиціемъ, Трибу-номъ народнымъ, челоѣкомъ, къ бунтамъ скло-нымъ и непопребнымъ, добился того, что война съ Мипридапомъ отъ народа поручена была ему. Сего безчестія не стерпя, Сил-ла, и испросивъ помощь отъ войска своего, пословъ Маріевыхъ, которые для принятія въ свое смотреніе полковъ прѣхали въ Капуу, обезчестилъ, и тѣ полки, кои ненавидѣли Марія, къ Риму придвинулъ, желая отмстить насилие и коварство своихъ враговъ. Отсюда всѣ смена браней междоусобныхъ произошли; ибо Марій съ своими сообщниками Силлу встрѣ-тилъ и жеспочайшее имѣлъ сраженіе.

(6) И какія самъ наконецъ Силла. Былъ сей Паприцій изъ роду Корнеліевъ, когда тща-тельно старался аки бы за народъ, по Консу-ломъ поставленъ, и въ ономъ будучи началь-ствъ, побѣдивъ Мипридапа, Марія младшаго, Карбона, Норбана, Серпорія, Домипія, Ци-піона и другихъ, держащихся Маріевой спо-роны, неизмѣнное Дикшаторство получилъ, въ которомъ чину многія Римскихъ гражданъ тысячы сослалъ въ ссылку. Челоѣкъ, варвар-ствомъ исполненной, и на всякой родъ при-хопей стремящійся.

(7) Уже тогда погибла. Луканъ словами Капоновыми: давно неложная вѣрность по-пріятія Силлы и Марія, также и вольность погибли. (8)

(8) Удалились всѣ боги. Стихъ сей есть Виргиліевъ во второй книгѣ Энеиды, о которомъ Сервій и Макровій думаютъ, что онъ касается къ вызыванію боговъ; ибо когда осаждаемы были города, которые полководцы намѣревали въ концѣ раззорить, то, дабы не показаться, что они воюютъ противъ боговъ, вызываемы были изъ осажденнаго города предводителями, содержащими города въ осаду, дабы въ городѣ побѣдителей соизволили выпустить, какъ у Веіанъ учинилъ Камиллъ, и въ Керсегенъ и Нуманціи Сципіонъ, и Мумій въ Коринѣ.

(9) Опъ Галловъ плѣненъ. Галлы, жившіе по ту сторону Альпійскихъ горъ, часто въ Италію съ войсками приходили. Последніе изъ нихъ были Сеноны. Сіи во первыхъ борзались въ Клузій, а послѣ того овладѣли Римомъ опъ посрѣсенія Рима въ триста шестидесятомъ году. Впрочемъ одни ли они тогда сдѣлали, или при помощи другихъ Галловъ, жившихъ по сію сторону Альпійскихъ горъ, не извѣстно.

(10) Ежели, какъ спали боги, такъ спали бы и гуси. Исторія сія изъ повѣствователей и стихотворцовъ всѣмъ извѣстна. Галлы, спознавъ о пущи, ведущей въ замокъ, въ полночь къ оному пришли. Тогда караульные спали. Однако о семъ приходѣ Галловъ открыли своимъ крикомъ гуси, державшіеся въ Капитоліи, посвященные Юнонѣ. Такимъ образомъ Манлій, восхитивъ оружіе перваго, котораго нашелъ на самой верхъ взошедшаго

Галла;

Галла, свергнувъ орудіемъ. Сей низринутый мягостію своего плѣла сохлелъ съ собою другихъ внизъ. Между плѣмъ Римляне къ сему смятенію подоспѣли, и Галлы силою великою опбины.

(11) Съ Египтянами. Египтяне нѣкоторыхъ животныхъ по причинѣ пользы, дѣлаемой оными, обоготворяли, какъ Цицеронъ въ первой книгѣ о природѣ боговъ говоритъ, и пространіе того Діодоръ въ книгѣ второй своей Вивліюеики, какъ то пса, кошку, ибиса, вола, крокодила, ястреба и проч.

(12) Когда для гусей. За оное благодѣяніе каждый годъ въ Римѣ, какъ Плутархъ говоритъ, въ щастіи Римлянъ, псовъ распинали на крестахъ [что они прихода Галловъ не слышали], а гусей въ великолѣпныхъ публично носили крошняхъ, и при томъ называли оныхъ спасителями. Плиній въ книгѣ двадцать девятой пишетъ: каждый годъ казнимы бывають псы между храмомъ Суммана и Юноспіи: живые на висѣлицахъ вѣшиваемы были. Да и Ценсоры прежде всего, что для начальниковъ приуготовляють, священныхъ гусей пишу полагають.

На главу двадесять вторую.

(1) Ибо которые Марію. Онъ, изъ Африки возвращаясь, собралъ войско изъ невольниковъ, и съ оными Колоніи, Остію, Анпій, Лавиній, Аристію разграбилъ. Входя въ Римъ, ондакъ приказъ и съ приказомъ знакъ солдатамъ, чтобъ они всѣхъ плѣмъ убивали, коихъ

ихъ

ихъ онѣ привѣтспивующихъ воспривѣтспивовать не спанеть. Сказать не можно, сколь многіе погибли въ семъ случаѣ изъ благородныхъ и неблагородныхъ. Луканъ крапкими словами изрядно Маріеву жестокость изобразилъ: мужъ суровый и для судьбы, желающей Римъ погубить, довольный. Однако сей, какъ я сказалъ, въ седьмой разъ будучи Консуломъ, на одрѣ своемъ скончался, какъ Луканъ говоритъ: и по разореніи Рима щасливо и въ Консульствѣ скончался. Спусти не много времени, возвратился Силла изъ Азіи, и Маріева сына, и всѣхъ, Маріеву спорону державшихъ предводителей, лишилъ жизни.

(2) Метеллъ. Валерій въ книгѣ седьмой и Плиній также въ седьмой пишутъ, что Метеллъ наищаспливѣйшимъ опѣ людей былъ почипаемъ; понеже всѣми душевными и пѣлесными дарованіями одаренъ былъ; также, что онъ былъ Консуломъ и Ценсоромъ; припомъ великую войну щасливо окончалъ и торжествовалъ подобно; что пятерыхъ сыновей оставилъ, и трехъ дочерей, за знапныхъ особъ выданныхъ въ замужство, опѣ коихъ при жизни своей видѣлъ внуковъ; и щасливо при полѣ многочисленныхъ родспвенникахъ скончался.

(3) И Капилина. Нравы и жипіе Л. Сергія Капилины пѣмъ болѣе извѣспны, что Саллюстіи, копорый о помѣ писалъ, у всѣхъ находипся въ рукахъ. Сказываютъ, что заговора Капилинина не меньшею между прочими виною было, что онъ былъ недоспапченъ; ибо для его роскоши безмѣрной всего было мало,

мало, хопя онъ при Силлѣ много нагребилъ и много опѣ Силлы въ даръ получилъ. Ибо Силла его какъ въ другихъ случаяхъ, такъ особливо въ убіеніе М. Маріи употребилъ спекулапоромъ.

(4) Оспавляю то, что Марій. Марій когда опѣ войны междоусобной одинъ убѣжалъ и пришелъ въ Миншурны, городъ Кампанійской, тогда Миншурнине, дабы угодное сдѣлать Силлѣ, побѣдителю онаго, послали нѣкоего человека убить его. Но какъ Марій взоромъ и словами, съ негодованіемъ произнесенными, успрашилъ его и обратилъ въ бѣгство, то Миншурнине, думая, что онъ подѣ особымъ покровительствомъ боговъ состоиптъ, опвели его въ недалеко отспоящую рощу, посвященную Марикѣ, дабы онъ опшуда, куда хочетъ, пошелъ, какъ пишетъ Плутархъ въ жипіи Маріевомъ. О Марикѣ Лактанцій говоритъ, что она прежде называлась Циркою, но по обогпвореніи наречена Марикою. Сервій на книгу седьмую Энеиды пишетъ, что она была женою Фавна, копорая еспъ богинею берега Миншурнійскаго.

На главу двадесять прешію.

(1) Силла самый. Когда держащіе Маріеву спорону, республикою не сильно утвердись, владычествовали варварски, тогда всѣ съ великимъ усердіемъ дожидались въ опмщеніе Силлу; но какъ Силла большую жестокость и безчеловѣчіе началъ дѣлать, тогда показалось народу, что Марій былъ наикрѣпчайшимъ, не жели Силла, какъ говоритъ Луканъ. Наконецъ

Часть I. Н . по-

появился опмстителемъ безмѣрныхъ пораженій Силла: онъ оставшюся въ Римѣ отъ Маріа кровь пролилъ.

(2) Постумій. Цицеронъ въ книгѣ первой о гадашельствѣ открываеиъ, что сей гадашель былъ съ Силлою, гдѣ также и Цицеронъ былъ.

(3) Мипридапа. Сей былъ наисильнѣйшій Царь Понпской, которому опъ народа Римскаго объявлена война; послѣжу онъ Никомида изъ Виеиніи выгналъ; но болѣе сіа война возгорѣлась, когда Мипридапъ всѣхъ въ его государствѣ находящихся Римлянъ повелѣлъ умертвить въ одинъ день. Его силу въ конецъ поразилъ Помпей, который все его государствѣ покорилъ подъ власпъ Римлянамъ по убіеніи его самага. О семъ пишутъ Плутархъ въ житіяхъ, и Аппіанъ Александрійскій въ войнѣ Мипридапской, Флоръ и прочіе.

На главу двадесять четвертую.

(1) На нѣкоторомъ равномъ мѣстѣ. Юлій Обсеквенсъ пишетъ, что при Консульствѣ Луція Сципіона и Каія Норбана между Капуею и Вултурномъ слышанъ былъ звукъ знаменъ, и ужасный прескъ оружій чрезъ многіе дни, такъ что казалось, будто сражающія двѣ арміи. Тронупы бывши шѣмъ люди, любопытно оныя мѣста разсматривали, и примѣтили слѣды конскіе, попопшавшіе всякія расшѣнія.

(2) Уже многіе пронупы были шѣмъ. Ибо когда съ двухъ споронъ, какъ бы непріятельскихъ,

скихъ, родственники другъ друга видяиъ, тогда познаюиъ, что по естѣ междоусобная война и беззаконіе, какъ говорииъ Луканъ.

(3) Что воинъ нѣкоторый. Ливій въ книгѣ семьдесятъ девятой пишетъ, что сіе случилось, когда Цинна и Марій шли непріятельски къ Риму съ войскомъ, которыхъ встрѣтилъ съ войскомъ же Гней, Помпея Великаго опецъ. Валерій въ книгѣ пятой говорииъ, что воинъ Помпеевъ убилъ брата своего, бывшаго въ войскѣ Серпоріевоиъ. Ливій вмѣсто Серпорія полагаетъ Цинну. И по и другое вѣрояино; ибо все войско почти было Циннино, которое на чепыре часпи было раздѣлено: одна часпъ Цинною, другая Маріемъ, прешія Квинпомъ Серпоріемъ, чепвертая Гнеемъ Нарбономъ были предводительствуемы. И Орозій повѣствуетъ, что съ Серпоріемъ сражался Помпей, и во время сего сраженія случилось по съ двумя братьями.

(4) Ихъ сражавшимися. Омиръ во время войны Троянской боговъ сражающимися описываетъ между собою: Марса, Венеру и Аполлина пропивъ Паллады, Юноны и Неппуна.

На главу двадесять пшую.

(1) Предъ самою кумирницею, гдѣ кумиръ. Разумѣиъ здѣсь о играхъ богини Флоры, которые нептребнѣйшими и безспыдными блудницами опправляемы были, какъ Плутархъ, Овидій и другіе пишутъ; поелику и сама Флора была блудницею. Лакпанцій въ книгѣ первой Божеспвенныхъ насшавленій говорииъ:

опправляемы были Флорѣ игры со всякимъ непо-
требствомъ, приличнымъ памяти блудницы.
Ибо сверхъ вольности словъ, коими всякое
сквернословіе изливается, раздѣляюща до на-
га по прозвѣ народной блудницы, которыя
тогда должностъ актеровъ представляющъ,
и предъ народомъ къ удовольствію безсты-
жихъ очей срамныя дѣлающъ пѣлодвиженія.

(2) Съ другой богиню дѣвицу. То есть
Весту. Празднованіе Флорѣ было придесята-
го числа Апрѣля. Съ нею купно праздновано
было Вестѣ, Аполлину и Августу, какъ
Овидій въ четвертой книгѣ Фастовъ, или
праздниковъ пишетъ.

На главу двадесать шестую.

(1) Туллій. Туллій похвѣ, что и Цице-
ронъ. Рѣчи его сіи находятся въ рѣчи ше-
стой на Верреса. Нынѣ, говоритъ онъ, долѣ
имѣю я священнѣйшія игры съ великою cere-
монією опправитъ Церерѣ, Либери и Либе-
рѣ, и Флоры мапери знаменитостію игрѣ къ
народу Римскому исходатайствовать благо-
воленіе и оную умилистити.

(2) Которыя игры. Таковыми были пѣ,
которыхъ играть въ присутствіи меньшаго,
или младшаго Капона актеры опрелѣсь,
какъ пишутъ Сенека, Валерій, Плутархъ и
Марціалъ.

(3) На другомъ мѣстѣ. Въ рѣчи претіей
на Капилину.

(4) Люди самые безчеловѣчные. Каковъ
былъ Капилина съ своими сообщниками.

На

На главу двадесать осьмую.

(1) Фабриціевъ. Фабрицій былъ Консу-
ломъ во время войны съ Пирромъ, въ которое
время особливо процвѣтала добродѣтель въ
Римлянахъ. Онъ былъ челоѣкъ мужеспвен-
ный, недоспапчпый, воздержный и уда-
ленный отъ желанія богатствъ, роскопей,
удовольствій и чеспей.

(2) Ежели что въ васъ по природѣ на-
ходится похвалы dospойнаго. Стоики гово-
рили, что въ насъ отъ природы находятся сѣме-
на добродѣтелей: у однихъ большія, у другихъ
меньшія, и что оныя умножаются и совер-
шаются наспавленіемъ, воспитаніемъ и упра-
жненіемъ.

(3) День приближился. Здѣсь касается
онаго Павлова слова, къ Римлянамъ въ главѣ
претіейнадесять положеннаго. Нощъ прейде,
а день приближился. День есть ясное позна-
ніе благъ.

(4) Какъ возспали вы частно. Здѣсь раз-
умѣетъ то, что многіе изъ Римлянъ увѣро-
вали и ко Христу обратились.

(5) Не Капиолинскій камень. Юпите-
рово ваніе въ Капиполи было каменное; от-
сюда произошла клятва Юпитеромъ наисвя-
тѣйшимъ камнемъ.

(6) Вѣчное царство даруетъ. Слова сіи
суть у Виргилія въ первой книгѣ Энеиды, при-
писанныя Юпитеру, обещающему Римлянамъ
вѣчное царство. Однако благоразуміе Саллю-
стія въ рѣчи, К. Цесарю старшему говорен-
ной,

ной, пишетъ, что имѣетъ быть нѣкогда
раззореніе и разрушеніе народу Римскому. И
Сципіонъ Африканскій младшій когда смот-
рѣлъ на запаленный Карѳагенъ, тогда, въ сле-
захъ произнесши Омировъ стихъ, далъ знать,
что и Римъ нѣкогда сожженъ быть имѣетъ.

**БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,
ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,
КЪ МАРКЕЛЛИНУ
О градѣ Божіемъ.**

К Н И Г А III.

Глава первая.

*О бѣдствіяхъ, которыхъ одни злые люди
страшятся, и которыя всегда міръ претер-
пѣвалъ, когда почиталъ боговъ.*

Уже довольно, кажется, говорилъ я о злѣ
нравственномъ и душевномъ, котораго
единственно удаляться должно, что боги
ложные почишающему ихъ народу, дабы онъ
бремнемъ онаго зла не былъ опягощенъ, не
только не помоществовали, но наипаче спара-
лись, дабы онъ крайнѣ пѣмъ былъ обременя-
емъ. Теперь о томъ злѣ говорить я намѣ-
ренъ, котораго единственно язычники претер-
пѣвали не хощащѣ. Таковое зло есть гладъ,
болѣзнь, война, обнаженіе, плѣнъ, убійство
и прочее подобное, о которыхъ мы въ пер-
вой книгѣ упомянули. Ибо злые люди сіе
только почишаютъ зломъ, которымъ люди
не дѣлаются злыми; и не спыдиатся между

благими, ими хвалимыми, сами быть злыми; и болѣе негодуютъ, сжали у нихъ не хороша деревня, нежели жилие, какъ будто въ томъ наивеличайшее человѣческое добро состоитъ, чтобъ имѣть все хорошее, кромѣ самаго себя. При всемъ томъ и таковыхъ золь, коихъ они единственно спрашались, боги, оцѣ нихъ усердно почитаемые, дабы оныя имъ не приключались, никогда не опивращали. Ибо когда въ разные времена и въ различныхъ мѣстахъ прежде пришествія Искушителя нашего безчисленные и почти невѣроятныя роды человѣческій претерпѣвалъ бѣдствія, какихъ тогда міръ почиталъ боговъ, какъ не сихъ, выключая одинъ народъ Еврейскій и нѣкоторыхъ людей, внѣ онаго народа жившихъ (1), которые тайнымъ и праведнымъ Божиимъ судомъ достойны были Божіей благодати? Но чтобъ, обширно предлагая таковыя бѣдствія, не наскучить читателямъ, то я не стану говорить о бѣдствіяхъ другихъ народовъ, а только опишу приключившіяся или Риму, или другимъ мѣстамъ Римской имперіи, которыя или были Римлянамъ союзными, или подвластными прежде пришествія Христова, когда оныя къ плѣту республики принадлежали.

Глава вторая.

О томъ, что боги, коихъ Римляне и Греки почитали, имѣли ли причину попустить, дабы раззоренъ былъ Илій.

Бопервыхъ, самый Илій, или Троя, откуда Римской народъ имѣетъ свое начало; ибо

не

вашъ, нежели Парисово прелюбодѣяніе на Троянахъ. Ибо и сами древніе (1) Римляне Веспальскихъ жрицъ, въ любодѣяніи обличенныхъ, живыхъ въ землю зарывали; прелюбодѣицъ же женъ (2) хопя и наказывали, однако смертію ни одной не казнили. Сполъ-то они почитали важнѣйшимъ, ежели кто боговъ храмъ осквернитъ, нежели когда кто изъ людей чье доже нарушитъ!

Глава пятая.

О убійствѣ Ромуловомъ, котораго боги не отмстили.

Другое прилагаю. Ибо ежели беззаконія человѣческія онымъ богамъ сполъ прописны, что они, оскорблены будучи Парисовымъ поступкомъ, оставленную ими Троию попустили мечемъ и огнемъ испребить: то, думаю, болѣе бы побудить ихъ на гнѣвъ долженъ былъ убитый Ромулъ братъ противъ Римлянъ, нежели противъ Троянъ Грекъ поруганный; болѣе бы раздражило боговъ убійство, такъ сказать, рождающагося, нежели владычествующаго города прелюбодѣйство. Нѣтъ намъ нужды въ шеперешнемъ случаѣ разсмащивать и разбираетъ, самъ ли Ромулъ оное учинилъ, или сдѣлано оно по его повелѣнію (1), что многіе, не имѣющіе зазрѣнія, отвергають, многіе спыдятся сомнѣвающимся, многіе изъ сожалѣнія скрываютъ. Чего для и мы не станемъ въ томъ медлить, тщательнѣе разбирая свидѣтельствъ писателей. Совершенно извѣстно, что Ромулъ братъ убитъ не оцѣ непріятелей,

лей, не отъ чужихъ. И такъ ежели сіе самъ учинилъ Ромулъ, или повелѣлъ, то онъ былъ главою Римлянъ, а не такъ какъ Парисъ у Троянъ. Ежели же похищитель оный чужой жены подвигнулъ на гнѣвъ боговъ, то какимъ образомъ тѣхъ же боговъ милость исходапайспизовалъ Римлянамъ брапоубійца? Еспьли же въ ономъ дѣлѣ не повиненъ Ромулъ, то по крайней мѣрѣ надлежало богамъ опмспитиъ всему Риму, копорый опца своего, Ромулова брата, умертвилъ. Ибо оба они были основателями Рима, хотя одинъ не допущенъ государспивовати въ ономъ, понеже убишъ. И такъ не можно сказать, аки бы Трояне чрезъ какое либо беззаконіе раздражили боговъ споль, что они Троѣ пуспустили раззоренной бышъ; не можно также показати и того, аки бы Римъ какимъ либо добрымъ дѣломъ заслужилъ то, чтобы боги въ немъ пребывали, дабы оный возвеличитиъ: то сполько смѣю сказать, что боги, побѣждены будучи въ Троѣ, бѣжали и преселились (2) къ Римлянамъ, дабы ихъ равно прельспитиъ. Или справедливѣе: что они и у Троянъ были ради прельщенія тѣхъ, копорые послѣ того въ оной спранѣ жили, и въ Римѣ коварспво свое производи въ дѣйство, большими почтены честпыми.

Глава шестая.

О раззореніи Илія, учиненномъ полководцемъ Маріевымъ Фимбріею.

Въ то самое время, когда междоусобныя Римлянъ брани все возмущали (1), въ чемъ тогда

тогда несчастный городъ Илій оказался виноватымъ, что его Фимбрія (2), единомышленникъ Маріевъ, человекъ непопребный, раззорилъ безчеловѣчнѣе (3), нежели какъ раззорили его прежде Греки? Ибо Фимбрія прежде опдалъ арміи приказъ, дабы воины никого не щадили; и такимъ образомъ весь городъ и всѣхъ людей огнемъ испребилъ. Напропивъ въ первое оное опѣ Грековъ раззореніе многіе изъ Трои убѣжали; многіе же хопя и плѣнены, и были въ неволѣ, однако по крайней мѣрѣ оспались въ живыхъ. Сіе заслужилъ Илій не опѣ Грековъ, копорыхъ своею раздражилъ неправдою; но опѣ Римлянъ, копорыхъ своимъ бѣдспвіемъ породилъ. Боги же тогда общіе ихъ къ опвращенію сихъ бѣдспвій ни мало не поспѣшспвовали, или, лучше сказать, не могли. Не уже ли и тогда удалились они всѣ опѣ своихъ храмовъ и жертспвенниковъ, когда помощію ихъ споялъ городъ, возобновленной по раззореніи опѣ Грековъ? Ежели удалились, то я желаю знати спому причину. Я нахожу, что граждана имѣли правильную вину, а боги никакой. Граждане не пуспили Фимбрію въ городъ, и заперли воропа, дабы Силлѣ спберечь въ цѣлоспи городъ. Фимбрія разгнѣвавшись зажегъ оный, или, справедливѣе сказать, совсѣмъ испребилъ. Силла же былъ предводителемъ арміи съ сппороны гражданъ Римскихъ, копорый предпринялъ оружіемъ зашпщитиъ республику. И такъ что лучше сего житспели Илія могли учинитиъ, что честпѣе, что вѣрнѣе, что достойнѣе, какъ лучшей сппоронѣ

ронѢ (4) РимлянѢ сохранишь городѢ, и раззорипелю и испребипелю отечества заперелъ ворота? А сіе самое коликое причинило гражда-
намѢ бѣдспвіе, пускай внимаюпѢ защищающіе боговѢ. Оспавили боги прелюбодѣевѢ и Иліи попустили ГрекамѢ испребипѢ огнемѢ, дабы изъ пепела его произвестъ чистѣйшій РимѢ: по для чегожѢ и послѢ той же городѢ, РимлянамѢ союзный и небуншующій пропивѢ Рима, но сохраняющій вѣрность, оспавили и попустили раззорипѢ оный не ГреческимѢ мужамѢ, сильнымѢ и храбрымѢ, но непопробному изъ РимлянѢ человекѢ? Или ежели не угодно было богамѢ держапѢ спорону Силлину, копорому жиптели Илія храня городѢ свой, Фимбрію заперли бѣдные ворота, по для чего боги помужѢ СиллѢ и предвозвѣщали великое благополучіе? Не видно ли, что они сущѢ ласкашелями благополучнымѢ людямѢ болѣе, нежели защитниками несчастныхѢ? Слѣдовательно боги и тогда не оспавляли Илія, когда онѢ раззоренѢ; ибо демоны, неусыпные кѢ прелыщенію, что могли, по учинили; понеже по сожженіи (5) всего сѢ городомѢ, не выключая и кумировѢ, одинѢ кумирѢ МинервинѢ подѢ развалинами храма, какѢ пишетѢ Ливій, оспался цѣлѢ. Дабы не можно было онаго говорипѢ, удалились всѢ боги онѢ храмовѢ и жертвенниковѢ; ибо оное попущено имѢ, дабы они могли шое учинипѢ не для шого, чтообѢ люди думали обѢ нихѢ, аки бы они всемогущи, но для шого, дабы люди вѣдали, что они не удалились.

Глава седьмая.

О томѢ, надлежало ли богамѢ ТроянскимѢ препоручать РимѢ.

И такѢ по раззореніи Трои богамѢ ТроянскимѢ благоразумно ли препорученѢ РимѢ вѢ храненіе? Ежели скажетѢ кто либо, что оные боги уже пріобыкли жипѢ вѢ РимѢ тогда, когда Фимбрія раззорилѢ Иліи: опшуду же по произошло, что кумирѢ МинервинѢ споялѢ вѢ ИліѢ? И такѢ видно, что тогда боги были вѢ РимѢ, когда Фимбрія раззорилѢ Иліи; напрошивѢ можетѢ спашься тогда они были вѢ ИліѢ, когда онѢ ГалловѢ самый РимѢ плѣненѢ и сожженѢ. Но какѢ боги слухѢ имѢюпѢ крайнѢ чудной, припомѢ быстрой бѣгѢ, по уповашельно, что на голосѢ гусей КапитолинскихѢ топчасѢ изъ Илія вѢ РимѢ прібѣгли, дабы защитипѢ холмѢ Капитолинскій, копорый одинѢ неплѣненнымѢ оспавался; наконецѢ уже и кѢ защищенію прочаго подвигнулись.

Глава осьмая.

О томѢ, должно ли вѣрипѢ, что мирѢ и тишину, бывшую во время царствованія Нумы, боги даровали.

СказываюпѢ также намѢ, что боги НумѢ Помпицію, преемнику Ромулову, вѢ помѢ поспѣшествовали, что онѢ во все время царствования своего имѢлѢ пишину, и зашворилѢ Янусовы врапа (1), копорыя во время ср. ней

опворяемы бывали. И сіе, говорящѣ, въ поз-
даяніе за то, что онѣ многія богамѣ устан-
новилѣ священнослуженія. Можно бы онаго Ну-
му благодарить, ежели бы онѣ праздное по
время умѣлѣ употребить на спасительныя
дѣла, и вредное любопытство оставивѣ, истин-
наго Бога истиннымѣ благоговѣніемѣ поискалѣ.
Нынѣ же не боги ему даровали оное свобод-
ное время, но вѣроятно, что менѣе бы его
прельстили, ежели бы не нашли его празднымѣ;
поелику чѣмѣ болѣе нашли его празднымѣ,
тѣмѣ болѣе своими его обременили дѣлами.
Ибо что онѣ предпринималѣ, и какимѣ спо-
собомѣ себѣ, или своему городу союзными слѣ-
далѣ боговѣ, оное описываетѣ Вавротѣ, что и
я, ежели Господу благоугодно будетѣ, раз-
беру въ своемѣ мѣстѣ; а теперь, понеже дѣ-
идетѣ о благодѣніяхѣ боговѣ, и великимѣ
благодѣніемѣ поставляется мирѣ, или пиши-
на, но сіе благодѣніе естѣ истиннаго Бога
(2), такѣ какѣ солнце, какѣ дождѣ и другія
въ житіи потребности, которыя являемы бы-
ваютѣ и самымѣ неблагоприятнымѣ и непопреб-
нымѣ. Но ежели сіе великое благо боги оныя
Риму, или Помпиію даровали, то для чего
Римской имперіи въ самыя хвалимыя времена
никогда послѣ того онаго не даровали? Не
уже ли полезнѣйшими были священнослуженія
тогда, когда были устанавляемы, нежели тогда,
когда были совершаемы и опправляемы? Но
тогда ихѣ не было, а только прилагаетѣ было
попеченіе, дабы они были; послѣ же того бы-
ли,

ли, которыя наблюдаемы были, дабы дѣлали
пользу. И такѣ какая бы тому была причи-
на, что оныя сорокѣ при года, или, какѣ дру-
гіе увѣряютѣ, тридцать девять лѣтъ, пре-
провождены были въ толикой пишинѣ, когда
царствовалѣ Нума; а послѣ того по устано-
вленію священнослуженій, когда уже и боги
ващипники оными священнослуженіями при-
влечены въ Римѣ, отѣ основанія Рима чрезѣ
сколько лѣтъ до самаго Августа, такѣ какѣ
чудо упоминается одинѣ (3) годѣ послѣ пер-
вой войны съ Картагенцами, въ который
Янусова храма враша Римляне затворить могли?

Глава девятая.

*Надлежало ли того желать, что толикимѣ
браней неистовствомѣ Римское умножается
государство, когда тѣмѣ способомѣ, коимѣ
во время царствованія Нумы умножилось,
могло быть и спокойнымѣ и безопаснымѣ.*

Можетѣ быть опвѣтствовать намѣ спа-
нутѣ, что ежели бы непреспанными войнами
и одна послѣ другой слѣдующими столь про-
спраннымѣ и обширнымѣ государство Римское
сдѣлалось не могло, то не было бы оно въ
состояніи столько прославиться. Приспой-
ная подлинно причина, для которой великое
государство должно быть всегда безпокой-
нымѣ. Не лучше ли въ тѣлахѣ человѣческихѣ
имѣть средственный ростѣ, соединенной съ
совершеннымѣ здравіемѣ, нежели достигать

исполнкой выспы при безпрестанныхъ припадкахъ, и достигнувъ оной, не имѣшь опѣ болѣзней спокойствія, но чѣмъ большіе имѣшь члены, тѣмъ большія претерпѣваешь терзанія? Чшожь было бы худаго, ежели бы тѣ времяна продолжались, копорыя описалъ Саллюстіи, когда говоришь: и такъ сначала Цари, ибо яно первое было имя въ государствѣ (1), различные царствовали, изъ коихъ нѣкоторые старались о просвѣщеніи умовъ, другіе о пріобученіи тѣла къ трудамъ, и тогда люди живіе препровождали безъ зависти, всякъ своимъ бывъ доволенъ? Не уже ли, дабы увеличить государство, надлежало то дѣлать, что Виргилій оуждая говоришь: покуда помалу настали непопребныя и развращенныя времяна (2), и неистовство браней, и ачюность къ любостыжанію? Но Римляне въ защищеніе всѣхъ сихъ браней праведную представляють причину, копорая побуждала ихъ противиться непріятелямъ, нечаянно на нихъ нападающимъ, не изъ желанія получить славу, но по нуждѣ, дабы защитить свое здравіе и вольность. Пускай такъ; ибо какъ Римляне обогатившись жили благополучно, то возбудили чрезъ оное въ другихъ зависть; чего для Цари и сосѣдніе народы нѣкоторые начали ихъ войною беспокоить, хотя и мало къ тому имѣли помоществующихъ: ибо прочіе, боясь Римлянъ, опѣ сихъ бѣдспій удалились; а Римляне съ своей стороны, будучи и сами склонны къ войнамъ, начали пріуготовляться, одинъ дру-

другаго къ тому поощряя, непріятелямъ пропившись, защищать опечество и родителей оружіемъ. Потомъ по опивращеніи сихъ бѣдспій своимъ мужествомъ союзникамъ и друзьямъ чинили помощь, и болѣе дѣланіемъ и оказаніемъ благодѣяній другимъ, нежели принятиемъ, дружество себѣ снискивали. Пристойно таковымъ способомъ увеличился Римъ. Но во время царствованія Нумы, дабы бысть полъ долготной пишинѣ, не знаю, устремлялись ли тогда непріятели на Римлянъ, и беспокоили ли войною, или ничего такого не было, дабы оная пишина могла продолжаться? Ибо ежели и тогда беспокоили Римлянъ сосѣди, и Римляне съ своей стороны не соопивствовали имъ оружіемъ, то какимъ образомъ тогда побсуплено было, что никакимъ сраженіемъ не преодолены будучи, никакимъ военнымъ устремленіемъ не успрашены непріятели, оставили свои предпріятія: таковымъ образомъ всегда жить Римлянамъ надлежало, дабы Римъ, затворивъ Янусовы врата, спокойно царствовалъ. Ежели же во вѣласти Рима не состояло сіе, слѣдовательно Римъ не дошелъ имѣть пишину, покуда боги хотѣли, но покуда хотѣли сосѣдніе народы, которые его къ брани не побудили, развѣ и тѣмъ боги шорговать захотѣли, что человекъ имѣетъ въ своей вѣлсти, то есть хотѣть, или не хотѣть. Но ежели бы имѣли силу демоны или успрашать, или поощрять умы человеческіе, и не дѣлалось бы тайною нѣкоторою вѣлстію пропив-

наго ихъ усилю, то всегда бы они имѣли во власти своей миръ и побѣды, которыя однако всегда почти приключаются по движению человеческихъ сердецъ.

Глава десятая.

О кумирѣ Куманскаго Аполлина, о котораго плачъ думали, что онъ предзнаменуетъ бѣдствіе Грекамъ, которымъ пособить не могъ.

Но что многобожникамъ бѣдствія приключаются въ противность воли боговъ ихъ, о томъ не только басни, которыя по большей части лгутъ и почти правды никогда не предлагаютъ, но и Римская свидѣтельница исторія; ибо не отъ чего другого, какъ сказываютъ, въ то время, когда Римляне воевали противъ Ахейнъ и Царя Аристоники (1), четыре дни сряду плакалъ Аполлинъ оный Куманской (2). Симъ чудомъ прорицатели услащены будучи, когда вознамѣрились кумиръ оный ушопить въ моръ, тогда Куманскіе сѣдинами украшенные мужи защищали его, и объявили, что таковыя же чудеса были и прежде отъ него, какъ то во время войны съ Антиохомъ (3) и Персомъ (4), Филипповымъ сыномъ. И понеже ужасніе пало на сторону Римлянъ, то повѣсивуютъ, что по приговору Сенатскому посланы дары Аполлину оному. Тогда призваны были искушѣншіе прорицатели, и вопрошены бывши, описывали, что Аполлиновъ плачъ для того

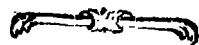
того шастливъ Римлянамъ, понеже Кумы (5) городъ есть Греческой, и потому Аполлинъ плачущій предвѣщалъ своимъ спранамъ, откуда онъ привезенъ туда, то есть самой Греціи, плачъ и бѣдствіе. Послѣ того вскорѣ извѣстились, что Царь Аристоникъ попался въ плѣнъ, чего конечно не хошѣлъ Аполлинъ, и для того плакалъ и кумира своего слезами давалъ о томъ знать, откуда не совсѣмъ непристойно, хотя баснословно, но правдоподобно нгавы демоновъ описывающія въ сочиненіяхъ спихспзорческихъ; ибо и Діана плакала о Камилѣ у Ёиргилія, и Ираклій о умирающемъ Паллантѣ. Отсюда можетъ спастись и Нума Помпидій, живучи въ великой пишинѣ, но не зная и не испытывая, кто оную даруетъ, когда въ праздности размышлялъ, какимъ бы богамъ въ зашипу препоручить Римское государство; и думая, что истинный оный, всемогущій и всевышній Богъ о земныхъ не промышляетъ, вспомнулъ о богахъ Троянскихъ, коихъ Эней привезъ съ собою; и какъ извѣстно ему было, что оные боги ни Троянскаго, ни Лавинійскаго Энеемъ основаннаго государства не могли сохранить, то за благо разсудилъ промысливъ другихъ боговъ, которыхъ бы онымъ богамъ прежнимъ, кои или съ Ромуломъ въ Римъ преселились, или кои нѣкогда по раззореніи Албы въ Римъ имѣли перейти, приславить или такъ какъ бѣглымъ въ спорожи, или придать такъ какъ безсильнымъ въ помощники.

Глава перваянадесять.

О томъ, сколь много боговъ прибавили Римляне сверхъ уставленныхъ Нумою, коихъ множество ни мало не пользовало Римлянамъ.

Сими священнослуженіями недовольны были Римляне, копорыхъ имъ успавилъ Помпій великое множествъ; ибо не было храма главнаго самаго Юпитера, поелику Царь Тарквиніи (1) Капинолю тамъ сооружилъ. Эскулапій же (2) изъ Эпидавра прибылъ въ Римъ, такъ какъ искуснѣишій лѣкарь (3), дабы въ славномъ городѣ съ похвалою упражняться въ своей наукѣ. Мать же боговъ, не знаю откуда (4), изъ Пессимунта. Ибо неприспѣлымъ дѣломъ казалось, чтобъ когда сынъ ея на холму Капитолинскомъ засѣдалъ, она была въ презрѣнномъ мѣстѣ, копорая ежели прямо была матерью всѣхъ боговъ, то не только она послѣдовала въ Римъ за нѣкоторыми своими дѣтьми, но многихъ и предварила, копорыя послѣ имѣли шудажъ преселились. Я удивляюсь, ежели она родила Кинокефала, копорой, много лѣтъ спустя (5), пришелъ изъ Египта; она ли также родила богиню Лихорадку (6). Оное долженъ разобрать Эскулапій (7), ея правнукъ (8). Но гдѣ бы она ни родилась, однако думаю, что чужестранные боги не осмѣлялись назвать оную подлою, когда обоготворена она Римлянами. Подъ таковою поль многихъ боговъ защищю, копорыхъ изчислилъ никто не можетъ, природныхъ Римскихъ

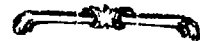
ѣихъ (9), чужестранныхъ, небесныхъ, земныхъ, преисподнихъ, морскихъ, ключевыхъ, рѣчныхъ, и какъ Варронъ говоритъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ (10) во всѣхъ родахъ боговъ какъ въ живошныхъ самцовъ и самокъ; подъ таковою, говорю, поль многихъ боговъ защищю находясь Римъ, долженъ ли былъ претерпѣвать поль ужасныя и великія бѣдствія, изъ коихъ я нѣкоторыя вспомню? Ибо крайнѣ многихъ боговъ густымъ своимъ и сильнымъ дымомъ, какъ бы даннымъ знакомъ къ защищенію себя, Римъ приманилъ и собралъ, копорымъ храмы, олтари, жертвы, жрецовъ назначая, всевышняго истиннаго Бога, копорому единому оное долженъ былъ принести, оскорбилъ. И щасливѣе нѣсколько Римъ былъ, когда меньше боговъ имѣлъ, но какъ учинился пространныѣ, то, такъ какъ великій корабль многихъ долженъ имѣть кораблениковъ, болѣе боговъ за благо разсудилъ ввести. Я думаю, что Римляне опасались, что малочисленные оные боги, подъ владычествомъ коихъ въ сравненіи съ непопрѣбнѣею жизнію жили они лучше, не въ состояніи будутъ помоществовать имъ въ разсужденіи ихъ пространный области. Ибо во первыхъ, во время самихъ Царей, выключая Нуму Помпиія, о коемъ я выше говорилъ, коликое зло несогласій и раздоровъ было, копорое побудило Ромулова брата умертвить?

Глава втораянадесятъ.

О томъ, по какому праву и по какому мирному договору удержали при себѣ Римляне первые браки.

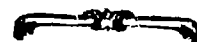
Какимъ образомъ ни Юнона, которая съ Юлиперомъ уже пеклася о Римлянахъ, ни Бернар не могла помощи подати своему опѣ. Ели опродью, дабы они могли сыскать себѣ по обѣдановенію правильному браки; напропавъ Гиманъ въ газсужденіи сего въ такомъ нахожденіи недоспавъ, что принуждены были о такомъ похищеніи себѣ женъ, и наконецъ сражаться съ своими пестями; и бѣдныя жены не услѣли по обидѣ, учиненной имъ мужьями, примириться съ ними, какъ вдругъ вмѣсто даровъ проливаема была кровь ихъ родителей. Но въ семъ сраженіи побѣдили Римляне своихъ сродниковъ. Коликихъ же и сколь многихъ ранъ и убійствъ съ обѣихъ сторонъ сія побѣда стоила? За одного Кесаря пестя и одного зяпца его Помпея, уже по смерти Кесаревой дочери (1), Помпеевой супруги, съ колкимъ и коль праведнымъ сожалѣніемъ восклицаетъ Луканъ: сраженія по Емаѣйскимъ (2) полямъ болѣе, нежели междоусобныя описываемъ, гдѣ имя права дано преступленію. И такъ побѣдили Римляне, дабы каждый убійствомъ пестя своего, обогранными въ крови ихъ руками, могъ испоргнуть опѣ дочерей ихъ обѣянныя, жалости достойныя, которыя не могли оплакивать своихъ родителей.

пестей убитыхъ, дабы не огорчили мужей своихъ, которые остались побѣдителями; которые и тогда, когда между мужьями ихъ и опѣцами происходило сраженіе, не знали, за кого богамъ дѣлать обѣщанія (3) и молиться. Такими браками Римской народъ обогатила не Венера, но Беллона, или Алекто (4). Андромаха (5) щасливѣе была въ плѣнѣ, нежели сіи совершились браки; ибо послѣ обѣянныя ея, хопя невольническихъ, Пирръ никого не умерщвилъ изъ Троянъ; Римляне же пестей своихъ умерщвляли въ сраженіи, которыхъ дочерей обнимали въ ложницахъ. Она, подвластна будучи побѣдителю, могла только соболѣзновать о смерти своихъ, а не бояться; а сіи, когда мужья ихъ выходили на сраженіе, боялись, дабы не были убиты ихъ опѣцы, и когда съ сраженія возвращались, соболѣзовали, не имѣя ни страха безопаснаго, ни соболѣзованія свободнаго. Ибо по причинѣ убитыхъ гражданъ, родственниковъ, братьевъ, опѣцовъ, или перзались, или принужденно срадовались мужьямъ въ побѣдѣ. Сюда принадлежатъ и то, что въ такомъ сраженіи съ обѣихъ сторонъ случается, что нѣкоторые родителемъ мечемъ лишились мужей, нѣкоторые мечемъ и той и другой стороны и опѣцовъ и мужей; ибо и Римлянамъ не мало тогда было бѣдствіе. Когда уже сами были въ осадѣ, и заперши ворота градскія, себя защищали, которые наконецъ съ лукавствомъ опворивъ (6) и впустивъ непріятелей

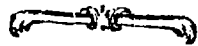
лей внутрь стѣнъ, на самой площади (7) сразились: похищители и тогда также побѣждаемы были, и часто, убѣгая внутрь домовъ своихъ, помрачали прежнія (8) свои несправедливыя и плачевныя побѣды, и до того дошло, что Ромулъ, опчаяваясь въ храбрости своихъ, просилъ Юпитера, чтобы онъ его воиновъ остановилъ (9). И сіе подало причину дать имя Юпитеру остановившаго (10). При всемъ томъ не было бы конца тому злу (11), если бы похищенные оныя, распевавъ волосы, не вышли изъ домовъ, и падши предъ стопами своихъ опцовъ, не утолили ихъ гнѣва. Потомъ принужденъ былъ соцарственника себѣ принять Тація Царя Ромуль, которой не могъ снести, дабы съ нимъ царствовалъ купно родной его братъ. Но какъ долговременно могъ терпѣть соцарственника (12), который не стерпѣлъ брата? Чего для и того убивъ, дабы большимъ быть богомъ, одинъ воцарился. Какое право таковыхъ браковъ? Какое поощреніе къ бранямъ, союзы братства, родства, общества, людскости, божества? Какая наконецъ подъ защитою люлъ многихъ боговъ жизнь? Не видишь ли, сколь много можно говорить отсюда, ежелибъ того, что оспается, намѣреніе наше не сберегало впредъ и слово наше къ другому не послѣдало?

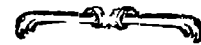
Глава третіянадцатъ.

О беззаконной войнѣ, нанесенной Римлянами Албанцамъ, и о побѣдѣ, полученной изъ желанія обладать другими.

Чтожъ послѣ Нумы при другихъ Царяхъ? Къ кокому вреду, не только своему, но и Римлянъ, вызваны Албанцы на брань? Понеже бывшая при Нумѣ долговременная тишина Римлянамъ наскучила болѣе, нежели тѣ бѣдствія, которыя послѣ того и арміи съ обѣихъ сторонъ и оба города испощили. Ибо Алба городъ, основанный Энеемъ, который могъ почищаться ближайшимъ опцемъ Риму, нежели Троя, Тулломъ Госпилиемъ вызванъ на сраженіе, который, сражаясь съ Римлянами, много вреда причинилъ и преперпѣлъ, покуда съ обѣихъ сторонъ равное сраженіе не изсучило. Наконецъ договорились щастіе брани испытать такимъ образомъ: Римляне поставили прехъ родныхъ братьевъ Гораціевъ, Албанцыжъ также прехъ братьевъ Куріаціевъ. Въ семъ сраженіи прехъ Куріаціевъ убили двухъ Гораціевъ, претій же Горацій убилъ наконецъ прехъ Куріаціевъ. Такимъ образомъ Римъ остался побѣдителемъ, такой припомъ получивъ самъ уронъ, что изъ числа шести воиновъ его одинъ возвратился въ домъ. Чей уронъ сей съ обѣихъ сторонъ? Кому плачь, ежели не Энею, ежели не Асканіевымъ потомкамъ, ежели не племени Венерину, ежели не внукамъ Юпитеровымъ? Ибо и сія брань была болѣе, не-

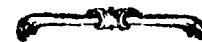
нежели междоусобная, когда городъ, который былъ сыномъ, съ другимъ, который былъ опцемъ, сражался. Приключилось сему сраженію, бывшему между премо брашьями, съ обѣихъ сторонъ ужасное зло; ибо какъ обѣ оныя народы прежде жили союзно и дружески, будучи сосѣдями и родспвенниками, то одному изъ Куріаціевъ обручена была Гораціевъ сестра въ замужство. Сія, увидѣвъ снышья вещи съ своего жениха, когда оплакивала онаго, то опъ брата своего убилъ. Человѣколюбивѣ мнѣ кажется сея дѣвицы было сердце, нежели всего вообще Римскаго народа: она, вѣрность давши жениху, или можетъ быть сожалѣя о братѣ, который убилъ того, ко-
ему обѣщала сестру, думаю, что плакала невинно. Ибо у Виргилія добродушный Эней соболѣзнуетъ о непріятелѣ, его рукою пораженномъ. Маркеллъ, воображая Сиракузской городъ, что оный съ полъ высокой славы въ плѣнъ ему попался, памятуя общій жребій, плачемъ свое сожалѣніе изъяснилъ. И такъ по чловѣчеству позволилъ дѣвицѣ оплакивать жениха своего, опъ брата убившаго, когда мужи надъ побѣжденными опъ нхъ непріятелями не безъ похвалы за то плакали. Следовательно когда она дѣвица плакала о убитомъ опъ брата ея женихъ своемъ, тогда Римъ радовался о пораженіи того города, опъ коего самъ онъ произошелъ, и о томъ, что множество крови родспвомъ на обѣ стороны связанныхъ. Пускай не предлагающъ мнѣ

мнѣ имя славы и имя побѣды; пускай, опкрывъ завѣсу, посмотритъ на обнаженный злодѣянн; пускай предложитъ причину, такъ какъ приписывали Троѣ прелюбодѣйство: нѣтъ пизкой, нѣтъ и похожей на то; вся причина не въ иномъ чемъ состояла, какъ только чтобъ побудить лѣнивыхъ мужей къ оружію, и полки, которые давно прѣспали торжествовать по побѣдѣ. Сего слегка коснулся Саллюстій; ибо когда выхваляя сокращенно упомянулъ о древнихъ временахъ, когда люди жизнь препровождали безъ заиспи, и въ которыя вслѣдъ своимъ былъ доволенъ; а послѣ того, говоритъ, какъ въ Азіи Киръ (1), въ Греціи Лакедемоняне и Аѣиняне начали города и спраны себѣ покарать: тогда желаніе обладать другими за вину войны почитался, великая слава вмѣсто великой державы ставилась начали. Съ меня было довольно сіи его предложитъ слова. Сіе желаніе владычествовать надъ другими великими бѣдспвіями изнуряетъ и сокрушаетъ чловѣческій родъ. Симъ желаніемъ побѣжденъ будучи тогда Римъ, торжествовалъ, что побѣдилъ Албанцовъ, и выхвалу своего беззаконія слагою называлъ. Понеже хвалимъ бываетъ, говоритъ наше Писаніе, грѣшникъ въ похотехъ души своея и обидящій благословимъ. И такъ должно снять покровъ ложной прикрасы, дабы совершеннѣ можно было разсмотрѣть дѣла. Пускай никто мнѣ не говоритъ, что такой-то, или такой-то великій мужъ сражался съ

такимъ-то, или такимъ-то, и побѣдилъ. Ибо сражаются и Гладіаторы, побѣждаятъ и они; имѣетъ въ воздаяніе похвалу и оное безчеловѣчіе. Но я думаю, что лучше за нерадѣніе претерпѣть казнь, нежели оружіемъ искасть славы. При всемъ томъ ежели бы вышли двое Гладіаторовъ между собою биться, изъ коихъ одинъ былъ бы отецъ, другій сынъ, ктобъ могъ стерпѣть такое зрѣлище? Ктобъ не разогналъ? Такъ какимъ образомъ могло славнымъ быть сраженіе двухъ городовъ, изъ коихъ былъ одинъ опцемъ другому? Или сіе поному различно, что шутъ не было амфиштеатра, но проспранныя поля, которыя наполняемы были не двухъ Гладіаторовъ, но двухъ народовъ безчисленными трупамъ, и что сраженіе сіе не амфиштеатромъ было окружаемо, но всѣмъ міромъ, и тогда жившимъ и потомкамъ, покуда слава сія проспиралась будетъ, беззаконное зрѣлище представляемо было. Боги же, защитники Римскаго народа, не въ силахъ будучи получить свое желаніе, смотрѣли тогда на шакковыя сраженія какъ театральныя зрѣлища, покуда Гораціевъ сестра за Куріаціевъ прехъ убитыхъ и сама съ другой стороны брашнимъ оружіемъ къ двумъ брашьямъ убитымъ приложена не была, дабы не было въ Римѣ, который побѣдителемъ оспался, меньше умершихъ. Наконецъ въ воздаяніе побѣды (2) Алба раззорена, въ которой послѣ раззоренія Илія и послѣ Лавинія, гдѣ Царь Латинъ Эней, чужестраннаго Царя, бѣжавшаго поста-

постарилъ, въ трепіемъ мѣстѣ пребывали оныя Троянскіе боги. Но они можетъ быть по своему обыкновенію и ошпуда удалились, и поному городъ оный раззоренъ. Удалились подлинно уже въ третій разъ, дабы имъ четвертый городъ Римъ препорученъ былъ въ промыслъ. Не понравилась имъ и Алба, гдѣ Амулій брата изгналъ, а полюбился Римъ, гдѣ Ромулъ, брата убивъ, царствовалъ. Но прежде раззоренія, говорящъ, Албы народъ весь перешелъ въ Римъ, дабы изъ обоихъ городовъ былъ одинъ городъ. Пускай такъ, однако городъ оный, царство Асканіево и жилище Троянскихъ боговъ раззорено. А ктобъ остальный ошъ войны народъ совокупили во едино, за оное много пролило крови прежде. Что скажу порознь, когда при другихъ Царяхъ поликократно войны оныя были возобновляемы, которыя по видимому побѣдами оканчивались? Не малымъ знакомъ бѣдствія сего было, что ни одинъ изъ Римлянъ и сосѣднихъ народовъ не зашворялъ Янусова храма вратъ: слѣдовательно ни одинъ изъ нихъ при поликомъ множествѣ боговъ въ мирѣ и тишинѣ не царствовалъ.

Глава четвертаянадесять.

О томъ, какова Римскихъ Царей жизнь была и кончина.

Самыхъ же Царей какова была кончина?
О Ромулѣ пускай разсмотрятъ ласкательство
II басно-

баснословное, которое объявляетъ, что онъ вознесенъ на небо. Пускай разсмотритъ своихъ писателей, которые даютъ знать, что онъ за свою строгость (1) убилъ отъ Сенаторовъ, которые научили нѣкоего Юлія Прокула, дабы онъ клялся, что Ромуль ему явился, и повелѣлъ чрезъ него народу Римскому, дабы его между богами почиталъ; и такимъ образомъ укрощенъ и успокоенъ народъ, который началъ было на Сенаторовъ восставать. Ибо приключилось тогда и солнечное затмѣніе, о которомъ непрѣвѣщенный народъ (2) и невѣжды не зная, что оное учинилось по уставленному печенію, заслугамъ Ромуловымъ оное присвоили, какъ будто бы, ежели солнце плакало и сѣтовало, не можно было думать, что Ромуль убилъ, и что шлокое беззаконіе солнце опроверженіемъ своего дневнаго свѣта изъявило, какъ и въ самой вещи сдѣлаюсь оное, когда Господь нашъ оны безчеловѣчныхъ и нечестивыхъ Іудеевъ распялъ; которое затмѣніе солнечное не по узаконенному планетъ печенію приключилось, сіе доказывается тѣмъ, что тогда была Пасха Іудейская, которая всегда предзнаменуема была во время полномѣсячія; правильное же и узаконенное затмѣніе солнечное не иначе, какъ въ ущербъ луны случается. Довольно и Цицеронъ показываетъ, что то, аки бы Ромуль въ число боговъ пріятъ, болѣе почитаетъ онъ мечтательнымъ, нежели справедливымъ, когда, и похваляя его въ книгахъ о республи-

кѣ,

кѣ и въ словѣ Сципіоновомъ: того, говоритъ онъ, достигъ, что когда при затмѣніи солнечномъ безвѣстно пропалъ, то почли, что онъ въ число боговъ принялъ. Когда же говоритъ, что онъ нечаянно пропалъ, то разумѣть все непременно должно, что или буря и вихрь (·) былъ ужасный, или что онъ убилъ злодѣйски тайно; ибо и другіе ихъ писатели воспоминаютъ, что при затмѣніи солнечномъ прилучилась и ужасная буря и внезапный вихрь, который подалъ случай къ оному злодѣйству, или самъ Ромула похитилъ. О Туллѣ же (4) Госпилиѣ, который претитимъ былъ Царемъ по Ромулѣ, и который громомъ убилъ, говоритъ въ тѣхъ же книгахъ Цицеронъ, что для того не почитенъ онъ богомъ, что таковою смертію скончался; понеже можетъ быть, что въ разсужденіи Ромула за истинное поставлено, не хотѣли Римляне обнародовать, то есть маловажнымъ то учинить, дабы и другаго почестъ богомъ. Потомъ яснѣе говоритъ на другомъ мѣстѣ: Ромула, который основалъ сей городъ, къ богамъ безсмертнымъ по усердію и славѣ причислили; чрезъ что показываетъ, что оное не въ самомъ дѣлѣ было, но изъ усердія оное прославлено. Въ разговорѣ же съ Горпенсіемъ, когда о узаконенныхъ и правильныхъ затмѣніяхъ солнечныхъ разсуждаетъ: дабы, говоритъ, таковой же мракъ произвело, каковый приключился въ то время, когда пропалъ Ромуль. Сей писатель не убоился написать,

П а

что

что Ромулъ пропалъ; ибо онъ не столько былъ выхвалителемъ, сколько спязающимъ. Прочіе же Цари народа Римскаго, выключая Нуму Помпиія и Анка Марція, которые скончались отъ болѣзни, сколь ужасныя имѣли кончины! Туллъ, какъ я сказалъ, Госпитій, побѣдитель и раззоритель Албы, со всемъ домомъ своимъ молніею сожженъ. Прискъ Тарквиній (5) отъ дѣшеи Анка Марція убитъ, Сервій Туллій отъ зятя своего Тарквинія гордаго умерщвленъ. Однако не удалились боги отъ своихъ храмовъ и жертвенниковъ, когда толикое беззаконіе надъ толь добрымъ къ народу Царемъ совершилось, которые, сказывающъ, оскорблены будучи прелюбодѣйствомъ Парисовымъ, попустили, дабы несчастная Троя отъ Грековъ была раззорена. Сверхъ сего по убіеніи тещи своего Тарквиній самъ на царство вступилъ. На сего непопретнаго опцеубійцу царствующаго, многими сраженіями и побѣдами щеславыщагося, и изъ военныхъ корыстей Капитолію (6) спроющаго, не удаляясь, но шутъ пребывая, взирали, и Царю своему Юпитеру въ ономъ высокомъ храмѣ, что есть въ зданіи опцеубійцы, позволили имѣть первенство. Ибо онъ не въ то время построилъ Капитолію, когда былъ невиннымъ, но самага царства, въ которомъ бы ему создать Капитолію, безчеловѣчнымъ злодѣяніемъ достигнулъ. Чтожъ его Римляне изъ царства изгнали (7), въ томъ не онъ винованъ, но сынъ его, который насиліе учинилъ

нилъ Лукреціи; ибо онъ совсѣмъ о томъ не зналъ и не былъ тогда въ Римѣ. Онъ тогда въ осадѣ содержалъ городъ Ардею и въ пользу народа Римскаго воевалъ; и не вѣдаемъ, чтобъ онъ сдѣлалъ, ежели бы донесено ему было о преступленіи его сына. Однако не требовавъ отъ него суда, лишили его царства, и повелѣвъ оставить его войску, когда онъ возвращался въ Римъ, граждане, зашворивъ ворота, его не пустили. А онъ по жестокихъ сраженіяхъ, которыми Римлянъ, возбудивъ на нихъ сосѣдніе народы, изнурялъ, когда, оставленъ будучи тѣми, на которыхъ надѣялся, царства возвративъ былъ не въ состояніи, въ городъ Тускулъ (8), опстоящемъ отъ Рима не далеко, четырнадцати, какъ сказываютъ, лѣтъ препроводилъ въ спокойствіи, и съ супругою своею состарѣвшись, лучшую можетъ быть имѣлъ кончину, нежели тещу его, злодѣяніемъ его погибшій, въ чемъ участницею была и жена его. При всемъ томъ сего Тарквинія Римляне не называютъ безчеловѣчнымъ, или преступникомъ, но гордымъ; можетъ быть пошому, что надмѣнности его своею гордостію снести не могли: ибо злодѣяніе оное, что онъ тещи своего, добраго Царя умертвилъ, толь презрѣли, что его Царемъ поставили. Здѣсь удивительно мнѣ, что боги самага его жесточе не наказали и не удалились отъ храмовъ и жертвенниковъ. Развѣ можетъ быть кто скажетъ, что они для того пребывали въ Римѣ, дабы Римъ

наипаче казнями изнурять, нежели благо-
дѣтельницамъ, прельщая ихъ суешными по-
бѣдами и сокрушая жестокими войнами. Та-
кова была жизнь при Царяхъ Римскихъ въ
похваляемое время, до изгнанія Тарквинія гор-
даго, препровожденная чрезъ двѣсти и сорокъ
пяти года, въ которое всѣ оныя побѣды, полъ
многою кровію и великими покушаемыми бѣд-
ствиями, едва государство на дванцать миль
отъ Рима распространили, которое простран-
ство и обширность не могутъ уподобиться
ни одному какому либо Гетулійскому го-
роду (9).

Глава пятнадцатая.

*О первыхъ у Римлянъ Консулахъ, изъ ко-
торыхъ одинъ другаго изъ отечества из-
гналъ, и наконецъ въ скоромъ времени по
содѣланіи ужасныхъ челоукоубійствъ, отъ
раненаго непріятели уязвленъ будучи, погибъ.*

Къ сему времени присовокупимъ оное, до
котораго, говоритъ Саллюстій, праведно и сиромъ
жизнь препровождали Римляне, покуда
настоялъ страхъ отъ Тарквинія, и покуда
не прекращена война жестокая съ Эпзуріею;
ибо покуда Эпзурски Тарквинію, желающему
возвратить царство, помогали, покуда тяж-
кою войною безпокоенъ былъ Римъ. И по-
тому-то говоритъ, что Римляне жили пра-
ведно и скромно, то есть жизнь такую
вынуждалъ имъ страхъ, а не правда, въ кото-
рое

рое наискрѣчайшее время колъ многихъ слезъ
достойнымъ былъ годъ оный, въ который
по изгнаніи Царей Консулы поставлены! ибо
они года своего не препроводили въ оной дол-
жности; понеже Юній Брутъ, лишивъ чести
своего товарища Луція Тарквинія Коллапина,
выгналъ изъ города. Потомъ вскорѣ самъ на
сраженіи убитъ, по убіеніи прежде того сво-
ею рукою дѣтей своихъ и жены своей брать-
евъ, о которыхъ онъ извѣстился, что они
заговоръ учинили о возвращеніи въ Римъ Тар-
квинія, которое дѣло Виргилій когда съ по-
хвалою упомянулъ, то не могъ однако по
человѣчеству не ужаснуться. Ибо когда ска-
залъ: и дѣтей своихъ отецъ, новую брань
приготовляющихъ, къ казни позоветь за
драгоцѣнную вольность; потомъ возопилъ и
сказалъ: несчастливъ нѣсколько отецъ, одна-
ко похвалять станутъ оное дѣло попомки.
Наконецъ какъ бы для умишенія несчастнаго
приложилъ: преодолѣлъ къ отечеству любовь
и безмѣрное желаніе хвалы. Не сему ли Бру-
ту, который и дѣтей своихъ умертвилъ и
отъ пораженнаго собою непріятели Тарквиніе-
ва сына пораженъ, Коллапина, товарища его
невинность опмѣнена, который былъ добрый
гражданинъ, а прешерилъ поже, что тиранъ
Тарквиній? Ибо сказываютъ, что и самъ
Брутъ былъ родственникъ Тарквинію. Но
Коллапина сгубило сходство имени, кото-
рымъ и Царь Тарквиній назывался. И такъ
надлежало бы принудить его переимѣнить имя,

а не выгорятъ изъ опечесива; понеже меньше значило бы имя его, ежели бы онъ имевъ былъ Л. Коллатинъ. Но для того онъ не лишился имени, понеже Бруту хотѣлось его всего лишитъ; поелику онъ былъ и достоинствомъ первый и въ городѣ добрый гражданинъ. Сія ли проклятая неправа естъ славою Юнію Бруту, которая ни мало не полезна республикѣ? Не уже ли и къ учиненію оной преодолѣла любовь къ опечесиву и безмѣрное желаніе хвалы? Сіе злодѣяніе учинено, сіи бѣдствія приключились въ то время, когда, по сказкамъ, народъ Римскій жилъ благоправно, праведно и скромно. Лукрецій (1) также, который всупилъ на мѣсто Брута, не докончивъ онаго года, отъ болѣзни умеръ. Наконецъ Публий Валерій, который преемникомъ былъ Коллатину, и Маркъ Горацій, который на мѣсто умершаго Лукреція всупилъ, оный несчастливый годъ, имѣвшій пять чело-вѣкъ Консулами, докончали; въ который годъ Римъ, увидѣвъ честь и власть новую Консулства, отложилъ нѣсколько страхъ, не по тому, аки бы бѣдствія прекратились, но что не столь жестоко оныягощали. По окончаніи, то есть по-то времени, въ которое благоправно, праведно и скромно жили Римляне, послѣдовало то, о чемъ Саллюстій кратко изъясняетъ: потомъ, говоритъ, начальники начали съ народомъ какъ съ невольниками поступать, бить и казнить на подобіе Царей, отнимать земли и безъ согласія всѣхъ одни управляютъ государствомъ;

чѣмъ

чѣмъ обиженъ и притѣсненъ будучи народъ, особливо по причинѣ частыхъ браней, когда великія налагаемы были подати и дѣлаемы были военные наборы, вооружившись вышелъ въ гору священную и Авентинскую, и тогда выбралъ себѣ Трибуновъ народныхъ, и другія уставилъ права. Но сіи раздоры и междоусобія съ обѣихъ сторонъ прекращены были вѣчною съ Карфагенцами войною.

Глава шестнадцатая.

О томъ, какія бѣдствія претерпѣла республика по началу Консулства, въ коихъ отвращеніи боги, Римлянами почитаемые, ни мало не помогали.

Но почему мы столь долго медлимъ, описывая бѣдствія, приключившіяся Римлянамъ, и обременять читателей? Сколь несчастна была оная республика сполько вѣковъ, до второй войны съ Карфагенцами, когда оную безпокоили отъ вѣхъ непрестанныя брани, внутри же раздоры и междоусобія, оное кратко объяснилъ Саллюстій. Почему побѣды оныя не были твердою радостію щастливыхъ людей, но щедрымъ утѣшеніемъ несчастныхъ, которыя Римлянъ къ большимъ и ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ поощряли. И насъ, когда мы сіе говоримъ, добрые Римляне и благоразумные не одобрятъ, поелику ни просимъ мы, ни увѣщавать къ тому не хотимъ; ибо извѣстно намъ, что они никогда не одобрятъ.

II 5

Хо-

Хотя мы не болѣе и не жесточе говоримъ, нежели ихъ писатели, будучи и штилемъ неравны, и не имѣя шоль свободнаго времени, какъ они; однако что касается до ихъ писателей, то они и сами ихъ старались изучить, и дѣтей своихъ къ изученію оныхъ понуждаютъ. Которые же и одобряютъ насъ, тѣ могутъ ли стерпѣть, ежели я скажу позже, что и ихъ Саллюстій? Многія смятенія и бунты, и наконецъ междоусобныя войны поднялись, когда нѣкоторые сильные люди (1), къ которымъ великое множество народа предаюсь, желали владычествовать надъ другими; и добрыми и злыми гражданами многіе названы не въ разсужденіи дѣлъ, оказанныхъ республикѣ, понеже всѣ были неопребныя, но какъ всякой богатѣйшій и могущій болѣе причинить вреда, поелику настоящее защищалъ, то за добраго гражданина былъ почитаемъ. И такъ ежели писатели ихъ исторіи почитали, что то принадлежишь къ честной вольности и свободѣ, ежели они не спашутъ умалчивать о бѣдствіяхъ своего города, которой во многихъ мѣстахъ съ великимъ прославленіемъ выхвалять принуждены были: то что намъ надлежитъ дѣлать, которые чѣмъ лучшую и несомнѣнную имѣемъ надежду на Бога, тѣмъ большая должна быть наша свобода, когда настоящія бѣдствія Христу нашему приписываютъ, дабы опровергнуть немощныхъ и малосмысленныхъ умы отъ онаго града, въ которомъ единственно блаженная жизнь

жизнь находится? И что касается до насъ, то мы не болѣе на боговъ ихъ говоримъ, какъ самые ихъ писатели, которыхъ они чипаютъ и прославляютъ; ибо и мы что говоримъ, изъ оныхъ заимствуемъ. И пакъ гдѣ тогда были боги ихъ, которыхъ изъ малаго и обманчиваго мира сего благополучія почипали, когда Римляне, къ коимъ въ почтеніе хитростию вкрались, поликиа претерпѣвати бѣдствія? Гдѣ были, когда Валеріи Консулъ, отъ ссылочныхъ и невольниковъ защищая зажженную Капитолію, умерщвленъ? Не видно ли, что онъ болѣе могъ подать помощи Юпитеру храму, нежели ему шолікая толпа боговъ съ великимъ и благимъ своимъ Царемъ Юпитеромъ, коего онъ храмъ защишилъ? Гдѣ были, когда Римъ, безпрестанными изнурень бывши междоусобіями, послалъ пословъ въ Аѳины для списанія законовъ, а между тѣмъ отъ глада и заразы былъ опустошаемъ? Гдѣ были, когда, вторично отъ глада погибая, посланилъ начальника для собранія годовыхъ запасовъ, и когда усиливался оный гладъ, тогда Сатурній Емилиі, гладному народу раздавъ жита, попалъ въ подозрѣніе, аки бы желалъ чрезъ то Царемъ быть, который наконецъ Диктаторомъ Квинтіемъ, по наученію начальника надъ сборомъ годовыхъ запасовъ, и отъ Сервилія, начальника надъ конницею, съ великимъ и бѣдственнымъ смятеніемъ города убить? Гдѣ были, когда, по причинѣ усилившейся заразы, народъ Римскій, не видя помощи отъ

отъ боговъ, завелъ новое богослуженія средство, одропосплатіе (2), котораго никогда прежде не дѣлали? Одры же поспилаемы были въ честь боговъ, откуда сіе священнослуженіе, или лучше сказать, священношашство, и имя себѣ получило. Гдѣ были, когда, чрезъ десятишь лѣтъ сряду продолжая войну, частыя и великія пораженія своихъ чувствовалъ народъ Римскій отъ жипелей Війскихъ, покуда Фурій Камилъ не преодолѣлъ оныхъ, котораго однако неблагодарный Римъ осудилъ? Гдѣ были, когда Галлы Римъ плѣнили, рашипили, сожгли и трупамъ убитыхъ наполнили? Гдѣ были, когда ужасная оная зараза поразила безчисленное множество гражданъ, которою и потъ жизнь скончалъ Фурій Камилъ, который защишилъ неблагодарный городъ отъ Веіевъ, а другой разъ отъ Галловъ? Откуда-то завели Римляне теапральныя игры, по бывшей новую заразу, не плѣламъ Римлянъ, но нравамъ вреднѣйшую. Гдѣ были, когда другая зараза жестокая появилась, когда жены отъ равами (3) морили своихъ мужей, въ числѣ коихъ великое множество изболчено и благородныхъ и знаменитыхъ женъ? Гдѣ были, когда два Консула, атакованы будучи Самнипцями со всемъ войскомъ, мерзкой договоръ заключили принуждены были, чтобъ Римляне шести сотъ знапныхъ конницы въ Аманаты дали; прочее же войско, оставя одно вооруженіе Римлянамъ, отдалось бы подъ иго неприятелямъ? Гдѣ были, когда не только отъ зара-

отъ заразы, но и громомъ многіе поражены бывши, жизнь скончали? Гдѣ были, когда во время заразы изъ Эпидавра привести принуждены были Римляне Эскулапъ, такъ какъ искуснаго врача, бога? Ибо можетъ быть Юпитеру, который давно въ Римѣ въ Капитоліи засѣдалъ, многочисленныя любодѣянія, въ кои онъ съ молодыхъ лѣтъ упражнялся, не допустили во врачебной наукѣ упражняться. Гдѣ были, когда въ одно время согласились на Римлянъ непріатели, Луканцы, Брумпіи, Самнипцы, Эпрусцы и Сеноны Галлы, которые во первыхъ Римскихъ пословъ побии, потомъ, атаковавъ армію, убили семь Трибуновъ и тринапцать тысячъ воиновъ (4)? Гдѣ были, когда по тяжкихъ и долговременныхъ междоусобіяхъ народъ на подобіе непріателей въ Яникулъ удалился, что было такимъ бѣдствіемъ, что наконецъ для того поставленъ былъ Диктаторомъ Гортенсій (что дѣлаемо было въ самой крайности), который, возвративъ народъ, лишился жизни, чего ни одному никогда Диктатору не приключалось, особливо когда въ оное время сверхъ прочихъ боговъ и Эскулапъ тамъ присутствовалъ? Потомъ шоль многія поднялись брани, что по недостатку воиновъ тѣ самые, кои упражнялись въ умноженіи рода, не въ состояніи будучи отправлять военной службы, записаны въ солдаты. Призванъ тогда былъ Тарентинцами Пирръ (5), Царь Греческій, который въ тогдашнее время былъ въ славѣ, и

и Римлянамъ сѣлся непріятелемъ; ко-
рому, когда онъ о будущемъ Аполлина во-
прошалъ, искусный и сомнительный (6) далъ
отвѣтъ, который, чѣмъ ни приключи-
лось, былъ бы справедливымъ. Ибо такъ ска-
залъ: опираю я тебѣ, что можно тебѣ
Римлянамъ рога стерши. И такъ Пирръ ли
бы побѣдилъ Римлянъ, или Римляне Пирра,
предвѣщатель былъ бы правымъ. Какое
тогда съ обѣихъ сторонъ было кровопролитіе!
въ которомъ однако сраженіи Пирръ взялъ
верхъ (7), такъ чѣмъ могъ увѣряться, что
Аполлинъ предсказалъ ему какъ богъ, ежели
бы Римляне на другомъ сраженіи его не пре-
одоляли. И между такою погубею (8)
людей въ Римѣ появилась новая зараза (9)
въ женщинахъ; ибо не разродившись каждая
женщина умирала. Думаешь можно, что тогда
извинялся Эскулапій тѣмъ, что онъ долж-
ность отправляетъ главнаго доктора, а не
повивальной бабки. Подобною смертію и ско-
пы умирали полъ многимъ числомъ, что
всѣ почитали, что переведется весь скотъ.
Что скажу объ оной зимѣ достопамятной
и жестокой, когда снѣгъ ужасной глубины
чрезъ сорокъ дней лежалъ, и самый Тибръ
покрытъ былъ льдомъ? Ежели бы что тако-
вое приключилось въ наши времена, чего бы
они не рассказали? Что объ оной великой за-
разѣ, сколь она долговременна была, и сколь
многихъ похитила, которая когда и на дру-
гой годъ продолжалась, то думаю напрасно

смо-

смотрѣли они въ Сивиллинскія книги, когда
Эскулапій былъ при нихъ? Въ семь родъ ора-
куловъ; какъ Цицеронъ въ книгѣ о гадатель-
ствѣ упоминаетъ, болѣе толкователямъ, такъ
какъ они могутъ, или хотѣвъ сомнительное
изъяснить, обыкновенно вѣрять люди. И
тогда то узнали причину заразы, что многіе
священные храмы, многіе частно захвативъ,
вмѣсто простыхъ зданій употребляють. И
такимъ образомъ извиненъ въ своемъ невѣже-
ствѣ и лѣности Эскулапій. И не дивно, что
оные храмы были захвачены и употребляемы
вмѣсто простыхъ зданій, когда никто не
возбранялъ; припомъ, какъ оной толпѣ бо-
говъ многіе щедно молились, то помалу па-
ковыя священные мѣста начали оставлять
почтиатели такъ какъ пустыя, и употреб-
лять какъ праздныя на разныя дѣла. Ибо
тогда которые храмы возвращены и возобно-
влены щадительно, аки бы для прекращенія за-
разы, ежели бы также оставлены со временемъ
не были: то не можно бы Варрона почестъ
знающимъ, который, о священныхъ храмахъ
пиша, многіе неизвѣстными называетъ. Но
тогда не зараза истреблена, но вымыслено
извиненіе богамъ.

Глава седьмаянадесятъ.

О томъ, коликія претърпѣли Римляне нещастія и бѣдствія во время браней съ Карфагенцами, когда тщетно о помоществованіи боговъ молили.

Во время же браней съ Карфагенцами, когда долгое время съ обѣихъ сторонъ побѣда была сомнительною и неизвѣстною, и когда два сильные народа жесточайшія дѣлали другъ на друга усшремленія, сколько тогда мѣлкихъ владѣній разрушено! Сколько пространныхъ и знаменистыхъ городовъ разорено! Сколько оскорблено! Сколько испреблено! Сколь далеко и обширно Карфагенское и Римское государство и земли опустошены! Сколько кратъ съ обѣихъ сторонъ по побѣждаемы были, по казались побѣдителями! Сколько людей погублено, или по естъ сражающихся воиновъ, или оружія въ руки небравшихъ народовъ! Коликое множество кораблей на морскихъ сраженіяхъ пропало, или разными бурями попогло, что все ежели упоминашь мы будемъ, то не другое что спанемъ дѣлать, какъ писать исторію! Тогда Римская республика, смущена будучи спрахомъ, къ средспивамъ суешнымъ и смѣха доспойнымъ прибѣгла. Возобновлены (1) тогда игры спольшніи, которыя въ тѣ времена, когда Римляне нѣсколько благополучнѣ жили, были оставлены и забыты. Возобновили также первосвященники (2) игры священные преисподнимъ богамъ, которыя равно были брошены и оп-

мѣ-

мѣнены; ибо богамъ преисподнимъ, которые въ тогдашнія времена мершвыми чрезмѣрно обогатились, на радостяхъ поиграть захотѣлось, когда бѣдные люди жестокия войны продолжали и кровопролитныя и челоѣкоубійственныя побѣды по съ той, по съ другой стороны получали, что самое составляло великія игры злымъ духамъ, и хорошіи пиръ преисподнимъ демонамъ. Но ничего поль нещастнаго не было во время первой войны съ Карфагенцами, какъ по, что Римляне такъ побѣждены, что и Регулъ плѣненъ, о которомъ мы въ первой и второй книгѣ упоминали, мужъ подлинно великій, и побѣдитель и усмиритель прежде того Карфагенцовъ, который первую съ Карфагенцами войну окончаль бы благополучно, ежели бы изъ желанія чрезмѣрной хвалы и славы не предложилъ жестокихъ условій при заключеніи мира Карфагенцамъ. Въ томъ, что сей мужъ плѣненъ нечаянно, содержанъ въ рабствѣ и неволь недоспойно, кляшву сохранилъ вѣрно и умеръ мучительно. Ежели не стыдно богамъ, то конечно они мѣдные и неимѣющіе крови, которая на лицѣ во время стыда являюща. Не недоспавало же въ то время нещастій и внутрь спѣнь самого Рима; ибо разлившись необычайно Тибръ (3), все разорилъ, похитилъ и наводнилъ. Послѣ сего нещастія послѣдовалъ пожаръ (4), который, погаливъ всякое высшее здачіе и низкое вокругъ площади, не пощадилъ и сроднаго себѣ храма Весшы (5), гдѣ

Часть I.

Р

онъ

онѣ неугасимо храненѣ былѣ не столько почитенными (6), сколько осужденными дѣвицами. А тогда тамѣ не только неугасимымѣ былѣ огонь, но и свирѣпѣлѣ, которымѣ устрашены будучи дѣвицы, когда священныхъ вещей, онѣ коихъ при (7) уже раззорились города, онѣ пламени спаси были не въ состояніи: то Мешелѣ первосвященникѣ (8), забывѣ свое здравіе, вскочивѣ и будучи почти полусожженнымѣ, оныхъ онѣ огня исхитилѣ. Миѣ удивительно, что огонь Мешелла не узналѣ, будучи тамѣ богомѣ. И такѣ человекѣ наипаче Веспѣ подалѣ помощь, нежели она человекѣ. Почему ежели сама онѣ себя ошврашишь огня была Веспѣ не въ состояніи, то какимѣ образомѣ могли боги, по миѣнію Римлянѣ, спасающіе Римѣ, онѣ наводненія Тиброва и огня защищити? какѣ и самымѣ дѣломѣ открылось, что они ничего сдѣлать не могутѣ. Мы бы сего никакѣ не выговорили, ежели бы они намѣ не предлагали, что они боговѣ почитаютѣ для того, дабы они защищали временное ихѣ добро. Нынѣ же жалостною слѣпою поражены будучи, думаящѣ, что тѣми священнослуженіями, кои погибнуть могутѣ, здравіе и временное щастіе потерянѣ быти не можешѣ; и потому когда видно, что и въ бытность оныхъ священнослуженіи или изнуряемо здравіе, или бѣдствіе претерпѣваемо было, миѣніе свое, котораго защитити не могутѣ, перемѣнитѣ стыдятся.

Глава осьмаянадесять.

Обѣдствіи, бывшемѣ во время второй войны съ Карфагенцами, которое съ обѣихъ сторонѣ истощило силы.

Бѣдствія же, приключившіяся во время второй войны съ Карфагенцами, продолжительно будемѣ описывать, и пораженіе двухъ народовѣ, между собою воюющихъ, такѣ что по признанію тѣхъ (1) самихъ, которые принимали не столько описывать Римлянѣ войны, сколько выхвалять Римскую имперію, похожѣ былѣ побѣдитель на побѣжденнаго. Ибо когда Аннибалѣ поднялся онѣ Испаніи, который, преодолевѣ трудность Пиринейскихъ горѣ, перешелѣ Галлію и разорвалѣ Альпійскихъ горѣ неудобство, и умноживѣ чрезѣ то свою силу, все опустошая и покоряя, вошелѣ въ Италію: тогда сколь многія и кровопролитныя происходили сраженія! Коликокрапно Римляне побѣждены были! Сколько кѣ непріятелю предалося городовѣ! Сколько плабнено и раззорено! О претерпѣнномѣ же нещастіи Римлянами при Каннахъ (2) что скажу, гдѣ Аннибалѣ, жестокии человекѣ, удовольствовавшись пораженіемѣ Римлянѣ, повелѣлѣ, сказывающѣ, оспальныхъ пощадишь. Послѣ сего-то сраженія Аннибалѣ послалѣ въ Карфагенѣ при чепверика (3) золотыхъ колецѣ, или перстней, (которые въ Римѣ нашивали одни благородные и чиновные) дабы познать могли Карфагенцы, что столько по-

Р 2 ра-

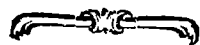
ражено чиновныхъ людей въ ономъ сраженіи, чѣмъ удобнѣе число ихъ вмѣщались мѣра, нежели счисленіе труповъ. Сколькожъ рядовыхъ въ ономъ сраженіи убито, до онаго догадкою только можно доходить, нежели сказать прямо. То только извѣстно, что въ Римѣ послѣ сего великой былъ недостатокъ въ воинахъ, что Римляне принуждены были повинныхъ въ злодѣяніяхъ, (4) съ общаніемъ имъ прощенія, собирать, и невольниковъ (5) даровать вольностию, и только безчестными людьми не дополнять, но изъ оныхъ новое составляли войско (6). И какъ симъ невольникамъ, или чѣмъ не обидѣть (7), на волю отпущеннымъ не доставало оружія, то взяты оружія оныя изъ храмовъ боговъ, какъ бы такъ въ оное время говорили богамъ своимъ Римляне: подайте оружіе, которое вы чрезъ столько долгое время бесполезно имѣли: авосьлибы наши невольники сдѣлаютъ онымъ какую либо пользу, которой вы, боги наши, тѣмъ сдѣлать по нынѣ не могли. И какъ въ тоже время не доставало казны на жалованье, которая вся истощена была, то частныя богатства въ общественныя обращены употребленія, такъ чѣмъ всякъ, и изъ самыхъ Сенапоровъ, отдавая все, оставилъ только себѣ по перстню и печати, несчастные знаки своего достоинства. И когда Сенапъ ни мало загла для себя не оставлялъ, то чѣмъ сказать о прочихъ въ обществѣ чинахъ? Въ какое бы бѣшенство пришли Римляне, ежели бы они въ наши

наши времена до такой дошли крайности, когда нынѣ неисповество ихъ едва снести можно; когда еще болѣе издерживаютъ они на есшральныхъ игроковъ денегъ, нежели тогда при крайности за защищеніе себя на арміи?

Глава девятнадцатая.

О гибели Сагунтинцевъ, которымъ при истребленіи ихъ, въ разсужденіи того, что были въ дружбѣ съ Римлянами, боги Римскіе не подали помощи.

Но изъ всѣхъ сей впорѣ войны злоключеній нѣтъ ничего жалостнѣе, какъ гибель Сагунтинцевъ (); ибо сей Испанской городъ Сагунтъ, въ великомъ дружествѣ жившій съ Римлянами, когда не хотѣлъ имѣть къ нимъ вѣрности, разоренъ. Ибо Аннибалъ, разорвавъ мирной договоръ съ Римлянами, искалъ причины раздражить Римлянъ и вызывать на сраженіе; чего для и Сагунтъ жестоко осаждалъ, о чемъ какъ скоро извѣстились Римляне, то послали пословъ къ Аннибалу, дабы онъ осаду оставилъ. Когда Аннибалъ пословъ презрѣлъ, то они отправились въ Карфагенъ, гдѣ жаловавшись въ томъ, что напрасно разорванъ мирной договоръ, когда удовольствія въ томъ не получили, въ Римъ возвратились. Въ продолженіи сего несчастный оный наибогатѣйшій городъ, который доброжелательствовалъ Римской республикѣ, въ осьмый, или девятый мѣсяцъ разоренъ Карфагенцами, котораго по-

гибель чинашь, колыми паче описывать, ужасно. Однако я кратко предложу; попомо что сіе кѣ настоящей машеріи служилъ. Ибо во-первыхъ жили онаго города истаевали отъ голода, который столь былъ великъ, что и въкоторыя шѣла, или лучше сказать прунны домашнихъ своихъ въ пищу употребляли. Пс-помъ, при крайнемъ будучи бѣдствіи, дабы въ руки Аннибалу не попасться, безмѣрной величины срубъ сдѣлавъ, и оный зажегши, припомъ посѣки мечемъ всѣхъ своихъ ближнихъ, побросали въ оный, и наконецъ кинулись шудажъ тѣ самые, кои другихъ посѣкли. Здѣсь-то бы надлежало сдѣлать что нибудь богамъ чревообъяспливымъ и плутамъ, которые туковъ жерпивенныхъ желали, и ложныхъ предвѣщаній сомнительспвами обманывали! Здѣсь-то надлежало бы сдѣлать что либо, дабы помочь городу, жившему въ дружбѣ съ народомъ Римскимъ, и ради сохраненія вѣрности погибающему не попустить погибнуть! Ибо они были посредспвенниками, когда Сагунтинцы съ Римлянами въ мирной договоръ вступили. И такъ, сохраняя вѣрно то, въ чемъ обязались въ присутствіи боговъ, отъ вѣроломца истреблены. Ежели ненасп-емъ и молніями, по сказкамъ Римлянъ, боги опогнали отъ спѣнъ Римскихъ Аннибала, то сіе во-первыхъ долженспвовали учинить тогда, когда Сагунтинцы не хотѣли нарушить вѣрности и въ состояніи были вооружиться противъ Аннибала; тогда-то бы надле-

жааQ

жало имъ опогнашь ненасп-емъ и молніями отъ Сагунта. И такъ есптали боги (2) свнспспспшеспвовашелями щаспю и спавъ Римскаго народа, то надобно было имъ столь великое бѣдспвіе отвратить отъ Сагунта. Нынѣ же сколь безумно вѣрять, что при за-щипѣ ихъ боговъ не могъ разоренъ быть Римъ отъ Аннибала, которые погибающему за дружесство и вѣрность къ Римлянамъ Сагунту не могли подать помощи! Ежели бы Сагунтинцы были Христіане, и таковое иб-что за вѣру Евангельскую претерпѣли, хотѣбъ себя ни огнемъ, ни мечемъ не истребляли; но однако ежели бы за вѣру Евангельскую раззоре-ніе и истребленіе понесли: то претерпѣли бы они съ шѣмъ упованіемъ, что вѣровали во Христа не для полученія временнаго, но вѣчнаго воздаянія. Сихъ же боговъ, которые для того почишются, дабы симъ временнымъ и скоропреходящимъ щаспемъ наслаждашся людямъ, чѣмъ оправдывъ и извинивъ почитали ихъ въ разсужденіи гибели Сагунтин-цовъ? Не уже ли тѣмъ же, что говорящъ о кончинѣ Регуловой? Ибо въ томъ еспъ раз-личіе: Регулъ былъ одинъ челоувѣкъ, здѣсь цѣлой городъ; погибли же ихъ одна вина, храненіе то еспъ вѣрности. Ибо онъ для соблюденія сея возвратился къ непріятелямъ, а Сагунтъ предашся не хотѣлъ. Слѣдова-тельно сохраненіе вѣрности боговъ на гнѣвъ побуждаешъ. Не уже ли не только частно люди, но и города при защипѣ и милоспн

Р 4

60.

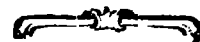

боговъ должны погибать? Пускай выберутъ себѣ одно изъ сихъ двухъ. Ежели за сохраненіе вѣрности гибнѣютъ оныя боги, то пускай они ищутъ таковыхъ почитателей, которые были бы вѣроломные. Если же при зщипѣ ихъ и милости многіе могутъ претерпѣвать мученія и разоряшьяся города, то напрасно ихъ почитаютъ, надѣясь неизмѣннаго здѣсь благополучія. И такъ пускай не предлагаютъ намъ, что они опѣ того нещасными спались, что священнослуженіе боговъ ихъ опровергнуто; ибо могли бы они, и подѣ защитою и въ милости боговъ своихъ находясь, не только роптать на бѣдность свою, но какъ тогда Регулъ и Сугучтинцы, ужасно измученные, и въ концѣ погибнуть.

Глава двадцатая,

О Митридатомъ указѣ, которымъ повелѣлъ всѣхъ гражданъ Римскихъ, находящихся въ Азіи, умертвить.

Но я сіе оставляю, хотя того умолчать не могу, что Митридатъ (1), Царь Азіатскій, во всѣхъ мѣстахъ Азіи странствующихъ гражданъ Римскихъ, которыхъ безчисленное множество было тамъ торгующихъ, въ одинъ день повелѣлъ убить, что и исполнено. Сколь жалостное было зрѣлище, когда всякъ, гдѣбъ найденъ ни былъ, на полѣ ли, на дорогѣ ли, въ городѣ ли, въ домѣ ли, въ деревнѣ ли, въ храмѣ ли, на одрѣ ли, въ компаніи ли, нечаянно и незаконно былъ убиваемъ! Какой тогда былъ

былъ спонъ умирающихъ! Какія слезы зрителей, а можетъ спашья и шѣхъ самихъ, кои убивали? Сколь жестокая нужда шѣмъ, кои угоняли Римлянъ, видѣнь не только незаконное гонимъ своихъ убіеніе, но еще и въ собственномъ своемъ домѣ; и изъ ласковой людскости премѣнивъ видъ, къ совершенію непріятельскаго дѣла обращаясь, и взаимными ранами, такъ сказавъ, себя поражая; поелику пораженный по шѣлу поражалъ убійцы своего сердце! Не уже ли сіи Римляне претрѣбли притѣснительство? Не уже ли боговъ своихъ домашнихъ и общественныхъ, когда изъ домовъ своихъ къ невозвратному оному странствованію отправились, не взяли съ собою, дабы ихъ вопрошать? Ежели сіе такъ, то не имѣютъ причины жаловаться на наши времена, когда древніе оныя Римляне суетное свое богопочитаніе презирали. Ежелижъ вопрошали они боговъ, то какую оное сдѣлало пользу, когда по сѣмъ человѣческихъ законовъ невозбранно шолкое злодѣяніе могло совершиться?

Глава двадцать первая.

О внутреннихъ злоключеніяхъ, которыя претерпѣла Римская республика, и которыя предварило худое предзнаменованіе, состоящее въ томъ, что домашніе скоты перелѣзли.

Но уже объ ономъ злощастіи какъ можно сокращеніе упомянуть должно, кото-

рое поелику было внушреннее, тѣмъ кажется плачевнѣйшимъ. Раздоры гражданскіе, или лучше сказать варварскіе, и уже не просшыя возмущенія, но самыя междоусобныя войны, во время коихъ великое множество пролило крови, продолжались, гдѣ разныя части единомышленниковъ не въ раздорахъ и разногласіи упражнялись, но мечемъ и оружіемъ неисповсвовали. Войны союзныя (1), войны нечальническія, войны градскія, коликъ пролили кровъ! Коликъ Испаліи причинили опустошеніе и развореніе? Ибо прежде, нежели прошивъ Римлянъ возспали Латинцы войною, всѣ домашніе скоты, служащіе употребленію человѣческому (2), какъ-то псы, кони, ослы, волю и прочія, обладаемыя человѣкомъ, животныя, внезапно разсвирѣпѣвъ и забывъ свою кротость, оставивъ дома своихъ хозяевъ, скипалися по полямъ, и не только другихъ людей, но и самыхъ хозяевъ къ себѣ не подпускали, такъ что необходимо должны были тѣ погибашъ, котыре отважились бы ихъ ловить. Что самое коликъ бѣдствіе предназначеновало! Ежели сіе предназначенованіе поль было зло, то каково было то самое, что оно предназначеновало! Сіе ежели бы въ наши времена приключилось, то всѣ непременно болѣе бы Римляне на насъ взбѣсились, нежели тогда прошивъ ихъ самихъ скопы ихъ.

Глава двадесять вторая.

О раздорѣ, который произвели бунты Граховъ.

Началомъ же войны гражданской были смяшенія Граховъ (1), произведенныя по причинѣ межевыхъ законовъ; ибо хотѣли они поля раздѣлить народу, которыми дворянство незаконно владѣло. Но неправильно завладѣнное дворянствомъ отнять не только для Граховъ было бѣдствено, но какъ самый опытъ открылъ, и погибельно. Сколько побито народа, когда убитъ первый Грахъ! Сколько также, когда не много времени спустя и братъ его, другій Грахъ, умерщвленъ! Ибо не по закону и чину власшей, но толпами благородные и чернь убиваемы были. По убіеніи другаго Граха, Лукій Опимій Консулъ, которій прошивъ его съ стороны градской вооружался, по убіеніи его съ единомышленниками, когда производилъ слѣдствіе о сообщникахъ, въ то время, сказывающъ, при тысячи чловѣкъ умерщвлено. Изъ сего выразишь можно, сколько во время онаго сраженія побито, когда по слѣдствію столько казнено. Толъ, которой убилъ Граха (2), продалъ Консулу голову Грахову за столько золота фунтовъ, сколько въ оной было вѣсу; ибо таковой прежде договоръ былъ заключенъ. При семъ же случаѣ убитъ и съ дѣтьми своими Маркъ Фульвій (3) Консулъ.

Глава двадесять шестія.
О храмъ Согласія, по приговору Сенатскому
на мѣстѣ смятеній и убійствъ поставлен-
номъ.

Не неблагоприятно правда по Сенатскому приговору на томъ самомъ мѣстѣ (1), гдѣ плача достойное было смятеніе, гдѣ столько гражданъ всякаго чина умерщвлено, храмъ Согласія (2) поставленъ, такъ какъ свидѣтель казни Граховъ, дабы тѣ, кои къ народу рѣчи говорящъ (3), незабвенно памятовали оную. Но сіе что иное было, какъ только насмѣшка богамъ? Ибо для чего за городомъ сей богинѣ поставили храмъ, которая ежели бы внутрь града была, то такихъ смятеній и раздоровъ не было бы? Развѣ можетъ спастись богиня Конкордія (согласіе), виновата будучи въ томъ, что удалась изъ сердецъ гражданъ, достойною спалась заключена бытъ въ ономъ храмѣ, какъ въ темницѣ? Понеже, ежели хотѣли представитъ сходство съ учиненными дѣлами, то для чего не поставили наипаче храма богинѣ Дискордіи (раздору)? Ибо никакой не можно дать причины, для чего бы, когда Конкордія (согласіе) есть богиня, Дискордія (раздоръ) не была богиня, дабы въ разсужденіи различенія Лабеонова Конкордія была доброю, Дискордія злою богинею? Ибо и Лабеоновъ въ раздѣленіи боговъ не иному послѣдовалъ, какъ только что примѣтилъ, что у Римлянъ какъ богинѣ Здравію, такъ и богинѣ Лихорадиѣ храмы поставлены. И та-
кимъ

кимъ образомъ должны были Римляне не только богинѣ Конкордіи, но и Дискордіи храмы поставитъ. Почему неблагоприятно Римляне поступили, когда за благо разсудили жизнь препроводитъ при раздраженной злой богинѣ Дискордіи, и позабыли привести себѣ на память, что начало раззоренія Трои (4) отъ себя богини произошло; понеже она была раздражена. Ибо когда она на пирушку съ прочими богами не была приглашена, то предложениемъ золотого яблока между тремя богинями произвела раздоръ. Отъ чего произошло между богами несогласіе, Венера осталась побѣдительницею, похищена Елена и раззорена Троя. Почему можетъ спастись, огорчена будучи богиня Дискордія, что она въ Римѣ между богами храмомъ не удостоена, столькими смятеніями возмущала городъ, кокими сильно раздраженной прилично; особливо когда на мѣстѣ своихъ дѣйствій видѣла храмъ, посвященный соперницѣ своей, богинѣ Конкордіи. Симъ пушопамъ когда мы смѣемся, то негодующъ на насъ оныя благоразумные и прамудрые люди; однако почитая боговъ добрыхъ и злыхъ, въ разсужденіи сего запроса о богинѣ Конкордіи и Дискордіи остаются безъопытными, или для того, что опустили почитаніе сихъ богинь, и имъ предпочли Лихорадку и Беллону, которымъ издревле храмы посвятили; или можетъ бытъ и сихъ почитали, но когда удалась отъ почитателей своихъ Конкордія, то Дискордія, гнѣваяся и
сви-

свирѣпѣя, довела ихъ даже до самыхъ междоусобныхъ градскихъ браней.

Глава двадесять четвертая.

О различныхъ браняхъ, послѣдовавшихъ послѣ построения храма Конкордіи.

Знаменитая защита противъ возмущеній, построенный храмъ Конкордіи, такъ какъ свидѣтель казни Граховъ! Но сколькожъ лѣтъ успѣли Римляне? И послѣ того лѣтъ, которые къ народу говаривали рѣчи, старались не примѣра избѣгать Граховъ, но превзойти намѣреніе. Ибо отъ смятеній Луція Сашурнина (1), Трибуна народнаго, и Каія Кесаря (2), и Сервилія Претора, и много времени спустя (3) Марка Друза (4), впервыхъ произошли жестокия смертоубійства, потомъ возгорѣлись союзническія войны, которыми тяжко оскорблена и жалостно опустошена Италія. Наконецъ приключилась война съ невольниками (5) и войны градскія, въ коихъ каковыя были сраженія, сколько пролило крови, когда всѣ, въ Италіи жившіе, народы, кои увеличивали Римское государство, такъ какъ варвары свирѣпые укрощаемы были. Что болѣе? когда изъ малочисленныхъ, то есть меньше, нежели изъ семидесяти Гладіаторовъ, какъ собралось войско невольниковъ, и сколь безчисленное и жестокое! Сколь многихъ они Римскаго народа полководцевъ побѣдили! Сколько городовъ и странъ разорили!

рили! О чемъ писавшіе исторію едва могли все описать. И не только невольническая война была тогда, но и прежде подобные невольники Македонію разорили, потомъ Сицилію и приморскую спрану. Сколь великіе и ужасные сперва производили разбои (6), наконецъ жестокия войны морскіе разбойники, о томъ по великопости дѣлѣ кто въ состояніи описать?

Глава двадесять пятая.

О войнѣ Градской Маріевой и Силлиной.

Когда же Марій, обогрѣвъ кровію гражданъ, по убіеніи многихъ, державшихъ противную сторону, побѣжденъ будучи, бѣжалъ изъ города, то едва успѣлъ оидохнуть городъ, какъ Цицеронъ говоритъ (1), побѣдителемъ стали паки Цинна съ Маріемъ. Тогда по убіеніи знаменитыхъ мужей (2), лишился городъ своихъ свѣтилъ. Ошмшилъ за жестокую сію побѣду послѣ того Силла, хоти изобразить не можно, съ коликою попереку гражданъ и съ каковымъ бѣдствіемъ республики. Ибо о семъ ошмщеніи, которое бѣдствіеніе было, нежели когдабъ преступленія осваивались безъ наказанія, говоритъ Луканъ (3), превзошло мѣру врачевство, и до крайности простиралась рука, куда вели ее болѣзни. Но когда уже могли одни единственно оставаться злодѣи, тогда дана вольность ненависти, и устремился гнѣвъ, свергнувъ съ себя узду законовъ. Во время оной войны

Ма-

Маріевой и Силлиной, выключая тѣхъ, кои въ сраженіи въ города убиты, въ самомъ городѣ трупами улицы, переулки, площади, театры, храмы были наполнены, такъ что трудно понять, когда болѣе народу побито, тогда ли, когда каждая сторона спаралася бытъ побѣдительницею, или тогда, когда одна взяла верхъ въ побѣдѣ. Ибо побѣда Маріева, когда онъ самъ собою опъ изгнанія свободился, выключая побѣланные въ разныхъ мѣстахъ убійства, произвела то, что голова Консула Октавія, опсѣченная, положена на то мѣсто, съ котораго къ народу рыи сказываемы были. Кесарь и Фимбрій (4) въ домахъ своихъ убиты; два Красса (5), отецъ и сынъ, умерщвлены; Бебій (6) и Нумпторій, крѣпкими влечены будучи, по раздраженіи чревъ, жизнь скончали. Катулъ (7), дабы избавитъ опъ непріятелей, ядомъ себя оправилъ. Мерула (8) жрецъ, называемой Фламенъ Діалисъ, кровь свою принесъ Юлишу въ жертву, пресѣкши себѣ жилы въ его храмѣ. Предъ самыми же глазами Маріевыми непрестанно посѣкаемы были тѣ, коимъ по пришествіи взаимно привѣстивать не хотѣлъ.

Глава двадцать шестая.

О томъ, какова была Силлина побѣда, которая отмщевала Маріеву жестокость.

Силлина же побѣда, послѣдовавшая для опмщенія жестокости Маріевой по толкомъ излія-

изліяніи крови, которою она пріобрѣтена, по окончаніи уже войны, по причинѣ усилившіяся злости жестокае въ мирѣ свирѣбла. Ибо послѣ старшаго Марія спарыхъ и новыхъ убійствъ большія приложены были молодымъ Маріемъ (1) и Карбономъ, держащимся Маріевой стороны, которые при наступленіи Силлы не только въ побѣдѣ, но и въ своемъ спасеніи опчаяваясь, все убійствами наполняли. Ибо кромѣ поражений, во всѣхъ мѣстахъ далеко причиненныхъ, но и изъ самаго осажденнаго Сенапа и Рапуши, какъ бы изъ пемницы выводили по одинакѣ подъ мечъ. Муцій Сцевола (2) первосвященникъ, по неже у Римлянъ ничего святѣе не было храма Весты, когда объялъ жертвенникъ и держался, убитъ, и огонь оный (3), который дѣвицы хранили неугасимо, своею кровію почти погасилъ. Помпій вошелъ во градъ побѣдитель Силла, которой на большой улицѣ, уже не во время войны, но жестокаго мира, семь тысячъ (4) безоружныхъ, не сражаясь съ ними, но однимъ повелѣніемъ пораилъ. Во всемъ же городѣ каждой, державшей сторону Силлы, кого хотѣлъ убивалъ; почему столько было въ городѣ труповъ, что изчислить не возможно, покуда доложено было Силлѣ (5), дабы онъ хотя нѣсколько оставилъ народа въ живыхъ, дабы было кѣмъ повелѣвать побѣдителю. Тогда уже опнята волюность, тамъ и индѣ неисповѣснующая, убивать людей. Тогда къ вели-

кому гражданъ удовольствію выставлены были таблицы, или списки (6), содержащіе въ себѣ двѣ тысячи именъ шѣхъ, кои изъ Сенаторскаго и другихъ знатныхъ чиновъ назначены были на казнь, или въ ссылку. Правда, печаливало число, но утѣшалъ предѣлъ, и уже не столько сожалѣли о томъ, что столько многіе погибаютъ, сколько радовались, что прочіе свободились отъ страха. При всемъ томъ соболаживали о нѣкоторыхъ, кои назначены къ смерти, хотя сами оспивались въ безопасности, что они новоизобрѣшеннымъ родомъ смерти жизнь скончавъ должныствовали; ибо нѣкоторые изъ оныхъ безъ меча (7) растерзаны руками. Безчеловѣчнѣе чело-вѣкъ челоѣка живаго, нежели звѣри пруть поверженной, терзалъ. Другіе по выколочіи глазъ (8) и по отсѣченіи членовъ, въ поликихъ мученіяхъ долговременно живутъ, или лучше сказать, долговременно умираютъ принуждены были. Цѣлые города (9), шакъ какъ одинъ виноватый, убиваемы были. Сіе дѣлалось въ мирѣ, по окончаніи войны, не съ шѣмъ, дабы имѣть чрезъ то способъ къ полученію побѣды, но чтобъ не была въ презрѣніи полученная побѣда. Миръ съ войною о жестокости препирался, и побѣдилъ; ибо война поразила вооруженныхъ, а миръ обнаженныхъ. На войнѣ дѣлаемо было, дабы убиваемый, ежели можетъ, самъ поражалъ; а въ мирѣ дабы томъ, который въ живыхъ остался, живъ не былъ, но дабы умирая не противился.

Глава

Глава двадесять седьмая.

О сравненіи нападенія Готскаго съ тѣми пораженіями, которыя Римляне какъ отъ Галловъ, такъ и домашнихъ междоусобій претерпѣли.

Какое неистовство вѣшнихъ народовъ, какое свирѣпство варваровъ съ сими надъ гражданами побѣдами сравниться можетъ? Что Римъ печальнѣе, плачевнѣе и горестнѣе видѣлъ? Галловъ ли въ древности, или недавнѣе Готтовъ нападеніе, или Марія и Силлы и другихъ единомышленниковъ ихъ, знаменитыхъ мужей, какъ бы своихъ свѣтилъ, прошивъ своихъ членовъ жестокость, которая несравненно чувствительнѣе была для Римлянъ? Галлы правда всѣхъ побили Сенаторовъ, сколько ихъ захватили въ городъ, выключая тѣхъ, кои въ Капитоліи находились, которая одна тогда защищена, напрошивъ находящимся въ оной за золото продали жизнь и даровали, которую хотя не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ осадой могли опиять. Готты же столько многихъ Сенаторовъ пощадили, что удивляться должно, что они нѣкоторыхъ убили. А Силла, когда еще Марій въ живыхъ находился, побѣдителемъ будучи, засѣдалъ въ Капитоліи, которая отъ Галловъ была спасена въ безопасности, и опредѣлялъ смертные гражданамъ казни. И когда Марій изъ города бѣжалъ, намѣреваясь съ большимъ свѣдѣствомъ возвратиться, тогда Силла въ Ка-

С 2

Ка-

Капитоліи съ приговору Сенапскаго многихъ жизни и имѣнія лишилъ. Съ стороны же Маріевой въ небытность Силлы не было ничего наисвятейшаго, что было бы пощажено, когда Муція гражданина, Сенапора, первосвященника, жертвенникъ, гдѣ говорятъ заключались судьбы Римлянъ, жалостными объятіями объемяющаго, не пощадили. Силлинъ же списокъ послѣдній, уже ославляя другія безчисленныя казни, множайшихъ умершвиль Сенапоровъ, нежели сколько могли обнажить Гошны.

Глава двадесять осьмая.

О непрерывности браней, которыя предварили пришествіе Христово.

И такъ съ какимъ безстыдствомъ, съ какимъ малоразсудствомъ, или лучше сказавъ безуміемъ оныхъ злоключеній богамъ своимъ не приписываютъ, а нынѣшняго виною Христа почитаютъ! Жестокія войны гражданскія, всѣхъ браней непріятельскихъ, по признанію самыхъ ихъ писателей, горестнѣйшія, которыя, начавшись гораздо прежде пришествія Христова, не только въ прискорбное состояніе республику привели, но и совсѣмъ испребили; которыя, произшедши отъ связи незаконныхъ винъ, продолжались отъ войны Маріевой и Силлиной до войны Серпторіевой (1) и Капилининой (2), изъ коихъ одинъ былъ въ изгнаніе, или ссылку отъ Силлы сосланъ,

сланъ, другій былъ защищаемъ; потомъ до Лепидовой и Капулловой (3) войны, изъ коихъ одинъ предпріятія Силлины пресѣчь желалъ, другой пособничавъ онымъ старался; послѣ того до войны Помпеевой и Кесаревой (4), изъ коихъ Помпей былъ единомышленникомъ Силлинъ, и съ силою его или равнялся, или и превосходилъ въ оной. Кесарь же могущества Помпеева (5) терпѣть не могъ; но понеже самъ такового не имѣлъ, по получилъ оное по убіеніи его, и не только получилъ, но и превозшелъ. Отсюда просперлась даже до Кесаря (6), которой Августомъ послѣ прозванъ, во время царствованія котораго родился Христосъ; ибо и самый Августъ со многими войны имѣлъ градскія, во время коихъ многіе знаменитые (7) мужи погибли, между коими и Цицеронъ (8) краснорѣчивый и искусный въ правленіи республики. Ибо Помпеева побѣдителя Каія Кесаря (9), который врагамъ своимъ и жизнь даровалъ и достоинство, какъ бы спрежняго къ достиженію самодержавства, нѣкоторые Сенапторы, учинивъ заговоръ подъ видомъ защищенія вольности республики, въ самой Ратушѣ убили. Сего полномочія послѣ того силился достигнуть нравами совсѣмъ различный и пороками своими обезславленный Антоній, которому, защищая вольность той же республики, сильно противостоялъ Цицеронъ. Тогда появился (10) чудныхъ дарованій юноша, Кесарь онаго Каія пріемышъ, который, какъ я сказалъ,

валъ, послѣ того названъ Августомъ. Сего юношу Кесаря, дабы усилить его полномощество прошивъ Антонія, Цицеронъ пособствовалъ, надѣясь, что по опнытіи у Антонія власти, Кесарь возобновитъ республики вольность. Толь-то былъ слѣдъ (11) и непрочитающаго въ разсужденіи будущаго, что послѣ же самый юноша, котораго онъ помоществовалъ достоинству и силѣ, и самаго Цицерона, какъ бы подѣ условіемъ нѣкоего между собою союза, позволилъ умертвить Антонію, и самую республики вольность, которую Цицеронъ сильно защищалъ, своей власти похорилъ.

Глава двадесять девятая.

О томъ, съ какимъ безстыдствомъ настоящіе несчастія Христу приписываютъ, коимъ не позволено боговъ почитать, когда толь великія бѣдствія въ тѣ времена были, въ которыя они боговъ почитали.

И такъ должны обвинять боговъ своихъ въ толикихъ злощастіяхъ тѣ, которые неблагоприятными являющъ себя Христу за толикое благодареніе. Ибо подлинно, когда оныя бѣдствія древнія сокрушали Римлянъ, тогда курились жертвенники Савскимъ (1) оиміамомъ, сіяли жречества, блистали кумирницы, приносимы были жертвы, производились игры и неистовства въ храмахъ, когда вездѣ толикое множество крови не только въ Рима, но и при самыхъ жертвенникахъ проливаемо было.

было. Не могъ себѣ выбрать храма (2) Туллий, куда бы убѣжать; понеже бесполезно избралъ себѣ Муцій. Сіи же несравненно недостойнѣ Христіанскія времена поносятъ, которыя или въ мѣста, Христу посвященные, ушли, или чтобъ оспастся имъ въ живыхъ, варварами въ оныя опведены были. То одно знаю, и всякъ, кто безприсрастно разсуждаетъ, признается, что дабы оставилъ прочее упомянутое и другое безчисленное, о чемъ упоминалъ за продолжительное я почелъ; ежели бы родъ человѣческій принялъ Христіанское ученіе прежде браней съ Кароагенцами, и послѣдовало бы таковое опустошеніе, которое разорило Европу и Африку: то не оспалось бы ни одного, которой бы равно Христіанскому благочестию оныхъ бѣдствій не приписалъ, какъ нынѣ дѣлаютъ. Кольми паче не можно бы множества поношеній вмѣстить слухомъ отъ Римлянъ, ежели бы благочестіи Христіанскаго принятіе и распространеніе предварило или нападеніе Галловъ, или разливъ Тибра рѣки, и пожары, или градскія войны. Приключались также и другія злоключенія, сподъ невѣроятныя, что почтены между чудесами, которыя ежели бы приключились въ Христіанскія времена, то не инаково, какъ вмѣсто злодѣяній Христіанамъ предложено было. Я уже оспавляю то, что болѣе въ себѣ заключало удивленія, нежели вреда, какъ-то на примѣръ, что воли говорили (3); что младенцы, почти не произшедши изъ утробы мате-

матерей своихъ, произносили нѣкоторыя слова; что лѣзали зми (4); что куры (5) и изъ людей женщины въ мужеской родѣ превращались, и прочее таковое, которое описывается въ книгахъ ихъ не баснословныхъ, но историческихъ, которое хотябъ справедливо было, хотя ложно, не наводишь погибели людмъ, а только одно изумленіе. Но когда вмѣсто дождя падала земля (6), мѣлъ (7), камни (8), не градъ, которой иногда камнями называютъ, но дѣйствительно камнями, которое всегда подлинно великій вредъ причинить могло. Читаемъ также у ихъ писателей, что огнемъ горы Эпины (9), на подобіе рѣки текущимъ съ самой вершины горы до берега морскаго, толь воспіяло море, что сожигало камни и смола кораблей расплавалась. Мнѣ кажется сіе немалой вредъ причинило, хотя до невѣроятности чудно. Пишутъ также, что оупъ сего огня (10) пепеломъ наполнена была Сицилія столько, что города Кашина (11), или Капана, кровли, обремененныя онымъ, пали. Симъ пронуты будучи Римляне бѣдствіемъ, изъ челоуколюбія подали жителямъ онаго города на годъ (12) оставили. Равно повѣствуютъ, что безмѣрное множество саранчи (13) было въ Африкѣ, когда она уже состояла подѣ державою Римскою, которая, пожравъ всѣ плоды и листья дровъ, на подобіе непроницаемой тучи въпромъ въ море была ввержена. А какъ оную мерзкую прибило волнами къ берегамъ, то оупъ согни-

тія

тія оной толикая произошла зараза, что въ ономъ Масиниссинѣмъ государствѣ (14) восемь сотъ тысячъ (15) умерло, а еще и того болѣе въ спранахъ, ближайшихъ къ берегамъ. Въ тоже время въ Ушикѣ изъ припцати тысячъ (16) мужей, которые тамъ находились, десять только оспалось. Таковое все, чѣмъ насъ поносятъ и прошивъ чего мы принуждены описывать, какимъ образомъ они не приписали бы того Христіанскимъ временамъ, ежели бы оное приключилось въ Христіанскіе вѣки? При всемъ томъ своимъ богамъ того не приписываютъ, которыхъ для того почитаютъ, дабы никакихъ бѣдствій и злоспій и самыхъ малѣйшихъ не преперѣвать, когда напротивъ печитая ихъ прежде, толь ужасныя бѣды поспрадали.

Конецъ книги претіей о градѣ Божіемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, третію.

На главу первую.

(1) И нѣкоторыхъ, внѣ онаго народа жившихъ. Какъ-то Іовъ и нѣкоторые язычники, по закону природному жизнь препровождающіе.

На главу вторую.

(1) Пріаму говорящъ. Виргилій въ первой книгѣ земледѣл. Весьма уже давно кровію нашею заплащили за преступленіе Троянскаго Лаомедонта.

(2) Слѣдовательно справедливо то, что Аполлинъ. Аполлинъ и Нептунъ когда увидѣли, что Лаомедонтъ, Фригійскій Царь, спѣшно ограждалъ Трою, то нанялись и сами работать у него за великую сумму влпта. Однако по совершеніи работы Лаомедонтъ денегъ имъ не заплащилъ.

(3) Ибо Омиръ. Когда Еней на нѣкоторомъ сраженіи съ Ахиллесомъ на поединкѣ былъ, и немного недоставало, дабы убилъ ему былъ отъ сильнѣйшаго Ахиллеса: то Нептунъ такъ говорищъ у Омира въ Илиадахъ: Сего отъ горькой нынѣ избавимъ мы смерни, и проч. дабы не погибъ весь родъ

и

и проч. Ибо какъ Юпитеръ родъ Пріамовъ возненавидѣлъ, то Еней, въ разсужденіи своей силы и величества почтенія достойный, предпишетъ Фригіянамъ права, и вѣчное приметъ царство, въ ономъ народѣ древнее. По силѣ сихъ Омировыхъ стиховъ пишетъ Діонисій Аликарнаскій, что многіе увѣряющъ, аки бы Еней, оставивъ одноземцовъ своихъ въ Италіи, возвратился во Фригію, и тамъ возобновивъ наки Трою, царствовалъ, и при смерти своей сыну своему вручилъ царство. Однако Омиръ о царствѣ и Троѣ Италійской говоритъ, которая отъ Трои оной Фригійской произошла, то естъ о Лавинцахъ и Албанцахъ, кои произошли отъ Троянъ, Енсовыхъ спутниковъ.

(4) Прежде основанія Рима. Какъ о времени основанія Рима, такъ и о времени бытія Омирова, между писателями великое естъ несогласіе, хотя о самомъ Римѣ меньше сомнѣнія. Плутархъ въ Ромулѣ пишетъ, что основаніе Рима положено Ремомъ и Ромуломъ въ предіе лѣтъ шестой Олимпіады, въ которой день было замѣтное лунное. Діонисій и Евсевій увѣряющъ, что основанъ Римъ въ первомъ году седьмой Олимпіады, по раззореніи Трои въ четыреста припущанъ второмъ году. Солинъ въ Полигисторѣ ссылается на Цинція, который утверждаетъ, что Римъ построенъ во время второйнадесяти Олимпіады. Пикторъ напротивъ во время восьмой. Непомъ и Луктадій, послабдуя мнѣнію Ера-

шо-

посфена и Аполлодора, повѣствуютъ, что основанъ Римъ на второмъ году седьмой Олимпіады. Помпоній Аппиикъ и М. Туллій свидѣтельствуютъ, что на третьемъ году седьмой Олимпіады. Сличивъ такимъ образомъ Греческое и Латинское счисленіе, явствуетъ, что Римъ построенъ въ началѣ седьмой Олимпіады, по раззореніи Илія, или Трои на четверста триццатъ третьемъ году. О Омировыхъ же временахъ, опечесивъ и родилеяхъ великое разногласіе въ Греческихъ авторяхъ. Нѣкоторые пишутъ, что онъ самъ былъ на войнѣ Троянской. Правда, онъ въ первой книгѣ Одѣа вводитъ учителя своего Фемія, поющаго на пиру Прокоровъ; но сіе можетъ быти не изъ тщеславія ли, ради прославленія своего учителя, не наблюдая порядочнаго счисленія лѣтъ. Иные утверждаютъ, что онъ послѣ раззоренія Трои жилъ спусца сто лѣтъ. Есть и такіе, кои къ симъ лѣтамъ еще пятьдесятъ прилагаютъ. Аристнархъ сказываетъ, что Омиръ жилъ въ то время, когда въ Іоніи построена Колонія, по опеществіи Ираклидѣ на шестидесятомъ году, а отъ войны Троянской на сто триццатомъ году. Крашесъ увѣряетъ, что не прошло осмидесяти лѣтъ отъ раззоренія Трои, какъ Омиръ родился. Другіе повѣствуютъ, что онъ родился отъ Телемака, Улисова сына, и Поликасты, Неспоровой дочери. Въ книгахъ же Хроническихъ Евсевія, Кесарійскаго Епископа, пишется такимъ образомъ: въ Латинскихъ исторіяхъ

ріяхъ находимъ, что во время царствованія у Латинъ Агристы Омиръ процвѣшалъ въ Греціи, какъ свидѣтельствуемъ Аполлодоръ грамматикъ и Евфарбій историкъ, до построения Рима за сто дватцатъ чепыре года, и какъ Корнилій Непотъ пишетъ, до Олимпіады первой за сто лѣтъ. И такъ какое счисленіе ни взять, при всемъ томъ Омиръ Рима будетъ древнѣе, что и Цицеронъ признаваетъ въ Тускулянскихъ вопросахъ.

(5) Ахиллъ его не умертвилъ. У Виргилія въ пятой книгѣ Енеидъ: Енея я тогда, сразившагося съ Ахилломъ, когда и боги къ нему благоволенія не являли, и когда онъ силъ столько не имѣлъ, восхитилъ облакомъ, и пр.

(6) Нептуна. Съ тѣхъ поръ, какъ Нептуну Лаомедонтъ не заплатилъ за работу, враждовалъ онъ на Троянѣ. Аполлинъ же снисходительнѣе къ нимъ былъ, какъ Виргилій въ шестой книгѣ Енеидъ говоритъ: Фебъ! ты всегда соболѣзновалъ о Троянахъ, который устроилъ руки и управилъ стрѣлы въ тѣло Ахиллово.

На главу третію.

(1) Прелюбодѣйствомъ Парисовымъ. Сіе всѣмъ я думаю и слѣбнымъ извѣстно; ибо всякъ знаетъ, что война Троянская произошла отъ того, что Александръ Парисъ Елену, Менелаеву жену, похитилъ.

(2) Городъ Римъ. Въ которое время и кѣмъ построенъ Римъ, о томъ Діонисій, Солинъ,

линѣ, Плутархѣ и другіе многіе весьма различное предлагаютъ. Пускай всякъ изъ нихъ познаетъ, естли просираніе зналъ хочетъ.

(3) Понеже Енеева мать. Венерины по средства употребилъ Парисъ въ похищеніи Елены; ибо симъ Венера подкупила Париса въ судѣ, когда богини спорили между собою, которая изъ нихъ прекраснѣе, и въ копоромъ судьейо былъ Парисъ.

(4) Родился Еней. Ибо онъ былъ Анхиза и Венеры сынъ, какъ Виргилій говоритъ: Ты ли онъ Еней, копорого Дарданскому Анхизу благосклонная Венера родила близъ Фригійскихъ Симоенпа водъ? И Лукрецій: Енеадовъ родительница, людей и боговъ утѣха и удовольствіе, благосклонная Венера.

(5) Вулканова. Онъ былъ мужъ Венеринъ.

(6) Ромулъ Марсовъ. Діонисій Аликарнаскій пишетъ, что когда Илія, Веспальская дѣвица, близъ рощи Марсовой черпала воду, тогда въ храмѣ тамъ изнасилована. Находясь такіе писатели, кои думаютъ, что сіе учинилъ какой либо Силвинъ, или Иліинъ любовникъ. Другіе подозрѣваютъ дядю Силвина Амулія, который, вооруженъ будучи, оное учинилъ. Иные присвояютъ Геніусу того мѣста. А я съ своей стороны думаю, что Ромулъ есть сынъ какого либо солдата, и Еней вмѣсто Венеры есть сынъ какой либо блудницы. И поелику думали всѣ, что женщинами обладаетъ Марсъ, а блудницами Венера, то и почтено, что Ромуловъ отецъ есть Марсъ,

Марсъ, а Енеева мать Венера. Кто же прямая мать Енеева, сей вопросъ есть изъ числа безумныхъ вопросовъ грамматическихъ, о которыхъ разбираетъ въ своихъ четырехъ тысящахъ книгъ Дидимъ, какъ пишетъ Сенека.

(7) Венерѣ по своему праву. Скрытная, но забавная насмѣшка. Марсъ прелюбодѣніе учинилъ съ Венерою, и сіе позволительнымъ было Марсу по праву Венерину, то есть въ разсужденіи совокупленія и сладострастія, находящагося во власти Венериной: то для чегожъ непозволеннымъ будетъ почитаться въ самомъ сладострастіи и удовольствіи самой Венерѣ, которая надъ оными есть богиня? Ежели другимъ по благодѣнію Венеры позволяется оное, то для чего самой Венерѣ въ сладострастномъ ея царствѣ не позволено было бы обращаться столь вольно, какъ и другимъ въ томъ, что состоитъ подъ властію Венеры, да еще и надъ самою Венерою?

(8) Цезарь. Сей отецъ рода былъ Іуліевъ, которой происхожденіе свое относилъ къ Іулу, Енееву сыну, и чрезъ Іула къ Венерѣ. Іуліевъ родъ изъ Албы долгой въ Римѣ отецъ Тулла Царя переведенъ и между Папиріями причтенъ: того ради Цезарь Диктаторъ храмъ Венерѣ построилъ, которой назвалъ Венеры родительницы. Той же Цезарь у Транквила: По матери, говоритъ, я произошелъ отецъ Царей, а по отцу отецъ безсмертныхъ боговъ. Ибо отецъ Анка Марція Царя Марціи, коимъ

име-

именемъ мать называлась, отъ Венеры Іуліи, копорой фамиліи потомками мы.

(9) Бабка, Эдѣсь слово сіе положено за всякую персону, копорая родила, а не по порядку.

(10) Древнѣйшій Ромулъ. Древнѣйшимъ Ромулъ и младшимъ Цезарь называющся по причинѣ временъ, въ копорыя они жили, между коими протекло болѣе шести сотъ лѣтъ.

На главу четвертую.

(1) Ибо и сами древніе. Ежели какая Веспалка легкое сдѣлаетъ преступленіе, то отъ великаго первосвященника наказываема была ранами. Естлижѣ цѣломудрія не сохранила и въ любодѣянніи обличена будетъ, тогда на одрѣ мершвейномъ выносима была къ ворогамъ Коллинскимъ какъ мершвая, въ препровожденіи родспвенниковъ и знаемыхъ съ плачемъ, и жрецовъ, въ печальномъ видѣ и въ молчаніи идущихъ. Подлѣ оныхъ воровъ находилъсѣ подземное мѣсто, или яма, въ копорую по лѣспнищамъ сходящѣ: въ оную яму сводили дѣвицу, и попомъ опнимали лѣспнищцу, и заграждали крѣпко мѣсто со всѣхъ споронъ. И дабы не показалось кому, что она уморена голодомъ, того ради хлѣба, молока и масла нѣсколько полагаемо было ей. По совершеніи того жрецы расходились по своимъ мѣстамъ, и въ тотъ день великая печаль чувствуема была въ городѣ, и въ великомъ

комъ ужасѣ находились люди, особливо когда думали, что казнѣ Веспалки великое предзнаменуетъ бѣдспвіе городу и всему государству. Чпо же еспѣ Веспальская дѣвица, и что она дѣлаишь долженспвовзла, о томъ какъ другіе, такъ особливо повѣспвуемъ Геллій проспранно въ книгѣ первой ночей Ашпическихъ.

(2) Прелюбодѣицѣ же женѣ. Прежде Кесаря Августа никакого наказанія законами предписано не было прелюбодѣямъ; ибо Клодія въ оскверненіи богини Доброй священнослуженія, а не въ прелюбодѣянніи обвиняли, чего конечно не пропустили бы въ обвиненіе представитъ его непріатели, ежели бы оное было важно и законами запрещено. Августъ предписалъ о томъ законъ, но не споль съ тяжкою казнью, какъ у Іустиніана и въ пандектахъ.

На главу пятую.

(1) Или сдѣлано оно по его повелѣнію. Находящся писатели, кои утверждающъ, что Ремъ убишѣ въ спорѣ о царствѣ. Когда народъ раздѣлился на двѣ части, и каждая часть, одна Рема, другая Ромула Цзремъ поздравилъ: тогда дѣло дошло до оружія, обѣ спороны между собою сразились, и въ семъ сраженіи или отъ Ромула, или отъ другаго кого либо убишѣ Ремъ, не извѣспно. Другіе множайшіе пишущъ, что Ремъ убишѣ отъ Фабія, Трибуна Ромулова, за то, что съ поношеніемъ перескочилъ чрезъ низкія спѣны Рима, и сіе убійство сдѣ-

Часть I.

Т

лано

лано по повелѣнію Ромулову, которое дѣло Цицеронъ нечестивымъ и безчеловѣчнымъ называетъ. Ибо такимъ образомъ въ книгѣ трепіей о должностяхъ пишетъ: но въ ономъ Царѣ, который построилъ Римъ, оное дѣйствіе не таково. Понеже видъ пользы побудилъ духъ его, которому когда за благо разсудилось полезнѣе одному царствованію, то брата своего убилъ. Презрѣвъ онъ въ семъ случаѣ и родство и людскость, дабы получить то, что полезнымъ казалось, хотя въ самой вещи таковымъ оно не было; однако видъ честности представилъ и вину невѣроятную и недовольную, что чтезъ спѣшу перескочилъ. И такъ съ позволенія Квирина или Ромула, сказать, согрѣшилъ.

(2) Преселились. Понеже изъ Трои сперва Енеемъ въ Лавинію, оппуда въ Албу Асканіемъ перенесены. Изъ Албы Ромуломъ съ согласія Нумипора Римлянамъ сообщены, потомъ Туломъ совершенно въ Римъ перевезены.

На главу шестую.

(1) Междоусобныя Римлянъ брани все возмущали. По смерти Марія Цинна Валерія Флакка товарищемъ себѣ пославилъ, которому и Азію провинцію, коею тогда повелительно обладалъ Силла, препоручилъ, давъ ему два легіона войска. Сей Флаккъ какъ скупостию, которой въ разсужденіи войска нѣтъ хуже, такъ и другими своими пороками пришелъ въ ненависть у воиновъ, и онъ Фимбрія

посла

посла въ Никомидію убить. Съ того времени по желанію войска самъ Фимбрія спался предводишелемъ, и воевалъ съ Митридатомъ благополучно и удачно, и мало самага Митридата, осажденнаго въ Пергамѣ, не поймалъ. И когда въ Фригію велъ свое войско, и узналъ, что жители Илія держатъ сторону Силлы, коварствомъ вошелъ въ городъ, какъ пишетъ Аппіанъ, или силою взялъ городъ, какъ говоритъ Ливій, и городъ и гражданъ варварски истребилъ, не щадя ниже самага священнаго, спусти онъ перваго раззоренія, чрезъ Грековъ бывшаго, тысячу и пятьдесятъ лѣтъ.

(2) Фимбрія. Сей былъ пагубной дерзости челоуѣкъ, и ко всякому беззаконію способный и готовый, который Красса убилъ, который на погребеніи Марія Сцевола, мужа добродѣтельнаго, пощился уязвить; и какъ почувствовалъ, что не глубоко въ тѣло вонзилось желѣзо, тогда къ суду велѣлъ ему явиться. А какъ всѣ тому удивлялись, что первосвященникъ великій лучшаго изъ всего города мужа обвиняетъ, и желали слышать преспупленіе: тогда Фимбрія сказалъ, что онъ тѣмъ виноватъ, что не все оружіе въ него вонзилось, какъ говоритъ Цицеронъ въ рѣчи за Росціа Америна.

(3) Безчеловѣчнѣе. Аппіанъ пишетъ въ Митридатской войнѣ, что на другой день, какъ сожженъ Илій, Фимбрія самъ своими глазами осматривалъ все тщательнѣе, не осталось ли чего въ цѣлости, дабы и то разрушить и

сожечь. Такимъ образомъ не осталось въ Иліи ни дому, ни храма, ни ваянія, или кумира.

(4) Лучшей стороной. Саллюстій говоритъ: на нашей памяти побѣдителей Силла, когда Дамазиппа и другихъ подобныхъ людей, которые зло зачѣтали прошивъ республики, умертвивъ повелѣлъ, по кшо онаго не похвалялъ? Рѣб говорили, что преступники, бунтовщики, которые возмущеніями республику беспокоили, достойно умерщвлены. Но сіе было началомъ великой пагубы. И прежде Силла, получивъ сружіемъ республику, изъ хорошихъ началъ худыя имѣлъ окончанія. Сего здѣсь Августинъ касается.

(5) По сожженіи. Апіанъ и Іулій Обсеквенсъ пишутъ, что Палладинъ кумиръ найденъ невреденнымъ послѣ онаго пожара. Сервій въ изъясненіи второй книги Энеид. говоритъ, что оной кумиръ показанъ опѣ Фимбрии и въ Римъ привезенъ. Я крайнѣ удивляюсь, естли сей кумиръ Палладинъ естль тотъ самой древнѣй Троянскій, которой, сказывающъ, привезенъ Энеемъ въ Итадію съ прочими великими богами, и по раззореніи Албы посланъ Оспіемъ Цезремъ въ храмъ Весты, который когда загорѣлся, тогда Мешелъ, первосвященникъ великій, кумиръ Палладинъ изъ пламени исхитилъ, за что ему великая честь отдаваема была. Сіе же приключилось почти при началѣ мира съ Карфагенцами, по окончаніи первой войны съ оными, за что и пятьдесятъ лѣтъ и болѣе до Фимбрии. При томъ

томъ и оное извѣстно, что Лакедемонцы вѣрили, что у нихъ кумиръ Троянскій Палладинъ близъ храма Лэцитидовъ находится, который Тетонъ вѣкошорый, обманувъ одного изъ потомковъ Діомидовыхъ, похитилъ и привезъ въ Лакедемонъ, которой сохранилъ Лакедемонянамъ оракулъ повелѣно было. Но сей кумиръ Палладинъ естль тотъ, какъ мы выше сказали, который Улиссъ и Діомидъ во время Троянской войны похитили. Сервій пишетъ, что многіе Палладины кумиры подобные сдѣланы Мамурріемъ рѣшникомъ, дабы прямой не былъ познанъ; но я не сомѣваюсь, что Сервій ошибкою оное написалъ, и вѣсто щита положилъ кумиръ Палладинъ.

На главу осьмую.

(1) Янусовы врата. Янусъ былъ богъ, котораго въ храмъ опворенныя двери означали войну, а затворенныя миръ. Оный храмъ посроенъ былъ Нумою Помпиліемъ при низшемъ Аргілепѣ въ знакъ войны съ Сабинцами, на который когда Римляне уступать было уже начинать, тогда великая вода, оную дверью истекши, Римлянамъ учинила помощь. Того ради уснавлено, дабы двери Янусовы были опворяемы во время войны, аки бы для полученія помощи. Макровій въ книгѣ первой Сатурновыхъ праздниковъ. Оную дверь первый тотъ, который построилъ, затворилъ. Вторыхъ Манлій по окончаніи первой войны съ Карфагенцами; вѣрѣхъ Оттавій Августъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ первой.

(2) Истиннаго Бога. Для того - то Христосъ, Спаситель нашъ, таковой миръ своимъ ученикамъ даруеиъ, котораго миръ дать не можетъ.

(3) Одинъ. Ежели вѣритъ непослѣднему историкъ Евтропiю, то во время Консульства Манлія Торквата и Каія Аншилiя, когда они торжествовали надъ Сардiйцами по успокоенiи непріятелей на сухомъ пути и морѣ, Янусовъ храмъ зашворили, который, спустя нѣсколько мѣсяцовъ, при Консулахъ Постумiѣ, Албинѣ и Фулвiѣ Ценциманѣ, или какъ другіе говорятъ, Сп. Карбилiѣ, во время войны съ Иллиріанами наки отворили.

На главу девятую.

(1) Имя въ государствѣ. Такъ Юстинъ въ первой книгѣ, такъ Иродотъ и Плинiй. Сіе уставлено сперва у Египтянъ, у коихъ, какъ сказываютъ, первый Царь былъ Менесъ, хотя Діодоръ пишетъ, что прежде его царствовали Озиридъ и Оръ и другіе нѣкошорые боги. Наше Священное Писаніе повѣствуетъ, что царствовалъ первый въ Вавилонѣ Нимродъ сынъ Хусовъ.

(2) Развращенныя времена. Пяиъ вѣковъ Изіодъ вымыслилъ, и въ томъ ему послѣдовали Виргилiй, Овидiй и прочіе стихотворцы. Первый, сказываютъ, былъ вѣкъ золотой при Сатурнѣ, безъ раздоровъ, безъ жалобъ и безъ браней протекалъ съ великимъ согласіемъ человѣческаго рода. Сіи времена называются Са-

Сатурновыми. Другой вѣкъ серебряный при Юпитерѣ, когда возникаиъ начали войны, збобы, лукавства и ненависти. Третiй вѣкъ мѣдный, когда родъ человѣческiй всюду безпокоенъ былъ войнами и кровопролитіемъ. Четвертой вѣкъ. ироевъ, положены были, однако неисповснвомъ къ бранямъ пламенѣли. Пяиый жеіѣзный, въ которомъ зиу нѣтъ мѣрѣ, которое какъ бы вырваиись изъ шемницъ, народъ человѣческiй уснремилось, явные обманы, опкровенныя ненависти, кровопролитныя сраженiя, убiйства, хищенiя, пожары, опустошенiя.

На главу десятую.

(1) Царя Аристоники. Сей Аполлиновъ плачь приключился во время Консульства Анпи Клавдія и Перпенны, какъ Ютiй Обсеквенсъ повѣснвуеиъ въ останкѣ книги своей о чудесахъ. Ибо онъ такъ пишетъ: при Консулахъ Анпи Клавдіѣ и Перпеннѣ, когда Публий Крассъ, сражаясь съ Аристоникомъ, убитъ, Аполлиновъ кумиръ чрезъ чешыре дни плакалъ. Гадатели о томъ объявили, что Греціи бѣдствіе приключится имѣетъ, откуда сей кумиръ взяли. Римляне для того жертвы оному принесли и дары въ храмъ положили. Плачь кумировъ всегда плача достойное предвѣщаль шѣмъ, коимъ благошворили боги, какъ-то за плачемъ Юнонинымъ, при Емилиѣ Павлѣ и Вебиі Консулахъ бывшимъ, послѣдовало моровое повѣшріе.

(2) Аполлинъ оный Куманскій. Апшаль, Азіатскій Царь, народъ Римскій наслѣдникомъ царства своего поставилъ; однако оное царство Аристонику, Евменеса Апшалова брата сынъ, оный наложницы рожденной, себѣ захватилъ. Того ради Римляне объявили ему войну. Посланъ изъ Рима прошивъ его Ликиній Крассъ Консулъ и первосвященникъ великій, который и побѣжденъ Аристонику. На другой годъ Перленна Консулъ въ Азію вошелъ, и побѣдивъ на сраженіи Аристоника, наконецъ въ Сирамонику поймалъ и послалъ въ Римъ. Въ то время Римлянамъ услугу дѣлали Никомидъ Вифинской, Пилимень Пафлагонской, Цари; а Аристонику доброхотствовала Ахайя.

(3) Съ Антиохомъ. Сирскаго Царя, котораго Корнилій Сципіонъ, братъ Африканскаго, побѣдилъ. Ливій о томъ повѣстываетъ пространно въ десяткѣ четвертомъ.

(4) И Персомъ. Иные говорятъ Ксеркса, однако справедливѣе Перса, Филиппа Македонскаго Царя сына, котораго въ нѣсколько часовъ побѣдилъ Емилиій Павелъ во время вѣсной Македонской войны, какъ повѣстываетъ Плутархъ въ житіи Емилија Павла, и другіе.

(5) Понеже Кумы. Халцидыне и Кумеи, какъ пишетъ Страбонъ въ книгѣ пятой, суть народы великой Греціи, которые въ древности съ великимъ флотомъ приплыли въ Италию, и приставъ къ берегу Кампанійскому,

скому, городъ построили. Прѣводителями у нихъ были: у Кумейцовъ Иппоилъ, у Халцидянъ Мегасеенъ. О семъ городѣ утверждаетъ Страбонъ, что онъ всѣхъ Италианскихъ и Сицилійскихъ городовъ древнѣе.

На главу первуюнадесять.

(1) Прелику Царь Тарквиній. Тарквиній не Прискъ, но Гордый, какъ Ливій въ книгѣ первой пишетъ.

(2) Эскулапій. Во время войны Самнитской изъ Эпидавра въ Римъ Квинтомъ Огелніемъ посломъ привезенъ былъ змій какъ бы крошкѣй, и переплылъ на островъ Тибрской, гдѣ ему и храмъ построенъ и праздновать оному назначено перваго числа Января. Эпидавръ же, которой прежде Эпипавромъ назывался, какъ пишетъ Страбонъ, городъ былъ въ Ахайи не далеко отъ Коринѳа на восточномъ берегу, которой Сароническимъ называетъ Плиній знаменитый по причинѣ храма, въ честь Эскулапію построеннаго.

(3) Какъ искуснѣйшій лѣкарь. Эскулапиевъ было три, какъ пишетъ Цицеронъ: первый Аполлиновъ сынъ, коего Аркадыне почитаютъ; второй вѣсараго Меркурія братъ, который громомъ убилъ; третій Арсиппелъ и Арсиноинъ сынъ, который первый изобрѣлъ способъ очищать желудокъ и вырывать зубы, котораго въ Аркадіи не далеко отъ Лузія рѣки гробница и рожа показываема бываетъ. О Эскулапѣ семъ знаменитомъ

Т

Тар-

Тарквидій, о славныхъ мужахъ говоря, пишеть, какъ объявляеть Лактанцій, что онъ оныхъ неизвѣстныхъ произшелъ родителемъ, по рожденіи былъ брошенъ, и охотниками найденъ, вскормленъ псовымъ молокомъ, отданъ Хирону въ наученіе врачебной науки. и что былъ родомъ изъ Миссены, но жилъ въ Элидаврѣ. Корнилій Кельс пишеть, что онъ включенъ въ число боговъ, когда врачебную науку тончае изъяснилъ.

(4) Не знаю откуда. Подлый былъ ея родъ, какъ и брата Сатурна; ибо увѣрютъ, что она была Она, и для того дѣшми Неба почтены, понеже происхожденіе ихъ не было извѣстно, когда наипаче они великими и удивленія достойными народу казались. Всѣхъ же таковыхъ непросвѣщенный народъ и невѣжественный съ неба снисшедшими почитаетъ.

(5) Который много лѣтъ спустя. Богопочитаніе Египетское въ Римъ введено во времена Силлины, какъ объявляетъ Апулій въ превращеніи, то есть спустя сто лѣтъ опѣ того времени, какъ мать боговъ въ Римъ привезена. Но Консулы, Пизонъ и Габиній, обнародованнымъ указомъ повелѣли, дабы оныхъ боговъ не вводилъ въ Капинолію, хотя въ послѣдующія времена оное и уничтожено, какъ говоритъ Тертуллианъ въ Апологетикѣ.

(6) Богиню Лихорадку. Въ другихъ спискахъ пишеться, что богъ Фебруусъ оныхъ нея родился. Но сіе несходственно; ибо Фебруусъ есть

есть похъ, что и Плутонъ, которому въ Февралѣ (Februo) священнослуженіе отправляемо было.

(7) Эскулапій. Забавная насмѣшка; ибо Эскулапій есть врачъ.

(8) Правнукъ. Понеже Аполлиновъ сынъ, а Аполлинъ Юпитеровъ, Юпитеръ же Опинъ.

(9) Природныхъ Римскихъ. И въ семъ заключается забавная насмѣшка; понеже Римляне богиню Лихорадку выдумали.

(10) Невѣдомыхъ. Находятся такіе боги, о божествѣ коихъ не извѣстно, каковы то сущь Паны, Силваны, Нимфы, какъ Овидій пишеть словами Юпитеровыми: есть у меня полубоги, есть деревенскіе боги Фавны и Нимфы и Саширы, и нагорныхъ мѣстъ обитатели Силваны, коихъ поелику не удостоиваемъ той честью, дабы имъ жить на небѣ, то оставимъ ихъ съ покоемъ на землѣ, которую мы имъ дали. Овидій въ первой книгѣ превращеній. Таковыми богами сущь и Ипполитъ, и Корибанты, и Аттисъ, и Саббазій, о коихъ божествѣ сомнѣвается Луканъ.

На главу вторуюнадесять.

(1) Уже по смерти Цесаревой дочери. Юлія, единородная дочь Цесарева, выдана была въ замужество за Помпея; она скончалась родами, когда отецъ ея всевалъ въ Галліи. Потомъ шесть съ зятемъ между собою воевали.

(2) По Емаейскимъ. Емаею называлась прежде Македонія, какъ пишеть Плиній въ книгѣ

книгъ претіей. Въ оной Помпей и Цесарь между собою сражались.

(3) За кого б гдѣ дѣлать обѣты. Овидій въ претіей книгъ праздниковъ о Сабинцахъ: когда въ гонимости къ сраженію быи Римляне и Сабинцы, Марсъ шакмъ образомъ гонимъ: сходящія новобрачные къ Юнонину храму, коимъ шакъ моя осмѣлилась сказать нехвѣстка: о равно похищеннымъ и проч. Споянъ войска съ обѣихъ сторони, но за которыхъ мы должны просить боговъ, избегите. Съ одной стороны споянъ мужа, съ другой вооруженные отцы; и шакъ скажите, чѣмъ вы наипаче бытъ желаете, вдовами ли, или сиротами?

(4) Алекто. Три Фуріи, Алекто, Тизифона и Мегера, Ахеронта и Ночи были дочери. Алекто гнѣвъ, ненависть, взмущенія, смутенія, раздоры, войны, убійства въ родѣ человеческомъ возбуждають. Сію прошивъ Троянъ поощряла Юнона, какъ Виргилій въ седьмой книгъ Энеид. пишетъ.

(5) Андромаха. Гекторова жена, Тиціона, Оивъ Киликійскій Царя, дочь. Сію, по раззореніи Трои, въ замужство взялъ Пирръ, Ахилловъ сынъ.

(6) Ошворивъ. Въ погданнее время Комманданшомъ былъ въ Римѣ Ст. Тарпей. Сего дѣчь дѣицу Тарпею великими сѣщеніями на свою сторону склонилъ Тацин, Царь Сабинской, дабы она, когда пойдетъ за водою, выпустила вооруженныхъ воиновъ въ крѣлость. Она

обѣ-

обѣщала оное сдѣлать съ шѣмъ, чтообы они ей въ награжденіе отдали все то, что на лѣвыхъ рукахъ носили. Договоръ сей принялъ Царь. И какъ скоро она воиновъ выпустила, то они щипами своими ее заменили и зацѣвили; ибо Сабинцы щипы на лѣвыхъ рукахъ носили, а она въ условіи намѣревала получить отъ всѣхъ золотыя запястья, которыя они на лѣвыхъ рукахъ носили. Плутархъ пишетъ, что сѣ приключилось отъ Албанцовъ, а не отъ Сабинцовъ; однако я лучше послѣдую Ливіанскимъ писателямъ, Лавію, Фабію, Пизону, Цинцію, а изъ Грековъ Демосію.

(7) На самой площади. Между хогмами Кипиллинскимъ и Палапинскимъ сраженіе имѣли.

(8) Пѣмрачали прежнія. Не о Сабинскихъ побѣдахъ здѣсь говоримъ, но о Цининійскихъ, Крушуминскихъ и Аншеннатскихъ.

(9) Просилъ Юпитера, чтообы онъ его воиновъ остановилъ. Ливій въ книгъ первой пишетъ Ромуловы слова, произносимыя во время бѣгства его войска: а ты, отецъ боговъ и людей! по крайней мѣрѣ хопя отсюда отдали неприятелей; отъими спрахъ отъ Римлянъ и мерзское сѣ бѣгство останови. Я обѣщаюсь, что тебѣ на семъ мѣстѣ воздвигну храмъ Юпитеру Споянелю, дабы потомки знали, что твоєю помощію спасенъ градъ.

(10) Остановившеля. Отъ (Stando, или Standes faciendo) того, что спояншими дѣлають и возстано ляють. Цицеронъ Юпитера сего хра-

нище-

нишелемъ государства часто называетъ, думаю пошому, что храмъ его не далеко стоялъ отъ его дому. Святой Иеронимъ говоритъ, что Юпитеръ Стоятелемъ не по тому называется, что прямо стоитъ, но что Юпитеръ Гремящій, какъ примѣнилъ Ермолай варваръ, изображается сидящимъ на древнихъ монетахъ и ваяніяхъ, Стоятелемъ же какъ бы воздвигнутымъ къ подаію помощи. Сенека въ четвертой книгѣ о благодѣяніяхъ вышшую даетъ вину, для чего Юпитеръ называется Стоятелемъ; не по тому, говоритъ, что по обѣтахъ, сдѣланныхъ ему, какъ историки пишутъ, бѣгущая Римская армія оздоровилась, но по тому, что благодѣяніемъ его все состоитъ. Подобно и Цицеронъ. Но оба стоически пишутъ; ибо у Цицерона Капонъ Стоикъ въ третьей книгѣ о концахъ говоритъ и разсуждаетъ; Стоики же извѣстно все къ вышшему разумнѣю относили.

(11) Конца тому злу. Посреди сраженія похищенные расстравивъ волосы между обѣими сторонами вбѣгли, и съ одной стороны мужей, съ другой опцовъ прошеніями и слезами къ согласію привели. Такимъ образомъ учинилась мировая, и Сабинцы допущены въ Римъ и Тацій въ часть государства Римскаго.

(12) Соцарственника. Лаврентіане Тита Тація въ Лавинѣ убили, четыре года спустя отъ того времени, какъ онъ началъ царствовать съ Ромуломъ, за то, что родственники его обезчестили пословъ, присланныхъ отъ

отъ нихъ. Сіе извѣстіе Ромулъ съ великою радостію принялъ.

На главу третіюнадесять.

(1) Въ Азіи Киръ. Кировъ двое было: старшій, о которомъ здѣсь рѣчь, который Азію, Скию и весь востокъ покорилъ, въ которое время Тарквиній Гордый царствовалъ въ Римѣ. Киръ Креза Мидскаго Царя побѣдилъ, наконецъ отъ Эмиры, Скиской Царицы, побѣжденъ, пойманъ и убитъ, которая повелѣла опсѣченную его главу въ мѣхъ, наполненны кровію человѣческою, положишь, дабы онъ насытился кровію человѣческою, какъ пишутъ о томъ Плутархъ, Спрабонъ, Трогъ, Иродотъ и другіе многіе Греческіе писатели. Другой Киръ былъ младшій, котораго походы писалъ Ксенофонъ.

(2) Въ воздаяніе побѣды. Ливій въ книгѣ первой о войнѣ Віентской пишетъ: когда Метій Албанскій съ войскомъ ни той, ни другой не держалъ стороны, и не помогаль Тулу Римскому Царю: то Тулъ Метія повелѣлъ, привязавъ къ четыремъ конямъ, разорвать на части, городъ же Албу раззорилъ и Албанцевъ въ Римъ переселилъ.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Строгость. Діонисій въ книгѣ второй пишетъ, что Сенаторы Ромула на части раздробили, и каждой часпъ подъ одеждою скрылъ, дабы навсегда было то неизвѣстнымъ,

спнымъ. Такимъ-по образомъ не могъ народъ узнать, какъ скончался Ромулъ.

(2) Непросвѣщенный народъ. Прежде, нежели философы показали вину заимѣнія солнца и луны, когда оныя приключались, или великаго злодѣянія боялись, или смерти планетъ, сей страхъ не только обладалъ невѣждами, но и учеными, какъ-по Спезихоромъ и Пиндаромъ стихопворцами.

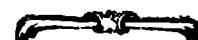
(3) Буря и вихрь. Ливій говоритъ: недавно поднялось ненастье съ великимъ прескомъ и громомъ.

(4) О Туллѣ. О немъ пишутъ нѣкоторые, что онъ съ домомъ сожженъ отъ молніи. А другіе увѣряютъ, что домъ его зажженъ Анкомъ Марціемъ, который послѣ того Царемъ былъ.

(5) Прискъ Тарквиній. Пятый Римскій Царь, Демараша Коринѣскаго сынъ, пастухами убитъ, которыхъ подговорили дѣти Ачка Марціа. Преемникомъ ему былъ Сервій Туллій зять его, человекъ великій и въ мирныхъ дѣлахъ и въ войнѣ, который многими знаменіями и полезными установленіями Римъ украсилъ и обогатилъ. Онъ убитъ стараніемъ Тарквинія Гордаго. Тарквиній къ гражданамъ былъ жестокъ, въ воинскихъ дѣлахъ искусенъ.

(6) Капитолію. На Сатурновомъ холму, который послѣ нареченъ Тарпейскимъ, Юпитеру Царю благому и великому построилъ.

(7)

(7) Изъ царства изгнали. Онъ изгнанъ Брутиомъ, Коллапиномъ, Лукреціемъ, Валеріемъ, Ораціемъ и прочими, какъ по причинѣ прежде бывшихъ многихъ отъ него обидъ, такъ особливо за новоучиненное сыномъ его Секстомъ прелюбодѣяніе и насиліе Лукреціи. Тарквиній тогда осаждалъ городъ Ардею, когда народъ лишилъ его царства; когда же онъ приближался къ Риму, тогда посредствомъ Брутиевыхъ отступили отъ него полки; ибо Брутии другою къ арміи прибѣгъ дорогою, и оную возмутилъ.

(8) Въ городѣ Тускулѣ. Болѣе писателей согласуется, что онъ умеръ въ Кумахъ у Ариштодема пиранна, имѣя отъ роду почти девяносто лѣтъ, хотя я прекословить не могу, что онъ сперва жилъ въ Тускулѣ нѣсколько лѣтъ у своего зятя, Октавія Мамилія, покуда Мамилій не былъ убитъ отъ Ерминія посла на славномъ ономъ сраженіи близъ озера Регилла. И такъ уповашельно забылъ шоль малую вещь, которая не имѣетъ такой важности, что инаково повѣствуется.

(9) Гетулійскому городу. Гетулія часть естъ Африки, недалеко отъ пустыни необитаемой, какъ Помпоній Мела пишетъ. О Гетулахъ такимъ образомъ Саллюстіи въ войн. Югуртин. Африкою сперва владѣли Гетулы грубые, которые питались звѣриными мясами и пажитью скотскою. Они ни обычаями, ни законами, ни власною управляемы

Часть I.

У

не

не были, бродили вездѣ, и гдѣ ночь застигала, имѣли ночлегъ.

На главу пятуюнадесять.

(•) Лукрецій. Первой годъ, въ который Консулы поставлены, имѣлъ пицперыхъ Консуловъ, изъ коихъ первые были Брутъ и Коллатинъ, потомъ, по отрѣшеніи Коллатина, поставленъ Валерій Публикола, по смерти Брутовой на войнѣ Валерій Лукрецій, Лукреціина онца, поставилъ, который когда умеръ онъ болѣзни, то поставленъ Орацій Пулавилъ.

На главу шестуюнадесять.

(1) Когда нѣкоторые сильные люди. Простолудимы, которые, или ненавидя дворянства, или желая въ народѣ пріобрѣсти славу, возмущали республику, дабы умножить свое имѣніе; однако видъ показывали, что они за права и волюность общую стараются. Сильные же, опнимая много у народа и присокупляя себѣ, говорили, что они честь Сената защищаютъ.

(2) Одропосланіе. Въ древности обѣдывали, сидя на постеляхъ. Почему когда ради уполенія гнѣва небесъ пріуготовляемъ былъ пиръ для боговъ, какъ бы имѣющихъ кушать, тогда постилаемы были одры. Ливій въ книгѣ пятой пишетъ, что когда зараза усилилась въ Римѣ не за долго до плѣненія Рима Галлами, изъ книгъ Сивиллинскихъ въ первый

разъ

разъ одропосланіа совершались чрезъ восемь дней, пріуготовляя по три одра Аполлину, Латоу, Діанѣ, Ираклію, Меркурію и Нептуну. Но я не знаю, чѣмъ бы можно было доказать, что сіе одропосланіе было первое, когда извѣстно, что въ играхъ сполѣтнихъ, которые представлялъ Валерій Публикола Консулъ, товарищъ Брутовъ, одропосланіа продолжались чрезъ три ночи, какъ читаемъ у Валерія въ книгѣ второй, и у Ценсорина о днѣ рожденія.

(3) Оправами. Ливій въ книгѣ восьмой говоритъ, что во время Консульства Клавдія Маркелла слѣдствіе впервые произошло обѣ оправахъ, когда многіе знаменитые мужи, отправлены бывши онѣ женѣ, жизни лишились.

(4) Воиновъ. Отъ Галловъ, Тарентинцовъ, Самнитянъ, Луканцовъ, Брутиевъ, Эпирусковъ, наконецъ отъ Пирра, Эпиропскаго Царя.

(5) Пирръ. Онъ по матери произшелъ отъ Ахилла, по оцу отъ Ираклія. Онъ, когда вознамѣрился завладѣть цѣлымъ свѣтомъ, и отъ Тарентинцовъ призванъ на помощь противъ Римлянъ, съ радостию на то согласился, надѣясь чрезъ таковой случай овладѣть Италією и всемъ свѣтомъ, какъ прежде его удалось Александру.

(6) Сомнительный. Цицеронъ въ книгѣ о гадательствѣ говоритъ, что сей стихъ: сказываю я тебѣ, Пирръ, что можно тебѣ Римлянамъ рога смерти: есть Энневъ; и потому продолжаетъ Цицеронъ такъ: но я

у а

уже

уже къ тебѣ обращаюсь свѣтѣйшій Аполлинъ, и проч. твоими оракулами Хризиппъ наполнилъ цѣлую книгу, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ я думаю, частію справедливыми стали по случаю, какъ во всякой рѣчи бываетъ; частію темные и всюду наклоняемые, такъ чло на полководца пребуется еще полководца; частію сомнительные и болѣе къ діалектикѣ принадлежащіе.

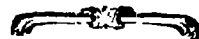
(7) Въ которомъ однако сраженіи Пирръ взялъ верхъ. Пирръ побѣдилъ Валерія Левина Консула подъ Иракліею, но съ великимъ своей арміи убыткомъ, такъ что онъ того пословица произошла: Ираклійская побѣда. Потомъ побѣжденъ и прогнанъ Куріемъ Деннатомъ и изъ Италіи выгнанъ.

(8) Между толікою погибелію. Все Августиномъ здѣсь предлагаемое взято изъ книги четвертой Орозіевой.

(9) Новая зараза. Орозій въ книгѣ четвертой пишетъ, что она приключилась предъ первую войною съ Карфагенцами.

На главу седьмуюнадесять.

(1) Возобновлены. Начались оныя такимъ образомъ: Валезій, нѣкакой изъ Сабинцовъ, человекъ богатой изъ земледѣльцовъ, имѣя трехъ сыновъ въ заразителной болѣзни, когда предъ пребищемъ своимъ домашнимъ молился богамъ съ тѣмъ, чшобъ сіе зло, только дѣти выздоровѣли, обращено было на главу. Въ то время услышанъ былъ голосъ,

досъ, что дѣти его будутъ здоровы, ежели онъ ихъ повезетъ въ Терентъ, и тамъ, взявъ онъ жертвенника Плутонова и Прозерпина воды, ихъ напоитъ. Отецъ хоща и не очень былъ доволенъ тѣмъ, что далеко ему ѣхать надлежало, однако изъ деревни своей отправился, и на другую ночь прибылъ Тибромъ къ полю Марсову. И когда не было на кораблѣ огня, то правитель корабля приказалъ иппи въ Терентъ въ ближайшее мѣсто. Онъ, услышавъ имя Терента, и увѣрившись, что онъ достигъ того мѣста, куда его посылалъ оракулъ боговъ, нагрѣлъ воды и далъ пить своимъ дѣтямъ. Они, выпивъ воды и спасительнымъ сномъ уснувъ, совсѣмъ отъ болѣзни исцѣлились; почему, призвавъ къ себѣ отца, сказали, что они отъ боговъ получили помощь, и повелѣно имъ отъ боговъ, дабы они, закладъ черныя жертвы, представили посланные одры и ношныя игры при жертвенникѣ Плутона и Прозерпины. Валезій, чрезмѣрно обрадовавшись, началъ въ томъ самый день землю копать для построения жертвенника; но нашедъ въ томъ мѣстѣ жертвенникъ въ землѣ, надписанный Плутому и Прозерпинѣ, тотчасъ приносилъ жертву, и при ночи сряду въ знакъ того, что три сына отъ болѣзни свободились, одры и игры представлялъ, и жертвенникъ засыпалъ землею, какъ онъ былъ прежде. Сей жертвенникъ сдѣланъ былъ Римлянами по совершеніи жертвоприношенія преисподнимъ богамъ, Плу-

тону и Прозерпинѣ, когда имѣли сразиться съ Албанцами, которое построение жертвенника было по повелѣнію демона. Сей самой обычай ввелъ въ Римъ одинъ изъ потомковъ Валезіевыхъ, Валерій Публикола, въ первый годъ вольности гражданъ Римскихъ. Чрезъ три дни и три ночи народъ упражнялся при жертвенникахъ Юлишеровыхъ и Аполлиновыхъ, которыми убиваемъ былъ бѣлой быкъ съ припѣваніемъ стиховъ отъ опроковъ и опроковицъ; потомъ при жертвенникахъ Юнониныхъ, которой пѣлица бѣлая также была жертвована. И сіе происходило днемъ, ночью же около жертвенниковъ Діаны, Прозерпины, Земли и Парковъ. Представляемы въ оное время были игры есапральныя въ честь Аполлину и Діанѣ, и Цирценскія. И сіи шоль великолѣпныя игры назывались сподѣшными; понеже однажды во сто лѣтъ управляемы были; или вѣковыми. Вѣкъ же различно писали разумѣющіе: у Римлянъ вѣкъ почитался сто лѣтъ, какъ пишутъ Валерій Анній, и Варронъ, и Ливій въ книгѣ сто припѣваній шестой; но изъ Комментарій пятнадцати мужей, и указа Кесаря Августа, и стиха Ораціева видно, что десяти лѣтъ сверхъ ста къ вѣку прилагается, такъ что игры сіи чрезъ сто десяти лѣтъ управляемы быти должны. Къ симъ играмъ провозвѣстникъ приглашалъ народъ, сказывая, что такіа игры быти имѣющіе, коихъ прежде они не видавали и впредь не увидятъ. Отсю-

да-

да-то произошло Випелліево Клавдію, игры сполѣшнія представляющему, ласкательство, который сказалъ: дай Богъ, дабы ты чаще оныя представлялъ, по естѣ нѣсколько сои лѣтъ жишь. Первый сіи игры опправлялъ, какъ выше мы сказали, Валерій Публикола отъ построения Рима на двѣсти сорокъ четвертомъ году. Второй разъ въ одиннацатый годъ первой войны съ Карфагенцами, отъ построения Рима въ пять сои въ второмъ году, при Консульствѣ Клавдія Пулхра и Юнія Брута. Третій въ первый годъ препіей войны съ Карфагенцами, во время Консульства Манлія и Марція Ценсорина. Четвертый въ надлежащее время при Консульствѣ Емилиа Лепида и Аврелія Ореста. Въ пятый Августъ и Агриппа сдѣлали при Фурнѣ и Силланѣ Консулахъ; въ шестой Клавдій Кесарь прежде назначеннаго времени; въ седьмой Домитіанъ, въ осьмый въ надлежащее время Септимій Северъ, въ девятый Филиппъ Воспрасій. Сіе о играхъ сполѣшнихъ изъ Варрона, Валерія, Орація, Флора, Феста, Эссима, Иродіана, Светонія, Ценсорина, Кассіодора, Порфиріона, Акрона, Ангела Полиціана.

(2) Возобновили также первосвященники. Кажется по видимому хотѣли различитъ здѣсь Августинъ игры Плутоновы и Прозерпинины отъ сполѣшнихъ, хотя всѣ ихъ одними признавающіе. Развѣ можетъ быть раздѣляющіе Августинъ игры и священнослуженія

женія Плутона и Прозерпины, преисподнихъ боговъ, оиѣ игрѣ и священнослуженіи другихъ боговъ, которые въ тѣ же дни отпирываемы были. И поистиннѣ игры сполѣтніи по видимому иное имѣли начало, нежели игры преисподнихъ боговъ; ибо Фесѣи такимъ образомъ пишеть: воловьи назывались игры въ честь боговъ преисподнихъ, уславленные по видимому для сей причины, понеже во время царствованія Тарквинія Гордаго великая приключилась беременнымъ женамъ зараза, которая началась оиѣ говядины продажной давно бипой; для чего игры наречены воловьими, которыя богамъ преисподнимъ посвящены. Присовокупить къ сему можно, что сполѣтніи игры представляемы были днемъ Аполлину, ночью же Діанѣ, воловьи же богамъ преисподнимъ.

(3) Тибрѣ. О семъ пишеть Орозій въ книгѣ четвертой.

(4) Пожарѣ. Орозій тамъ же. Ливій въ книгѣ девятойнадесять, и Овидій въ книгѣ шестой праздниковъ.

(5) И храма Весты. Понеже въ немъ огонь хранимъ былъ и почиаемъ.

(6) Почтенными. Ибо честь имѣ великая отдаваема была оиѣ всѣхъ; и когда жрица Весты шла пушемъ, тогда всѣ вельможи и судии пушь ей давали, уклоняясь сами съ онаго.

(7) Оиѣ коихъ шри. То есть Илій, Лавиній и Албу.

(8)

(8) Метеллѣ первосвященникѣ. Л. Цециій Метеллѣ, какъ сынъ его въ надгробной рѣчи, въ честь ему говореной, объявляетъ, десять вещей, въ коихъ мудрецы въѣхъ свой испостили, совершилъ. Онѣ, говоритъ, щился бытъ первѣйшимъ воиномъ, изряднымъ виписю, мужественнымъ полководцемъ, и дабы великая дѣла съ его приговору отпирываемы были, дабы великую онѣ имѣлъ честь, дабы былъ весьма благоразумнымъ, главнымъ Сенаторомъ, дабы былъ крайнѣ богатымъ, приобрѣвши богатство добрыми средствами; дабы многихъ имѣлъ дѣшей, и дабы былъ знаменитѣйшимъ въ Римѣ, какъ пишеть Плиній въ книгѣ седьмой, въ главѣ сорокъ шрепей.

На главу осьмуюнадесять.

(1) По признанію тѣхъ. Ливій въ предисловіи десятка и Силій Итал. въ книгѣ первой. Сии два писателя пространно описываютъ войну съ Карфагенцами, для того исторіи я здѣсь предлагаю не намѣренъ.

(2) При Каннахъ. При Каннахъ Аннибалъ сильно поразилъ Римлянъ въ шрепей годъ войны съ Карфагенцами, во время Консулства Л. Емилиа Павла, и П. Теренція Варрона, какъ пишеть Ливій въ книгѣ 12. Канны, какъ думаетъ Сабеллихъ въ примѣчаніяхъ, не есть городъ Каннузійской, но селеніе въ Апуліи близъ рѣки Ауфиды, которое нынѣ попросту называютъ Каннеллоу.

У 5

(3)

(3) Три четверика. Некоторые писатели къ сему числу прилагаютъ еще полчетверика; а иные говорятъ, что былъ только одинъ четверикъ. И Ливій утверждаетъ, что сей слухъ вѣроятнѣйшій. Кольцо знакомъ было достоинства Кавалерскаго, которымъ оно отличалось отъ простаго народа; однако употребляли кольца Сенапторы и дворянство. Плиній въ книгѣ прищипъ претіей пишетъ, что во время второй войны съ Карфагенцами безъ разбору въ Римѣ кольца употребляли; ибо инаково не можно было Аннибалу прехъ четвериковъ колецъ послать въ Карфагенъ.

(4) Повинныхъ въ злодѣяніяхъ. Орозій въ книгѣ четвертой пишетъ, что сіе учинено Юніемъ Бубукомъ Дикпаторомъ по примѣру Ромулову, который злодѣямъ храмъ убѣжища отворилъ. Ливій въ книгѣ 23 говоритъ: Юній, сошедъ съ коня, сказалъ: изъ всѣхъ преступниковъ и за долги посаженныхъ въ темницы, кто въ военную службу вступитъ, то онъ того свободитъ повелитъ.

(5) Невольниковъ. Восемь тысячъ невольниковъ дарованы свободою и записаны въ военную службу, и названы вольницею; потому что когда вопрошены были, хотятъ ли служить въ военной службѣ, отвѣчали, что хотятъ, какъ увѣряетъ Ливій.

(6) Составлять войско. Восемь тысячъ невольниковъ и шесть тысячъ преступниковъ, которыхъ вооружилъ изъ корыстей, полученныхъ отъ Галловъ,

(7)

(7) Чтобъ не обидѣть. Хотя не были они, прежде нежели побѣдили Аннона при Беневентѣ, вольностию пожалованы, однако предводитель арміи Грахъ, съ коимъ они храбро воевали противъ Карфагенцовъ, даровалъ ихъ наконецъ вольностию.

На главу девятыюнадесять.

(1) Погибель Сагунтинцевъ. Ливій въ книгѣ дватцатъ первой пишетъ: Сагунтъ есть городъ Испанскій, разстояніемъ отъ моря на тысячу шаговъ, поспроенный Закинѣянами и Ардеанами, какъ говоритъ Силій, которые народы прежде раззоренія Илія въ Испанію пришли. Знаменитъ сей городъ по причинѣ вѣрности къ Римлянамъ, и въ разсужденіи своей гибели. Полибій въ книгѣ претіей своихъ исторій повѣствуетъ, что оный городъ всѣ прочіе города и обиліемъ земныхъ плодовъ, и числомъ гражданъ, и мужествомъ и искусствомъ въ военныхъ дѣлахъ превосходилъ. Сей городъ паче иныхъ ненавидѣлъ Аннибалъ; понеже оный, надѣясь на Римлянъ, великія обиды дѣлалъ союзникамъ Карфагенцовъ въ Испаніи; за что въ отмщеніе Аннибалъ на оный войною напалъ, дабы чрезъ сей случай можно ему было обратитъ оружіе свое на Римлянъ.

(2) Если боги. Ливій въ книгѣ дватцатъ шестой пишетъ, что когда подъ стѣнами Рима стоялъ Аннибалъ, имѣя начатъ съ Римлянами сраженіе, и въ возмездіе за то полу-

получить Римъ, тогда возстала великая буря, которая объ арміи отъ сраженія удержала. А какъ скоро Картагенцы въ лагери, а Римляне ушли въ городъ, тогда внезапная появилась паки тишина и ведро. Тоже случилось и въ слѣдующій день, когда объ арміи паки намѣревали сразиться, и стояли, ожидая знака и повелѣнія. Тогда Аннибалъ почелъ сіе за нѣчто божественное, какъ будто бы онъ отъ боговъ удерживаемъ былъ; чего для арміи своей отступилъ повелѣлъ отъ Рима, и объявилъ походъ назадъ.

На главу двадесятую.

(1) Что Митридатъ. Первый Митридатъ изъ роду былъ оныхъ седми Персовъ, опивавшихъ государство у волхвовъ. Ему былъ врагомъ Аншигонъ, Царь Сирской, которой и выгналъ его въ Иппадокію, гдѣ онъ послѣ того царствовалъ, и царство оставилъ дѣтиамъ, а оныя по порядку своимъ дѣтямъ до самаго шестого внука. Шестой былъ Митридатъ, который войну имѣлъ съ Римлянами, мужъ, имѣющій удивительную силу, который равно мужественнымъ одаренъ былъ духомъ и разумомъ великимъ; двенадцатью конями вдругъ управлять могъ, и дванадцать два діалекта зналъ, за что и названъ великимъ. Онъ былъ прежде союзникомъ Римскому народу; ибо противъ Аристоники Римлянамъ послалъ помощь, у которыхъ предводительствовалъ арміею Крассъ. Потомъ по началіи войны съ

Ни-

Никодимомъ, Вифинійскимъ Царемъ, изъ союзниковъ народа Римскаго исключенъ, за что онъ войною напалъ на Фригію, провинцію Римскую, гдѣ посланника Римскаго Аквилія и Проконсула Оппія посадилъ въ темницу, и послалъ указы по всему своему государству всѣмъ Губернаторамъ, дабы они въ назначенный отъ него день всѣхъ Римлянъ, въ его государствахъ находящихся, умертвили, не смотря ни на достоинство, ни на возрастъ, ни на полъ, ни на мѣсто, въ которое бы кто убѣжалъ, что самое, какъ онъ повелѣлъ, исполнено было.

На главу двадесять первую.

(1) Войны союзныя. Отъ Латинцовъ началось возмущеніе, которые въ празднество Латинское вознамѣрились на горѣ Албанской Кесаря и Филиппа Консуловъ убить. И такъ объявили войну Пиценцы, за ними послѣдовали Вестинцы, Марсы, Латинцы, Пелигны, Маруцины, Луканцы, Самнитяне, при Консулахъ Юліѣ Кесарѣ и Марціѣ Филиппѣ, отъ поспроенія Рима на шестъ сотъ шестьдесятъ въпоромъ году, и щастіе на разныя стороны переходило. Наконецъ различными полководцами Италіянскіе народы покорены. Повѣсть сія описана различными историками: Ливіемъ, Флоромъ, Плутархомъ, Орозіемъ, Веллеемъ, Аппіаномъ.

(2) Служащіе употребленію человѣческому. Орозіи въ книгѣ пятой и Юлій Обсеквенсъ о семъ

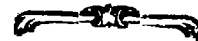
семь времени пишемъ такъ: домашнія живописныя большія въ такое пришли бѣшенство, что убивая своихъ хозяевъ, представляли непріятельскую войну, и плачемъ своимъ предназначали хозяевамъ великое бѣдствіе.

На главу двадесять вторую.

(1) Граховъ. О Грахахъ говорено на другомъ мѣстѣ. Старшій изъ нихъ былъ Тиверій, меньшій Кай. Тиверій за девять лѣтъ прежде Каія убишь. Повѣсть сія всѣмъ известна, и рѣдкой писатель не упоминаетъ объ оной; прочіе же всѣ, Плутархъ, Аппіанъ, Валерій, Цицеронъ, Орозій, Саллюстій, Флоръ и другіе.

(2) Убилъ Граха. Грахъ когда увидѣлъ, что его войско сбило Консуломъ съ мѣста, ушелъ въ рошу Фуринскую. Опимій Консулъ приказалъ провозвѣстнику всѣмъ объявить, что ежели кто Грахову голову къ нему принесетъ, то столько ему золота дано будетъ, сколько вѣсу будетъ въ головѣ. Почему Септимудей Анагнинъ, пріятель Граховъ, тайно въ рошу пришедъ, и много съ Грахомъ разговаривая, наконецъ поразилъ его кинжаломъ, когда онъ о томъ и не помышлялъ, и отсѣкъ ему голову. А чтобъ больше взять въ награжденіе золота, то онъ вмѣсто мозгу налилъ въ голову свинцу. При томъ знать должно, что Опимій Консуломъ былъ съ Фабіемъ Максимомъ, Павловымъ внукомъ, Граховымъ родственникомъ.

(3)

(3) Фулвій. За пять лѣтъ до того былъ Консуломъ съ М. Плавціемъ.

На главу двадесять третью.

(2) На томъ самомъ мѣстѣ. Аппіанъ пишетъ, что оное было на площади. Тожъ Ваторнъ и Плутархъ. Викпоръ полагаетъ на площади Римской, когда сраженіе происходило на горѣ Авентинской, хотя началось оно близъ Капитоліи.

(2) Храмъ Согласія. Храмовъ Конкордіи въ Римѣ было много. Древнѣйшимъ считается тотъ, который построенъ Фуриемъ Камилломъ, о которомъ Овидій въ первой книгѣ праздн. я не знаю, не тотъ же ли онъ, которой посвятилъ Флавій, градскій строитель, на площади Вулмановой, къ великой зависти дворянства, при Консулахъ П. Сулпиціи и П. Семпроніи, какъ повѣствуетъ Ливій въ книгѣ девятой. Однако, думаю, что не тотъ. Другой, построенной Л. Манціемъ Препоромъ по причинѣ бунта воиновъ въ Галліи, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ двадцать второй и двадцать третьей. Третій на площади Римской, построенный Опиміемъ Консуломъ по истребленіи всѣхъ державшихся Граховъ спороны, гдѣ находился и храмъ, или божница Опиміена, какъ Варронъ пишетъ въ книгѣ третьей о языи Латинскомъ. Четвертый, построенный Ливіемъ Августомъ, развѣ можетъ спастись сей тотъ же естъ, который построилъ Камиллъ; но по причинѣ той, что об-

обветшалъ, ею возобновленъ, о которомъ Овидій въ первой книгѣ Фест. или праздн. говоритъ и сказываеиъ, что празднество въ немъ опиравалось пятагонадесяти числа Января.

(3) Къ народу рѣчи говоряиъ. То есть Трибуновъ и прочихъ, кои къ народу имѣли дѣло, дабы о Сенатѣ ничего поносительнаго не говорили, удержаны будучи примѣромъ Граховъ, въ память коихъ преступленія оной монументъ воздвиженъ.

(4) Раззоренія Трои. Когда на бракъ Пелея и Тетиды одна Дискордія приглашена не была, то есть несогласіе, тогда она, разгнѣвавшись на то, во время пира низпустила на столъ золотое яблоко, на которомъ было написано: пускай прекраснѣйшая возьмемъ. Отсюда о красотѣ между Венерою, Минервою и Юноною произошелъ споръ, котораго когда собою онѣ рѣшииъ не могли, то пошли для разбирашества къ судѣ Парису; а отъ онаго суда вся произошла бездна погубели Троянской.

На главу двадесять четвертую.

(1) Сатурнина. Апулій Сатурнинъ, Трибунъ народной, когда республику законами межевymi взмущалъ, дабы угодное Марію сдѣлать, отъ Марія, въ шестой разъ бывшаго Консула, и Валерія Флакка, коимъ Сенатъ поручилъ оное наблюдать, дабы не вышло какого вреда республикѣ, убилъ.

(2)

(2) И Каія Кесаря. Сіе слово, Кесарь, къмъ нибудь прибавлено; ибо въ древнихъ рукописныхъ только спобитъ К. Сервилій Главція Преторъ. Цицеронъ въ Брутиѣ такъ говоритъ: послѣ бунтовщиковъ Граховыхъ Апулій Сатурнинъ краснорѣчивѣйшимъ казался. Онъ по большей части тѣлодвиженіемъ и одеждою привлекалъ къ себѣ народъ, нежели краснорѣчіемъ, или умѣреннымъ умомъ. Несравненно же худшимъ былъ К. Сервилій Главція; но человекъ острый и хитрый, а паче всего смѣха достойный. Но ежели бы кто сего называлъ Кесаремъ, то немного погрѣшииъ, но время соответствовать не будетъ. Ибо сей, который былъ братъ Л. Кесарю, рѣчами своими возбудилъ народъ Римскій, и онаго крайній раздоръ съ Суллиціемъ, Трибуномъ народнымъ, виною былъ междоусобной войны Маріевой, какъ повѣствуетъ Педіанъ. Сего Кесаремъ Цицеронъ въ Брутиѣ называетъ, и говоритъ, что онъ, будучи градопроиселемъ, всякой день рѣчи къ народу сказывалъ.

(3) И много времени спустя. Надлежитъ чинать, не много времени спустя, то есть семь лѣтъ; ибо столько времени прошло отъ Сатурнина Трибуна до Ливія Трибуна, то есть отъ Марія и Флакка Консуловъ до Консуловъ Флакка и Гереннія.

(4) М. Друза. М. Ливій Друзъ былъ человекъ знатнаго рода, способный и готовый къ сказыванію рѣчей, наинадмѣннѣйшій изъ

Часть I.

Ф

исбхъ

вѣхъ Римлянъ, котораго когда приказалъ къ себѣ позвать Сенатъ, тогда онъ повелѣлъ, дабы Сенатъ къ нему пришелъ, и Сенатъ тому повинился. Его отца Сенатъ защитникомъ называлъ.

(5) Война съ невольниками. Въ Сициліи опъ нѣкогого Дуна Сириянина, которой, приговоривъ на себя нашедшее неисповество матери боговъ, собралъ шестьдесятъ тысячъ человекъ, съ коими побѣдилъ четырехъ Преторовъ и обозъ съ лагерями опнялъ. Наконецъ Перпенна ихъ побѣдилъ. Не много спустя времени, Клеонъ Киликійнинъ возбунтовалъ съ невольниками въ ономъ островѣ, собралъ безчисленное множество войска, и какъ прежде, Преторы остались побѣжденными, у коихъ и обозъ опнялъ. Ихъ побѣдилъ послѣ того М. Аквилій. Въ Италіи наконецъ возникла война съ невольниками, которую затѣяли Спартакъ и Хризъ, кои съ семьюдесятью и четырьмя Гладіаторами ушли изъ Капуи, къ коимъ пристало наивеличайшее множество людей. Сии П. Варена Претора, и Клавдія Пульхра посла, кои первые прошивъ ихъ посланы, побѣдили. Потомъ Хризъ съ своею шайкою К. Варіемъ Преторомъ побѣдилъ. По немъ оставшійся Спартакъ удачно воевалъ противъ Консула Ленгула перваго, потомъ прошивъ Л. Геллія и К. Арія Претора, наконецъ прошивъ Кассія Проконсула, и Гнея Манія Претора. На послѣдокъ М. Крассомъ побѣжденъ и армія его вся истреблена. (6)

(6) Разбой. Киликійскіе разбойники когда море учинили непроходнымъ, то посланъ былъ противъ ихъ П. Сервилій Проконсулъ, котораго Исаурии и другіе города ихъ палили. Но какъ скоро онъ возвратился, то они съ большею силою возсшали и прошли даже до Каепы, Миссены и Оспіи къ великому страху и спыду Римлянъ, и разграбили все, что ни попадалось. Гней Помпей указомъ Габиніевымъ полководцемъ прошивъ ихъ поставленъ бывши, въ сорокъ дней со всего моря ихъ согналъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ девяносто девятой, и Цицеронъ за законъ Маниліевъ, и Л. Флоръ, и другіе.

На главу двадесять пятую.

(1) Цицеронъ говоритъ. Сіе говоритъ Цицеронъ въ претвѣй рѣчи на Капилину.

(2) По убіеніи знаменитыхъ мужей. Сколько убили Марій и Цинна, всего сказать не можно, довольно въ примѣрѣ сихъ: Апплидія Серана, П. Ленгула, Л. Красса, М. Антонія оратора, Гн. Октавія, Л. Корнилія, Мерулу, Фламина Діева, Л. Капулла, Ц. Аркарія, М. Бебія, Нумишорія, Сек. Ликинія.

(3) Говоритъ Луканъ въ книгѣ второй. Къ симъ ужаснымъ и безмѣрнымъ пораженіямъ прислѣлъ опмспишель Силла; онъ опшачную кровь во градѣ опшчилъ, и какъ непомѣрно гнилые члены опсѣкалъ, то превзошло врачевство мѣру, и простерлась крайняя дачеко рука, куда оную вела болѣзнь.

(4) Фимбрія. Былъ Ц. нѣкоторый Фимбрія, котораго Веллей Флавіемъ называетъ. Онъ держалъ сторону Маріеву, и раззорилъ Трою. Другой Ц. Фимбрія былъ, но Ликиній, который жилъ во времена Граховъ и прожилъ до браней междоусобныхъ, во время коихъ заколотъ въ своемъ домѣ, какъ и Кесарь, по свидѣтельству Флора.

(5) Два Красса. Отецъ и сынъ. Сына убили воины Фимбрія, сообщника Циннина; а отецъ, дабы не попасться въ руки неиріятелямъ, самъ себя умертвилъ.

(6) Бебій. Сей мучитель руками, подобно какъ звѣрскими когтями, безъ желѣза расперванъ, какъ свидѣтельствуемъ Луканъ въ книгѣ второй.

(7) Капулаъ. А. Луктацій Капулаъ товарищъ былъ Маріевъ, когда онъ въ четвертой разъ былъ Консуломъ во время войны Кимбровой, и оба они по побѣдѣ Кимбровъ поржесствовали. За него когда весь Сенатъ Марія просилъ, дабы его простилъ и не повелѣлъ умертвить, Марій болѣе ничего не отвѣтствовалъ, кромѣ того, что умереть ему должно, о чемъ когда спозналъ Капулаъ, то горячими углями себя умертвилъ, при всемъ томъ не извѣстно, проглотивъ ли нѣсколько углей, какъ Погція, Брутова жена, или отъ дыму въ заключенномъ отовсюду покоѣ, который подмѣзанъ былъ вновь мѣломъ. Ибо и сіе есть смертоносно, ежели не будутъ употреблены средства. Находясь же и такіе

пис -

писатели, кои увѣряютъ, что онъ, выпивъ яду, жизнь скончалъ, которымъ ядѣсь послѣдуетъ Августинъ.

(8) Мерула. Онъ въ храмѣ Юпитеровомъ подрѣзалъ себѣ жилы.

На главу двадесять шестую.

(1) Молодымъ Маріемъ. Сей былъ Марія старшаго сынъ, которой съ Гн. Карбономъ былъ Консуломъ. Онъ поварища своего Дамазиппа Претора принудилъ всѣхъ Патриціевъ, сколько ихъ ни было въ Римѣ, убить. И поварищъ оное тщательнѣе исполнилъ; ибо, созвавъ оныхъ въ Сенатъ, какъ бы на совѣтъ, всѣхъ умертвилъ.

(2) Муцій Сцевола. Ливій въ книгѣ семидесять седьмой по видимому означаетъ, также и Луканъ подобно съ нимъ въ книгѣ второй, аки бы Муцій Сцевола убилъ отъ Марія старшаго; однако другіе историки увѣряютъ, что умерщвленъ онъ отъ младшаго.

(3) И огонь оный. Сіе говоритъ Августинъ въ подражаніе Лукану, который пишетъ: но дряхлая старость мало излила изъ своей горшани крови, и не въ состояніи была погасить огня.

(4) Семь тысячъ. Ливій повѣствуетъ, что восемь тысячъ. Сочинитель же книги о мужахъ знаменитыхъ полагаетъ число убитыхъ девять тысячъ.

(5) Покуда доложено было Силлѣ. Евтропій и Орозій пишутъ что сіе сказано Силлѣ

Ф 3

К.

К. Капуллоу, другіе Метеллоу юношею, который был Силла родственникъ. Плутархъ же говоритъ, что сіе сказано Фузидіемъ, ласкателемъ Силлинымъ.

(6) Списки. Реэспръ назначенныхъ въ ссылку, коимъ сзначалось извѣстное число, коихъ умертвить надлежитъ, дабы всякъ зналъ, житъ ли ему, или умереть должно. Назначенныхъ въ изгнаніе позволялось всякому убивать, и имѣніе ихъ раздѣлялось на части: одна принадлежала Силла, другая убійцѣ. Дѣлѣмъ убитаго, лишеннымъ наслѣдства, возбраняемо было просить о чинахъ закономъ Силлинымъ. Тогда первый таковый реэспръ назначенныхъ въ изгнаніе въ Римъ былъ видѣнъ.

(7) Ибо нѣкоторые изъ оныхъ безъ меча. Сей былъ Бебіи, Маріевой держащійся спороны; а тотъ, о которомъ мы выше сказали, былъ спороны Силлиной. Оба жизнь скончали одинаковою смертію; ибо спорона Силлина, дабы споль же безчеловѣчно опмститъ Маріевой, тожъ Маріеву Бебію сдѣлала, что онымъ ихъ Бебію сдѣлано было. О обоихъ Бебіяхъ упоминаетъ Флоръ.

(8) По выколотиі глазъ. М. Марій Граппидіанъ, Ц. Марія родственникъ. Ему Капилина сперва переломалъ руки и ноги, потомъ отрезалъ уши и языкъ, послѣ того выкололъ глаза, наконецъ стѣбкъ голову.

(9) Цѣлые города. Сулмонъ, древній городъ, Силла повелѣлъ истребить, какъ по-

въ-

вѣствуетъ Флоръ въ книгѣ третіей. Ливій въ книгѣ восемьдесятъ восьмой пишетъ, что Силла приказалъ всѣхъ гражданъ города Пренеста умертвить.

На главу двадесять осьмую.

(1) До войны Серторіевой. К. Сертогій Мирсиній, при упадѣ нерадѣніемъ предводителей силъ Маріевыхъ, свое войско чрезъ трудныя и жестокия мѣста перевелъ въ Испанію, гдѣ противъ Силлиныхъ подководцовъ мужественно сражался; наконецъ измѣною своихъ за споломъ заколотъ по побѣдѣ, полученной надъ нимъ Помпеемъ великимъ.

(2) И Капилиной. Капилина былъ спороны Силлиной, котораго Силла употреблялъ орудіемъ въ убіеніи многихъ. Сей наконецъ со многими Паприціями заговоръ учинилъ противъ опечества.

(3) Потомъ до Лепидовой и Капулловой. Во время Консульства М. Эмилиа Лепида и К. Луктація Капулла, Силла умеръ и погребенъ на полѣ Марсовомъ. Во время погребенія произошелъ споръ между Консулами о уищеніи республики. Потомъ дошло до большаго раздору. Лепиду хотѣлось сосланныхъ въ ссылку Силлою возвратитъ въ опечество и опдакъ имъ все имѣніе. Капулла съ Сенатомъ тому противорѣчилъ. Такимъ образомъ взялись обѣ спороны за оружіе, наконецъ происходило сраженіе, гдѣ побѣжденнымъ остался Лепидъ.

(4) Помпеевой и Кесаревой. Гн. Помпей великий, Гн. Помпей Спрабона сын, Силла, из Азии возвращающемуся, вывел на встречу при легатона, которые Силла великую подали помощь к побѣдѣ. Того ради его Силла между первыми друзьями имѣть и ему великія дѣла поручать началъ, и чрезъ него остатки войны въ Сициліи, Африкѣ, Италіи и Испаніи окончилъ. Онъ шоржеспвовалъ прежде, нежели стался Сенаторомъ. Морскихъ разбойниковъ съ великимъ щастіемъ и весьма скоро усмирилъ. Митридата и весь Востокъ побѣдилъ, и получилъ чрезъ то великое богатство и великую силу въ республикѣ. Потомъ воевалъ за республику противъ Кесаря; но побѣжденъ бывши, бѣжалъ къ Птоломею въ Египетъ, гдѣ отъ придворныхъ Египетскаго Царя убитъ, которые желали тѣмъ угодишь Кесарю.

(5) Кесарь же могущество Помпеева. Юлій Кесарь былъ сынъ Луціевъ, котораго родственница вышла за мужъ за Марію. Сему Консулу Сенатъ поручилъ провинцію Галлію на пять лѣтъ, по прошествіи коихъ, еще пять лѣтъ ему прибавлены, по старанію Помпея и Красса Консуловъ, въ которыхъ десяти лѣтъ Кесарь всю Галлію покорилъ. Но негодуя за то, что Помпей въ республикѣ большую имѣетъ силу, сыскалъ многыя вины вооружившись противъ отечества. По смерти Помпеевой Кесарь вѣчное диктаторство себѣ присвоилъ, и все въ республикѣ по изволению

сво-

своему дѣлалъ, на подобіе Царя. О сей войнѣ писали самъ Кесарь въ комментаріяхъ, Плутархъ въ житіяхъ различныхъ, Аппіанъ въ войнахъ междоусобныхъ, Флоръ, Орозій, Евтропій и Цицеронъ на многихъ мѣстахъ явнѣе; понеже онъ въ оной войнѣ былъ не по чуждому.

(6) Дѣ Кесаря. Октавій сынъ былъ Гн. Октавія, Преторова сына, и Антіи. Антія же была дочь Антія Балба и Юліи, сестры Кесаревой. Сего Октавія наследникомъ Кесаря назначилъ, какъ Сметоній пишетъ, которому и именоваться тѣмъ именемъ велѣлъ. Къ оному по убіеніи Кесаря многіе старые воины собрались, съ которыми онъ по наущенію Цицеронову спорону Сената защищать противъ Антонія еще въ юношесствѣ, котораго и побѣдилъ, и принудилъ убѣжать въ Галлію къ Лепиду, съ которыми онъ, возвратившись, по договору Триумвиранство завелъ. Триумвирами были Антоній, Лепидъ и Октавій Кесарь. Въ договоръ было заключено, дабы Антоній позволилъ дядю своего Юлія Кесаря въ ссылку сослать; Лепидъ брата своего Луція, Октавій Цицерона, котораго вмѣсто отца почиталъ. Сіе требовано было Антоніемъ, которой посредствомъ Цицероновыхъ рѣчей врагомъ отечества отъ Сената признанъ. Изъ оныхъ трехъ знаменитыхъ мужей одинъ Цицеронъ отъ сообщниковъ Антоніевыхъ убитъ, другіе же избавились

Ф 5

ббб

бѣгствомъ. Воевалъ попомъ Октавій съ Кассіемъ и Брутомъ, поварищемъ Антоніевымъ, и оныхъ стараніемъ Антоніевымъ на поляхъ Филиппинскихъ побѣдилъ; потомъ съ Антоніемъ, Триумвировымъ братомъ, котораго къ сдачѣ въ Перузіи принудилъ; послѣ того съ Помпеемъ великаго сыномъ, у котораго отнялъ флотъ; наконецъ съ Лепидомъ Триумвиромъ, котораго лишилъ достоинства Триумвирашства; а на послѣдокъ съ Антоніемъ Триумвиромъ, котораго и побѣдилъ, и одинъ остался повелителемъ Римскаго народа. По окончаніи всѣхъ междоусобныхъ браней Августомъ отъ Валерія Мессалы именемъ всего Сенапа и народа Римскаго поздравленъ. Государствованія его на сорокъ четвертомъ году, а отъ поспроенія Рима семь сотъ пятидесятихъ перваго, когда на землѣ и на морѣ была великая тишина и спокойствіе во всемъ свѣтѣ, родился въ Вилеемѣ Іудействѣ Иисусъ Христосъ, Творецъ и Начальникъ природы, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ.

(7) Многіе знаменитые. Триумвиры несравненно множайшихъ всякаго пола и чина въ ссылку сослали, нежели Силла. Сихъ трехъ мужей Ювеналь сатирическимъ образомъ Силлиными учениками называетъ, и объявляетъ, что они превзошли своего учителя въ искусствѣ ссылать людей въ ссылку.

(8) И Цицеронъ. Шестидесятихъ три года имѣя отъ роду, погибъ, какъ Ливій и Авфидій

дій Бассъ считаютъ, о смерти коего ежели кто желаетъ видѣть различныя мнѣнія, тогдѣ можетъ оныя читать у Сенеки въ книгѣ первой. Краснорѣчивымъ мастеромъ называется его Августинъ; понеже онъ языкъ имѣлъ вмѣсто руля въ управленіи республики, коимъ онъ дѣйствовалъ и управлялъ куда хотѣлъ.

(9) Кесаря. Брутъ, Кассій и другихъ до шестидесяти Сенапоровъ заговоръ противъ его учинили и въ Сенапѣ его кинжалами закололи.

(10) Тогда появился. Цицеронъ своею важностію и краснорѣчіемъ Кесаря Октавія юношу, Ирція и Панса Консуловъ противъ Антонія вооружилъ.

(11) Только былъ слѣпъ. Довольно Цицерона Брутъ предостерегалъ, дабы онъ не усиливалъ Октавія и не довѣрялъ бы юношескому его разуму, хотя впрочемъ хорошему; ибо отъ безмѣрнаго щастія можетъ оный премѣниться и неистовствовать. Находясь важныя два письма Брутовы, одно къ Цицерону, другое къ Аппику, о семъ, испорыя прямо мужественное и благоразумія наполненное сердце Брутово почти открываютъ, хотя я и Цицерона не могу назвать споль мало-смысленнымъ, дабы онъ сего не предчувствовалъ, что и означетъ онъ въ письмахъ къ своимъ пріятелямъ словами, отъ него употребляемыми: Кесаря Октавія выхвалять, украшать и превозносить должно. О семъ упо-

упоминаетъ Веллей и Д. Брутъ въ нѣкоторомъ письмѣ къ Цицерону.

На главу двадесять девятую.

(1) Савскимъ. Савей народы суть подлѣ Сиріи и Аравіи, у которыхъ родится ладанъ, какъ говоритъ Виргилій: изъ Индіи вывозятъ слоновую кость, а Савяне посылаютъ къ намъ свой ладанъ, или еиміамъ. Сервій Савянами называемъ потому, что мы ладаномъ боговъ почитаемъ.

(2) Выбрать храма. Скончался въ Форміанѣ своемъ, когда, спараясь переправиться чрезъ море къ Бруту, непогодою отбитъ былъ назадъ.

(3) Волы говорили. У историковъ весьма часто сіе упоминается, какъ-то во время брани второй съ Карфагенцами, при Консулахъ Фабіѣ Максимѣ въ четвертый разъ, и Маркеллѣ въ шестій, въ который годъ въ Сполетѣ женщина превратилась въ мужчину, и въ Маруціи младенецъ во упробѣ матерней торжественнымъ гласомъ воскликнулъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ двадцать четвертой. Говорила корова во время войны Антіохійской: Римъ! осперегайся, или берегись. И во время междоусобной брани съ Антоніемъ волъ понуждающему его въ плугъ къ работѣ сказалъ: что жита будетъ много, но ѣсть будетъ не кому, не будетъ людей. И въ другія времена весьма часто сіе было.

(4)

(4) Лепали змѣи. Въ степяхъ Ливійскихъ жешающихъ змѣй великое множество, копорья, какъ повѣстѣ вътрѣ Африкѣ на поля Египетскіи, великимъ числомъ не безъ великаго вреда жителямъ налетаютъ. Для того пишетъ Цицеронъ: Ибиса они вмѣсто бога почитаютъ, копорая змѣя поедаетъ. Тоже повѣствуетъ и Иродотъ въ Евтерѣ.

(5) Куры. Родъ перемѣнялся, изъ женъ становились мужчины, изъ мужчинъ женщины; изъ курицъ пѣтухи, изъ пѣтуховъ курицы.

(6) Земля. Земля вмѣсто дождя не рѣдко падала, какъ свидѣтельствуютъ историки: Ливій, Юлій Обсеквенсъ и другіе.

(7) Мѣль. При Консулахъ Метеллѣ и Туллѣ Дидіѣ, какъ пишетъ Юлій Обсеквенсъ.

(8) Камни. И сіе не рѣдко случалось: во первыхъ по созданіи Рима при Туллѣ Оспилѣ Царѣ, которое и казалось невѣроятнымъ; потомъ сшолъ многократно, что народъ и удивлялся шому пересталъ; чего для и примѣры приводятъ за излишнее дѣло почитаю.

(9) Горы Эпны. Эпна гора въ Сициліи, посвященная Вулкану, которая пламень изрыгаетъ отверстіемъ, которое двадцать стадій обширности имѣетъ. Солинъ же утверждаетъ, что оныхъ отверстій два. Эпною названа гора сія отъ Эпна, сына Бріарея Циклопа, или отъ Эпны, дочери Неба и Земли, которую иные Эалією называютъ, какъ Сервій

вій говорить. Сію гору описує Виргилій пространно стихами. Находясь и такіе писали, кои присвояють сіи стихи Овидію. Сенека же говорить, что Овидій удержался описувати Эпну, когда уже Виргилій оную описывалъ. Нѣкоторые думаютъ, что сіи стихи Корнилія Севера. Обилуетъ сія гора пламенемъ, для полей и жилищей вредъ великой причиняющимъ. Что Августинъ здѣсь предлагаетъ, оное приключилось во время Консульства Гн. Сервилія Сципіона, и Лелія, также Сервія Флакка и Калпурнія, особливо же Емилія и Аврелія. Обсеквенсъ пишетъ: Эпна гора съ вершины своей излила пламень, такъ что до острова Липара море кипѣло, и зажегши нѣсколько кораблей, многихъ мореплавателей умертвила. Рыбъ множество сожженныхъ море послѣ того размешало, которыхъ Липарскіе жители, обильно въ пищу употребляя, умирали, такъ что новою заразою опустошались острова. До сихъ мѣстъ Юлій Обсеквенсъ. Приключилось сіе не много прежде возмущенія Грахова. Прилагаетъ Орозій, что многіе симъ пламенемъ жизни лишились, прочіе же оставшіеся принуждены были, все имѣніе оставивъ, бѣжать весьма далече.

(10) Огнь сего огня. Смотри Орозія въ книгѣ пятой, въ главѣ второйнадесять.

(11) Капина. Сей городъ и Капина и Капана называется, хотя находится Капина въ

въ Испаніи и Аркадіи. Плиній въ книгѣ преліеи говсрипѣ: гора Эпна удивленія достойна въ разсужденіи ночныхъ пожаровъ; опверснѣ оныя, простирзѣнся обширностію до дзапцзани спадій, пепелъ горячій доходитъ даже до Тавромина и Капаны.

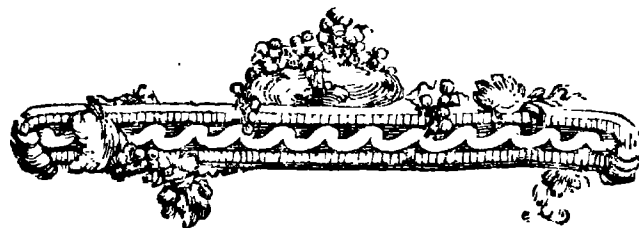
(12) На годъ. Орозій повѣствуєтъ, что подасть имъ оставлена, дабы съ нихъ не взыскивать оныя, на десять лѣтъ.

(13) Саранчи. Ливій въ книгѣ девятой, также Орозій, Евтропій, Юлій Обсеквенсъ пишутъ, что сіе приключилось прежде бунта Грахова, при Консулахъ Плавтѣ Испеѣ и Фульвіѣ Флаккѣ.

(14) Въ одномъ Масиниссиномъ государствѣ. Лучше сказать должно Миципсиномъ; ибо Масиниссы уже тогда не было въ живыхъ. Но можно сказать Масиниссиномъ; понеже оное народъ Римскій за заслуги далъ

Масиниссѣ. (15) Восемь сотъ тысячъ. Такимъ образомъ пишетъ Орозій, которой и царство называетъ Миципсовымъ. Обсеквенсъ рассказываетъ, что умерло всѣхъ восемь сотъ человекъ. Евтропій же такъ повѣствуєтъ: во время которой заразы въ Нумидіи девяти сотъ тысячъ человекъ, около Карфагена двѣсти тысячъ человекъ Римскихъ воиновъ, кои тамъ гарнизонъ составляли, припцзати тысячъ человекъ умерло.

(16) Изъ тридцати тысячъ. Въ древнихъ рукописныхъ книгахъ стоитъ въ семь мѣстѣ: младшихъ, а не мужей, которое разумѣть должно о шѣхъ, кои оставлены были въ Ушихъ, какъ гарнизонъ Африканской.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,

ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА,

къ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА ІУ.

Глава первая.

О томъ, что въ первой книгѣ говорено.

Предпринявъ говорить о градѣ Божіемъ, за благо разсудилъ отвѣтствовать прежде онаго врагамъ, копорые, гоняясь за увеселеніями земными и спремясь за скоро преходящими вещами, все прискорбное имъ приключашееся, отъ милосердія Божія, ихъ призывающаго, а не жестоко наказующаго, происходящее, благочестію Хриспіянскому приписывають, которое единственно спасительнымъ есть и истиннымъ богочитаніемъ. И какъ изъ нихъ многіе суть невѣжи и непросвѣщенные, копорые примѣромъ ученыхъ ненавистію на насъ успремяются, думая, что приключившагося въ ихъ времена въ прежніе вѣки никогда не бывало. А понеже мнѣніе ихъ и

Чистъ І.

ХУ

мѣ

БЛАЖЕН-

лѣ самые, которыми ложность и неосновательность онаго извѣстна, дабы казалось другимъ, что они имѣютъ справедливую причину ропсать противъ насъ, приписывая незнающимъ, подкрѣпляютъ: то нужда требовала изъ ихъ писателей, которые о прошедшихъ временахъ исторіи намъ оставили, показать, что совсѣмъ шому было противное въ преждебывшіе вѣки, и изъяснить, что боги ложные, которыхъ они или явно почитали, или тайно нынѣ почитаютъ, суть нечистые духи и злошворные и лукавые демоны, столь, что или истинными, или вымышленными своими беззаконіями унываютъ, которыя представлятъ въ праздники свои повелѣли, отъ коихъ немощь и слабость человѣческая отвлечена быть кажется, когда къ подражанію въ дѣланіи оныхъ какъ бы божественное предшесивуетъ хотѣніе. Сіе не по догадкѣ нашей мы доказывали, но частію дѣйствій таковыхъ сами мы были очевидными свидѣтелями, которыя представлѣны были богамъ частію изъ писанія пѣхъ, кои не въ поношеніе, но въ честь боговъ своихъ сіе написанное потомкамъ оставили, такъ что мужъ у нихъ наичуднѣйшій Варронъ и важный, когда раздѣлилъ свои книги на книги о божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ, при всемъ томъ театральныя игры не въ числѣ человѣческихъ дѣлъ, но божественныхъ положилъ, которыя поистиннѣ, ежели бы въ городѣ какомъ либо находились всѣ люди добрые и че-

честные, то театральныя игры и между дѣлами человѣческими почитаемы быть не должныствовалибъ, которое онъ конечно не самъ собою учинилъ, но поелику онъ въ Римѣ будучи рожденъ и воспитанъ, нашелъ оныя между божественными почитаемыя дѣлами.

Глава вторая.

О томъ, что во второй и третіей книгѣ содержится.

И понеже на концѣ первой книги кратко вспомняли мы о томъ, что въ слѣдующихъ книгахъ говорить имѣли, и изъ того нѣсколько предложили въ двухъ слѣдующихъ книгахъ: теперь намъ бревается на оспальное отвѣтствовать. И такъ общались мы нѣчто сказать противъ пѣхъ, которые бѣдствія Римской республики благочестію нашему приписываютъ, и упомянуть, какія, или сколь великія претерпѣлъ Римъ злключенія, или провинціи, къ Риму принадлежащія, прежде нежели возбранены священнослуженія ихъ боговъ, которыя безъ сомнѣнія намъ приписали бы, ежели бы въ тогдашнія времена сіяло наше благочестіе и возбраняло бы имъ отъ проклятыхъ священнопапствъ. Сіе во второй и третіей книгѣ, какъ кажется, довольно мы разрѣшили; во второй книгѣ говоря о злѣ нравственномъ, которое единымъ и величайшимъ зломъ почитать должно; въ третіей же книгѣ о томъ, что безумные одни претер-

перѣбѣ спрашають, по есть скорби тѣлесной и лишенія внѣшнихъ вещей, которыя преперѣвають и благонравные люди. Оное же зло не только перѣбливно, но и съ охотою принимають, коимъ сами становящися злыми и развращенными. Но при всемъ томъ весьма мало я говорилъ о Римѣ и его государствѣ, и не все съ самаго начала до Августа Кесаря. Ежели бы я представилъ захотѣлъ и увеличилъ оное злощасіе, которое не люди взаимно другъ другу дѣлають, но оныя самыхъ міра стихій на земли приключаются, о которыхъ на одномъ мѣстѣ кратко упомянулъ Апулій въ той книгѣ, которую писалъ о мірѣ, такъ говоря: все земное имѣетъ перемѣны, превращенія и гибель; ибо безмѣрными землеприсеніями (чтобы его сказать словами) разсѣдшиися земля, поглотила города и съ народами, и проливными дождями попоплены были многія страны; также маперыя земли оны морскихъ наводненій подѣлались островами; другіе же, будучи неприступными островами, по причинѣ окружающей ихъ воды, остались сухимъ путемъ приступными; многіе города бурями и вѣтрами разрушились, восточныя страны пламенемъ, съ неба спадшимъ, сожжены, и въ западныхъ мѣстахъ токомъ огня великія причинены бѣдствія; такимъ образомъ нѣкогда съ вершины Эпны на подобіе рѣкъ текли пламенные струи. Ежели, говорю, таковое, или подобное, о чемъ повѣствуетъ исторія, на-

началъ я изчислять, по когда бы можно было дожидаться чипашелямъ конца? которое однако все приключилось въ тѣ времена, въ которыя имя Христово не возбраняло языческихъ вздоровъ, для истиннаго спасенія погибельныхъ. Обѣщался я также показати, за какіе ихъ нравы и ради какой причины истинный Богъ благоволилъ распространить Римское государство, понеже въ Его власпи всѣ царства состоятъ; равно и по предложитъ, сколь мало мнимые ихъ боги помогли имъ, или лучше сказать, сколь много прелестями своими и обманами причинили вреда. Чего для нынѣ намѣренъ я говорить наипаче о разширеніи Римскаго государства; ибо о вредѣ демонскихъ обмановъ, которыхъ они богами почитали, сколько по есть они зла причинили въ разсужденіи нравовъ, объ ономъ во второй книгѣ не мало я говорилъ. Во всѣхъ же окончанныхъ прехъ книгахъ, гдѣ было прилично, не пропускали упомянуть и того, сколько утѣшеній и въ самыхъ военныхъ заключеніяхъ именемъ Христовымъ, къ которому споль великое варвары оказали почтеніе, сверхъ обыкновеній военныхъ благимъ и злымъ даровалъ, *который солнце свое сіяетъ на благія и злыя, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.*

Глава прешія.

Пространство, или обширность государства, которая приобретается войнами, должно ли почитать между благими счастливыхъ, или премудрыхъ людей.

И такъ посмотримъ, сколь справедливо то, что Римляне обширность своего государства, и тс, что оно долговременно пребывало, богамъ онымъ держаюмъ приписывашъ, которыхъ предшавленіемъ — мерзкихъ игръ чрезъ служеніе непошребныхъ людей почитали. Хотя бы прежде желать я вѣдать, какое разсужденіе, какое благоразуміе тѣхъ людей, которые когда не могутъ благополучія другихъ разрушить, упражняются въ военныхъ дѣлахъ, въ пролитіи крови гражданъ и непріятелей съ мрачнымъ страхомъ и кровожаднымъ желаніемъ, забывъ то, что радость ихъ и слава, состоящая въ великости и пространствѣ государства, подобна стеклу блестящемуся и ломкому, который страхъ великой наводящъ, дабы нечаянно не исчезли: сіе дабы удобнѣе разобрать, то не должны мы быть малоразсудными и непроницательными, когда слышимъ о народахъ, государствахъ, странахъ; но представимъ себѣ двухъ человекъ. Ибо каждый частный человекъ, какъ въ рѣчи буква, въ городъ, или государство, составляяетъ собою часть, сколь бы государство пространно ни было; изъ коихъ двухъ человекъ должны вообразить одного нищимъ,

нищимъ, или въ достаткѣ средственномъ, другого великимъ богачемъ; но богатаго смущаемымъ отъ страха, печальщимся, отъ желанія пламенѣющимъ, всегда опасющимся, всегда безпокоящимся, безпрестанно пребывающимъ въ враждебныхъ ссорахъ, и чрезъ сіи жалости достойные способы умножающимъ свое имѣніе, и при умноженіи онаго чрезвычайно забояющимся; средственнаго же въ имѣніи чествовавшимся; который малымъ достаткомъ доволенъ, любезенъ своимъ сродникамъ, сособамъ, друзьямъ; который вожделѣнное имѣетъ спокойствіе, который благоговѣнъ и набоженъ, благосклоненъ, шлѣомъ здравъ, въ житіи скромнъ и умѣренъ, въ нравахъ цѣломудръ, совѣстнѣю не превозмощенъ. Не знаю, сущеся ли какой безумецъ, который бы усомнился, коего изъ оныхъ двоихъ предпочесть должно. И какъ въ сихъ двухъ челоѣкахъ, такъ и въ двухъ фамиліяхъ, такъ въ двухъ народахъ, такъ въ двухъ государствахъ слѣдуетъ правило правды, которое ищательно употребивъ, ежели наше намѣреніе исправится, удобно увидимъ, гдѣ пребываетъ суепа и гдѣ напропавъ благополучіе. Чего для ежели Бога истиннаго почитать будутъ, и Ему истинными жертвами и благонравіемъ благоугождать станутъ: то полезно, дабы благонравные люди пространно царствовали. И сіе не столько обладающимъ, сколько обладаемымъ полезно. Ибо что касается до нихъ, то довольно съ нихъ къ истинному благополучію, съ коимъ

и сія жизнь препровождается и пріобрѣтается вѣчная, то есть набожности и благонравія, которыя суть дарованія Божія, подчиненныхъ. И такъ въ мірѣ семъ государствование добронравныхъ въ пользу обращается людямъ; царствование же злыхъ имъ самимъ наипаче вредъ причиняетъ, которые свои души большею вольностию пороковъ опустошаютъ; а тѣмъ, кои подъ властію у оныхъ состоятъ, не вредитъ ничто, кромѣ собственной неправды. Ибо праведнымъ какое зло ни причиняется онѣ обладающихъ ими, оное не есть казню пресупленія, но испытаніемъ мужества и добродѣтели. И пошому доброй человекъ хотя бы рабомъ былъ, однако онъ свободенъ; а злой хотя бы царствовалъ, однако онъ долженъ почестъся рабомъ, да припомъ не одного человека, но, что несравненно тягостнѣе, толь многочисленныхъ обладателей, сколь многимъ онъ подверженъ порокамъ, о которыхъ порокахъ разсуждая Священное Писаніе, говоритъ: *Имъ же кто побѣжденъ бываетъ, тому и рабъ есть.*

Глава четвертая.

Государства безъ правды сколь подобны разбоямъ.

И такъ ежели отринуть правду, то что иное будетъ государство, какъ не великій разбой? Понеже и самые разбой (1) что иное суть, какъ не малые государства? Ибо толпа оная людей управляема бываетъ изволеніемъ на-

начальника, дружествомъ совокуплена, и корысть дѣлишя безъ обиды. Ежели бы сія злодѣевъ толпа до такого достигла степени, что обладала бы мѣстами, построила бы себѣ жилища, заняла города, покорила народы: тогда бы очевидно имя государства получило могущество, которое ей уже дала явная безнаказанность. Ибо изрядно и справедливо Александру оному великому нѣкогда поиманный морской разбойникъ (2) отвѣщивалъ; понеже когда Царь его спросилъ: какуюбы онъ власть имѣлъ разбивать на морѣ? онъ безъ робости отвѣчалъ: такуюжъ, какую и ты разоряешь вселенную; понеже я дѣло свое опираю, разбивая на маломъ кораблѣ, то меня называютъ разбойникомъ; а ты поелику имѣешь большой флотъ, то тебя именуютъ Императоромъ.

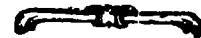
Глава пятая.

О бѣглыхъ Гладіаторахъ, коихъ сила и могущество подобно было достоинству Царскому.

Я не вхожу въ разбирательства того, какихъ собралъ людей Ромулъ: ибо имъ великая сдѣлана выгода, дабы, оставивъ они прежнюю жизнь и вступивъ къ нему въ общество гражданское, перестали помышлять о казняхъ, которыхъ страхъ къ большимъ побуждалъ ихъ злодѣянствъ; то одно предложу, что государство Римское, будучи про-

спраннымъ по покореніи себѣ многихъ народовъ, и другимъ спрашнымъ, съ прискобносцію чувствовало, жестоко боялось, припѣснено, и съ великимъ трудомъ едва могло избавиться совершеннаго своего раззоренія, когда малочисленные Гладіаторы въ Кампаніи, ушедши изъ амѣипеашра, ужасное войско собрали, прехъ имѣли они у себя предводителей (1), Импалію сильно опустошили. Пускай скажутъ намъ, какой богъ симъ помогъ, дабы они изъ малочисленной толпы разбойниковъ и презрѣнной достигли до великости Царской, спрашной Римлянамъ и ихъ городамъ. Не уже ли скажутъ, что, какъ они не долго владычествовали (2), Богъ имъ не помогалъ? какъ будно бы всякого чело-вѣка жизнь была долговѣчною. Таковымъ образомъ можно бы было сказать, что боги никому не помоществуютъ въ государств-ваніи, понеже каждый чело-вѣкъ скоро умираетъ. И за благодареніе боговъ почитать не лзя бы то, что въ краткое время въ каждомъ чело-вѣкѣ на подобіе паровъ исчезаетъ. Ибо какое различіе сихъ съ тѣми, кои при Ромулѣ боговъ почитали и давно умерли, по смерти коихъ распространилось Римское государство, когда сами они находясь въ преисподнихъ? Сіе же о всѣхъ разумѣть надлежитъ, что всѣ, кратко поживъ, преселились съюда, неся съ собою бремена своихъ дѣйствій. Ежели же и самыя кратчайшаго времени благодаренія боговъ пособію приписать дол-

должно, то конечно не мало помоществовали боги онымъ Гладіаторамъ, которые вырвались изъ узъ невольничества, ушли, убѣжали, великую и сильную армию собрали, и повинувшись совѣтамъ и повелѣніямъ своихъ предводителей, спали спрашными величеству Римлянъ, и будучи многими полководцами Римскими непреодолены, много пѣвнили, многія одержали побѣды, погружались въ роскошахъ, въ какихъ хотѣли; дѣлали все, что имъ внушало сладострасіе, и жили на подобіе Царей до тѣхъ поръ, покуда съ великою трудносцію побѣждены. Но приспушимъ къ большему.

Глава шестая.

О любочестіи Нина Царя, который, дабы имѣть пространнѣйшее государство первый воевалъ съ сосѣдями.

Иустинъ (.), который Греческую, или лучше сказать, чужестранную, послѣдуя Трогу Помпею, не только по Лавинѣ, но при томъ и сокращенно написалъ исторію, такъ оную началъ: съ начала свѣта надъ народами и спранами Цари обладали, которые на царство вступали не по тщеславію, но по дознанной народомъ скромности. Народы никакихъ не имѣли законовъ; изволенія владѣльцовъ служили вмѣсто законовъ. Всѣ обычай имѣли защищать наипаче свои границы, нежели распрощиваніе. Тамъ имѣло каждое государство ру-

рубежи, гдѣ кончалось опечетство. Первый изъ всѣхъ Нинъ (2), Царь Ассирійскій, древній народовъ обычай властолюбіемъ своимъ измѣнилъ. Онъ первой напалъ войною на сосѣдей (3), и неискусныхъ къ сопротивленію народовъ за границъ Дивійскихъ покорилъ. И мало ниже: Нинъ, говоривъ, великоствъ пріобрѣтеннаго самодержавства непрерывнымъ обладаніемъ подкрѣплялъ. И такъ по покореніи сосѣднихъ народовъ, когда, присовкупивъ большую силу, устремился на другихъ, и когда каждая побѣда была поводомъ къ другимъ слѣдующимъ: то онъ завладѣлъ народами всего востока. Можетъ быть несправедливо или Густинъ, или Трогъ написали; ибо другія вѣрнѣйшія исторіи показываютъ, что они много нагнали. Однако извѣстно и изъ другихъ писателей, что Ассирійское государство Ниномъ крайнѣ распространено, и столько вѣковъ продолжалось, что Римское (4) никакого равенства не имѣетъ; ибо пишущіе хронографы, что оно сіяло 1240 лѣтъ, считая отъ перваго года царствованія Нинова до того времени, какъ оно перенесено къ Мидянамъ. Нападая же на сосѣдей войною и далѣе просиравъ, и тѣхъ народовъ, которые никакой не дѣлаютъ обиды, изъ одного властолюбія поражаютъ и казнятъ, что иное есть, какъ не наибольшій разбой?

Глава седьмая.

Царства земныя при распространеніи своемъ получаютъ ли пособіе отъ боговъ, и когда умаляются, не уже ли отъ оныхъ оставляемы бываютъ.

Ежели безъ всякаго боговъ пособія шло великое государство и долговѣчное было, то для чего богамъ Римскимъ приписывается Римское государство пространное и долговременное? Ибо такъ вина какъ тамъ, такъ и здѣсь служить. Ежели же скажутъ, что и тамъ пособіе боговъ дѣйствовало, то вопрошаю, которыхъ боговъ? Ибо оныя народы, коихъ покорилъ Нинъ, не иныхъ боговъ имѣли и почитали. Или ежели особливыхъ боговъ имѣли Ассиріане, которые были искусны въ правленіи и сохраненіи государства, то не уже ли боги оныя умерли, когда и они потеряли то? Развѣ Ассиріане не устояли въ обѣсахъ, данныхъ богамъ? Или можетъ быть Мидяне (1) не общали имъ большихъ обѣщаній, что они къ нимъ согласились перейти и преселиться; а послѣ того по видимому Киръ ихъ переманилъ опшуда несравненно большими выгодами къ Персамъ (2), которые (3) послѣ государствованія Александра Македонскаго въ своемъ царствѣ пребываютъ. Сіе ежели такъ, слѣдовательно вѣроподобны боги таковыя, которые оставляютъ своихъ почитателей и преселяются къ непріятелямъ, чего Камиллъ, будучи человѣкомъ,

комѣ, не сдѣлаѣ, которыи, побѣдивѣ и раззоривѣ въ пользу Римлянѣ непріятельскіи городѣ, посланѣ ошѣ неблагодарныхѣ Римлянѣ въ ссылку, которыхѣ однако послѣ того, забывѣ свою обиду и памятуя опечество, ошѣ Галловѣ избавилѣ. Или боги ихѣ не такѣ сильны, какѣ богамѣ быть должно, которые смерпныхѣ или хипростію, или силою побѣждены быть могутѣ? Или когда у боговѣ водится обычай, что они между собою имѣютѣ брани, то можетѣ быть не боги ошѣ людей, но боги ошѣ другихѣ боговѣ побѣждаемы бывающѣ, которые суть особенными богами нѣкоторыхѣ городовѣ. И такѣ враждуютѣ и боги между собою, что они всякѣ въ своей надобности предпринимаютѣ. И пошому не надлежало какому либо городу почитать наипаче своихѣ боговѣ, но купно и другихѣ, которые ихѣ богамѣ помоществуютѣ. Наконецѣ какѣ бы то ни было, что боги или переходятѣ, или убѣгаютѣ, или преселяются, или побѣждаемы бывающѣ, при всемѣ помѣ въ оныя времена и въ шѣхѣ спранахѣ свѣша имя Христова не было проповѣдано, когда оныя государства наивеличайшими военными пораженіями ошѣ одного народа къ другому пренесены. Ибо ежели бы по тысячѣ двухѣ стахѣ и болѣе лѣшахѣ, когда государство Ассирійское рушилось, Христіанское благочестіе другое проповѣдывало бы царство вѣчное, и святошапское боговѣ почитаніе возбраняло бы: то шѣобѣ другое суеп-

суетныи и несмысленные оныя народы сказали, кромѣ того, что государство ихѣ, долго-временно хранимое, раззорилось пошому, что они оставили почитаніе боговѣ? Въ которыхѣ словахѣ колікое естѣ безуміе, на по пускай Римляне какѣ на зеркало взирающѣ, и въ подобномѣ жаловаться, ежели они совѣмѣ спыда не потеряли, пускай преша-нушѣ, хотя Римское нынѣ государство прешѣло вредѣ, а не перемѣнено. Но сіе и въ другія времена прежде имени Христова Риму не рѣдко приключалось, и послѣ того въ прешнее приходилѣ состояніе, въ чемѣ и нынѣ опчаяваться не должно; ибо въ семѣ случаѣ кто можетѣ познать благоизволеніе Божіе?

Глава осьмая.

Которыхѣ боговѣ пособіемѣ, думаютѣ Римляне, увеличено ихѣ государство и хранимо, когда они каждому богу еѣ защищеніе по одной вещи препоручить сами не довѣряли.

Теперь разсмотримѣ, ежели угодно, изѣ шоль великой толпы боговѣ, которыхѣ Римляне почитали, которой наипаче, или которые боги по ихѣ мнѣнію оное государство распространили и хранили. Ибо въ шоль знамениномѣ дѣлѣ и найдостойнѣишемѣ не держаютѣ дашѣ мѣста богинѣ Клуацинѣ (1), или Волупіѣ (2), которая названа ошѣ (Voluptate)

tate) роскоши, или удовольствія; или Либен-пинѢ (3), которой имя дано отъ (Libidine) сладострастія, или похоти; или Вашикану (4), который умѣряетъ вопли младенцевъ; или КунинѢ (5), которая владычествуетъ надъ колыбелями. И какимъ образомъ можно въ одномъ мѣстѣ сея книги представишь всѣ имена боговъ и богинь, которыя писатели ихъ въ огромныхъ книгахъ едва вмѣстивши могли, когда каждой вещи приспавили по особенному богу? Попеченіе о поляхъ не одному препоручили богу, но села богинѢ РузинѢ, крутоспъ горъ богу Югатиноу, холмы богинѢ КоллапинѢ, бугры богинѢ Валлоніи, и не могли одной сыскапъ богини Сегетіи, которую бы навсегда единожды приспавили къ житами; но посѣянные жита, покуда оныя изъ земли не выходили, во власти были у богини Сеи. Когда же на поверхность земли покажутся и пускапъ колосъ, тогда уже попеченіе объ оныхъ отдавали богинѢ СегетіѢ (6). А какъ скоро жита собраны будутъ и спряжаны, то, дабы въ цѣлости оныя хранились, приспавляли иную богиню Тупилину (7). Къ сему дѣлу по видимому не довольно была Сегетія, а только въ состояніи была жита отъ травянистаго начала до созрѣнія класовъ охраняпъ. Однако не довольно было людямъ, множество боговъ любящимъ, дабы бѣдныя души полпъ демоновъ на юрганіе отданы были, удалившіяся отъ непорочныхъ обѣщій истиннаго Бога. Они при-

ста-

ставили къ зеленѣющимъ и златнымъ жителямъ Прозерпину (8), къ колѣнцамъ на житахъ бога Нодота; къ трубкамъ, въ коихъ скрывается класъ, богиню Волупину; когда жита колосъ испускаютъ, въ томъ случаѣ начальствовала богиня Пашелена; когда жита цвѣтутъ, богиня Флора (9); когда наливаются, Лактурція (10); когда созрѣваютъ, богиня Машупа (11); когда пожинаятся, богиня Рундина (12). Не упоминаю я всего; ибо мнѣ навелъ скуку, въ чемъ они себя не зазираютъ. А сіе единственно для того предложилъ, дабы показатъ, что они никакъ не могутъ сказать, аки бы сіи ихъ боги Римское государство ушвердили, разширили и хранили, изъ коихъ каждому своя назначалась должность, такъ что ни одному всей вещи препоручено не было. Ибо когда было Сегетіи смотрѣть за государствомъ, когда не было ей позволено кунно за класами смотрѣть и древами. Можнотъ было помышляпъ КунинѢ объ оружіи, когда не попускали ей опойти отъ колыбелей своихъ младенцевъ? Какъ могъ Нодотъ помогать въ сраженіи, который зналъ свои на житахъ колѣнца, и не смѣлъ прикоснуться къ трубкѣ съ колосомъ? Одну всякъ (13) въ покоѣ дѣлаетъ дверь; понеже онъ человекъ, то для дома его бываетъ довольно. Напропивъ они трехъ боговъ къ однимъ дверямъ приспавили: Форкула къ дверямъ, Кардію (14), или Карну, къ крючку, Лименщина къ порогу. Такимъ обра-

Часть I.

Ц

зомъ

зѣмь не могъ Форкулъ, богъ дверей, крѣжа и порога хранишь.

Глава девятая.

Государства Римскаго обширность надлежитъ ли приписывать Юпитеру, котораго многобожники верховнымъ богомъ признаваютъ.

Оставивъ полпу сію мѣлкихъ боговъ, или опложивъ на время говоришь о нихъ, приступишь къ разсмотрѣнію должностей большихъ боговъ, то есть, какимъ образомъ Римъ столь обширнымъ учинился, что наконецъ многими обладалъ народами. Не Юпитерово ли оное дѣло? ибо они признавають за Царя всѣхъ боговъ и богинь. Сіе самое его означаетъ скипетръ, сіе на высокомъ холмѣ (1) воздвигнутая Капитолія. О семъ богъ хоща снхотворцовы слова, однако прилично говоришь: Юпитеръ все наполняетъ (2). Варронъ (3) признаваетъ, что сего бога и мѣ самые почишають, которые одного бога безъ ваяній, или кумировъ почишають, а только другимъ именемъ называють. Ежели оно такъ, то для чего такъ съ нимъ въ Римѣ поступали, что и самому Варрону столь было не благоугодно, что онъ, газвращеннымъ обыкновеніемъ Рима зараженъ будучи, не могъ прерживать, дабы не написать, что шѣ, кои народамъ успавили ваянія, или кумиры, и страхъ къ богамъ уничтожили и заблужденіе умножили?

Глава

Глава десятая.

Какимъ мнѣніямъ послѣдовали тѣ, которые разныхъ боговъ къ различнымъ міра частямъ приставили.

Для чегожъ Юпитеру присвояють женою Юнону, которая, сказывають, и сестра ему и жена? Понеже, описывають, Юпитера (1) признаваемъ въ эфирѣ, Юнону въ воздухѣ, и сіи двѣ стихіи совокуплены между собою, одна горняя, другая дольная: слѣдовательно здѣсь не означается топъ, о коемъ сказано: Юпитеръ все наполняетъ, когда нѣкоторую часть наполняетъ и Юнона. Или оба они купно все наполняютъ, и сіи супруги и въ двухъ сихъ стихіяхъ и въ каждой порознь купно находятся? Для чегожъ эфиръ назначенъ Юпитеру, воздухъ Юнонѣ? Наконецъ ежелибъ сихъ двухъ для наполненія міра было довольно, то какая тому причина, что Нептуну (2) назначено море, а земля Плутону? А чшобъ и имъ не быть холостыми, то приданы Нептуну Салація (3), Плутону Прозерпина (4); ибо какъ дольную часть неба, то есть воздухъ, по ихъ сказкамъ, содержитъ Юнона: такъ дольную часть моря Салація, и земли дольную часть Прозерпина. Ищущи способа, какъ поправишь свои басни, и не находящъ; ибо ежели бы сіе такъ было, то написали бы древніе, что шри суть наипаче стихіи, а не чешыре, дабы каждую пару боговъ къ каждой отдѣляли стихіи. Нынѣ

Ц 2

же

же всячески утвердили, что иное есть эфиръ, иное воздухъ; вода же какъ горная, такъ и дольная, вода есть, и хотябъ онажъ отъ другой различествовала, при всемъ томъ кто скажетъ, что она не вода? И дольная земля что иное есть, какъ земля, хотя различіе имѣла бы? Но какъ бы то ни было, однако видно, что изъ сихъ чашырехъ, или трехъ стихій шѣлесный совершенъ міръ: такъ гдѣжъ будетъ Минерва (5)? Что содержать, что наполнять станеть? ибо она купно поставлена въ Капитоліи, хотя она не дочь обоихъ. Или ежели скажутъ, что Минерва содержишь горную часть эфира, и по той-то причинѣ вымыслили спихотворцы, что она родилась изъ головы Юпитеровой: такъ для чегожъ ее за Царицу боговъ не почитаютъ, когда она выше Юпитера? Или не прилично было предпочесть дочь отцу? Для чего Юпитеръ къ Сатурну сея не сохранилъ правды? Или ради того, что онъ побѣжденъ? Слѣдовательно они сражались? Никакъ, говорятъ; сей вздоръ есть басенъ. Когда баснямъ не вѣришь, слѣдовательно лучшее о богахъ воображайте. Для чего отцу Юпитерову когда не вышшее, то по крайней мѣрѣ равное мѣсто? Понеже Сатурнъ, говорятъ (6), долгоша есть времени. Слѣдовательно шѣ почитаютъ время, которые поклоняются Сатурну, и чрезъ то открывається, что Царь боговъ Юпитеръ рожденъ во времени. Ибо что непристойнаго сказывается о Юпитерѣ

и

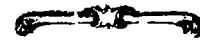

и Юнонѣ, что они рождены во времени, когда Юпитеръ есть небо, а она земля; понеже извѣстно, что небо и земля созданы. Ибо и сіе (7) въ книгахъ своихъ имѣютъ ихъ ученые и премудрые мужи, и не изъ вымысловъ спихотворческихъ, но изъ философскихъ книгъ взявъ, сказалъ Виргилій: тогда опещъ всемогущій Эфиръ обильнымъ дождемъ на лоно веселой своей сошелъ супруги, то есть земли. И такъ имѣютъ язычники своихъ боговъ, называемыхъ своими именами, которымъ особенныя должности назначены, и которымъ олтари и священнослуженія опредѣлены. Туюжъ самую землю иногда матерію боговъ именуютъ, такъ что спихотворцы кажутся въ вымыслахъ скромнѣйшими, когда, по увѣренію ихъ священныхъ книгъ, Юнона не только сестрою и женою, но и матерью Юпитеровою поспавляється. Потомъ землю Церерою, а иногда Вестою почитаютъ, когда напроливъ часто Вестою поспавляютъ огонь, принадлежащій къ каминамъ, безъ которыхъ городъ бытъ не можетъ. И для того-то огню дѣвицы служатъ; понеже какъ отъ дѣвицы, такъ и отъ огня ничего не родится, которое все суевѣріе уничтожитъ долженъ былъ Тотъ, который родился отъ дѣвы. Ибо кто не огорчился, что, когда споль много чести и чистоты они приписывали огню, иногда Весту не спыдянся Венерою называть, дабы щещнымъ было въ дѣвицахъ почтенное дѣвство? Ежели бы Ве-

сна

ста была Венерою, но какимъ образомъ моглибъ правильно служить ей дѣвицы, воздерживаясь отъ любодѣйныхъ дѣлъ? Не уже ли дѣв Венеры (8), изъ коихъ одна дѣвица, другая замужняя? Или три: одна дѣвица, копорая такъ, что и Веста; другая замужняя, прешія блудница, копорой Финикияне (9) дары давали за нарушенное дѣвство своихъ дочерей прежде брака? Копораяжъ изъ нихъ Вулканова жена? Мнѣ кажется, что не дѣвица; понеже имѣетъ мужа. Опасаюсь же сказать, что блудница, дабы сына Юнони и сопридника (10) Минервина чрезъ то не обидѣть. Слѣдовательно она принадлежитъ къ бракосочетаннымъ. Но намъ желательнѣе, дабы они подражали ей въ томъ, что она сдѣлала съ Марсомъ. Какова сія правда раздражаться на насъ, когда такъ говоримъ о богахъ ихъ, и не гнѣваемся на себя самихъ, что съ великою жадностію смотрящѣ на театрахъ на представляемыхъ боговъ своихъ беззаконія? И сіе самое было бы неимовѣрно, ежели бы они постоянно не доказывали, что сіи на театрахъ предлагаемыя боговъ беззаконія въ чести оныхъ же боговъ уснаждены.

Глава перваядесять.

О многихъ богахъ, о коихъ языческіе учителя говорятъ, что они составляютъ одного и того же Юпитера.

И такъ пускай физическими всякими доводами и разсужденіями доказывающѣ и представляющѣ, что Юпитеръ сего тѣлеснаго міра есть душа (1), копорый всю сію громаду изъ четырехъ, или сколько имъ угодно, спихий составленную наполняетъ и движетъ, или свои должности сестрѣ и братьямъ успушаетъ; или что онъ, будучи Эфиромъ, всѣ духъ Юнону, внизу разлитый, объемлетъ; или что онъ съ воздухомъ составляетъ все небо, а землю такъ, какъ свою супругу, да еще при томъ и мать (понеже сіе въ разсужденіи боговъ не есть беззаконнымъ дѣломъ) плодородными дождями и сѣменами плодородною дѣлаетъ; или что, дабы не было нужды всюду переходить, богъ одинъ, о копоромъ по увѣренію многихъ знаменитѣйшій спиховолецъ сказалъ: богъ по всѣмъ землямъ ходитъ, по пространнымъ морямъ и выскому небу. Пускай онъ въ Эфирѣ будетъ Юпитеромъ, въ воздухѣ Юноною, въ морѣ Нептуномъ, во глубинѣ морской Салаціею, на земли Плутономъ, въ дольной земли Прозерпиною, въ домашнихъ жертвенникахъ Вестою, въ горнахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ и прочихъ дѣлѣ мастеровъ Вулканомъ, въ планетахъ солнцемъ, луною и звѣздами, въ гадательствахъ Апол-

лѣномъ, въ ператоржкахъ Меркуріемъ, въ
Янѣ предначинашемъ, въ Терминѣ ограни-
чивающимъ, во гремени Сатурномъ, въ войнахъ
Марсомъ и Беллоною, въ хмѣльныхъ напип-
кахъ Либеромъ, въ житахъ Церерою, въ лѣ-
сахъ Діаною, въ разумахъ Минервою; пускай
наконецъ онъ будетъ шолпою маловажныхъ
боговъ; пускай онъ подъ именемъ Либеры
печется о сѣменахъ мужескихъ и подъ име-
немъ Либеры о женскихъ. Пускай будетъ онъ
Діеспіперомъ, который роды продолжаетъ
до надлежащаго дня; пускай будетъ боги-
нею Мэною, которая приставлена къ мѣсяч-
нымъ кѣовымъ; пускай Луциною (2), которая
призываема была отъ раждающихъ; пускай
онъ помогаетъ раждающимся, пріемля ихъ
на лоно земли, и называется Опою; пускай
въ крикъ младенцовъ усна отверзаетъ, и на-
зывается богомъ Вагитаномъ (3); пускай
подъѣмлетъ отъ земли, и нарицается боги-
нею Леваною; пускай защищаетъ и охраняетъ
колыбели, и именуется Куниною; пускай
будетъ богинями, поющими раждающимся
судьбы ихъ и участи, и слыветъ Карменша-
ми (4); пускай владычествуетъ надъ случай-
ностями, и наименованіе имѣетъ Фортуны;
въ богинѣ Румѣ пускай влагаетъ во уста
младенцу сосцы, понеже древніе Румою (5)
называли сосцы; въ богинѣ Пошинѣ (6) пускай
пшніе подаетъ; въ богинѣ Эдукѣ пищу; отъ
близости младенцовъ, или пополоху, пускай
нарицается богиней Павенціею; отъ надѣя-

нія

нія полученнаго Вэвиліею (7), отъ роскоши,
или удовольствія Волупіею; отъ дѣйствій
Агеноріею; отъ побужденій, коими человекъ
къ дѣйствию чрезмѣрно поощряется, богиней
Стимулою; дѣлая человека проворнымъ, Спре-
нуею; научая счислять что либо, Нумеріею;
наставляя пѣшь, Кзменою (8); пускай будетъ
богомъ Консомъ (9), подавая совѣты, и бо-
гиней Сеншіею (10), внушая замысловатыя
рѣчи; пускай онъ будетъ богиней Ювеншою,
которая послѣ претексты принимаетъ на-
чала юношества; Фортунсю бородашкою, ко-
торая одаряетъ бороδοю возрастшихъ, ко-
торыхъ почтитъ соизволяетъ; онъ, въ Юга-
тинѣ богъ пускай связываетъ бракосочетан-
ныхъ; и когда появѣ, или подвязку снимаютъ
съ дѣвицы обрученной, то онъ пускай при-
зываемъ будетъ, и называется богиней Вир-
генсою; пускай онъ будетъ Мутиномъ, ко-
торый у Грековъ именуется Пріапомъ, ежели
не спыдно. Сіе все, что я сказалъ и чего не
сказалъ, ибо я не все за благо разсудилъ пред-
лагать, сіи всѣ боги и богини пускай будутъ
однимъ Юпиіперомъ, которые частни ли его, какъ
нѣкоторые думали, или его свойства, какъ
другимъ кажется, которые душою міра его
поставляють, которое мнѣніе какъ великихъ
и ученѣйшихъ людей есть, сіе ежели такъ,
то я, не входя въ разбирательство, каково
оно, о томъ одномъ вопрошаю, что бы они
потеряли, ежели бы, оставя забобы, одного
бога почитали? Ибо что бы отъ него презрѣ-

Ц 5

но

но было, ежели бы ему поклонялись? Ежели же они боялись, дабы осплавленные часши не были прогнѣваны, слѣдовательно не одного одушевляющаго сѣя вся жизнь есѣ, кошорая всѣхъ содержиѣ боговъ, какъ бы свои свойства и силы, или члены, или часши, но каждая часшъ свою имбеѣ жизнь, различную и отдѣленную отъ прочихъ, когда сверхъ одной другая гнѣвается можетъ, и одна умилоствяется, другая подвизается на яросѣ. Ежели же скажутъ, что весь Юпитеръ раздраженъ могъ быѣ, когда часши его особенно почитаемы не бывають: то скажутъ безумно; ибо ни одна изъ оныхъ не была бы оставлена, естѣлибъ почитали его одного, который имбеѣ все. Понеже, чтобъ умолчать о прочемъ безчисленномъ, когда говорятъ, что всѣ звѣзды суть часши Юпитеровы, и что онѣ всѣ живутъ и разумныя души имбеютъ, и потому безпрекословно суть боги: то не видѣтъ, сколь многихъ боговъ они не почитаютъ, коль многихъ храмовъ не сооружаютъ, жертвенниковъ не поставляютъ, которые созидали весьма немногимъ планетамъ и жертвы особенныя приносили. И такъ ежели гнѣваются нѣ, коимъ особенно не поклоняются, то не уже ли по умилоствяленіи малочисленныхъ не спрашиваютъ и не ужасаются жить, когда ими раздражено и прогнѣвано почти цѣлое небо? Ежелижъ всѣ звѣзды по нѣму почитаютъ, что оныя суть въ Юпитерѣ, то драгчае моглибъ они поклоняться всѣмъ въ одномъ;

одномъ; ибо такимъ образомъ никтобъ не былъ разгнѣванъ, ежелибъ въ ономъ одномъ всѣмъ поклонялись; никтобъ не былъ презрѣнъ, наипаче, нежели при почитаніи малочисленныхъ несравненно множайшимъ числомъ подаются поводъ и вина гнѣваться, особливо когда безчисленнымъ онымъ, съ высоты блистающимъ, мерзко обнаженный предпочитается Пріанъ.

Глава вѣторая надесять.

О мнѣніи тѣхъ, которые Бога душою міра, а міръ тѣломъ Божиимъ поставляли.

А оное не уже ли не должно хронуть никакого благоразумнаго человѣка, или какого либо человѣка? Ибо къ тому не потребно высокаго разума, дабы, оставя стремленіе распри, внимать и разсмотрѣть, что естѣли Богъ душою естѣ міра, и міръ Ему какъ тѣло, дабы быѣ одному одушевленному, состоящему изъ души и тѣла, и сей Богъ естѣ дономъ нѣкоторымъ природы, содержащее въ себѣ самомъ все, такъ что отъ Его души, кошорю оживотворяется вся сѣя громада, жизнь и души всѣхъ живущихъ по состоянію каждаго раждаемаго вземаются: то ничего не оспасається, кошорое не было бы частію Божіею. Ежели оно такъ, то кѣму не видѣтъ, какое нечестіе изъ того слѣдуеѣ, когда всякъ, попирая что либо ногами, часть Божию попираеѣ, и когда кто убиваетъ животнаго,

го, часть Божию убиваетъ? Не хочу я всего предлагать, что разсужденіе внушаетъ; ибо не можно того выговорить безъ зазрѣнія и срама.

Глава претіянадесять.

О тѣхъ, которые животныя разумныя частями Божиими единственно почитаютъ.

Естьли же будущъ утверждаетъ, что животныя разумныя единственно, на примѣрѣ люди, частями суть Божиими: то я не вижу причины, какимъ образомъ они опдѣляя безсловесныхъ опѣ Божиихъ часпей, ежели весь міръ есть Богомъ? Но что нужды въ томъ намъ спязаться? О самомъ разумномъ животномъ, то есть человѣкѣ, сказать можно, что ничего безразсуднѣе спазаться не лзя, какъ вѣрить, что часть Божія біема бываетъ, когда человѣкъ наказываеися. А оное кто сперѣлъ въ состояніи, кромѣ безумнаго, что Божіи часпи похотливыми, неправедными, нечеспивыми и казни достойными спановяися? Наконецъ для чего гнѣваелся на тѣхъ, кои его не почитаютъ, когда собственныя его часпи его не почитаютъ? И такъ остаеися имъ сказать, что всѣ боги собственную каждый имѣетъ жизнь и каждый для себя живешъ; никто изъ нихъ не есть частію другаго, но всѣхъ почитать должно, коихъ познать и почитать можно; ибо споль ихъ много, что всѣхъ ни познать, ни почитать не лзя, изъ коихъ Юлиперъ, поедику предсѣда-

сѣдательствуетъ какъ Царь, то упователь-но они думаютъ, что онъ государство Римское уставилъ и распространилъ. Ибо ежели онъ сего не дѣлалъ, то могутъ ли по-вѣрить, что другой какой либо богъ дѣло споль великое могъ предпріять, когда всѣ заняты своими должностями и своими дѣлами, дабы одному не хвататься за дѣла другаго? И такъ опѣ Царя боговъ царство людское могло и распространиться и умножиться.

Глава четвертаянадесять.

Распространеніе государствъ непристойно приписывается Юпитеру, когда, по ихъ мнѣнію, Викторія есть богинею, которая лъ оному дѣлу одна довольна.

Здѣсь въпервыхъ вопрошаю, для чего самое государство богомъ какимъ либо не поставлено? И для чего бы кажется сему не быть, естьли Викторія (1) есть богинею? Или въ распространеніи государства какая надобность въ Юлиперѣ, когда благодѣтельствуетъ Викторія, и къ тѣмъ всегда идетъ, коихъ хочешъ сдѣлать побѣдителями? При благово-реніи и послѣшесствѣ сея богини хотябъ Юлиперъ ничего не дѣлалъ, или дѣлалъ другое, какіе бы народы непокоренными оставались? Какія государства побѣждены не были? Или можетъ спазаться не угодно добрымъ лю-дямъ неправедно съ другими сражаться, и сосѣднихъ народовъ, спокойно живущихъ и ни-

никакой не дѣлающихъ обиды, ради распространенія государства раззоряшь, или къ бр ни вызываешь? Ежели такъ они разсуждають, то я съ своей стороны одобряю и похваляю.

Глава пятадесять.

*Пристойно ли добрымъ желать пространно
государствовать.*

И такъ должны они осмошрѣться, прилично ли добрымъ мужамъ радоваться о пространствѣ государства. Ибо неправда тѣхъ, съ коими праведныя войны были, пособствовала, дабы государство расширилось, которое все непременно было бы малымъ, ежели бы обида не побудила къ принятію оружія, и щастливѣе были бы люди, ежели бы всѣ малыя государства были связаны союзомъ согласія. И такимъ образомъ были бы въ мірѣ многія государства народовъ, такъ какъ множеству въ городѣ находящіяся домовъ согражданъ; и потому воевать, и покоривъ народы, распространяешь государство, злымъ людямъ кажутся благополучіемъ, а добрымъ необходимою и нуждою. Но понеже хуже было бы, еслибы наглые обидчики праведными обладали стали, потому не непристойно называться и сіе благополучіемъ; но несравненно большее есть благополучіе имѣть добраго сосѣда съ собою въ союзѣ, нежели сосѣда злаго покарять воюющаго. Худое желаніе желать имѣть того, кого ненавидишь, или ко-

го

го боишься, дабы могъ быть, кого тебѣ побѣдишь. И такъ, ежели праведныя имѣи войны, а не беззаконныя, Римляне могли только пространствомъ учинить свое государство, то для чего они не почивали подъ видомъ нѣкоторой богини чужой неправды? Ибо видимъ, что она къ сей обширности государства много пособствовала, которая дѣлала свидчиками другихъ, дабы были такіе, съ коими бы праведныя войны имѣли и распространить государство. Для чего же неправда не богинею хоща въ чужихъ народовъ, когда спрхъ, блѣдность и лихорадка Римскими удостоились быть богами? И такъ помощью сихъ двухъ, то есть чужой неправды и богини Викторіи, когда браней вины неправда зашваешь, а Викторія тѣжѣ брани щастливо оканчиваешь, безъ содѣйствія Юпитерова и помощу распространилось государство; ибо какое бы участие могъ имѣть Юпитеръ участие, когда то самое, которое можно бы почести за его благодѣяніе, богомъ поставляется, богомъ называешься, богомъ почитаешься, вмѣсто бога призываешься? Имѣлъ бы правда и онъ нѣкоторое участие, ежели бы онъ государствомъ назывался, какъ называется она Викторія. Или ежели царство даромъ есть Юпитеровымъ, то для чего и Викторія, или побѣда, даромъ не есть Юпитеровымъ же? Сіе было бы конечно, ежели бы не камень въ Капиноліи, но истинный Царь Царей и Господь Господей познать былъ и почитаемъ.

Глава

Глава шестнадцатая.

Какая была причина, что Римляне, всѣмъ вещамъ и всѣмъ движеньямъ боговъ разныхъ назначя, храмъ Покоя за вратами градскими поставили.

Крайнѣ удивляюсь, что когда особенныхъ боговъ къ каждой вещи и почти каждому движению прислаивали, и нарекли одну богиню Агенорию, которая къ дѣланію возбуждаетъ; другую богиню Спимулою (1), которая къ дѣланію выше мѣры поощряетъ; третью богиню Мурцію, которая не побуждаетъ и дѣлаетъ человека, какъ говоритъ Помпоній (2), Marcidum, то есть крайнѣ лѣнивымъ и недѣйствительнымъ; четвертую богиню Спреную, которая человека дѣлаетъ расторопнымъ и проворнымъ; симъ всѣмъ богамъ и богинямъ общенародныя священнослуженія опправляли, миръ же (3) богопвора, то есть тишину, или покоиство, которому храмъ поставленъ былъ внѣ города за воротами Коллинскими, общенародно принявъ его не восхотѣли. Сіе безпокойнаго ли духа знакомъ было, или иначе чрезъ то означалось, что кто оную толпу, не говоря боговъ, но демоновъ, почитаетъ, тотъ покоя, или покоиства имѣть не можетъ, къ которому призываетъ истинный Врачъ, говоря: *Научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обратите покой душамъ вашимъ.*

Глава

Глава седьмаянадесять.

Когда Юпитеръ имѣетъ верховную власть, то должно ли почитать Викторію богинею.

Развѣ скажутъ, что богиню Викторію посылаетъ Юпитеръ, и она, повинувся Царю боговъ, у нихъ на сторонѣ оспается, къ которымъ повелѣно ей идти? Сіе справедливо можно сказать не объ ономъ Юпитерѣ, котораго Царемъ боговъ по своему мнѣнію мечтаютъ, но объ ономъ истинномъ Царѣ вѣковъ, что Онъ посылаетъ не Викторію богиню, которая существа не имѣетъ, но Ангела своего, и дѣлаетъ побѣдителемъ, о комъ благоволитъ, коего совѣты тайными быть могутъ, неправедными никогда. Ибо ежели Викторія богиня, то для чего пріумфъ не богъ, и для чего не соединенъ съ Викторією такъ какъ мужъ, или братъ, или сынъ? Ибо таковое о богахъ своихъ мечтаютъ, каковое ежели бы вымыслили стихопворцы, и они отъ насъ были бы въ томъ обличаемы: то отвѣчали бы, что сіе есть не что другое, какъ смѣха достойные вымыслы стихопворцовъ, чего прямымъ богамъ приписывать не должно. При всемъ томъ самимъ себѣ не смѣялись, когда таковыя вздоры не у стихопворцовъ читали, но въ храмахъ почитали. И такъ Юпитера одного обо всемъ просили бы, ему одному молились бы. Ибо кудабы ни послалъ оную богиню Викторію, когда она подвластна оному Царю, то не могавъ она опважиться

Часть I. Ч про-

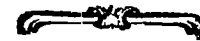

пропившись тому и свое исполнять хотѣніе.

Глава осьмаянадесять.

Щастіе и Фортуну богинями почитающіе съ какимъ разсужденіемъ оное дѣлаютъ.

Что болѣе? и щастіе (1) у нихъ богиней; удостоено храма (2), жертвенника, совершаемо было ей священнослуженіе, такъ пускай бы ее одну почитали. Ибо гдѣ бы она была, какогобъ тамъ не было добра? Но чѣмъ была тому за причина, что и Фортуна богиней поспавляющъ и почитающъ? Не уже ли иное есть щастіе, иное Фортуна? Понеже Фортуна можетъ быть и злою, щастіе же ежели будетъ зло, то уже не будетъ щастіемъ. Поистиннѣ всѣхъ боговъ обоюго пола, ежели и полъ имѣющъ, не инаково поспавляющъ должно, какъ только добрыми. Сіе говоритъ Платонъ, сіе другіе философы, сіе изыщные обществъ и народовъ правители. Какимъ же богиня Фортуна иногда добра, иногда зла? Или уже когда она зла, тогда не есть богиней, но внезапно въ злого демона превращается? Сколькожъ числомъ сихъ богинь? Конечно столько, сколько людей, въ Фортуны живущихъ, то есть благополучіи. Ибо когда безчисленные купно, то есть въ одно время находятся злощастными, ежели была бы одна Фортуна, то она въ тожъ самое время была доброю и злою: для однихъ таковою, для другихъ инаковою. Или та, ко-

которая есть богиней, всегда добра? Слѣдовательно она тожъ, что и щастіе; такъ для чегожъ различныя имена ей прилагаются? Но сіе сносно; ибо обыкновенно одна вещь многими называется именами. Чѣмъ знача. въ различные храмы, различные жертвенники, различные священнослуженія? Есть, говорящъ, причина: понеже щастіе (Felicitas) то есть, которое получающъ добрые помощію предваряющихъ заслугъ. Фортуна же, называемая доброю, безъ всякихъ заслугъ приключается людямъ, и добрымъ и злымъ; почему и Фортуною называется, то есть случаемъ. Какъ же можетъ быть доброю, когда безъ всякаго разсужденія и къ добрымъ и злымъ приходитъ? Для чегожъ ее и почитающъ, которая полъ слѣпа, что на каждаго всюду нападаетъ, такъ что почитателей своихъ по большой части обходитъ и прилѣпляется къ тѣмъ, кои ее презираютъ? Или ежели нѣсколько успѣха имѣющъ почитатели ея, дабы она на нихъ призирала и любила: слѣдовательно она заслугамъ послѣдуетъ, а не случайно достается. Такъ гдѣжъ опредѣленіе оное Фортуны? Гдѣ и то мнѣніе, что Фортуна отъ Fortuitis, случайныхъ, имя получила? Ибо ни мало не пользуется оную почитатъ, когда она случайность. Еслижъ она своихъ почитателей опличаетъ, дабы имъ благодѣтельствоватъ, то уже она не Фортуна. Или и ее также Юпитеръ куда хочетъ посылаетъ? Такъ пускай же почитаемъ будетъ онъ одинъ; ибо Фортуна, когда ей

ей повелѣваетъ, и куда хочетъ посылаетъ, пропитаться не можетъ. Или по крайней мѣрѣ должны ее почитать одни злые люди, которые не хощали имѣть заслугъ, коими могли бы приманить къ себѣ богиню щастіе.

Глава девятнадцатая.

О Фортунѣ женской.

Столько сему божеству, которое называютъ Фортуною, приписываютъ, что повѣствуютъ, аки бы по ваяніе (1), которое женскій полъ обоготворилъ и назвалъ Фортуною женскою, и говорило, да еще и еще однократно, что его достойно женщины обоготвили. Что самое ежели справедливо, то мы не должны удивляться; ибо злымъ демонамъ не трудно обманывать, къ хъ хитрости и лукавство отсюда наипаче должны списывали они примѣнили, что она богиня говорила, которая случайно приключается, а не по заслугамъ приходитъ. Была Фортуна говорившая и щастіе нѣмое для чего другого, какъ только дабы люди благонаравно жить не тѣшили по примиреніи себѣ Фортуны, которая ихъ безъ всякихъ хорошихъ заслугъ дѣлаетъ благополучными. И поистиннѣ ежели Фортуна говоритъ, то не только женская, но и мужская (2) говорила бы, дабы не подумали, что обоготворившія ваяніе толикое чудо своимъ многоглаголаніемъ разславили.

Глава двадцатая.

О добродѣтели и вѣрѣ, которые язычники храмами и священнослуженіями почтили, пропустивъ другія блага, которые также почестъ надлежало бы, ежели правильно другимъ приписывали божество.

И добродѣтель богинею (1) поставили, которая ежели бы въ самой вещи была богинею, то многимъ богинямъ предпочтена быть должна. А какъ она не богиня, но Б жій даръ, слѣдовательно ее просить должно отъ того, который одинъ даръ ее можетъ, а чрезъ то вся ложныхъ боговъ толпа исчезнетъ. Но для чего и вѣра богинею признала, и получила себѣ храмъ и жертвенникъ, которую кто благоразумно признаваетъ, поимъ самаго себя храмомъ дѣлаетъ? Почему же знаютъ они, что есть вѣра, которые первѣйшій и величайшій долгъ есть вѣровать въ истиннаго Бога? Но для чего не довольно было добродѣтели? Не уже ли нѣтъ въ ней и вѣры? Ибо какъ они добродѣтель раздѣлили на четыре вида (2): благоразуміе, правду, мужество, воздержаніе; и поелику каждый изъ сихъ имѣетъ свои виды, то въ части правды (3) заключается вѣра; и главнѣйшее мѣсто у насъ занимаетъ то, когда знаемъ, что *праведный отъ вѣры живъ будетъ*. Но и удивляюсь желавшимъ множества боговъ, для чего, ежели вѣра есть богиня, другимъ столько многимъ богинямъ сдѣлали обиду, пренебрегая

тѣхъ, которымъ подобно воздвигнуть храмы, соорудить жертвенники и посвятить могили? Для чего воздержаніе богинею быть не удостоилось, когда именемъ онаго Римскіе вельможи (4) не малую пріобѣли себѣ славу? Для чего также мужество не богинею, которое имѣлъ Муцій (5), когда десницу свою сжегъ въ пламени; которое было вънутрь Курція (6), когда онъ себя за отечество винулъ въ явившуюся пропасть земную; которое было въ Декіи отцѣ (7) и въ Декіи сынѣ (8), которые богамъ преисподнимъ на жертву себя обѣщали, если только было въ нихъ прямое мужество, о чемъ я теперь не разсуждаю? Для чего благоразуміе, для чего мудрость никакого мѣста не удостоились между богами? Не для того ли, что онъ подъ именемъ общеславеннымъ добродѣтели всѣ почитаются? Слѣдовательно можно было равно почитать единого Бога, котораго частями прочіе боги поставляются. Но въ оной одной добродѣтели и вѣра заключается и цѣломудріе (9), которыя однако исключительно отъ прочихъ въ храмахъ, собственно имъ поставленныхъ, удостоились жертвенниковъ. Сихъ богинь не истинна, но суеша и скудоуміе богинями поставили.

Глава двадцать первая.

Отъмъ, что не разумѣя единого Бога, язычники должныствовали быть довольными одного добродѣтелию и щастіемъ.

Сіи суть истиннаго Бога дарованія, а не самыя богини. Однако гдѣ находясь добродѣтель и щастіе, тамъ чего инаго искать должно? Чѣмъ тотъ можетъ быть доволенъ, который добродѣтелию и щастіемъ доволенъ быть не можетъ? Ибо все, что дѣлать по потребно, включаетъ въ себѣ добродѣтель; все, чего желать можно, въ себѣ содержитъ щастіе. Если Юпитера почитали для того, дабы онъ по даровалъ; понеже естьли есть добро пространное имѣть государство и долговѣчное, и къ тому надлежитъ щастію: то для чего они не хотѣли разумѣть, что сіи суть дары Божіи, а не богини? Еслижъ уже вѣсно богинь сихъ мечтали, то для чего другихъ столь великую толпу боговъ изобрѣтали? Ибо, разсмотрѣвъ должности боговъ и богинь всѣхъ, которыхъ по своему изволенію каковыхъ хотѣли поставили, пускай сыщутъ, ежели могутъ что либо, что бы могъ какой либо богъ даровать челоуку, имѣющему добродѣтель и щастіе. Какого ученія или отъ Меркурія, или отъ Минервы просить кто захотѣлъ бы, когда добродѣтель все съ собою имѣетъ? Ибо добродѣтель древніе опредѣлили такъ: добродѣтель есть наука хорошо и право житіе пре-

провождать. Ежели бы добродѣтель могла вселяться въ одного благоразумнаго, то какая нужда просить бога Каціа опца, копорый Catos, по естъ оспроумными дѣлаѣ, когда симъ могло одарить щасніе? Ибо разумнымъ родиться естъ щасніе. Чего для ежели не родившійся еще на свѣтѣ не могъ почитать богиню щасніе, дабы она, примирена ему будучи, онымъ его одарила: по крайней мѣрѣ одарила бы она рдидшелей его, почитателей своихъ, дабы у нихъ родились дѣти разумными. Какая нужда раждающимъ призывать богиню Луцину, когдабъ присутствовала богиня щасніе, копорое учинилъ, что не только благополучно будутъ раждать, но припомъ и благоразумныхъ? Какая нужда родившихся препоручать богинѣ Опѣ, кричащихъ богу Вапикану, лежащихъ богинѣ Кунинѣ, ссущихъ сосцы Руминѣ, стоящихъ богу Спацилину, приходящихъ богинѣ Адеонѣ, опходящихъ Абсонѣ, богинѣ Мэннѣ, дабы младенцы имѣли хороший умъ; богу Волумну и богинѣ Волумнѣ, дабы они хорошаго желали; богамъ браковъ (1), дабы они хорошо бракосочетались; богамъ полевымъ, дабы плоды обильные получали, а особливо самой богинѣ Фрукпезѣ; Марсу и Беллонѣ, дабы хорошо воевали; богинѣ Викторіи, дабы побѣдителями оспавались; богу чести, дабы были почитаемы; богинѣ Пекуніи (2), дабы имѣли богатство; богу Ескулану и сыну его Аргентину, дабы имѣли мѣдную и серебряную монету. Ибо

для

для того Ескулана поставили опцемъ Аргентина, понеже мѣдная монета (3) начала бытъ прежде нѣ употребленіи, нежели серебряная. Я удивляюсь, для чего Аргентинѣ не родилъ Аврина; ибо и золотая монета послѣ того послѣдовала. Ежели бы сего бога они имѣли, то какъ Сатурну Юпитера, такъ и опцу Аргентину и дѣду Ескулану предпочлибъ Аврина. Какаяжъ была нужда для сего добра или душевнаго, или тѣлеснаго, или внѣшняго, поль великую боговъ толпу почитать и призывать, изъ коихъ и я не всѣхъ исчислилъ, и они сами не въ состояніи были ко всякому человѣческому добру, распредѣливъ мѣлкихъ боговъ, приславить, когда все то удобна одна богиня щасніе даровать? И не только никто бы не искалъ инаго бога для испрошенія опѣ него добра, но ниже къ спгнанію зла. Ибо для чегобъ призывать надлежало ради усталыхъ Фессонію богиню, для опгнанія непріятелей богиню Пеллонію, для больныхъ медиковъ Аполлона, или Ескулапія, или купно обоихъ, ежели человѣкъ въ великой опасности, дабы сдѣлали они консиліумъ? Не призывать бы никто ни бога терновнаго, дабы искорѣнилъ на поляхъ терніе; ни богиню ржавщину (4), дабы она не приближалась къ ихъ жиламъ: при присутствіи одной богини щасній и при ея защитѣ не произошло бы никакого зла, или по крайней мѣрѣ удобно отворачиваемо оное было бы. Наконецъ, понеже мы о двухъ богиняхъ говоримъ, то естъ добро-

дѣтели и щастіи, то ежели щастіе есть добродѣтели награжденіемъ, уже она не богиня, но Божій даръ. Ежелижъ богиня, то для чего сказать не можно, что она и самою одаряяща добродѣтелию; поелику снискаша добродѣтель великимъ есть щастіемъ?

Глава двадесять вторая.

О щастіи, которое Римляне, почитатели многихъ боговъ, долгое время не почитали божескою честью, когда оно одно вмѣсто всѣхъ было бы довольно.

Но почему нынѣ дѣлаются, ежели книги ихъ и священнослуженіе справедливо, и щастіе есть богинею, для чего щастіе одно не поставлено для почитанія вмѣсто всѣхъ боговъ, которое можешь все даровать и всякаго сдѣлать благополучнымъ? ибо никто не желаетъ ничего ради инаго, какъ только дабы щастливымъ быть. Для чего столь поздно сей толикой богинѣ по бышней столь многихъ Римскихъ вельможъ Лукуллъ храмъ поставилъ? Для чего самъ Ромулъ, желая поспроить щастливый городъ, не сооружилъ ему храма? Ибо онъ не имѣлъ бы причины просить боговъ о чемъ либо, когдабъ сія богиня была при немъ, то есть когдабъ у него ничего не доставало. Ибо думая, что Ромулъ ни прежде Царемъ, ни послѣ богомъ не былъ бы, ежели бы сію богиню благоговѣтельно себѣ не имѣлъ. Для чегожъ Ромулъ поставилъ Римлянамъ боговъ, Януса, Юпитера, Марса,

Марса, Пика (1), Фауна (2), Тиберина (3), Ираклія и прочихъ? Для чего Типъ Тацій прибавилъ къ онимъ Сатурна, Опу, Солнце, Луну, Вулкана, Свѣтъ (4) и прочихъ, между коими богиню Клоадину, презрѣвъ богиню щастіе? Для чего Нума толикихъ боговъ и богинь ввелъ безъ очей? Или онъ въ толикой толпѣ видѣвъ оной не могъ? Оспилій также, Царь новыхъ боговъ, страхъ и блѣдность не ввелъ бы, ежели бы сію богиню зналъ и почиталъ. Ибо при щастіи всякой страхъ и блѣдность, не умилоспивлены будучи, удались бы, и не только, но и прогнаны были бы. Потомъ чтобъ тому было причиною, что Римское государство крайнѣ было уже распространено, когда никто еще не почиталъ щастія? Или для того-то было оно болѣе обширнымъ, нежели благополучнымъ? Ибо какимъ образомъ могло тамъ быть истинное благополучіе, гдѣ не было истиннаго благоговѣнія? Ибо благоговѣніе есть неложное истиннаго Бога почитаніе, а не почитаніе толикаго числа боговъ, коликое есть демоновъ. Но и послѣ того уже по причисленіи щастія въ число боговъ великое гражданскихъ браней послѣдовало нещастіе. Можешь стать праведно вознегодовало щастіе, что и столь поздно и не для почитанія, но наипаче для поруганія его призывали, когда при почитаніи его почитаемы были купно Пріапъ и Клоацина, а страхъ, и блѣдность, и лихорадка, и прочіе не боги, но пороки по-

чипающихъ. Наконецъ ежели сію богиню съ-
толь недостойною полною за благо разсуди-
ли почитать, то для чего опмѣнѣ про-
чихъ оную не почитали? Ибо кому не огор-
чительно, что сія богиня ни между богами
Консеннами (5), кои приглашаемы бывающъ
на совѣтъ къ Юпитеру; ни между богами
отборными не послана, дабы воздвигнутъ
ей былъ храмъ, и по высотѣ мѣста и по
значности работы превосходнѣйшій? Или
лучше сказать, для чего ничего лучшаго не
учинено, нежели для самаго Юпитера? Ибо
Юпитеру кто царство далъ, ежели не ща-
стіе? Понеже когда онъ царствуя щастливъ
былъ, то всенепремѣнно щастіе превосходнѣе
государства; ибо никто не сомнѣвается, что
удобно можно найти человека, который
боится быть Царемъ; но ни одного сыскать
не можно, который бы не желалъ быть щас-
тливымъ. И такъ ежели бы кто боговъ или
гадательствомъ по ппичьимъ движеніямъ, или
другимъ какимъ ни естъ образомъ спросилъ,
не противноль имъ первое мѣсто уступить
щастію: то думаю, что ежели бы первыя мѣ-
ста другихъ боговъ храмами и жертвенника-
ми были заняты, такъ что не оставалось
бы мѣста, гдѣ бы щастію храмъ огромнѣй-
шій и высочайшій воздвигнуть, самъ по-
истиннѣ Юпитеръ уступилъ бы свое мѣсто,
дабы щастіе на вершинѣ холма Капитолин-
скаго поселилось. Ибо никто бы противился
изъ нихъ щастію не сталъ, развѣ что, чему
сипашься

статься не можно, несчастливымъ быть по-
желалъ. Конечно, ежели бы спросилъ кто
боговъ о томъ; никакъ не сдѣлалъ бы того
Юпитеръ, что ему сдѣлали при бога, Марсъ,
Терминъ и Ювентасъ (6), которые большому
и Царю своему не уступили мѣста. Ибо, какъ
повѣстующи ихъ писатели, когда Царь Тар-
квиній хотѣлъ построить Капитолію, и уви-
дѣвъ, что самое достойнѣйшее и удобное мѣ-
сто занято чужестранными богами: то, не
сбѣя поскупивъ въ противность ихъ изво-
ленія, и думая, что оные боги для столь
великаго его бога и своего Царя уступятъ
мѣсто, понеже многіе шамъ были, гдѣ Капи-
толія помѣмъ построена, спросилъ ихъ чрезъ
гадателей, уступаютъ ли они Юпитеру мѣ-
сто? На сей вопросъ всѣ прочіе боги согла-
сились, выключая вышепомянутыхъ: Марса,
Термина и бога молодости (Juventas). И для
того-то Капитолія такъ построена, что и
сіи при въ оной находились; но столь были
скрыты, что едва ученые люди дознавались
могли. И такъ никакимъ образомъ Юпитеръ
не презрѣлъ бы щастія, какъ оные при бога
его презрѣли. Но и тѣ самые, кои мѣста не
уступили Юпитеру, уступили бы конечно
щастію, которое Царемъ надъ ними Юпи-
тера пославило. Но ежели бы и не уступили,
то конечно оное сдѣлали бы не изъ презрѣ-
нія, но съ тѣмъ, что лучше желаютъ они
жить въ храмѣ щастія незначительными, не-
жели безъ щастія блистать на собственныхъ
сво-

своихъ мѣстахъ. Тѣмъ образомъ по поставленіи богини щастія на пространномъ и высокомъ мѣстѣ, научались бы граждане всѣ, ошъ кого должно просить помощи. И такъ по внушенію природы, оставя другихъ боговъ излишнее множество, почитали бы одно щастіе, ему бы молились, въ его бы храмъ прибѣгали всѣ, которые щасливыми быть желаютъ, изъ коихъ, я думаю, не было бы ни одного, который бы того не хотѣлъ. Ибо кто ошъ другаго бога чего получитъ желаетъ, кромѣ щастія, или того, что къ щастію принадлежитъ? Припомъ ежели щастіе имѣетъ власть быть съ человѣкомъ; имѣетъ же, поелику почитается богинею: то сколь великимъ есть безуміемъ ошъ другаго какого либо бога щастія просить, котораго испросить можешь ошъ погожъ самаго щастія? И такъ сію богиню должно бы было имѣ почитать достойнымъ мѣстомъ паче прочихъ боговъ. Ибо, какъ у ихъ писателей читаемъ, древніе Римляне невѣдомо какого-то Суммана (7), которому приписывали громы и молніи ношныя, почитали болѣе, нежели Юпитера, къ которому принадлежатъ дневные громы и молніи; но какъ знаменитый храмъ и высокій Юпитеру поставили, то по знаменитости храма такъ къ нему началъ народъ стекаеться, что едва ли сыскать можно человека, который бы признался, что слышалъ произносимое имя бога Суммана, развѣ только читалъ въ книгахъ. Ежели же щастіе не

богиня, какъ и въ самой вещи такъ, но даръ божій: то должно искать того Бога, который дасть оное можешь, и оставивъ вредное множество ложныхъ боговъ, коихъ составляетъ себѣ богами множество безумцевъ, упорствомъ надмѣнней воли оскорбляя того, коего даромъ есть щастіе. Ибо не можешь ты не быть нещасливымъ, который щастіе какъ богиню почитаетъ, и Бога, подающаго щастія, оставляетъ, такъ какъ не можешь ты не переживатьъ глада, который на картинахъ написанный лежитъ хлѣбъ, а у человека, который настоящій хлѣбъ имѣетъ, не просить.

Глава двадесять претія.

О томъ, что одного Бога почитать должно, котораго хотя имено язычники не знаютъ, но чувствуютъ, что Онъ даруетъ щастіе.

Когда уже и малоразсудство человеческое чувствовало, что щастіе какой либо Богъ даруетъ, и сіе понимали люди, которые многихъ боговъ почитали, между коими и самаго ихъ Царя Юпитера; понеже иже и того, который даруетъ щастіе, не знали, и пошму именемъ вещи, о коей думали, что ошъ него дается, его называли. И такъ довольно дающе знание, что ни самъ Юпитеръ даровать не можеть щастія, но только пошъ, коего подъ именемъ щастія почитали. Я смѣю универсальствовать, что они вѣрили, что щастіе даетъ иный Богъ, котораго они не знали. И такъ

пускай они Его ищутъ, пускай почитаютъ, пускай отринутъ многоязвечность бесчисленныхъ демоновъ; пускай не доволенъ будешь богомъ симъ, для котораго не довольно дара Его; пускай, говорю, тошъ будешь не доволенъ, почитая Бога дарующаго щастіе, которой не доволенъ никакимъ щастіемъ. А который можетъ быть доволеннымъ (ибо не имѣетъ болѣе, чего желать), тошъ пускай благоугождаетъ одному Подателю щастія. Онъ не тошъ, котораго называютъ Юпитеромъ; ибо ежели бы признавали его подателемъ щастія, то не искали бы иного, или иныя, подъ именемъ самаго щастія, и самого Юпитера съ толикою обидою не почитали бы. Ибо Юпитера прославляютъ прелюбодѣемъ (1) и прекраснаго ошрока (2) безстыднымъ любилелемъ и похитителемъ.

Глава двадцать четвертая.

О театральныхъ играхъ, коихъ боги отъ почитателей своихъ требовали.

Но говоритъ Туллій, что сіе вымыслилъ Омиръ (1), и человѣческія дѣла богамъ приписалъ. Дѣльно не понравился важному мужу божескихъ пороковъ вымыслитель стихотворецъ. Такъ для чегожъ театральныя игры, гдѣ сіе предлагается, воспѣвается, представляется, въ честь богамъ опправляются, и почитаются отъ наичуднѣйшихъ между вещами божественными? Пускай здѣсь восклик-

кликнетъ Цицеронъ не противъ вымысловъ стихотворческихъ, но противъ установленій предковъ. Не возопилили бы и они сами: въ чемъ мы виноваты? Сами боги въ честь себя игры требовали, и съ прещеніемъ опправлять оныя повелѣли; и ежели бы опправляемы не были, бѣдствіе предвозвѣщали, и опмищали, когда повелѣніе ихъ пренебрежено было. Напротивъ показывали свое удсвольствіе, и то, что они умилоствивлены, ежели пренебреженное исполнено было. Тишу Латину (2), одному изъ черни, во снѣ сказано было, чтобъ онъ объявилъ Сенату, дабы игры возобновлены были; понеже въ первый день игры оныхъ, когда боги веселились, смотря на оныя, печальное зрѣлище приключилось, а именно, нѣкоего злодѣя при зрѣніи всего народа повелижъ казни. И какъ въ слѣдующій день тошъ, которому то во снѣ повелѣно, не осмѣлился исполнить повелѣнія, то въ другую ночь тожъ самое съ прещеніемъ ему подтверждено; чего онъ послыку и тогда не учинилъ, то лишился сына. Въ третію ночь сказано ему, что ежели онъ того не учинилъ, то большая казнь ему предлежитъ. Но какъ онъ и тогда донести о томъ Сенату не посмѣлъ, то впалъ въ тяжкую и ужасную болѣзнь. Тогда уже по совѣту своихъ друзей донесъ о томъ Сенату, принесенъ бывши на одрѣ въ Сенатъ, и по изъясненіи своего сновидѣнія, получивъ вдругъ прежнее здравіе, на своихъ ногахъ въ домъ возвратился, чѣмъ Сенатъ приведенъ бу-

дучи въ изумленіе, опредѣлилъ возобновить игры. Кто изъ благоразумныхъ не видитъ, что обладаемые люди злыми демонами, отъ власти коихъ (3) единственно освобождаетъ благодать Божія Иисусомъ Христомъ, Господемъ нашимъ, принуждены были по неволѣ опирая на то, что по благоразумію казалось мерзкимъ? Въ сихъ играхъ стихотворцами описанные боговъ пороки предлагаются, которые игры по повелѣнію и принужденію боговъ съ приговору Сенапскаго возобновлены. Въ оныхъ играхъ расплинали цѣломудрія Юпитера воспѣвали актеры, представляли, умилоствляли, которое все ежели бы было вымышленное, то Юпитеръ разгнѣвался бы. Когда же онъ своими пороками, да припомъ можетъ быть вымышленными увеселялся, то когда бы его стали почитать, ежели бы люди не діаволу служили? И такъ таковой ли богъ Римское государство могъ утвердить, распространить, сохранить, который всякаго Римлянина человека, которому таковыя игры гнусными казались, былъ хуже? Таковой ли даруетъ щастіе, который несчастно былъ почитаемъ? И ежели бы такимъ образомъ не былъ онъ почитаемъ, то несчастіе того гнѣвался бы.

Глава двадцать пятая.

*О трехъ родахъ боговъ, о коихъ рассуждалъ
Сцевола первосвященникъ.*

Повѣствуютъ въ своихъ книгахъ, что ученѣйшій первосвященникъ Сцевола (1) признавалъ три рода боговъ: первый отъ стихотворцовъ, другой отъ философовъ, третій отъ вельможъ. Первой родъ есть баснословной (2), понеже много о немъ вымышлено недостоиннаго; вторыи не приличествуетъ городамъ, понеже имѣетъ много излишняго и такого, чего народу знать не надобно. О излишнихъ не много спору; ибо и ученые люди обыкновенно говорятъ: излишнее не причиняетъ вреда. Чужо же такое есть, которое произносимо будучи при многоялюдствѣ, вредитъ? Сіе, говорилъ, что не сунъ боги Ираклій, Ескулапій, Касторъ, Поллюскъ; ибо сказываютъ ученые люди, что они были люди, и такъ какъ люди жизнь скончали. Что иное, какъ что города истинныхъ изображеній боговъ не имѣютъ, что истинный Богъ не имѣетъ ни пола, ни возраста, ни частей плѣсныхъ? Не хочеть первосвященникъ, дабы народъ о томъ зналъ; ибо онъ того ложнымъ не признаваетъ. И такъ выгоднымъ онъ почитаетъ, когда въ богочщеніи города обманываются. О семъ и Варронъ въ книгахъ о дѣлахъ Божественныхъ говоритъ не сомнѣвается подобно. Знатное благочестіе, къ которому бы немощный

прибѣгалъ для своего спасенія, который когда ищетъ истинны, тогда полезнѣйшимъ для него почитается, ежели онъ обманывается. Стихотворческій родъ боговъ для чего Сцевола отвергаетъ, оное не утаено въ тѣхъ же книгахъ: понеже стихотворцы боговъ такъ обезобразили, что они съ честными людьми сравниться не могутъ, когда иной изъ нихъ похищаетъ (3), иной прелюбодействуетъ. Также мерзко и непомерно и говорятъ и дѣлаютъ: будто при богини спорили между собою о красотѣ, и что двѣ, отъ Венеры въ томъ побѣждены будучи, раззорили Трою, и что самъ Юпитеръ превращается въ вола (4), или лебедя (5), дабы съ нѣкоторыми женами имѣть любовныя дѣйствія; что богини съ людьми совокупляются (6); что Сатурнъ дѣтей пожираетъ; и никакого не можно вообразить беззаконія, котораго въ богахъ не было по мнѣнію стихотворцевъ, хотя то совсѣмъ отъ природы боговъ удалено. О Сцевола, великій первосвященникъ! опмѣни игры, ежели можешь; повели народу, дабы онъ таковой чести богамъ безсмертнымъ не приносилъ, гдѣбъ можно было удивляться беззаконіямъ боговъ, и въ томъ, въ чемъ не трудно, подражать. Если же тебѣ въ отвѣтъ скажетъ народъ: вы намъ первосвященники сіе устали, то попроси боговъ, которые опправляютъ оныя повелѣли, дабы они повелѣли опмѣнить, которыя ежели худы и богамъ ни подъ какимъ видомъ присво-

воены быть не могутъ, то большая обѣда боговъ въ томъ состоитъ, что люди о нихъ все вымышляютъ и наказываемы не бывають. Но они себя не послушають, они суть демоны, наставляють на злое, радуются о мерзостяхъ; не только не поспавляютъ того за обиду, что о нихъ вымышляется, но тѣмъ болѣе оскорбляются, ежели въ уставленные имъ празднества отправляется оное не будетъ. Наконецъ, ежели Юпитера просить о томъ спавень, котораго болѣе беззаконій въ играхъ предлагается, и ежели при томъ Юпитеромъ вы называете бога, управляющаго міръ: то не оскорбляете ли его безмѣрно, что съ таковыми богами купно его почитаете и его Царемъ боговъ поспавляете?

Глава двадцать шестая.

Къ распространенію государства Римскаго пособствовало ли почитаніе многихъ боговъ?

И такъ никакимъ образомъ таковые боги, которые такими вещами умилоствляемы бывають, или лучше сказать обличаемы, такъ что они тѣмъ нечестивѣе, что вымышлечными беззаконіями наипаче увеселяются, нежели когда бы о нихъ говорили правду, не могли Римскаго государства ни распространять, ни сохранять. Ибо ежели бы боги сдѣлали оно было въ состояніи, то сей великій даръ они наипаче даровали бы Грекамъ, которые ихъ въ играхъ достойнѣе почитали, когда, видя

перзаемыхъ боговъ отъ спихотворцевъ, себя отъ того не изключали, позволяя имъ, кого угодно, равномерно перзати; припомъ и акшеровъ не почитали безчестными, но достойными знаемыхъ чиновъ судили. И какъ Римляне могли имѣть золотую монету, хотя бога Аврина не почитали, такъ могли имѣть и серебряную и мѣдную, хотябъ не почитали ни Аргентина, ни отца его Ескулана и проч. такъ и государство моглибъ имѣть, хотябъ не знали многихъ ложныхъ боговъ, или презрѣли, познавъ единого онаго Бога, и Его сердечною вѣрою почитая: тогда въ лучшемъ видѣ моглибъ видѣть свое царство, и послѣ сего получить вѣчное.

Глава двадцать седьмая.

О ложности гадательства, которымъ предназначалась крѣпость и незыблемость Римскаго государства.

Теперь разсмотримъ, сколь справедливо то, о чемъ я и прежде упоминалъ; прекраснымъ, говорящъ, было предназначениемъ, что Марсъ, Терминъ и Ювенласъ и Юпитеру самому мѣста не уступили. Ибо такимъ образомъ говорящъ: сіе предвѣщало, что Марсово опродіе, то есть Римской народъ, никому не уступитъ того мѣста, которымъ обладаетъ, и Римскія границы ради бога Термина никто не перенесетъ, и юношество Римское ради богини Ювенны никому не уступитъ. И такъ дол-

должны они осмотрѣться, какъ они почитаютъ Царя боговъ своихъ и дашеля владычества ихъ, когда сіи предназначения вѣрно проповѣдника ему полагаютъ, и говорятъ, что прекраснымъ дѣломъ есть ему не уступать, хотя, ежели сіе справедливо, не имѣютъ причины бояться чего либо. Ибо они признаются не могутъ, что ихъ боги уступили Христу, которые Юпитеру уступить не хотѣли. При всемъ томъ при цѣлости предѣловъ государства Христу уступить могли и удалиться отъ мѣстъ, а наипаче отъ сердецъ вѣрующихъ. Но прежде, нежели пришелъ Христосъ во плоти, прежде, нежели сіе писано, которое мы изъ ихъ книгъ предлагаемъ, однако послѣ, нежели когда было оное предназначение при Царѣ Тарквиніѣ, нѣсколько разъ Римское войско разбито и обращено въ бѣгство, и показало ложность онаго предвѣщанія, которое состояло въ томъ, что богиня молодости, или юношества, Юпитеру не уступила мѣста, и опродіе Марсово во время нападенія Галловъ въ самомъ городѣ сокрушено, и границы государства въ то время, когда многіе передались къ Аннибалу города, весьма были снѣсены. Такимъ образомъ изчезла мнимая ласпность предвѣщаній, и открылось упорство противъ Юпитера не боговъ, но демоновъ; ибо иное есть не уступить, иное возвратиться, откуда удалился. Хотя и послѣ въ восточныхъ странахъ по изволенію Адріанову (1) границы Римскаго государства были

были перемѣняемы; ибо онъ при знатнѣй-
шихъ провинціи, Арменію, Месопотамію, Асси-
рію, уступилъ Персидскому государству, такъ
что богъ Терминъ, который Римскія границы
по ихъ мнѣнію защищалъ, и въ разсужденіи
деспота онаго предвѣщанія Юпитеру мѣста
не уступилъ, болѣе Адріана Царя надъ людь-
ми, нежели Царя боговъ по видимому убоялся.
По возвращеніи же въ другое время оныхъ
провинцій, при нашей памяти перенесены
границы назадъ, когда Іуліанъ, оракуламъ бо-
говъ оныхъ предавшійся, по безпримѣрной оп-
вагѣ корабли повелѣлъ сжечь, на коихъ при-
возимы были сѣвственные припасы, которыхъ
лишившись войско, въ такой пришло недо-
статокъ, что ни одинъ воинъ опшуду не
вышелъ, особливо когда отовсюду нападали
непріятели, покуда съ уменьшеніемъ прошивъ
прежняго положены были границы. И такъ
пустымъ было предназначеніемъ, когда Тер-
минъ не уступилъ мѣста Юпитеру, который
уступилъ изволенію Адріанову, уступилъ без-
разсудству Іуліанову (2) и нуждѣ Іовіановой
(3). Видѣли сіе разумнѣйшіе и важные люди
изъ Римлянъ, но прошивъ обычая города, пре-
давагося демонскимъ обрядамъ, были не силь-
ны; понеже и сами они хотя чувствовали,
что оное щетно, однако природѣ вещей,
состоящей подъ властію и повелѣніемъ еди-
наго истиннаго Бога, благочестное почтеніе,
приличествующее и подобающее Богу, возда-
вали, *работалъ*, какъ говоритъ Апостолъ,

твѣ-

*твари паче, нежели Творцу, иже есть благо-
словенъ во вѣки. Сего истиннаго Бога по-
требно было помощи, дабы Онъ послалъ му-
жей святыхъ и не ложно благоговѣющихъ,
которые бы за истинное благочестіе умерли
и истребили отъ людей заблужденіе.*

Глава двадцать осьмая.

*Какихъ были мыслей о языческихъ богахъ
ихъ самые почитатели.*

Цицеронъ самъ гадатель по птичьимъ
движеніямъ (1), однако смѣется онымъ га-
дательствамъ, и охуждаетъ (2), что люди
жизни своей дѣйствія управляютъ по голосу
ворона и вороны. Но сей Академической сек-
ты философъ (3), который питается все
сдѣлавъ сомнительнымъ, недостойнъ того,
чтобъ въ семъ случаѣ его разсужденіе ува-
жить. Разглагольствуетъ у него Квинтъ
Лукилій Балбъ (4) во второй книгѣ о приро-
дѣ боговъ, и когда самъ суевѣрія изъ приро-
ды вещей какъ бы физическія и философ-
скія вводитъ, однако негодуетъ на то, что
введены ваянія и мнѣнія баснословныя, такъ
говоря: и такъ видите ли, какъ отъ физи-
ческихъ вещей, съ пользою изобрѣшенныхъ,
взятъ случай къ мнимымъ и вымышленнымъ
богамъ? Сіе самое породило ложныя мнѣнія,
и заблужденія, и суевѣрія бабы. Ибо извѣ-
стны намъ и образы боговъ, и возрастъ, и
одѣяніе, и украшеніе; сверхъ того роды,

III 5

бра-

браки, сродство и все наклонено къ подобію немощи человѣческой: ибо описывающіеся имѣвшими возмущенный духъ. Представляютъ намъ боговъ въжделнія, болѣзни, гнѣвъ; при томъ, какъ описываютъ басни, боги брани между собою имѣли и сраженія. Не только, какъ у Омира, когда два войска прошивныя (5) боги одни то, другіе другое защищали, но и собственныя свои войны имѣли, какъ то съ Типанами (6), или Исполинами. Сіе и говорятъ и вѣрятъ безумно; понеже все то наполнено вздорами и крайнимъ легкомысліемъ. Въспомни какимъ образомъ признающіеся защищающіе языческихъ боговъ! Потомъ, когда сказалъ, что сіе принадлежатъ къ суевѣрію, къ благочестію же, которому онъ на подобіе Стоиковъ по видимому научалъ, что? Не только, говоритъ, философы, но и предки наши суевѣріе отъ благочестія раздѣляли; ибо которые чрезъ цѣлый день молились и приносили жертвы о жизни и здравіи своихъ дѣтей, тѣхъ называли суевѣрными. Кто не понимаетъ, что онъ, боясь обыкновенія градскаго, старается выхвалить благочестіе предковъ, и хочетъ оное раздѣлить отъ суевѣрія; но какимъ образомъ оное сдѣлать должно, не находить? Ибо ежели тѣ отъ предковъ названы суевѣрными, которые чрезъ цѣлый день молились и жертвы приносили, то для чего не названы и тѣ купно суевѣрными, которые ввели то, что онъ оуждаетъ, то есть ваянія боговъ въ различномъ возрастѣ, одѣ-

одѣяніи, также родословія боговъ, браки, сродство? Сіе когда какъ суевѣрное оуждается, то сія вина относится на предковъ, заводчиковъ шаковыхъ кумировъ и почитателей; относится и къ нему самому, который хотя краснорѣчіемъ своимъ силился выпутать на свободу, однако по нуждѣ пожъ самое почищаетъ; и что въ семъ разглагольствіи по своему краснорѣчію произноситъ громко, онаго къ народу и сквозь зубы выговорить не могъ. И такъ воздадимъ благодареніе Христіане Господу Богу нашему, не небу и земли, какъ Онъ говоритъ, но Создавшему небо и землю, что Онъ сіи суевѣрія, которыя Балбъ едва осмѣлился тайно оуждать, наиглубочайшимъ Христовымъ смиреніемъ, проповѣдію Апостольскою, вѣрою мучениковъ, за истинну умирающихъ и съ истинною живущихъ, не только въ сердцахъ благочестивыхъ людей, но и въ храмахъ суевѣрныхъ свободнымъ своихъ служеніемъ испребилъ.

Глава двадесять девятая.

О мнѣніи Варроновомъ, который, стринувъ народное предубѣжденіе, хотя къ познанію единого Бога не достигъ, однако признавалъ, что одного Бога почитать должно.

Что самый Варронъ, о которомъ сожалительно, что между вещами, до богослуженія принадлежащими, хотя не собственнымъ разсужденіемъ, когда во многихъ мѣстахъ къ по-

почитанію боговъ увѣщааетъ, псалмьныя игры положилъ, не такимъ ли образомъ признается, что онъ не по своему разсужденію тому послѣдуетъ, что городъ Римъ завелъ; что ежели бы вновь онъ его построилъ, то и боговъ и имена оныхъ по образу наипаче природы онъ ввелъ бы? Но понеже оное древнимъ народомъ принято, то говоритъ о себѣ, что онъ долженъ держаться повѣсти, какъ она написана въ именахъ, и что онъ на томъ концѣ пишетъ и изслѣдуетъ, дабы народъ наипаче спремился боговъ къ почтенію, нежели къ презрѣнію; которыми словами довольно даетъ знать, что онъ не все изъясняетъ, которое не только онъ презираетъ, но презрѣлъ бы и народъ, ежели бы отъ него скрываемо не было. Я изъ сего мѣста догадываюсь бы только могъ, что онъ такихъ мыслей, ежели бы онъ, ясно на другомъ мѣстѣ говоря о благочестіи, не сказалъ, что много есть истиннаго, о чемъ знаетъ народу не полезно; но хотя бы что было и ложно, однако надлежитъ, дабы народу внушаемо было инако. И для того-то Греки о своихъ телесахъ (1) и пайнахъ (2) молчали. Здѣсь всѣ свои мысли открылъ и тѣхъ, которые города и народы управляють. Симъ однако обманомъ несказанно увеселяются злые духи, которые и обманщиками и обманутыми равно обладаютъ, отъ коихъ владычества ничто людей не избавляетъ, кромѣ благодати Божіей чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего.

шего. Говоритъ также томъ же ученѣйшій писатель, что ему кажется тѣ только выразумѣли, что есть Богъ, которые признавали Его душою, движеніемъ и разумомъ міръ управляющею, и чрезъ то хотя не достигъ онъ самой истинны, ибо Богъ истинный не есть душа, но Творецъ души, однако ежели бы онъ отъ предразсужденія заколеблago могъ освободиться, то призналъ бы, что одного Бога почитать должно, который движеніемъ и премудростію міръ управляетъ. Слѣдовательно между имъ и нами остался бы одинъ сей споръ, что онъ называлъ Бога душою, а не Творцемъ души. Онъ также сказывалъ, что древніе Римляне (3) болѣе, нежели чрезъ сто и семьдесятъ лѣтъ, почитали боговъ безъ кумировъ. Ежели бы, говоритъ, сіе продолжилось по нынѣ, то непорочнѣ боги почитаемы были бы, которому своему мнѣнію въ подкрѣпленіе приводитъ между прочимъ народъ Іудейскій, и не убоился онаго мѣста заключить сими словами: которые первые ваянія боговъ народамъ поставили, тѣ и отъ городовъ оныхъ страхъ истребили, и заблужденіе приумножили, благоразумно почитая, что боговъ удобно можно презрѣть въ безумныхъ ваяніяхъ. А что онъ говоритъ, что заблужденіе не ввели, но приумножили, то даетъ знать, что и безъ ваяній и кумировъ заблужденіе было. Почему когда говоритъ, что тѣ одни выразумѣли, что есть Богъ, которые Бога почитали душою, міръ управляющею,

щею, и признаваеѣ, что безѣ ваянїй непо-
рочнѣ было бы богочитанїе: то кто не
видиѣ, сколь далеко онѣ ошстояѣ отѣ
испннны? Ибо ежели бы сколько нибудѣ во-
оружился противѣ сего застарѣлаго заблуде-
нїа, то конечно признаѣ бы, что и Богѣ
есть единѣ, копорый управляетѣ мїрѣ, и
что Его безѣ ваянїй почитатѣ надлежитѣ.
И будучи столь близокѣ кѣ испнннѣ, можетѣ
быѣ переѣнилѣ бы свое мнѣнїе о душѣ, и
упвердилѣ бы съ нами, что Богѣ есть суще-
ство неизмѣняемое, копорый и самую соѣво-
рилѣ душѣ, и Онѣ-то есть Богѣ испннннй.
Когда сіе такѣ, то всѣ таковыя писатѣли,
копорые охудали почитанїе многихѣ боговѣ,
инѣ кажеѣся тайнымѣ Божїимѣ изволенїемѣ
убѣждены будучи, въ томѣ признавалисѣ, а
не для увѣренїа въ томѣ другнхѣ. И такѣ
когда мы изѣ оныхѣ приводимѣ свидѣтель-
ства, то кѣ обличенїю тѣхѣ приводимѣ, ко-
порые не хотятѣ вникнуть, отѣ коликой
и коль пагубной демоновѣ обласи насѣ из-
бавляетѣ особенная жертва столь святѣйшїа
крови, излїянная за насѣ и дарѣ Духа даро-
вавшїа.

Глава шрїдесятая.

*Сѣ кажимѣ видомѣ пользы обладатели язы-
ковѣ у покоренныхѣ себѣ народовѣ ложныхѣ
не измѣняли богочитанїй.*

Онѣ также объявляетѣ и о родахѣ бо-
говѣ, что народѣ болѣе уклонился кѣ стихо-
твор-

творцамѣ, нежели кѣ физикамѣ; и для того
и полѣ и роды боговѣ предки его, то есть
Римляне, также и браки признавали, что са-
мое не для какой иной причины сдѣлано,
какѣ только что разумные и премудрые лю-
ди за долгѣ себѣ почитали обманывать народѣ
въ богочитанїи, и чрезѣ то не только по-
читатѣ, но и подражатѣ демонамѣ, копо-
рые непрестанно щатѣся обманывать. Ибо
какѣ демоны не могутѣ обладатѣ никѣмѣ,
разѣ копораго прельстятѣ: такѣ и непра-
ведные начальники, подобные демонамѣ, то,
что ложнымѣ сами признавали, подѣ именемѣ
благочеснїа народу внушали, тѣснѣйшимѣ
въ разсужденїи общества связывая его со-
юзомѣ, дабы имѣ владычествовать. И такѣ
какой человекѣ немощный и непросвѣщенный
могѣ избавиѣся и отѣ власней лукавыхѣ и
демоновѣ?

Глава шрїдесять первая.

*Что премудростїю и властїю истиннаго Бо-
га всѣхѣ Царей и царствѣ уставлены вре-
мена.*

И такѣ Богѣ, податель благоденствїа и
источникѣ, понеже единѣ есть испннннмѣ
Богомѣ, то даетѣ царства земныя и благимѣ
и злымѣ. При всемѣ томѣ не безѣ причины
и не по случаю, поелику Онѣ Богѣ, а не
Форшуна, но порядкомѣ и временемѣ, Ему
одному извѣстнымѣ, хотя отѣ всѣхѣ сокро-
вен-

веннымъ, которому однако времени порядку не по необходимости служилъ, но какъ Господь управляетъ и устрояетъ. Благополучіе же не даруетъ, развѣ однимъ добрымъ; ибо оное могутъ имѣть (1) и не имѣть подданные; могутъ и не имѣть и имѣть обладатели, которое однако тогда и въ этой жизни будетъ полнымъ, гдѣ ни одинъ другому рабоблгспивовать не станетъ. И для этого царства земныя и добрымъ даетъ и злымъ, дабы почитатели Его, будучи духомъ несовершенны, сего оиъ Него такъ, какъ бы чего великаго, не требовали. И сіе есть тайною вѣщаго завѣща, въ коей заключалась и новая; ибо и тогда обѣщанія земныя (2) многіе духовно разумѣли, хотя ясно не проповѣдывали; также и то понимали, какія оными временными вещами означается вѣчность, и въ какихъ Божіихъ дарахъ состоятъ истинное блаженство.

Глава шридесять вторая.

О государствѣ Іудейскомъ, которое учреждено отъ единого Бога, и было сохраняемо, покуда въ истинномъ богопочитаніи Іудеи пребывали.

И такъ, дабы познали люди, что временное добро, къ которому стремились, кси о лучшемъ помышлять не могутъ, единственно во власти Божіей состоятъ, а не многихъ ложныхъ, коихъ боготворили Римляне:

по

то Богъ народъ свой въ Египтѣ изъ малаго числа людей (1) размножилъ, и ошпуда съ содѣланіемъ великихъ чудесъ ихъ свободилъ. Не призывали жены Іудейскія Луцины, когда, дабы родъ ихъ крайнѣ и чуднымъ образомъ умножился, оиъ Египтянъ, ихъ гонящихъ и младенцевъ всѣхъ убивать старающихся, самъ Богъ ихъ избавлялъ и сохранялъ. Безъ богини Румины ссали младенцы ихъ сосцы; безъ Кунины были въ колыбеляхъ; безъ Едуки и Пошины пищу и питье употребляли; безъ шоль многочисленныхъ младенческихъ боговъ воспитывались; безъ Пріапа бога мужи ихъ съ женами совокуплялись; безъ призыванія Непшуна море для прехожденія имъ раздѣлилось и гонящихъ за ними враговъ волнами покрыло; не боготворили они какой нибудь богини Маннѣи, когда низносылаема была съ небесъ имъ манна; не почитали Нимфъ и Лимфъ, когда для нихъ во время жажды произведена была вода изъ камня; безъ жертвоприношеній Марсу и Беллонѣ брани осправляли; безъ Викторіи одерживали побѣды, и оную богинею не признавали, но даромъ Божіимъ; безъ Бобоны воловъ, безъ Меллоны меда, безъ Помоны фрукты употребляли. Однимъ словомъ, все, для котораго Римляне великую полпу ложныхъ боговъ почитали, оиъ одного Бога истиннаго благополучіе пріимати. И ежели бы они не согрѣшили во первыхъ, какъ бы обвороченные и очарованные впаявъ въ идолопоклонство, и наконецъ

Часть I.

III

еже-

еже бы не умертвили Христа: то въ томъ же государствѣ, хотя оно не столь пространно, щастливѣе пребывали бы по нынѣ. И теперь, что они разстѣяны по всѣмъ спранамъ, то оное погложь истиннаго Бога промысломъ содѣлано, дабы, какъ боговъ ложныхъ вездѣ кумиры, жерпвенники, роши, храмы будущь разрушаемы, и священнослуженія ихъ возбраняемы, что за долго Пророками было предвозвѣщено, не подумалъ кшо и не поставилъ бы вымышленнымъ чипаемое у насъ. Слѣдующее разсмотримъ въ слѣдующей книгѣ; а сей, дабы не была продолжительностію свою тягоспна, здѣсь полагаемъ предѣлъ.

Конецъ книги четвертой о градѣ Божіемъ.

ПРИ

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, четвертую.

На главѣ четвертую.

(1) Понеже и самые разбои. Сіе самое прекрасно изобразилъ Кипріанъ къ Донату: Обагрятся, говоришь, вселенная взаимною кровію, и человекоубійство, когда дѣлаешь человѣкъ одинъ, поставляется преступленіемъ; добродѣтели же называется, когда человекоубійство пожь дѣлается общественно. Безнаказательность снискиваетъ не невинность, но безчеловѣчія великость. И поистиннѣ во-евавъ не только не естъ знакомъ добрыхъ людей, но ниже людей. Сіе неистовство естъ звѣрей, какъ и самое имя войны, bellum, отъ bellua, звѣря, названіе получило, по мнѣнію Цицерона и Феста.

(2) Нѣкоторый пойманный морской разбойникъ. Изъ Цицероновой книги о республикѣ, какъ находилъ у Нонія Маркелла; ибо когда спросилъ его Александръ, какое бы онъ имѣлъ право разбивать на морѣ, имѣя припомъ одно небольшое судно, оспивство-валъ: шаквоежъ, какъ и ты, который разбиваешь вселенную; но какъ я разбиваю, разбивая на одномъ суднѣ съ немногими людьми, то меня и называютъ разбойникомъ; а

Щ 2

ты

ты поелику тожъ самое дѣлаешь съ многочисленною арміею и на многихъ корабляхъ, то тебя называютъ Императоромъ. Луканъ въ кн. десятой Александра называетъ щастливымъ вселенныя разбойникомъ.

На главу пящую.

(1) Трехъ имѣли они у себя предводителей. Спартакъ, Хриза и Эномая. Достойно памяши то, что Плиній въ книгѣ тринадцатъ третіей повѣствуетъ, что Спартакъ заперши въ своемъ войскѣ имѣть золото и серебро; почему и неудивительно, что его армія крайнѣ умножилась. И такъ, мнѣ кажется, лучше было устанавленіе въ лагеряхъ бѣглыхъ, нежели сильныхъ Царей Мидскихъ въ горахъ.

(2) Не долго владычествовали. Въ третій годъ по побѣгъ истреблены Ликиніемъ Красомъ.

На главу шестую.

(1) Юстинъ. Трогъ Помпей съ начала народовъ и языковъ велъ свою исторію до своихъ временъ. Юстинъ огромное свое сочиненіе сократилъ, такъ какъ Флоръ Ливія. Нынѣ вмѣсто Трога читается Юстинъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что они Трогову исторію видѣли въ Италіи, однако я думаю, что они сіе видѣли во снѣ.

(2) Первый изъ всѣхъ Нинъ. Сей былъ Вилловъ сынъ.

(3)

(3) На сосѣдей. Извѣстно, что прежде Нина войны были: Африканцы и Египтяне между собою воевали. И Плиній въ пятой книгѣ свидѣтельствуетъ, что первые изобрѣтатели войны Финикіяне; Юстинъ же почитаетъ Вескора Египетскаго и Танаиса Скиѣскаго Царя, которые съ опдаленными народами изъ одной славы воевали; Нинъ же первый съ сосѣдними народами изъ желанія распространить свои предѣлы.

(4) Что Римское. Сколь долго продолжалась Ассирійская монархія, въ томъ великое разногласіе у писателей: Евсевій считаетъ тысячу двѣсти сорокъ лѣтъ, Діодоръ Сицилійскій тысячу прісчитъ шестидесятъ, Юстинъ уменьшаетъ изъ сего числа шестидесятъ лѣтъ. Также и о числѣ Царей не согласуютъ: Діодоръ прісчитъ Царей изчисляетъ, Евсевій прісчитъ шесть, Веллей отъ Нина до Сарданапала прісчитъ три, Августинъ же писалъ книги о градѣ Божіемъ во время Онорія и Θεодосія младшаго около лѣта отъ построенія Рима тысяча сто семьдесятъ.

На главу седьмую.

(1) Мидяне. Чрезъ Арбака, Губернатора Мидскаго, которой Сарданапала побѣдилъ, вознегодовавъ за то, что толь распустному и между женами жизнь препровождающему многія тысячи народу повинуются, какъ пишетъ Юстинъ, Орозій, Плутархъ, Евсевій, Діодоръ и другіе.

Щ 3

(2)

(2) Къ Персамъ. Царствовали Мидяне въ Азіи отъ Арбака до Кира, Камбизова сына, пристра пятьдесятъ лѣтъ. Астиагъ былъ послѣднимъ Царемъ, котораго отъ дочери Манданы, вышедшей замужъ за Камбиза, родился Киръ, котораго дѣдъ, получивъ извѣщаніе во снѣ, повелѣлъ бросить на снѣденіе звѣрямъ, но младенецъ сохраненъ судьбою. Онъ возрасши пришелъ въ Персеполь, и собравъ народъ, повелѣлъ ему рубить лѣсъ; на другой день для тогожъ народа приказалъ изготовить великолѣпный миръ, и спрашивалъ, который день для нихъ лучшимъ кажется, вчерашній, или нынѣшній. И какъ всѣ сказали, что нынѣшній, тогда онъ: покуда, продолжалъ, будете вы повиноваться Мидянамъ, покуда жизнь ваша будетъ вамъ вчерашнимъ днемъ; какъ же скоро вы ими станете обладать, то она для васъ будетъ днемъ нынѣшнимъ. Такимъ образомъ собравъ великое войско, побѣдилъ армию дѣдову, и государство пренесъ къ Персамъ.

(3) Которые. Царство Персидское отъ Кира до Александра Филиппова сына продолжалось двѣсти тридцать лѣтъ. Александръ владычествовалъ надъ всею Азіею шесть лѣтъ.

На главу осьмую.

(1) Клоацинъ. Имя сіе испорченное, читать должно Клоацинъ, который ваяніе найдено Типомъ Таціемъ въ большомъ нечиستمъ стихѣ (In magna cloaca), отъ чего и Клоа-

Клоациною она названа; поелику не знали чье оно изображеніе составляется, того ради отъ мѣста, то есть отъ нужника (Cloaca), дали ему имя, въ коемъ оно найдено.

(2) Волупіѣ. Ея храмъ былъ близъ вратъ Римскихъ, какъ пишетъ Варронъ въ книгѣ претіей о языкѣ Латинскомъ. Макровій въ Сатурн. повѣствуетъ, что въ 21 день Декабря празднество опираемо было богинѣ Ангероніи въ храмѣ Волупіи, которая Ангериною по тому, какъ Веррій Флаккъ говоритъ, называется, понеже умилоспавлена бывши, angore, печали и прискорбности прогоняетъ. Прилагаетъ Мазурій, что ваяніе сея богини иже въ завязанныхъ и запечатанныхъ уста, которое поставлено въ храмѣ Волупіи для того, что кто своихъ прискорбностей нечувствующимъ приписывается, тотъ посредствомъ терпѣнія къ великому удовольствію (Volupiam) достигаетъ.

(3) Или Либентинѣ. Либентиною Варронъ въ книгѣ претіей о языкѣ Латинскомъ называетъ Венеру отъ Libidine, сладострастія.

(4) Вапикану. Геллій въ книгѣ шестойнадесяти изъ Варрона Вапиканомъ его называетъ.

(5) Кунинѣ. Сія богиня младенцовъ въ колыбеляхъ зацѣпляетъ.

(6) Сегеціѣ. Плиній ее называетъ въ книгѣ осьмидесяти Сегестіею; ибо сихъ боговъ на мѣстѣ тогда знали: Сею, отъ Scendo, сѣя-

сбѣнія; Сегесту, отъ S. getibus, класовъ, коихъ валяна на площади стояли.

(7) Богиню Тупилину. Тупанъ и Тупилина боги упражняются въ сохраненіи вещей. Варронъ говоритъ, что сихъ боговъ обыкновенно въ бѣдственныхъ и нечаянныхъ случаяхъ призывали.

(8) Прозерпину. Сія была дочь Цереры и Юпитера, которую дядя ея Плутонъ похищилъ. Цицеронъ въ книгѣ второй о природѣ боговъ пишетъ: Прозерпина есть та самая, которая по Гречески называется Персефона, которую поспавляютъ сѣмечами плодовъ, которая, сокровенна будучи, ищется матерію. Варронъ же Прозерпину называетъ Луною, по мнѣнію Эннія и Эпихарма.

(9) Богиня Флора. О сей многіе думаютъ, что она есть Анка Ларенція блудница. Другіе почитаютъ ее Мелибею, дочерью Ніобы, которая, боясь Аполлина и Діаны, перемѣнивъ видъ въ лицѣ своемъ, Хлорою названа.

(10) Лакшурція. Иные называютъ ее Лакшудиною. Свѣтъ въ изъясненіи первой книги эмледѣл. богомъ, млекопитающимъ.

(11) Миллута. Была Кадмова дочь, Аэманшова жена, которая когда съ камня бросилась въ море, то по перемѣнѣ имени изъ Ины названа Бѣлою богинею. У Латинцевъ Миллута мать, которая есть та же самая, что Аврора, заря, отъ которой произвождается *Mil timum tempus*, утреннее время. Она сына имѣла Медицера, морскаго бога,

ко-

которой также по перемѣнѣ имени названъ Милемономъ. Храмъ ему былъ въ осьмой части Рима.

(12) Рунцина. Упоминаетъ объ ней Варронъ въ книгѣ о Латинскомъ языкѣ. У древнихъ *Runcare* и *Aveuncare* значило изнѣгать, ошверщать, откуда производится Аверрункъ богъ, ошверститель золъ.

(13) Всякъ. Всякой человѣкъ одного при- ставляетъ спража у дверей; и хотя приславникъ оный есть человѣкъ, однако можетъ одинъ охранить домъ. Но боговъ и ихъ не довольно.

(14) Кардію. Лучше сказать Карну, которая въ древности называлась Краною, которая изнасилована отъ Януса, и сей богъ далъ ей право надъ крюкомъ у дверей. Праздновали ей 1 числа Іюня, какъ Овидіи въ шестой книгѣ праздниковъ.

На главу девятую.

(1) На высокомъ холмѣ. Тарпейскомъ.

(2) Юпитеръ все наполняетъ. Луканъ въ 8: жилище Божіе есть, гдѣ земля, море, воздухъ и небо, на чемъ мы ищемъ небожителей: Юпитеръ есть все то, что ни видишь и куда ни обратишься.

(3) Варронъ. Плутархъ утверждаетъ, что древніе философы Юпитеромъ называли разумъ, создавшій всѣ вещи и даровавшій жизнь.

На главу десятую.

(1) Ютишера. Цицеронъ во второй книгѣ о природѣ боговъ пишетъ, что Юпитеромъ названъ епися небо. Стоики же говорящъ, что воздухъ между небомъ и моремъ проліянный, есть Ючона, которая есть и сестра и жена Юпитерова.

(2) Нептуну. У Сатурна три сына было: Юпитеръ, Нептунъ и Плутонъ. Они мѣръ между собою раздѣлили такъ: Юпитеру досталось небо, Нептуну моря, Плутону земля. Юнона вышла за Юпитера, и поставлена обладательницею надъ воздухомъ. Симъ вымысломъ испинна прикрыша такова: они раздѣлили государство опцовское: востокъ достался Юпитеру, который небеснымъ называется, гдѣ и Олимпъ гора, которая подобіемъ и сходствомъ имени своего басню сію подкрѣпила. Обладаетъ моремъ и флотомъ досталось Нептуну, западная часть досталась въ жребій Плутону; почему и написали, что онъ владычествуетъ у преисподнихъ. Ибо и обѣ Сатурнъ сказываютъ, что онъ изгнанъ въ преисподнюю, когда онъ съ восточка ушелъ въ Италію, которая есть на западѣ.

(3) Салація. Фестъ пишетъ, что древніе воду называли Салаціею. За воду у стихотворцовъ полагается. Діодоръ Сицилійскій пишетъ, что Нептунъ первый изобрѣлъ искусство въ мореплаваніи, и за що отъ Юпитера

тера надъ флотомъ бывши поставленъ, почтенъ отъ потомковъ за морскаго бога.

(4) Прозерпина. Сію Церерину и Юпитеру дочь Плутонъ въ Сициліи похищилъ, которую мать долго искавъ, наконецъ нашла во адѣ, и исходапайствовала у Юпитера, дабы Прозерпина полгода жила съ мужемъ и полгода въ горнихъ мѣстахъ съ нею. О похищеніи Прозерпины наполнены Греческіе и Латинскіе писатели.

(5) Гдѣжъ будетъ Минерва. Евгемеръ въ священной исторіи пишетъ, что Минерва есть дочь Юпитерова и Семидина. Цицеронъ пишетъ Минерву описываетъ въ претіей книгѣ о природѣ боговъ. Но по обыкновенію стихотворцовъ онъ всѣ безъ разбору полагаются.

(6) Понеже Сатурнъ, говорящъ. Пишетъ Исідоръ, Евгемеръ и Діодоръ, что Сатурнъ есть сынъ Неба и Земли, человекъ нечестивѣйшій, которому за его неупотребство заплащилъ сынъ его Юпитеръ; ибо онъ изгнанъ имъ, какъ онъ самъ изгналъ отца, и показалъ собою, что справедливо говорится: отъ другаго того ожидай, что сдѣлаешь иному. Его богомъ времени называютъ. Дѣтей посядающимъ описывается; понеже въѣтъ какъ бы снѣдается лѣта, и прошедшими годами питаются, но не насыщаются.

(7) Ибо и сіе. То есть, что Юнона есть земля. Сіе объявляетъ Варронъ въ книгѣ претіей о Латинскомъ языкѣ, гдѣ Юнону землею (Tellam и Tellurem) называется, Плутархъ

также, какъ находится въ приуготовленіи Евангельскомъ Евсевіевомъ, изъясняетъ чрезъ Юнону землю и брачное соединеніе мужа и жены. Сервій же утверждаетъ, что Юпитеръ вмѣсто зеира полагается и воздуха, Юнона вмѣсто земли и воды.

(8) Не уже ли двѣ Венеры. Платонъ въ бесѣдѣ двѣ полагаетъ Венеры: одну небесную, которая наисвятѣйшую возбуждаетъ любовь; другую дольную и общенародную, коею къ похоти возбуждается.

(9) Которой Финикіане. Сіе о Кипрянехъ повѣствуетъ Юстинъ въ книгѣ второйнадесять. Обычай, говорилъ, былъ у Кипрянъ возрастшихъ и dospѣвшихъ замужесвенныхъ лѣтъ въ уреченные дни вывозить на берегъ къ морю, дабы они любодѣйствомъ промышляли себѣ приданое. Я думаю, что сіе по установленію было Венерину, которая, какъ Лактанцій изъ священной языческой исторіи предлагаетъ, заводчицею была блуднаго житія, и научила Кипрянокъ любодѣйствомъ корысть себѣ пріобрѣтать. Спрабонъ повѣствуетъ, что и въ Арменіи былъ такой же обычай. Иродотъ пишетъ тожъ о Лидянахъ и Вавилонянахъ и прочихъ.

(10) Сопрудника. Ибо Вулканъ и Минерва пекутся о перунахъ Юпитеровыхъ.

На главу первуюнадесять.

(1) Тѣлеснаго міра есть душа. Такъ говорили Фалесъ Милетской и Демокритъ. Спори-
ки

ки же съ Платономъ хотя называютъ бога умомъ, но говоряшъ припомъ, что онъ міра вмѣсто тѣла не употребляетъ, но утверждаетъ, что міръ есть самъ Богъ, имѣющій душу. Древніе многіе солнце душею міра посматривали и называли умомъ.

(2) Луциною. Цицеронъ пишетъ, что сія богиня есть тожъ, что и Луна и Діана и Юнона.

(3) Вагитаномъ. Тожъ значитъ, что и Вапиканъ.

(4) Карментами. О сей пишушъ, что она была Аркадскаго Царя дочь, и называлась прежде Никоспратою, которая съ Меркуріемъ родила Евандра, и которая, ставши наконецъ на подобіе бѣснующейся, смертнымъ предвозвѣщала судьбы.

(5) Румою. Сія почитаема была богинею сословъ; понеже Руменъ древнее слово значило сосцы, какъ пишушъ Плиній и Феспъ.

(6) Потинъ. Сію богиню инако называютъ Пипикою, которая владычествовала надъ пипіемъ.

(7) Вениліею. Виргилій пишетъ, что Венилія есть мать Турнова, сестра Аматы, Лапинскаго Царя жены. Варронъ говоритъ, что Вениліею она названа отъ Veniēdo, прихода, или хода.

(8) Каменою. Сервій говоритъ, что Камены суть Музы, и называются Каменами отъ Санта, пѣнія. Феспъ же увѣряетъ, что Камены названы отъ Сапа mente, непорочной
мы-

мысли. Храмъ ихъ былъ въ Римѣ у воротъ Капенскихъ.

(9) Консомъ. Ливій, Діонисій и Плутархъ пишутъ, что сей богъ есть Нептунъ, на коныхъ вѣдѣній, которому храмъ построили Аркадяне прежде Ромула и Рема. Онъ почитаемъ былъ богомъ совѣтовъ.

(10) Сентіею. Фавна, Фавнова жена, Пикова дочь, Сентою и Фавною наречена отъ Fando, вѣщанія; понеже думали, что ея помощію отроки говорили начинающъ. Можетъ быть и Сентою по тому, что людскія чувствованія и мысли извѣсняла.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Викторія. Былъ храмъ Викторіи близъ площади въ Римѣ, построенный старшимъ Катономъ. Былъ и другой храмъ, которой построилъ Постумій Мегеллъ на штрафныя деньги. Исідоръ говоритъ, что Викторія есть дочь Стикса и Палланты. Братъями ея почитаются Ревность, Могущество и Сила, которые всегда сосѣдствуютъ Юпитеру.

На главу шестуюнадесять.

(1) Богиню Спимулою. Не та ли самая, которая называется и Орфою, которая, будучи между смертными, Ерсиліею нарицалась, и была женою Ромуловою; которая отъ Hortando, совѣщанія и убѣжденія, Гортою наименована? Храмъ ея никогда заповоремъ не былъ, въ знакъ того, что она непрестанно

что либо знаменитое повелѣваетъ дѣлать. Она по смерти преименована Орою, промысла богинею, и не терпитъ негладивыхъ и лѣнивцовъ.

(2) Помпоній. Ермолай, Бэралдъ и другіе многіе приводящъ о сей мадеріи Помпоніа въ свидѣтели, но не извѣщаютъ, кто таковъ Помпоній; ибо ихъ было много: Помпоній Апшикъ, Помпоній орашоръ, Помпоній Мела, Юлій Помпоній, трагическихъ стиховъ писатель, о коемъ воспоминаетъ Квинтиліанъ; Помпоній крисконсультъ.

(3) Миръ же. Я думаю, что покой къ умершимъ принадлежалъ. Покойнымъ назывался отъ древнихъ Орхъ, того-то ради покой въ города былъ почитаемъ. Храмъ покоя стоялъ на дорогѣ Лабицинской, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ четвертой.

На главу осьмуюнадесять.

(1) И щастіе. О храмъ ея многократно воспоминаетъ Плиній. Ваяніе ея купилъ у Архезилая Лукуллъ за девять сестерціевъ, какъ пишетъ Плиній въ книгѣ прищанъ пятой.

(2) Храма. Различныя были щастію храмы: худого щастія и проклятаго, щастія кавалерскаго, щастія мужественнаго, щастія малаго, щастія дѣвственнаго, первороднаго, повинующагося, чистаго, общественнаго, мужскаго, благонадежнаго, отвращающаго, обрабающаго, ласкательствующаго, сомнительнаго, боро-

бородашаго, женскаго, копорыя введены Сервіем Тулліемъ; понеже онъ изъ рабовъ щасіемъ Царскаго достоинства достигнулъ.

На главу девяшунадесять.

() Взяніе. По полученіи вольности на осьмомнадесять году, когда Марцій Каріоланскій, бывшій въ ссылкѣ, вооружился противъ онечезства, и силою опогнанъ опъ Рима, ни умоленъ бытъ не могъ, шо слезами женъ умоленъ и преклоненъ. Чего для и построенъ храмъ щасію женскому на четвертой милѣ опъ Рима, копорой когда былъ посвящаемъ, тогда ваяніе сіи слова выговорило: правильно вы меня, жены, видѣли, правильно обоготворяли, какъ пишушь Ливій, Валерій и Плутархъ. Лактанцій же говоритъ, что ваяніе женскаго щасія бѣдспіе предвозвѣстило; но сіе послѣ.

(2) Но и мужеская. Храмъ онаго споялъ на берегу Тибра. Праздникъ совершали оному въ 1 число Апрѣля.

На главу двадесашую.

(1) И добродѣтель богинею. Добродѣтели обѣщанъ храмъ воздвигнушь М. Маркеллъ во время консульства своего въ первый разъ въ Галліи, копорый наконецъ сынъ его поспроитъ въ Римѣ подѣвъ ворошь Каленскихъ, какъ пишешъ Ливій въ книгѣ дванацать девятой. Другой храмъ построилъ Мніи добродѣтели и чесни, копорый былъ гораздо ниже другихъ, дабы

дабы, естли паче чаянія помѣшательство сдѣлаетъ высокою своею гадапелямъ по птичьему полюшу, не приказали оный раззорить. Цицеронъ въ книгѣ второй о законахъ, почишай, говоритъ, тѣхъ, помощію коихъ возможно челоувку взойти на небо: мысль, добродѣтель, благочестіе, вѣру. Храмъ вѣры былъ въ Капитоліи, какъ пишешъ Плиній въ книгѣ тришцать пятой.

(2) На чепыре вида. Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и другіе раздѣляютъ.

(3) Въ части правды. Цицеронъ въ книгѣ первой о должностяхъ основаніемъ правды вѣру полагаешъ. Также въ первой книгѣ о еспествѣ боговъ правдою благоговѣніе къ богамъ называешъ, копорого частію естъ вѣра.

(4) Римскіе вельможи. Сюда принадлежатъ примѣры изъ Валерія Максима о укрощеніи духа, какъ-то о тѣхъ, кои изъ враговъ взаимно подѣлались другами; о воздержаніи, о скромности; ибо Цицеронъ въ книгѣ первой о должностяхъ показываешъ, что все сіе подѣвъ воздержаніемъ содержишся.

(5) Муцій. Муцій, когда Порсена осаждалъ Римъ, перемѣнивъ на себѣ одѣяніе и скрывъ мечъ подѣвъ онымъ, вошелъ въ лагерь и въ шатръ Царскомъ умертвилъ вмѣсто Царя ошибкою другаго. И когда Царь повелѣлъ его мучить, шо онъ самъ на огонь жертвенной простеръ свою руку и держалъ неподвижно, покуда въ удивленіе и страхъ привелъ Царя.

(6) Курція. Озеро, сказываютъ, было на площади въ Римѣ, которое наконецъ высохло; оно называлось Курціевымъ. Говорятъ нѣкоторые, что оно названо такъ отъ Курція Сабинскаго, который во время сраженія между Ромуломъ и Сабинцами переплылъ на локъ чрезъ оно. Другіе увѣряютъ, что оно наречено отъ Курція, Кавалера Римскаго, который кинулся въ оно, когда оракулъ повелѣлъ ввергнуть въ оно по, въ чемъ иначе Римляне имѣютъ крѣпость. Сіе повѣствуетъ Ливій въ книгѣ первой и седьмой отъ построения Рима; однако Варронъ въ книгѣ претіей о Латинскомъ языкѣ такъ говоритъ. Корнилій и Луктацій пишутъ, что оно озеро выжжено молніею и по Сенапскому приговору огорожено, что и учинилъ Курцій Консулъ.

(7) Въ Декіи опецъ. Сей былъ человекъ изъ простолюдиновъ, но весьма славенъ въ войнѣ и знаменитъ по любви къ отечеству; онъ себя посвятилъ богамъ за полки Римскія, и разогнавъ коня, вѣзлся въ средину непріятелей.

(8) И въ Декіѣ сынъ. Онъ также за войско посвятилъ себя богамъ, какъ пишетъ Ливій въ книгѣ десятой.

(9) И цѣломудріе. Храмъ цѣломудрія былъ на воловьемъ рынкѣ близъ кругаго храма Иракліева, какъ говоритъ Ливій въ книгѣ десятой. Нѣкоторые думаютъ, что сей кумиръ былъ Фортуны, какъ говоритъ Фестъ. Былъ хра-

храмикъ и частнаго цѣломудрія, построенный въ долгой улицѣ Виргиніею; но который попомъ забвенію преданъ, какъ упоминаетъ Ливій.

На главу двадесять первую.

(1) Богамъ браковъ. Паушархъ пишетъ, что бракосочетающіеся различнымъ молятся богамъ: Юлисеру юношѣ, Юнонѣ молодой, Венерѣ, а иначе Діанѣ.

(2) Богинѣ Пекуніѣ. Деньгамъ. Сей богинѣ храма не было, какъ говоритъ Ювеналъ въ сатирѣ первой.

(3) Понеже мѣдная монета. Плиній въ книгѣ прищамъ претіей пишетъ такъ: серебряную монету начали дѣлать въ Римѣ отъ построения Рима на чотыреста восьмидесятипятиомъ году, за пять лѣтъ до первой войны съ Карфагенцами, при Фабіѣ Консулѣ. Начертанія на монетѣ серебряной были двойки и четверки коней.

(4) Богиню ржавцину. Ржа естъ роса согнившая, которая молодыя жина портитъ. По зарямъ нападаетъ она на класы, когда нѣтъ въшровъ, какъ говоритъ Плиній; и въ ясныя ночи; ибо гористыя мѣста и въшрамъ подверженія сего не чувствуютъ. Онъ же повѣствуетъ, что праздники, Робигалия называемые, уставиъ Нума. Варронъ же въ книгѣ первой о сельскихъ дѣлахъ поставляетъ богиню сію богомъ Робигомъ.

На главу двадесять вторую.

(1) Пика. Онъ былъ сынъ Сатурновъ; какъ говоритъ Виргилій въ седьмой книгѣ;

царствовалъ въ Латіи во время Аборигеновъ, котораго Цирка въ пищу тогожъ имени (Pisum, дятла) превратила, которую пищу Римляне священной поспавляютъ. Превращеніе за то, что онъ влюбился въ Помону богиню.

(2) Фауна. Онъ сынъ былъ Пиковъ; почитается опцемъ Фауновъ и Сатурновъ и прочихъ лѣсныхъ боговъ.

(3) Тиберина. Сей Капетовъ былъ сынъ Албанскій Царь, знашый разбойникъ, который, переплывая чрезъ рѣку, утонулъ, и свое рѣкѣ оставилъ имя Тибра, которая прежде Албулою называлась.

(4) Свѣтъ. Римляне почитали Юпитера Луцейскаго, о коемъ думали, что онъ обладаетъ свѣтомъ. Варронъ же въ книгѣ претіей о языкѣ Латинскомъ говоритъ, что Титъ Тацій боговъ ввелъ Опу, Флору, Сатурна, Солнце, Луну, Вулкана, Суммана, Ларунда и Термина, Курина, Коррунда, домашнихъ боговъ, и Діану и Луцину.

(5) Консенсами, или единомысленными. Такихъ боговъ щитаются двенадцать: Юнона, Веста, Минерва, Церера, Діана, Венера, Марсъ, Меркурій, Юпитеръ, Нептунъ, Вулканъ, Аполлинъ. Сихъ боговъ въ совѣтахъ употребляютъ Юпитеръ.

(6) Ювентасъ. Сія богиня естъ пажъ самая, которая по Гречески называется Ивою, которая была у Юпитера въ должнсти мундшенской, на которой мѣсто Ганимедъ послѣ поспавленъ.

(7)

(7) Суммана. Сей богъ былъ не знаменитъ, того ради у писателей имя его забыто, какъ Овидій говоритъ: ктобъ такой ни былъ Сумманъ. Праздновали однако ему въ Іюнѣ девятинадесять числа. Храмъ Суммановъ былъ близъ великаго Цирка, или площади.

На главу двадесять претію.

(1) Прелюбодѣмъ. Прелюбодѣйства Юпитеровы разглашены у стихотворцовъ, какъ то съ Алкуменою, съ Ледою и другими.

(2) Прекраснаго опрока. Ганимеда Фригійскаго.

На главу двадесять четвертую.

(1) Вымыслилъ Омиръ. Говоритъ Туллій въ первой книгѣ Тускуланскихъ вопросовъ: не слушаю Омира, которой говоритъ, что Ганимедъ похищенъ отъ боговъ за красоту лица, дабы у Юпитера былъ мундшенкомъ; инаково неправедно обиженъ былъ бы Лаомедонъ. Вымыслилъ сіе Омиръ, и человѣческое присвоилъ богамъ. Мнѣ бы желалось, дабы онъ божественное присвоилъ человѣку. Чтоже божественное? Пребываніе, мудрствованіе, обрѣпаніе, памянованіе. Важнѣйшее мнѣніе, коимъ отражается суевѣріе, или нечестіе тѣхъ, кои о Богѣ умствуютъ и о Немъ судятъ по нашимъ спрашаніямъ, то есть поспавляютъ Его такимъ, каковы мы: суровы, неприсупны, жалобу произносящіе, жестоки, завистливы, горды, надмѣнны, легко-

легкомысленны, погруженные въ порокахъ и беззаконіяхъ.

(2) Титу Лапину. Сія исторія у многихъ находилась писателей. Воспоминаетъ о ней Цицеронъ въ первой книгѣ о гадательствѣ, изъ Фабія, Геллія и Целія. Ливій въ книгѣ второй, Валерій Максимъ въ книгѣ первой, и по нихъ Геллій, Макровій, Лактанцій. Лактанцій онаго не Титомъ, но Тиверіемъ Аринскимъ называетъ.

(3) Онь власни коихъ. Касается онаго Павлова слова, къ Римляномъ въ главѣ седьмой положеннаго: *Окаяненъ азъ человекъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодать Божія Иисусъ Христомъ.*

На главу двадесять пятую.

(1) Первосвященникъ Сцевола. Муціи Сцеволы были многіе. Сей былъ первосвященникомъ во времена Маріевы, убитъ отъ младшаго Марія. Цицеронъ говоритъ о себѣ, что ходилъ къ оному Сцеволѣ учиться по смерти Сцеволы, гадателя по птичьимъ движеніямъ.

(2) Первой родъ есть баснословной. Діонисій Аликарнаскій въ книгѣ второй древнихъ вещей пишетъ, что Римляне отвергли вымыслы оныя спихотворцовъ, коими боги между собою вводятся сражающимися, чинящими раздоры, прелюбодѣйствующими, чего не только о богахъ, но и о честномъ человекѣ сказать не можно; и что Ромулъ приучилъ

сво-

своихъ Квириптянъ и хорошо о богахъ думать и хорошо говорить.

(3) Похищаетъ Меркурій, который украбъ у Тирезія воловъ, у Марса мечъ, у Вулкана клещи, у Нептуна острогу.

(4) Превращается въ вола. Когда Юпитеръ похитилъ Европу.

(5) Или лебедя. Когда любодѣйство учинилъ съ Ледою. О сихъ превращеніяхъ Юпитеровыхъ Овидій въ книгѣ шестой превращеній.

(6) Совокупляются. Церера съ Іасемъ, Армонія съ Кадмемъ, Азрора съ Тивонемъ, Тейса съ Пелеемъ, Венера съ Анхизомъ, Цирка съ Улиссомъ.

На главу двадесять седьмую.

(1) По изволенію Адрианову. Сей былъ четвертыйнадесять Императоръ Римскій, усыновленный Траяномъ, которому былъ онъ преемникомъ. Онъ, завидуя славіи отца своего, Армению, Месопотамію и Ассирію Персамъ возвратилъ, которыхъ Траянъ присовокупилъ было къ державѣ Римской, и положилъ предѣломъ Евфратъ рѣку, какъ пишетъ Евтропій въ книгѣ осьмой. Я думаю, что отдачи оной причиною было то: понеже древніе провозвѣстники объявили, что для Римскаго государства несчастливо будетъ, ежели полководецъ какой либо Римскій вооруженное войско поведетъ далѣе Евфрата рѣки и города Клезифонта. Несчастіе таковое первое приключилось Ликинію Крассу, и самъ Траянъ, побѣдивъ Парянъ, въ Римъ не возвратился.

Ъ 4

(2)

(2) Іуліанову. Онъ Императоромъ поставленъ при Консулахъ Мамертинъ и Невиптъ въ лѣто отъ построения Рима тысяча сто шестоенадесять. Орозій говоритъ о немъ такъ: Христіянскаго благочестія врагъ побѣжденъ бывши отъ Пзрѣянъ при Ктезифонтѣ, и войску и республикѣ вредъ причинилъ смертію своею.

(3) Іовіановой. Сей былъ изъ Панноніи въ великомъ бѣдствіи арміею поставленъ Императоромъ; онъ заключилъ съ Персами хопя безчестной, однако необходимой миръ. Городъ Низибидъ и часть вышней Месопотаміи уступилъ Парянамъ; такимъ образомъ границы премѣнены.

На главу двадесять осьмую.

(1) Цицеронъ самъ, гадатель по ппичьимъ движеніямъ. Онъ былъ изъ числа гадателей, посвященный Орпенсіемъ ораторомъ.

(2) И оуждаетъ. О семъ разсуждаетъ Цицеронъ въ книгѣ второй о гадательствѣ.

(3) Но сей Академической секты философъ. У послѣдователей сей секты обычай былъ собственнаго ничего не утверждать, но положенное другими отражать, которой обычай наблюдалъ Цицеронъ въ своихъ діалогахъ.

(4) Лукилій Балбъ. Искуснѣйшій въ стоическомъ ученіи.

(5) Два войска противныя. Грековъ защищала Юнона, Паллада, Непшунъ; Троянъ же Аполлинъ, Венера, Марсъ.

(6)

(6) Съ Типанами. Типанъ были дѣти земли и Типана, Сатурнова брата, который по условію между Сатурномъ и Типаномъ государство у Юпитера отнимали. Дѣло сперва началось ссорою, потомъ дошло до оружія. Война была жестокая. Жесточайшая же, когда Типанцы, ославившееся собравъ войско, Юпитера и прочихъ прогнали въ Египетъ. Первая война называлась Типанцовъ, вторая Исполдиновъ.

На главу двадесять девятую.

(1) Телемахъ. Суида пишетъ, что Телеты суть изъ тайнъ жертвы наивеличайшія и съ великимъ иждивеніемъ приуготовленныя. Таковыя жертвы, какъ повѣствуетъ Порфирій, принссы были Солнцу и Лунѣ и Бахусу, и нѣкоторыя очищенія, содержащіяся въ книгѣхъ Орфеевыхъ и Музеевыхъ.

(2) И тайнахъ. Каковы-то суть Церерины.

(3) Древніе Римляне. Плутархъ пишетъ въ житіи Нумовомъ, что онъ запретилъ, дабы народъ не думалъ, что образъ Божій есть подобенъ или челоуку, или другому какому живошному, и не было у нихъ ни живописнаго, ни изваяннаго вида Божія; но въ первыя сто семьдесятъ лѣтъ хопя храмы поставляли, однако кумировъ и ваяній не дѣлали. И Діонисій Аликарнасскій говоритъ, что Нума храмы богамъ построилъ, однако кумировъ не поставлялъ; понеже вѣрилъ, что никакимъ подобіемъ Бога изобразить не можно.

Ъ 5

По

Потомъ Тарквиній Прискъ въ подражаніе Греческаго безумія и Эпрусскаго научилъ богамъ поставлять кумиры.

На главу придесять первую.

(1) Могутъ имѣть. Тожь Стоики утверждали, которые говорили, что ихъ мудрецъ, хотябъ въ неволѣ былъ, есть свободенъ, господинъ и щастливъ; безумный же, хотябъ Царемъ былъ, есть рабъ и нещастенъ.

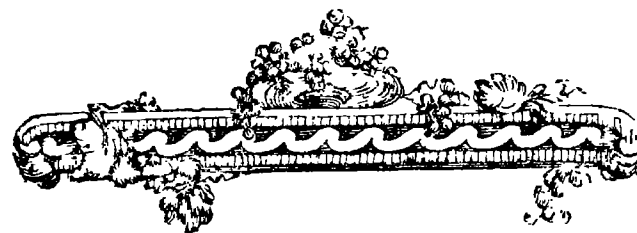
(2) Обѣщанія земныя. Въ ветхомъ заветѣ все Богомъ обѣщанное исполняющимъ законъ было временное и земное; но оно было образомъ вѣчныхъ и небесныхъ.

На главу придесять вторую.

(1) Изъ малаго числа людей. Сыновъ Израилевыхъ вошло въ Египетъ съ Іаковомъ семьдесятъ. Бытія глава сорокъ шестая.

БЛАЖЕН-

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА, ИППОНІЙСКАГО ЕПИСКОПА, КЪ МАРКЕЛЛИНУ

О градѣ Божіемъ.

КНИГА V.

Глава первая.

О томъ, что Римскаго и прочихъ государствъ вина ни случайная, ниже зависитъ отъ положенія звѣздъ.

Понеже извѣстно, что всѣхъ вещей, къ коимъ желаніе человѣческое стремится, совершенствомъ есть щастіе, которое не богиня, но даръ Божій; и для того никакого бога люди почитать не должны, кромѣ того, который дѣлаетъ людей благополучными; почему ежели бы щастіе было богинею, то одну бы оную почитать надлежало. Теперь рассмотримъ, для какой причины Богъ, который можетъ одарить благими и шакими, которые могутъ имѣть и недобрые, а помощи и нещастливые, Римскому государству шоль пространнымъ и шоль долготѣчнымъ бытъ

быть благоволилъ. Понеже уже мы то, что не множество оное ложныхъ боговъ, коимъ Римляне покланялись, оное дѣлало, довольно показали, и гдѣ за благо разсудились, еще говорятъ имѣемъ: и пакъ вина великоупи Римскаго государсва есть ни случайная, ни исходящая отъ рока, по мнѣнію тѣхъ, которые то случайнымъ называютъ, что или никакой вины не имѣетъ, или какъ бы не отъ благоразумнаго порядка происходитъ; а отъ рока происпекающимъ то, что безъ Божіей и человѣческой воли по необходимости нѣкоей приключается. Божіимъ промысломъ царства человѣческія учреждаются, которыя есильи кпо либо року, или судьбѣ для того приписываютъ, понеже волю Божію и власъ именемъ судьбы называютъ: то таковой въ мнѣніи не погрѣшаетъ, однако языкъ исправить долженъ. Ибо для чего онъ не говоритъ того прежде, что послѣ принужденъ будетъ сказать, ежели кпо нибудь спроситъ, чтобъ значило выговоренное имъ слово, рокъ, или судьба? Ибо сіи слова услышавъ народъ, по употребленію слова не инаково понимаетъ, какъ о силѣ положенія звѣздъ, то есть каково оно, когда кпо раждается, или зачинается во чревѣ, что иные удаляютъ отъ Божіей воли, другіе зависящимъ отъ оной почитаютъ. Но таковыхъ, которые думаютъ, что звѣзды и планеты дѣйствуютъ безъ Божіей воли въ дѣлахъ нашихъ, въ благополучіи и злоспраніи, ни

мало

мало слушать не должно, не только тѣмъ, кои истинное содержатъ благочестіе, но и тѣмъ, кои хотя ложныхъ боговъ почитательными считаться желаютъ. Ибо сіе мнѣніе къ чему другому служилъ, какъ только дабы люди никакого бога не почитали, никакому не молились? Противъ сихъ мы нынѣ спящаяся не намѣрены, но противъ тѣхъ, кои, являющая мнимыхъ своихъ боговъ, благочестію Христіянскому противящися. А тѣ, которые положеніе звѣздъ, какимъ бы то ни было образомъ опредѣляющіе, каковымъ кому быть должно, сколь долженъ быть щасливъ, или нещасливъ, зависящимъ отъ Божіей воли признаютъ, то есть есильи думаютъ, что сія сила звѣздамъ вліяна высочайшею оною власію, дабы онѣ такъ въ людяхъ дѣйствовали, великую небесамъ дѣлаютъ обиду, коихъ какъ бы въ блистательнѣйшемъ Сенапѣ, или сіятельнѣйшей Рапушѣ, по мнѣнію ихъ, опредѣляемы бываютъ беззаконія таковыя, каковыя дѣлаетъ ежели бы городъ какой либо міра сего узаконилъ, то по приговору всего человѣческаго рода до основанія разорилъ надлежало. Припомъ какимъ образомъ дѣла человѣческія судить могутъ, которыя дѣлаемы бываютъ по необходимости, опредѣленной небомъ, когда Богъ и звѣздъ и людей есть Владыкою? Или есильи не говорятъ того, что звѣзды, принявъ силу таковую, отъ Бога дѣйствуютъ; но признаютъ, что люди въ своихъ дѣлахъ всенепремѣн-

мѣнно исполняютъ и по необходимости Божіимъ повелѣніямъ: то пускай таковыя разсужденія, пристойно ли такъ думать о самомъ Богѣ, когда пошлѣ самое присвоивашъ звѣздамъ недостойнѣйшимъ дѣломъ показалось? Ежелижъ кѣмъ сказалъ бы, что звѣзды означають наипаче дѣйствія, нежели понуждаютъ такъ, что положеніе оное звѣздъ есть какъ бы нѣкоторымъ гласомъ, предвозвѣщающимъ будущее, какъ многіе ученые люди сего мнѣнія и держались; однако математикѣ никогда такимъ образомъ не изясняются, дабы на примѣръ сказать: Марсъ, въ таковомъ положеніи находясь, означаетъ человекоубійцу, но человекоубійцею дѣлается. Но положимъ, что они не такъ говорятъ, какъ надлежало, и они должныствовали брать правило къ выраженію того, о чемъ философовъ, и къ предсказанію того, что по ихъ мнѣнію заключается въ положеніи звѣздъ: какаяжъ тому причина, что они ничего доказать не могли, для чего въ жизни близнецовъ, или двойней, въ дѣйствіяхъ, приключеніяхъ, въ состояніи, наукахъ, честилахъ и прочихъ вещахъ, къ жизни принадлежащихъ, и наконецъ въ самой смерти по большей части толикое находится различіе, что болѣе сходства имѣють съ каждымъ изъ нихъ сторонніе, нежели оныя близнецы между собою, которые въ рожденіи малымъ временемъ одинъ отъ другаго отдѣляясь, въ разужденіи же зачатіи единымъ совокупленіемъ въ одну минуту зачатъ.

Глава

Глава вторая.

О сходствѣ и несходствѣ здравія близнецовъ, или двойней.

Цицеронъ рассказываетъ (1), что Иппократъ написалъ, когда два брата болѣзнію купно одержимы были, и болѣзнь ихъ въ одно время снанивалась пѣжчайшею, и въ одно облегчалась, потому почелъ онъ ихъ близнецами, или двойничными. А Поссидоній Спорианъ (-), предавшійся астрологіи, обыкновенно объ оныхъ говаривалъ, что они въ одномъ положеніи звѣздъ родились и въ одномъ зачались. И такъ что дѣкаръ присвоивалъ сходству темперамента въ здравіи, то самое философъ и астрологъ приписываетъ силѣ и положенію звѣздъ, которое было въ то время, когда зачались и родились. Въ семъ случаѣ гораздо достойнѣе пріятія и несравненно вѣроятнѣе догадка врачей; понеже въ какомъ состояніи были родители совокупляющіеся, такое свойство зачатія имѣть могли, что по слѣдовавшимъ въ употребъ первымъ возвращеніямъ сходственны здравіемъ родились; потомъ, воспитываемы будучи одною пищею, когда, по увѣренію врачей, воздухъ и мѣстоположеніе, и сила водъ много служилъ къ здравію, или немощи, и къ однимъ упражненіямъ пріучены, соразмѣрное и подобно е одному другому имѣли шло: то неудивительно, что въ одно время и отъ одной болезни ванемогли. Положеніе же звѣздъ, како-

воо

вое было въ то время, когда они начинались, наклонять къ равенству и сходству болѣзни; когда многіе различнаго рода люди въ одно время, въ одной странѣ, подѣ тѣмъ же положеніемъ звѣздъ могли зачатъ и родиться, не сходствуя одинъ другому совсѣмъ, я не вѣрю, коликаго сіе дѣломъ безразсудства! А намъ извѣстно, что близнецы (3) не только дѣйствія имѣютъ различныя, но и несходственные и неподобныя преперивають болѣзни, о чемъ удобно, какъ мнѣ кажется, далъ бы оповѣсть Иппократъ, взявшій опъ различной пищи и упражненій, по причинѣ которыхъ могли они имѣть различное здравіе. И такъ удивительно, ежели Посидоній, или другой кто либо, доказывающій рокъ, опъ звѣздъ происходящій, найденъ здѣсь, что бы оповѣстствовать, естли не хочешь надѣ умами непросвѣщенныхъ людей забавляться въ тѣхъ вещахъ, которыхъ они не знаютъ. Ибо что они питаются показанъ малѣйшее разстояніе времени, которое близнецы рождаются имѣли по причинѣ удобнѣйшей части печенія небеснаго, которое примѣчается, то ии оно не столько сильно, какъ видимо бываетъ въ хопѣніяхъ близнецовъ, дѣйствіяхъ, нравахъ и приключеніяхъ различіе; или болѣе дѣйствуетъ, нежели или подлѣтъ рода близнецовъ, или равное благородство; чему различіе не инаково, какъ въ часѣ, коимъ кто рождается, полагаютъ. И поному ежели шоль скоро одинъ послѣ другаго рождается, что пошѣ

пошѣ же продолжается пунктъ часа: то я всего въ обоихъ ишу равнаго, чего однако ни въ какихъ близнецахъ (4) найти не можно. Ежели же послѣ рождающійся не въ пошѣ жѣ часѣ родился, то я различныхъ ишу родителей, которыхъ близнецы имѣть не могутъ.

Глава шрешія.

О доводѣ, который изъ горшечнаго колеса Нигидій математикъ взялъ, въ рѣшеніи вопроса о близнецахъ.

И такъ напрасно представляютъ знаменитый оный вымыслъ о горшечномъ колесѣ, который предложилъ Нигидій (1); почему и названъ Фигулусъ, горшечникъ. Ибо когда онъ изъ всей силы вернулъ колесо горшечное, и во время стремленія онаго сдѣлалъ два знака столь проворно, что казалось, будто въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ; потомъ какъ остановилось колесо, то на поверхности онаго найдены оные знаки весьма далеко одинъ опъ другаго отстоящими. Такимъ, говоритъ, образомъ въ толикой небеснаго печенія быспротъ (2), хотябы одинъ послѣ другаго тотчасъ изъ близнецовъ родился, и подобно какъ онъ знаки на колесѣ дѣлалъ; однако въ разсужденіи небеснаго печенія весьма много составитъ. Отсюда-то, говоритъ, происходитъ въ близнецахъ различіе въ нравахъ и приключеніяхъ. Сія выдумка слабе горздо, нежели тѣ сосуды, кои онаго колеса обращеніемъ

ніемъ дѣлаемы бывающѣ; ибо ежели въ разсужденіи небеснаго обращенія споль много оное составляетъ, что въ созвѣдїи заключаться не можеть, что одинъ изъ близнецовъ получилъ наслѣдство, а другой нѣтъ: то для чего дерзуютъ прочимъ не близнецамъ, посмотрѣвъ на ихъ созвѣдія, шакое предвозвѣщанъ, что къ оной шайнѣ надлежитъ, которой никшо постигнути не можешь? Естли же для того шакое говорятъ при родахъ другихъ, понеже оно къ продолжительному разстоянію времени надлежитъ; мгновенія же оныя частей дробныхъ, которыхъ могутъ между собою имѣть раждающіеся близнецы, причисляющіеся къ малостямъ, о коихъ математиковъ не спрашивающѣ. Ибо кто шанетъ вопрошати, когда онъ сидитъ, когда ходитъ, когда и что въ пищу употребляетъ? Не уже ли мы о семъ говоримъ, когда въ нравахъ, дѣлахъ и приключеніяхъ близнецовъ множество различія показываемъ?

Глава четвертая.

О Исавѣ и Іаковѣ близнецахъ, которые между собою въ нравахъ и дѣлахъ великое различіе имѣли.

Дабы предложитъ о знатнѣйшихъ, родились въ древности близнецы (1) столь скоро одинъ послѣ другаго, что послѣдній держался за ногу перваго; толикое однако въ жизни ихъ и нравахъ несходство, толикое въ

въ разсужденіи родителей ихъ къ нимъ любви неравенство, что наконецъ сія разность сдѣлала ихъ между собою врагами. Не уже ли мы здѣсь говоримъ о томъ, что когда сидѣлъ одинъ, другой въ то время ходилъ; одинъ спалъ, другой нѣтъ; одинъ говорилъ, другой молчалъ, что все принадлежатъ до мѣлкости такихъ, которыхъ постигнути не могутъ наблюдающіе часы рожденія человѣческаго и положенія звѣздъ, и о которыхъ математиковъ не вопрошающѣ? Одинъ служилъ (2) изъ племени, другой нѣтъ; одинъ любимъ былъ матерію, другой нѣтъ; одинъ честь, за велико у нихъ почируемую, потерялъ, другой получилъ. Что о женахъ, что о дѣтихъ, что о имѣніи, коль великое несходство?

Глава пятая.

Какимъ образомъ убѣждаемы бываютъ математики признаться въ ложности своей науки.

И такъ ежели сіе къ онымъ дробностямъ принадлежатъ времени, которыхъ между собою имѣютъ близнецы и не присвояющіеся созвѣдіямъ: то для чего математики, посмотрѣвъ иногда на созвѣдіе другихъ, о томъ предлагающѣ и оное описываютъ? А ежели для того они говорятъ, что оное не къ дробностямъ непоспимымъ, но къ разстоянію времени принадлежатъ, которое примѣняютъ

и описать можно: то къ чему доводъ оный приводился, взятый опъ горшечнаго колеса? Разъ для того, дабы людей, бренный разумъ имбующихъ, смутить, чшобъ они суесловіа математиковъ не примбтили? И когда наконецъ въ разсужденіи шбхъ, коихъ болбзнь въ одно время шпжчайшею спансвилась и въ одно также время облегчевалась, по врачебной наукб примбчая Иппократб, догадывался, что они близнецы: то не довольно ли шбхъ обличаетб, копорые то самое хотяшб присвоить звбздамъ, чшо опъ подобнаго шемпераменту шблб происходило? Ибо для чего равно и въ одно время, а не одинъ прежде другаго занемогли, такъ какъ родились? ибо оба они родисься купно не могли. Или ежели не имбло силы то, дабы они въ разныя времена немогли, когда въ различныя времена родились: то для чего утверждають, чшо различное въ рожденіи время служилб къ несходству и другихъ вещей? Для чего могли они въ различныя времена спранствовать, въ разныя времена вступишб въ супружество, въ разныя времена раждашб дбшей и прочее безчисленное дблать; а напрошивъ родившись въ различныя времена не могли одержимы бышб болбзнію въ разныя времена? Ибо ештли медлишельность родовъ перембнила часъ и причинила несходство въ прочихъ вещахъ: то для чего сходство осталось въ болбзни, которое въ равенствб времени имблб зачатый?

Или

Или ежели судьба здравія и немощи состоишб въ зачатіи, а прочихъ вещей въ рожденіи: то не надлежало бы имб, посмолрбвъ на созвбдія родившихся, предсказывать нбчто о здоровб, или болбзни, когда они не могутб наблюдать часа зачатія. Ештли же по тому предсказываютб болбзни, не смолрбвъ на часъ зачатія, что оныя означаютб минуть раждающихся: то какимъ образомъ сказалибъ они одному изъ близнецовъ, когда онъ впадещб въ болбзнь, смотря на часъ рожденія, когда и другой, копорой не имблб погожб часа рожденія, имблб необходимость равно немощеспзовать? Пошомъ вопрошаю, ежели шолкое разспояніе ешб времени въ рожденіи близнецовъ, чшо ради онаго надлежишб бышб различнымъ созвбдіямъ, по причинб различнаго часа, и пошому различнымъ и знакамъ, въ коихъ шолкая заключаешся сила, чшо опшуда происходишб различныя и судьбы: то опшуда сіе происпекло, когда ихъ зачатіе времени различнаго не имбло? Или ежели двухъ въ одну минушу времени зачавшихся могла бышб къ рожденію различная судьба, то для чего двухъ въ одну минушу времени родившихся не можетб бышб судіба различная къ жизни и смерти? Ибо ежели одна минута, въ которую оба зачались, не воспрепятствовала, дабы одинъ рдился прежде, другой послб: то для чего, когда двое въ одну минушу раждаются, можетб препятствовать чшо либо, дабы одинъ пре-

Ы 3

жде,

жде, другой послѣ умеръ? Ежели зачатіе одноминутное различные случаи во чревѣ имѣшь близнецамъ попускаетъ, то для чего рожденіе одноминутное какимъ нибудь двумъ различнымъ приключенія имѣшь не попустило? И чтобъ всѣ сея науки, или лучше сказаны безумія, вымыслы опразить: то пускай скажутъ, для чего въ одно время, въ одну минуту, подъ однимъ и тѣмъ же положеніемъ звѣздъ зачавшіеся различные имѣютъ судьбы, которыя ихъ ведутъ къ рожденію въ разные часы, и въ одну минуту, подъ однимъ и тѣмъ же положеніемъ звѣздъ отъ двухъ матерей равно рожденные не могутъ имѣть различной судьбы, которая бы ихъ вела къ различной необходимости житія, или смерти? Или зачавшіеся не подлежатъ судьбѣ, прежде нежели родятся? Какаяжъ тому была причина, что они говорили, ежели найденъ будетъ часъ зачатія, то обѣщаютъ какъ бы богодухновенно много предсказать? Откуда также оное произошло, что они разглашаютъ, что нѣкоторый премудрый мужъ избралъ часъ, въ который съ женою совокупился, дабы сына родить удивленія досшойнаго? Откуда и оное, что о вышепомянутыхъ двухъ подобно немоществующихъ Поссидоній, знаменитый астрологъ и философъ, отвѣтствовалъ, что для того оное дѣлается, что они въ одно время родились и въ одно время зачались? Ибо онъ для того зачатіе прилагалъ, дабы не сказалъ кто, что они купно родились-

родиться не могли; понеже по безсомнительно и извѣстно всѣмъ, что купно зачались; а сіе говорилъ онъ для того, дабы одинакой ихъ болѣзни не присвоишь сходственному тѣлѣ ихъ темпераменту, но приписать связи звѣздъ. такъ ежели въ зачатіи толикая заключается сила къ равномѣрности судьбы, то рожденіемъ не должны оныя судьбы перемѣнялись. Или ежели для того перемѣняются судьбы близнецовъ, понеже въ разные времена они рождаются: то не можно ли думать, что оныя уже прежде перемѣнились, дабы близнецы въ различные времена родились? И такъ не уже ли не можетъ перемѣниться судьбы рожденія воля живущихъ, когда перемѣненъ судьбу зачатія порядокъ рождающихся?

Глава шестая.

О близнецахъ различнаго пола.

И въ самомъ близнецовъ зачатіи, въ которомъ всенепремѣнно тѣ же минуты времени, часто случается, что подъ тѣмъ же созвѣдіемъ, судьбу въ себѣ заключающемъ, одинъ зачинается младенецъ мужескаго пола, другой женскаго. Мы знаемъ таковыхъ двухъ различнаго пола; они оба еще живы и не состарѣлись, которые лицемъ и расположеніемъ тѣла другъ на друга, сколько различіе ихъ пола позволяетъ, хотя похожи, однако въ разсужденіи жизни такое имѣютъ различіе, что выключая дѣйствія нѣкоторыя, въ коихъ

мущины превосходятъ женъ, одинъ начальствуешь въ полкахъ и опъ своего дома всегда почти отдаленъ, другая изъ дому и своей опчины не оплучается. Сверхъ сего, что гораздо невѣроятнѣе, ежели допустить, что звѣзды судьбу въ себѣ содержатъ, одинъ живешь въ супружествѣ, другая въ непорочномъ дѣвствѣ; одинъ родилъ многихъ дѣтей, другая и въ замужство не посягала. Но великую, говорятъ, заключаетъ въ себѣ часъ зачатія и рожденія силу; однако я довольно показалъ, что никакой. Но какъ бы то ни было, при всемъ томъ они говорятъ, что въ рожденіи великая сошпоилъ сила. Но для чего и не въ зачатіи, о которомъ извѣстно, что и совокупленіе есть одно, и что природы такова есть сила (1), что жена, зачавши единожды, вопорично зачать не можетъ? Почему необходимо слѣдуетъ, дабы близнецы имѣли равенство въ зачатіи. Или они поелику въ разные часы родились, то одинъ въ мужескій, другой въ женскій полъ переѣнились? И такъ когда не безразсудно можно сказать, что небесныя нѣкоторыя напеченія къ различію тѣлъ сильны, такъ какъ солнечнымъ приближеніемъ и удаленіемъ самаго года времена переѣняются и несходственными бывающъ, и наполненіемъ и ущербленіемъ и уменьшеніемъ луны умяются нѣкоторые роды вещей, какъ то ежи морскіе, и раковины, и чудные приливы и опливы Океана. Однако сказать не можно, что воля ду-

душевная планетамъ подвластна. Астрологи нынѣ, когда дѣйствія наши опъ звѣздъ зависящими утвердишь силятся, то тѣмъ самимъ побуждающъ насъ взойши въ разбирательство того, что они и о тѣлахъ онаго утвердить не могутъ; ибо что столь къ тѣлу принадлежитъ, какъ полъ? Однако подъ тѣмъ же положеніемъ планетъ различного пола близнецы могли зачатъ. И такъ что безумнѣе сказать можно, какъ что положеніе звѣздъ, которое въ часъ зачатія обоемъ было одно, не могло сдѣлать, чтообъ близнецы, имѣя одно созвѣдіе, не имѣли различного пола; а напротивъ положеніе звѣздъ, которое было во время рожденія, могло учинить, чтообъ сестра опъ брата непорочною дѣвства споль много различествовала?

Глава седьмая.

О избраніи дня, въ которой бы жену понять, и въ которой что либо насаждать, или сѣять.

А оное уже кто сперпитъ, что въ избраніи дней новыя нѣкоторыя въ разсужденіи своихъ дѣйствій вводятъ судьбы? То есть, не былъ онъ такъ рожденъ, дабы могъ имѣть удивленія достойнаго сына; но наипаче такъ, дабы имѣлъ презрѣннаго. И для того-то премудрый мужъ избралъ часъ, въ который бы совокупиться съ женою. И такъ сдѣлалъ онъ для себя судьбу, которой не имѣлъ,

имѣлъ, и отъ его судьбы начало быть судьбою называемое, котораго въ рожденіи его не было. О чудное безуміе! избирается день (1), въ которой съ женою должно бракомъ сочестись. Я думаю для того, дабы безъ выбору дней не попасть на день злой, и чрезъ то не сочестись бы бракомъ несчастливо. Куда жъ то дѣвалось, что при родахъ планеты ему опредѣляли и предвѣщали? Не уже ли человекъ можетъ то переменить избраніемъ дня, что ему уже планетами опредѣлено; и напротивъ того, что человекъ въ избраніи дня себѣ опредѣлилъ, никакая власть переменить не сильна? Припомъ ежели одни люди, а не все, что находится въ свѣтѣ, подвластны и подлежатъ созвѣздіямъ: то для чего иные дни избираютъ ради насажденія виноградовъ, древъ и сѣянія житъ, другіе для дѣланія скотовъ ручными, или ради случки оныхъ? Ежели же для того къ симъ вещамъ сильны и дѣйствительны избранные дни, понеже надъ всѣми земными тѣлами, какъ одушевленными, такъ и неодушевленными, положеніе звѣздъ владычествуетъ: то пускай разсмотримъ, сколь безчисленные въ одно времени мгновеніе или рождаются, или происходятъ, или зачинаются, которыя столь различныхъ кончины имѣютъ, что сими смѣха достойными наблюденіями и малосмысленныхъ опроверговъ не увѣряешь. Ибо кто только слышится безумецъ, который бы дерзнулъ сказать, что всѣ дрова, травы, скоты и звѣри,

зміи,

зміи, птицы, рыбы и черви рожденія своего имѣютъ особенныя минувшія различныя? Однако люди для извѣданія знанія математиковъ представляютъ созвѣздія безсловесныхъ животныхъ, коихъ роды для извѣданія того нарочно въ домахъ своихъ тщательно наблюдаютъ, и тѣхъ математиковъ предпочитаютъ другимъ, которые, посмопрѣвъ на созвѣздія, сказываютъ, что не человекъ родился, но скотъ; осмѣливаются припомъ сказывать, какой скотъ: овца ли, конь ли, волъ ли, или песь; ибо и псовъ судьбу вводятъ, и съ великимъ удивляющихся тому людей рукоплесканіемъ о томъ отъвѣствуютъ. Толь-то безумствуютъ люди, что думаютъ, когда человекъ рождается, въ то время такъ всѣ роды и происхожденія другихъ вещей возбраняемы бываютъ, что съ нимъ купно въ той же части неба ни муха не рождается. Ибо ежели сіе допускаятъ, то произойдетъ умствование, которое помалу отъ мухи до верблюдовъ и слоновъ доведетъ. И того не хощатъ примѣнить, что избравъ для сѣянія житъ день, сколь безчисленные зерна купно на землю падаютъ, купно возрастая зеленѣютъ, и какъ класъ появится, купно матерѣютъ, наливаются, созрѣваютъ, при всемъ томъ одновременные оные класы иные ржа сѣдаетъ, другіе птицы обиваютъ, иные люди исторгаютъ. Какимъ образомъ они скажутъ, что сіи вещи имѣли различныя созвѣздія, хотя и видятъ различныя приключенія?

Или

Или они подбьются для сихъ вещей избирать дни, и будуще говорить, что они не принадлежатъ къ небесному опредѣленію, а подвластны звѣздамъ одни люди, которымъ однимъ на земли Богъ даровалъ свободное произволеніе? Сіе все разсмотрѣвъ, можно вѣрять, что когда астрологи чуднымъ образомъ (2) не мало справедливаго сказываютъ, пайнымъ вдохновеніемъ (3) злыхъ духовъ оное бываетъ, которые единственно о томъ ищутъ, дабы ложныя и вредныя о судьбахъ, заключающихся въ звѣздахъ, людямъ внушить, и въ томъ утвердить оныхъ, а не наукою нѣкоторою, наблюдающею часы, которой здѣсь ни мало не примѣчается.

Глава осьмая.

О тѣхъ, которые не положеніе звѣздъ, но связь причинъ, отъ воли Божіей зависящихъ, именемъ судьбы называютъ.

А которые не положеніе звѣздъ, каковое бываетъ, когда что начинается, происходитъ и рождается, но всѣхъ причинъ связь () и неразрывность, которую все бываетъ, что бываетъ, именемъ судьбы называютъ, съ тѣми не много о словъ семъ спязаться должно, когда они порядокъ причинъ и нѣкоторую связь Божіей присвоятъ волѣ и власти, который неложно и все, прежде нежели будетъ, знаетъ, и ничего неустроеннымъ не оставляетъ; отъ котораго всякая происходитъ власть,

власть, хотя не истекаетъ всякое человеческое хотѣніе. И такъ что Бога всевышняго воля, котораго власть непренебдимо ко всему простирается, называется отъ нихъ судьбою, оное доказывается такъ. Аннея Сенеки, ежели не ошибаюсь, сіи суть стихи: Веди мене Всевышній Опецъ, высокаго, Обладателя и Владыко Олимпа, куда Тебѣ угодно; я ни мало не пропиваюсь и готовъ повиноваться. Готовъ я, но ежели Ты не восхощешь, при всемъ томъ за Тобою послѣдовать буду съ степеніемъ, и злымъ будучи, стану дѣлать то, что можно было добруму. Ведушь хотящаго и произволящаго судьбы, нехотящаго влекушь. Ясно въ послѣднемъ стихѣ открылъ, что онъ по судьбою называется, что въ первыхъ Божіею волею, которому готовымъ повиноваться себя объявляетъ, дабы нехотящій не влеченъ былъ; понеже ведушь изволящаго судьбы, а нехотящаго влекушь. И оные стихи Омировы сему мнѣнію позобствуютъ, которые Цицеронъ на Латинской діалектѣ перевелъ: Таковыми суть мысли человеческія, каковыми самъ опецъ Юпитеръ, озаряющій свѣтиломъ вселенную, имъ быть хощетъ. И въ семъ вопросѣ не имѣло бы важности стихотворческое мнѣніе; но понеже объявляетъ, что Стоики, допускающіе судьбу, сіи изъ Омира стихи (2) обыкновенно употребляютъ: то не о мнѣніи сего стихотворца, но философовъ предлагаемъ, когда чрезъ сіи стихи, ко-

которые въ словопрѣніи своемъ употребляютъ о судьбѣ, дають знаніе о своихъ мысляхъ, что они чрезъ судьбу разумѣютъ; ибо Юпитеромъ называютъ, котораго почитаютъ высшимъ Богомъ, отъ коего связь судебъ зависящею признаваютъ.

Глава девятая.

*О предвѣденіи Божиѣмъ и свободномъ чело-
вѣческомъ произволеніи противъ опредѣленія
Цицеронова.*

Сихъ Цицеронъ обличить такимъ образомъ тщясь, что не признаетъ въ себѣ столько силъ, дабы съ ними сражаться, ежели не опровергнетъ предвѣденія о будущемъ, которое такъ силился опровергнуть, что не допускаетъ знанія о будущемъ и всѣми силами утверждаетъ, что никакого нѣтъ предвѣденія ни въ Богѣ, ни въ чловѣкѣ, и предсказанія. Такимъ образомъ и Божиѣ предвѣденіе отвергаетъ, и всякое пророчество, самаго солнца свѣтлѣйшее, силился опринути тщетными доказательствами и противоположеніемъ себѣ нѣкоторыхъ оракуловъ, которые легко опровергнуть можно; при всемъ томъ и оныхъ ложности не доказываетъ. Въ отраженіи же сихъ догадокъ математическихъ все его торжествуетъ слово, которыя въ самомъ дѣлѣ таковы, что сами себя опровергаютъ и отражаютъ. При всемъ томъ сносѣ тѣхъ, которые звѣздамъ судьбы приписы-

ва-

ваютъ, нежели тѣхъ, который отвергаетъ предвѣденіе будущаго. Ибо и признавать, что Богъ есть, и утверждать, что Онъ ничего будущаго не знаетъ, явнымъ есть безуміемъ. Чло и онъ самый, примѣпивъ то, покусился утверждать оное, что въ священ-ныхъ нашихъ книгахъ написано: *Рече безу-
менъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Бога.* Но не отъ своего лицѣ; ибо видѣлъ онъ, сколь оное ненавистно и безразсудно. И для того ввелъ Котта, спязующагося о семъ противъ Стои-ковъ въ книгахъ о естествѣ боговъ, и Луцилія Балба, котораго представляетъ защитникомъ съ стороны Стоиковъ, подтверждалъ мнѣніе, иначе нежели Котты, который Божиѣ естество отвергалъ. Въ книгахъ же о гадательствѣхъ самъ отъ своего лица явно отвергаетъ предвѣденіе о будущемъ. А сіе все по видимому для того дѣлаетъ, дабы не допустить судьбы, и потерять свободное произволеніе; ибо онъ думаетъ, что допустивъ предвѣденіе, по необходимости должно будетъ допустить судьбу, такъ что опровергнуть совсѣмъ будетъ оныя не можно. Но какъ бы въ словопрѣніяхъ своихъ и состязаніяхъ ни поступали философы, но мы и всевышняго и истиннаго Бога, и волю Его и высочайшую власть и предвѣденіе призна-емъ, и не спрашимся, дабы намъ не дѣлать того по нуждѣ, что дѣлаемъ самопроизволь-но: понеже предвидѣлъ дѣла наши Тотъ, коего предвѣденіе обмануться не можетъ.

Чего

Чего Цицеронъ спрашася, прошивъ всевѣденія вооружился, и Стоики хотя допускали, что все по судьбѣ бываетъ, однако не по необходимости. Чшоужъ бы такъ было, чего Цицеронъ спрашася въ разсужденіи предвѣденія будущаго, такъ что проклятія достойнымъ словопрѣніемъ силится опровергнуть оное? То, что ежели все будущее предвѣдено, то оно тѣмъ порядкомъ точно случится, какъ предвѣдено. А ежели такимъ порядкомъ приключится, то всенепременно порядокъ оный всего того, что быть имѣетъ, Богу извѣстенъ. И ежели извѣстенъ порядокъ вещей, то извѣстенъ порядокъ и причинъ; ибо ничего быть не можетъ, ежели нѣкая дѣйствующая причина не предваритъ. А ежели извѣстенъ порядокъ причинъ, коимъ бываетъ все бывающее, слѣдовательно все бываетъ судьбою. Ежели сіе справедливо, то нѣтъ ничего въ нашей волѣ, и нѣтъ въ человѣкѣ свободнаго произволенія. Сіе ежели допустить, то все, говоритъ, живіе человеческое разрушится, напрасно предписывающія законы, напрасно употребляемы бывающіе выговоры, похвалы, оужденія, увѣщанія, угроженія. Никакая правда добрымъ награжденія и злымъ наказанія не опредѣляетъ. Но дабы сего не послѣдовало, которое для жизни человеческой безмысленно, недостойно и пагубно, то Цицеронъ за лучшее почелъ опровергнуть предвѣденіе будущаго. И въ такую крайность умы благоговѣйные приводилъ, дабы они изъ

двухъ

ухъ одно избирали, то есть, или то, что дѣянія наши въ нашемъ состояніи произволенія, или предвѣденіе будущаго. Понеже обоимъ купно быти не можно; но ежели одно изъ того утверждается, то другое опровергается; ежели выберемъ предвѣденіе будущаго, то тѣмъ самимъ испребляемъ свободное человеческое произволеніе; ежели допустимъ свободное произволеніе, то опровергается предвѣденіе будущаго. И такъ онъ, какъ мужъ важный и ученый, и о живіи человеческомъ крайнѣ пекущійся, избралъ изъ двухъ одно, то есть свободное человеческое произволеніе; и чшобъ сіе утвердить, то опровергъ предвѣденіе будущаго. И такъ когда хочетъ людей сдѣлать свободными, тѣмъ самимъ дѣлаетъ святошапцами. Благочестивый же разумъ пріемлетъ обоє, обоє исповѣтуетъ и признаваетъ и вѣрою благоговѣйною обоє утверждаетъ. Какимъ же образомъ онъ говоритъ? Ежели есть предвѣденіе будущаго, то слѣдуетъ все то, что между собою соединено и связано, откуда дойдетъ до того, что ничего въ нашей не состоитъ волѣ. А ежели нѣчто состоитъ и въ нашей волѣ, то тѣми же способами обратнo дойдетъ до того, что нѣтъ никакого предвѣденія о будущемъ. Ибо на оборотъ такимъ образомъ сказать можно: ежели есть свободное въ человѣкѣ произволеніе, то не все дѣлается судьбою; ежели не все дѣлается судьбою, то нѣтъ опредѣленнаго порядка причинъ; ежели

Часть I.

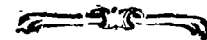
Ъ

нѣтъ

нѣтъ опредѣленнаго порядка причинъ, по нѣтъ опредѣленнаго порядка вещей предвидящему Богу, который бытъ не могутъ, ежели не предварятъ дѣйствующихъ причины; ежели предвидящему Богу нѣтъ извѣснаго и опредѣленнаго порядка вещей, то не все такъ бываетъ, какъ предвидѣлъ Богъ: слѣдовательно нѣтъ, говоритъ, въ Богѣ предвѣденія о будущихъ. Мы противъ сей святотатской дерзости и нечестивой утверждаемъ и то, что Богъ все знаетъ, прежде нежели онъ будетъ, и все дѣлаемъ произволеніемъ нашимъ, что ни дѣлаемъ. А чтобы все дѣлалось судьбою, онаго не говоримъ, и не только, но еще утверждаемъ, что ничего судьбою не бываетъ. Понеже судьбы имя гдѣ обыкновенно полагается, то есть въ положеніи звѣздъ, подъ которыми кно зачатъ и рожденъ; поелику шестно утверждается: то мы и показали, что оное никакой силы не имѣетъ. Порядка же причинъ, гдѣ хотѣніе и воля Божія много можетъ, не отвергаемъ и именемъ судьбы не называемъ, развѣ понимая, что судьба, *Fatum* онъ *fando*, глаголанія, происходитъ; ибо отвергать не можемъ того, что въ Священномъ Писаніи у насъ написано: *Единою глагола Богъ, деоя сія слышахъ, яко держава Божія и твоя Господи милость, яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его.* Ибо когда сказано: *Единою глагола Богъ*, разумѣется неизменно, то есть неизмѣнно такъ, какъ все знаетъ совершенно будущее, которое самъ

Онъ

Онъ сотворитъ имѣетъ. И такъ въ семъ разумѣ моглибы мы слово, или реченіе судьбы употреблять, ежели бы сіе имя инако люди не понимали, къ чему мы сердца человеческія не хотимъ наклонять. При всемъ томъ не слѣдуемъ, что ежели Богу извѣстенъ всѣхъ причинъ порядокъ, по нѣтъ самимъ ничего не остаётся во власти нашего произволенія. Понеже и самыя наши хотѣнія въ порядкѣ причинъ состоятъ, который извѣстенъ Богу и заключается въ Его предвѣденіи, поелику и человеческія хотѣнія виною суть дѣла. И такимъ образомъ томъ, который всѣхъ вещей причины предвидѣлъ, конечно между оными и хотѣніи нашихъ не могъ не предвидѣть, которые виною суть нашихъ дѣла. Ибо и оное, что Цицеронъ уснупаетъ, что ничего не бываетъ, ежели дѣйствующая причина не предваритъ, довольно въ семъ случаѣ служитъ къ его обличенію; понеже что служитъ въ его пользу то, что онъ говоритъ? Мы сами признаваемъ, что ничего безъ причины не бываетъ, но не всякая причина роковая; ибо иная причина есть случайная, иная природная, иная произвольная. Довольно для насъ того, что онъ признается, что ничего не бываетъ, ежели не предваритъ причина. Ибо мы о причинахъ случайныхъ не говоримъ, аки бы оныхъ со-всѣмъ нѣтъ, но что онъ скрывшій, и оныя приписываемъ или истиннаго Бога изволенію, или нѣкоторыхъ духовъ волѣ, и самыя природныя оны изволенія Божія не отлучаемъ и

отдѣляемъ; понеже Онъ есть Творецъ и Зидатель природы. Произвольныя же причины суть или Божіи, или Ангельскія, или человѣческія и всѣхъ животныхъ, ежели только названъ можно причинами самопроизвольными движенія оныя безсловесныхъ животныхъ, коими онъ дѣлаютъ что либо по своей природѣ, когда что либо доброе избираютъ и отъ вреднаго удаляются. Волѣ же, говорю, Ангеловъ, или добрыхъ, коихъ Ангелами Божіими называемъ; или злыхъ, коихъ нарицаемъ ангелами дѣвольскими, или демонами: такъ и людей какъ добрыхъ, такъ и злыхъ. И изъ сего заключаемъ, что причины дѣйствующія все бываемое не что другое суть, какъ причины произвольныя оной природы, которая то есть Духомъ есть жизни. И такъ Духъ жизни, который оживотворяетъ всяческая, есть Творецъ всякой плоти и всякаго созданнаго духа, самъ будучи Богомъ и Духомъ несотвореннымъ. Въ Его волѣ наивысочайшая есть держава и власть, который сотворенныхъ духовъ волѣ благой пособствуетъ, злыя судитъ, все устрояетъ, и нѣкоторымъ даетъ власть, нѣкоторымъ не даетъ; ибо Онъ какъ всякой природы есть Творецъ, такъ всякой власти Податель, а не хопѣній. Ибо злыя воли не отъ Него происходятъ; понеже оныя противъ природы, созданной отъ Него. И такъ плѣла наши наипаче подлежатъ волямъ, нѣкоторыя нашихъ, то есть всѣхъ животныхъ смертныхъ, и наипаче людей, нежели безсловесныхъ; нѣкоторыя же Ангеловъ, но

все

все наипаче Божіей волѣ покороно, которому и всѣ воли подвержены: понеже онъ не имѣютъ власпи, кромѣ той, которую Онъ даровалъ. И такъ причиною вещей дѣйствующею, а не дѣйствуемою есть Богъ; другія же причины и дѣйствуютъ и дѣйствуются, каковыми суть всѣ сотворенные духи, а наипаче словесные. Тѣлесныя же причины, которыя наипаче дѣйствуются, нежели дѣйствуютъ, въ числѣ причинъ дѣйствующихъ не поставляются; понеже онъ то только могутъ, что чрезъ нихъ дѣйствуютъ воли духовъ. Какимъ же образомъ порядокъ оный причинъ, который Богу извѣстенъ, дѣлаемъ те, дабы ничего не состояло въ нашей волѣ, когда въ самомъ причинъ порядкѣ на послѣднее мѣсто имѣютъ наши воли? И такъ пускай утверждаетъ Цицеронъ съ пѣми, которые сей причинъ порядокъ роковымъ поставляютъ, или лучше сказать, которые оный именемъ самымъ судьбы называютъ; однако мы того не принимаемъ, особливо ради онаго слова, которое не въ собственной своей силѣ разумѣваемо бываетъ. А что онъ не допускаетъ того, что порядокъ всѣхъ причинъ Божію предвѣденію извѣстенъ: то мы съ своей стороны болѣе его проклинаемъ, нежели самые Спѣрики; ибо онъ пѣмъ самимъ или Бога отвергаетъ, что онъ и покушался учинитъ въ книгахъ о естествѣ боговъ, вводя другое лице, оно утверждающее; или ежели и признаемъ бытіе Божіе, но опшимаемъ у него предвѣденіе будущаго: то не другое что говоримъ, какъ

Л 3

шожь

пожѣ самое, что Псаломникъ сказалъ о безбожникѣ: *Рече безуменъ въ сердце своемъ, нѣсть Бога.* Ибо ежели Богъ не знаетъ будущаго, то шѣмъ самимъ Онъ не есть Богъ. И поному воли наши сполько могутъ, сколько силы имъ имѣть Богъ благоволилъ и предвидѣлъ; и для того сколько могутъ, то все непрѣнно могутъ, и что намѣряютъ учинить, то конечно учинятъ; понеже оное, что онѣ имѣютъ учинить, предвидѣлъ тотъ, коего предвѣденіе ошибиться не можетъ. Чего для ежели бы я за благо разсудилъ употребить сіе реченіе въ какой либо вещи, то наипаче назвалъ бы судьбою дѣйствіе слабаго и немощнѣйшаго; сильнѣйшаго же волею, которой имѣетъ оное во власти, нежели бы согласился онымъ причинъ порядкомъ, который не по употребительному значенію, но по своему обыкновенію Стоики судьбою нарицаютъ, произволеніе нашей воли опровергнуть.

Глава десятая.

Владычествуетъ ли надъ волею человѣческую какая либо необходимость.

Не должно намъ ужасаться необходимости, которой спрашась Стоики, сами себя изнуряли, что различая причины вещей, такъ что мѣкопорыя изѣмали отъ необходимости, а другія дѣлали оной подвластными; и въ числѣ нѣхъ, кои не зависятъ отъ оной, полагали и воли наши, дабы не сдѣласть ихъ не-

сво-

свободными, подвергнувши необходимости. Ибо ежели необходимость наша оная называется, которая не состоитъ въ нашей власти, и которая дѣлаетъ и тогда, когда мы не хотимъ, какъ-то необходимости смерти: то нѣтъ сомнѣнія, что воля наша, которую мы или хорошо, или худо употребляемъ, не подлежитъ таковой необходимости; ибо мы много дѣлаемъ такого, чего, ежели бы не захотѣли, не сдѣлали бы, куда впервыхъ принадлежитъ самое хотѣніе: ибо когда хотимъ, тогда оно въ насъ находится; когда не хотимъ, тогда и онаго нѣтъ. Ибо не хотѣли бы, ежели бы не восхотѣли. Ежелижъ необходимостію называется то, дабы что либо было, или было такъ: то я не понимаю, для чего бы сего устращаться, дабы чрезъ то не лишиться свободнаго произволенія. Ибо не можемъ подвергнуть необходимости и бытіе Божіе и предвѣденіе, когда говоримъ: Богъ по необходимости всегда есть и по необходимости все предвидитъ, равно какъ не умаляется Его власть, когда говоримъ, что Богъ умереть и обмануться не можетъ; понеже такъ Онъ сего не можетъ претерпѣть, что ежели бы могъ, то никакой въ себѣ не имѣлъ бы власти. Достойно Онъ называется всемогущимъ, хотя Онъ умереть и обмануться не можетъ. Ибо Онъ называется всемогущимъ, дѣлая, что хотимъ; а не претерпѣвая, чего не хотимъ. Сему ежели бы Онъ подверженъ былъ, то не былъ бы все-

могущимъ; того ради нѣкотораго не можетъ, понеже есть всемогущъ. Подобно когда говоримъ: всенепремѣнно быти должно, что когда хотимъ, дабы свободнымъ произволеніемъ хотѣли. И безъ сомнѣнія справедливо говоримъ, при всемъ томъ свободаго произволенія необходимости не подвергаемъ, когдѣ ошѣмлемъ свободу. И такъ оспаривается въ цѣлости наша воля, и она дѣлается, что мы хотѣя и произволя дѣлаемъ, чего конечно не было бы, ежели бы мы не восхотѣли. Что же другихъ людей хотѣніемъ не хотѣя претерпѣваемъ, то и тогда воля силу свою не теряемъ, хотѣя не того, кто претерпѣваемъ, однако человѣческая; но въ семъ случаѣ власть есть Божія. Ибо ежели есть хотѣніе, и не можетъ того учинить, что хотимъ, то сильнѣйшимъ изволеніемъ претягивается, при всемъ томъ воля осталась бы волею, хотѣя не другаго, но того, кто хотимъ, хотѣя не можемъ того исполнить, что хотимъ. Почему всякъ, кромѣ своей воли что либо претерпѣвающій, не долженъ приписывать оное человѣческой, или Ангельской, или другихъ сотворенныхъ духовъ волѣ, но тому, который даетъ власть хотѣющимъ. Слѣдовательно не можно сказать, что для того ничего въ нашей волѣ не состоитъ, понеже Богъ предвидѣлъ, что имѣетъ быти въ нашей волѣ. Ибо который то предвидѣлъ, тотъ не ничто предвидѣлъ. Понеже который предвидѣлъ, что имѣетъ быти въ нашей волѣ, не ничто пред-

пред-

предвидѣлъ, не нѣчто; и потому находится нѣчто и въ нашей волѣ, хотѣя предвидѣтъ Богъ. Чего для ничто насъ не убѣждаетъ, или, допустивъ предвѣденіе Божіе, отвергнувъ человѣческое произволеніе; или, допустивъ произволеніе, отвергнувъ предвѣденіе будущаго въ Богъ. Но обоимъ принимаемъ, обоимъ неложно исповѣдуемъ и признаваемъ. Оное, дабы хорошо вѣровать; сіе, дабы добронравно житіе препровождаемъ. Злонравно же житіе препровождается, еслили что либо неблагочесно о Богѣ вѣруемся. И такъ да не будемъ, дабы мы отвергали Божіе предвѣденіе, дабы самимъ быти свободными, помощію коего мы свободны есмь, или будемъ. И потому не напрасно въ свѣтѣ законы, прещенія, увѣщанія, похвалы и оужденія; понеже Богъ и то, что оныя имѣютъ быти, предвидѣлъ, и имѣютъ столько силы, сколько Онъ предвидѣлъ. Много могущъ и моленія къ полученію чего либо, о чемъ Онъ предвидѣлъ, что просящимъ даровать имѣетъ. Равно праведно и воздаяніе добрымъ, и грѣшникамъ наказаніе положено. Ибо не для того человѣкъ грѣшилъ, понеже Богъ предвидѣлъ, что онъ согрѣшилъ; но наипаче для того не сомнѣвается, что человекъ грѣшилъ, когда грѣшилъ, понеже той, коего предвѣденіе ошибиться не можетъ, предвидѣлъ, что онъ согрѣшилъ; который ежели бы не восхотѣлъ, то бы не согрѣшилъ. Но ежели человекъ грѣшилъ не хотимъ, то и оное Богъ предвидѣлъ.

ъ ;

Глава

Глава перваянадесять.

● *общемъ Божіемъ промыслѣ, въ устроеніи
когого все содержится.*

И такъ всевышній и истинный Богъ съ
Сыномъ своимъ и Святымъ Духомъ, которые
три лица суть едино, единый Богъ всемогущій,
Творецъ и Создатель всякой души и всякой
плоти, участіемъ коего щасливы всѣ, кои
истинною, а не суетною щасливы; который
сотворилъ человѣка, разумное животное, изъ
души и тѣла; который человѣка согрѣша-
ющаго безъ наказанія и милосердія своего не
оставилъ; который добрымъ и злымъ суще-
ствомъ и съ камнями, жизнь сѣменную съ дре-
вами, жизнь чувственную съ скотами, жизнь
разумную съ одними Ангелами даровалъ; отъ
котораго всякій образъ, всякій видъ, всякій
порядокъ; отъ котораго мѣра, число, вѣсъ; отъ
котораго все природное всякаго рода, всякія
доброты; отъ котораго сѣмена образовъ и
образы сѣменъ, и движенія сѣменъ и образовъ;
который и тѣлу даровалъ начало, красоту,
здравіе, дѣлоплодіе, спрочность членовъ, со-
гласіе и союзность, и душѣ безсловесной па-
мять, чувство, желаніе; разумной же созерхъ
того разумъ, пониманіе, произведение; кото-
рый не только небо и землю, не только Ан-
гела и человѣка, но и малѣйшаго и презрѣн-
наго животного внутренностей, ни пера
птицы, ни травнаго цвѣта, ни листа древа
не оставилъ: по какому образомъ вѣрить
мо-

можно, что Онъ царства человѣческія и ихъ
владычества и рабства отъ своего промысла
удалилъ благоизволилъ?

Глава втораянадесять.

*Черезъ что древніе Римляне удостоились,
что истинный Богъ, хотя они Его не почи-
тали, распространилъ ихъ государство.*

Теперь посмотримъ, для чего и какой ра-
ди причины истинный Богъ благоизволилъ
распространить Римское государство, когда
въ Его власти состоятъ всѣ царства земныя.
Сіе дабы основательнѣе разбѣшить, по на-
рочно четвертую къ сему дѣлу касающуюся
написали книгу, въ коей показали, что ни-
какой власти не имѣютъ ихъ боги, кото-
рыхъ они смѣха достойными почитали свя-
щеннослуженіями, и настоящей сей книги
первыя главы, продолженныя до сихъ мѣстъ
о отраженіи судьбы, или рока, дабы кто
изъ тѣхъ, кои увѣрены, что не почитаніемъ
тѣхъ боговъ, государство Римское распро-
странено и хранено было, не приписалъ того
не знаю какой судьбѣ, а не Божіей всемогу-
щей волѣ. И такъ древніе и первенствующіе
Римляне, какъ показываютъ ихъ исторія, хо-
тя, равно какъ и прочіе народы, выключая
Евреевъ, ложныхъ боговъ почитали и жер-
твы не Богу, но демонамъ приносили; одна-
ко, хвалолюбивы и на деньги щедры будучи,
безмѣрную славу и честное богатство имѣли
спа-

старались. Славу крайнѣ любили, ради оной
жизнь благоизволяли, за оную и жизни ли-
шились не отрицались. Прочія желанія без-
мѣрнымъ сея желаніемъ обуздывали. И самое
свое опечеснво, поелику, дабы оно было подѣ-
игомъ рабства, казалось безчестнымъ, влады-
чествованіе же надъ другими и повелѣвать
славнымъ дѣломъ, во первыхъ всѣми мѣрами
свободнымъ, потомъ владычествующимъ учи-
нили. И отсюда-то произошло, что они, не
терпя Царской гласи, каждый годъ по два
начальника попеременно дѣлали, которые
назывались Консулами, отъ Consulendo, совѣ-
тованіе, такъ какъ царство, Regnum, отъ Ца-
рей, Regibus; а Цари, Reges, отъ управленія,
Regendo. Но пышность Царская казалась имъ
гордостію Самодержцовъ. И такъ по изгнаніи
Царя Тарквинія и по пославленіи себѣ Кон-
суловъ воспослѣдовало, какъ потомъ же писатель
между выхвалями Римлянамъ положилъ, что
Римъ, получивъ вольность, невѣроятнымъ обра-
зомъ распространился и чрезмѣрно обѣять былъ
желаніемъ славы. И такъ сіе желаніе выхвалы и
желаніе славы много чуднаго подѣлали хвалы
и славы достойнаго, по мнѣнію человѣческому.
Похваляетъ потомъ же Саллюстіи въ свои вре-
мена великихъ и знаменитыхъ мужей, Марка
Катона и Каія Кесаря, и сказываетъ, что да-
вно таковыхъ мужей республика не имѣла;
но на его памяти были двое крайнѣ муже-
ственные, но различествующіе одинъ отъ
другаго нравомъ. Между выхвалями, Кесарю

сдѣ-

сдѣланными, положилъ, что онъ желалъ про-
страннаго государства, войска, новыхъ сра-
женій, гдѣ бы показать свое мужество. Такъ-
то онъ полагался на желанія людей, муже-
ствомъ знаменитыхъ, дабы побудить бѣд-
ный народъ къ принятію оружія, и бичемъ,
обограннымъ кровію, шertzать Беллону, дабы
имѣть случай, гдѣ показать свое мужество!
Сіе конечно дѣлало оное желаніе выхвалы и
славы. И такъ сперва изъ любви къ вольно-
сти, потомъ изъ любоначалія, наконецъ изъ
желанія хвалы и славы много важнаго сдѣ-
лали. Свидѣтельствуетъ о оboемъ томъ
знаменитый ихъ стихотворецъ: Тарквинія
изгнаннаго Порсенна повелѣвалъ принять на
царство по прежнему, и того ради жестоко
осаждалъ Римъ; но Енеевы потомки за воль-
ность мепались на мечи: тогда для нихъ
важнымъ дѣломъ казалось или мужественно
умереть, или жить въ свободѣ и вольности.
Но какъ получили вольность, тогда напало
на всѣхъ желаніе славы, такъ что мало ка-
залось быть вольными, ежели не будешь и
обладателями, когда оное за велико было по-
читаемо. О семъ томъ же стихотворецъ
какъ бы отъ лица Юпитерова говоритъ: авось-
либо немилосердая Юнона, которая и моря
нынѣ и земли страхомъ, и небо приводитъ
въ безпорядокъ, намѣреніе свое опмѣнитъ,
и со мною будетъ защищать Римлянъ, обла-
дателей свѣта, и народъ миролюбивый. Такъ
было благоугодно. Придетъ нѣкогда время,

въ

въ которое Ассараковы попомки (1) Фтію и славныя Мицены подѣ свою покоряѣ держа-ву, и побѣжденнымъ обладаютъ Аргомъ. Въ семъ мѣстѣ вводитъ Virgilій Юпитера аки бы предсказывающимъ будущее; въ самой же вещи пишетъ о томъ, что уже было и при немъ дѣлалось. Я сіе для того предло-жилъ, дабы показати, что Римляне по полу-ченіи вольности пламенѣли желаніемъ обла-дати другими, такъ что сіе вмѣсто великой выхвалы имъ приписывается. Отсюда и оныя спихотворца погожъ слова произошли, кото-рый другихъ народовъ художествамъ и на-укамъ собственныя Римлянъ искусства, то есть управлять другими, повелѣвать, по-каряти и побѣждать народы, предпочитая, говоришь: пускай другіе упражняются въ дѣ-ланіи мѣди, пускай на мраморѣ живо изобра-жаютъ лица, пускай изыскиваютъ причины и шеченіе небесное описываютъ; а ты, о Ри-млянинъ! знай только, какъ управлять наро-дами; сіе да будешь тебѣ вмѣсто всякаго художества и науки: щадишь покаряющихся и побѣждаешь гордыхъ. Въ семъ они нѣмъ иску-снѣ упражнялись, чѣмъ меньше спдавались въ роскоши и развратность, не желая умно-жить богатство и не повреждая благонравія, не отнимая послѣдняго у бѣдныхъ гражданъ, и не распочая онаго на презрѣнныхъ ксмеді-янцовъ. Почему когда зараза сія уже нача-лась и усиливалась, когда писалъ Саллюстіи и Virgilій: то оба объясняются, что не та-кимъ

кимъ образомъ, какъ прежде, всѣ желали че-сти и славы, но хитростию и лукавствомъ. И потому шомъ же писатель говоришь: но во-первыхъ наипаче тщеславіе, нежели сребро-любіе, сердца человѣческія занимало, который однако порокъ ближе былъ къ добродѣтели; ибо славы, чести и власти какъ добрый, такъ и нерадивый равно себѣ желали. Но добрый прямымъ путемъ къ тому идетъ, а нерадивый, поелику не достаеиъ у него хо-рошихъ средствъ, хитростию и лукавствомъ тщился того достигнуть. Сіи-то суть хо-рошія знанія, то есть добродѣтелию и му-жествомъ, а не хитростию и тщеславіемъ, къ чести, славы и власти достигаиъ, кото-рыхъ при всемъ томъ добрый и лѣтливый ра-вно себѣ желаютъ. Но добрый прямымъ пу-темъ къ тому спремится. Путемъ есть добродѣтель, которою онъ подкрѣпляется къ достиженію какъ бы конца, то есть къ сла-вы, чести и власти. Сіе углублено имѣли въ себѣ Римляне, какъ показываюиъ храмы ихъ боговъ, между собою соединенные (2), то есть добродѣтели и чести; поелику они за боговъ то почитали, что Богъ даруетъ. Отсюда выразишь можно, какой конецъ полагали они своей добродѣтели и мужеству, и куда оныя относили добрые, то есть къ чести; ибо влѣе и не имѣли оныхъ, хотя честь имѣть и желали, которые неправиль-ными средствами тщались получить, то есть хитростями и лукавствомъ. Лучше выхва-ленъ

ленъ Катонъ, о которомъ говоритъ: чѣмъ онъ меньше искалъ чести, тѣмъ болѣе слава за нимъ слѣдовала, когда слава та, коею онъ желала, была не что другое, какъ разсужденіе людское (3) хорошее о другихъ. И для того лучшая естъ добродѣтель, которая съ дѣтства и одобреніемъ человѣческихъ бываетъ не довольна, естъли не одобрилъ онаго и своя совѣсть. Почему Апостолъ говоритъ: *Слава наша, сія есть свидѣтельство совѣсти нашея.* И на другомъ мѣстѣ: *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда самъ въ себѣ славу имѣти будетъ, а не во иномъ.* И такъ за славою и честію и власнію, коихъ они желали и къ коимъ правильными средствами достигнуть пытались добрые, не должна послѣдовать добродѣтель, но за добродѣтелію оныя. Ибо та не естъ истинная добродѣтель, которая не стремилась къ оному концу, въ которомъ состоитъ добро человѣческое, коего ничего лучше нѣтъ. Чего для и честей оныхъ, коихъ Катонъ требовалъ, искалъ былъ не долженъ (4); но надлежало Риму безъ его желанія удостоить его оными. Но когда въ оныя времена двое были въ добродѣтели великіе люди, Кесарь и Катонъ, то казался добродѣтель Катонъ ближе была къ прямой добродѣтели, нежели Кесарева. При томъ каковъ былъ Римъ въ оное время, и прежде каковымъ былъ, посмотришь о томъ въ мнѣніи Катоновомъ (5), который говоритъ: не думайте, что предки наши ору-

жіемъ

жіемъ республику изъ малой сдѣлали большею. Ежели бы оно было такъ, то несравненно прекраснѣйшею бы мы имѣли оную; ибо и союзниковъ и гражданъ, при томъ оружіи и конницы у насъ болѣе нынѣ, нежели было у нихъ. Но было иное нѣчто, чѣмъ они великими стали, чего у насъ напротивъ совсѣмъ нѣтъ. Вънутрь опечесиващеніе, внѣ праведное государствованіе, разумъ въ совѣщаніи свободный, ни сладострастію, ни прочимъ порокамъ неподверженный. Въмѣсто сихъ у насъ нынѣ роскошь и сребролюбіе, общественная нищета, частное богатство; похваляемъ богатство, любимъ лѣность; между добрыми и злыми нѣтъ никакого различія; все добродѣтели возмездіе тщеславіе получаетъ; и не удивительно, когда каждый изъ васъ частно про себя совѣты предпринимаетъ; когда въ домъ уносите въ роскошахъ, а внѣ дома денегъ и милости другихъ добываетесь. Отъ сего - то происходитъ, что устремляетесь на опустѣвшую республику. Кто слышитъ сіи слова Капоновы, или Саллюстіевы, думаетъ, что выхваляемые древніе Римляне всѣ таковы были, или по крайней мѣрѣ многіе. Однако то неправда; иначе несправедливо было бы, что тотъ же самый пишетъ, о чемъ я упоминалъ въ книгѣ второй сего сочиненія, гдѣ говоритъ: обиды сильныхъ, и пошумъ опустошеніе народа отъ Сенаторовъ, и другіе раздоры въ Римѣ происходили съ самаго начала, и уже болѣе пра-

Часть I.

Ъ

ведка

ведно и благонравно не поступали, кромѣ
того времени, когда по изгнаніи Царей всѣ
боялись Тарквинія, за котораго Эпхурія вой-
ну объявила Римлянамъ, которая какъ скоро
окончалась, тогда Сенаторы съ народомъ по-
ступали, какъ съ невольниками, наказаніе дѣ-
лали такъ, какъ Цари: снимали поля и безъ
вѣдома другихъ одни все дѣлали въ государ-
ствѣ; который раздоръ, то есть когда одни
вла вѣдывали желали, другіе повиновались
не хотѣли, пресѣкла война съ Каретгенца-
ми вторая; понеже паки страхъ началъ ихъ
безъсконъ, и онѣ силъ раздорѣвъ попечені-
емъ о большемъ сердца ихъ обуздывали и къ
согласію между собою возвращать. Но нѣ-
которые малочисленные добрые великіи дѣла
одни дѣлали, и по обратеніи бѣдствій по-
печеніемъ немногихъ распространялось го-
сударство, какъ потомъ же говоритъ исто-
рикъ, что онѣ, чиня и слыша, что народъ
Римскій внутри государства и на войнѣ, на
земли и на морѣ знаменитыя учинилъ дѣла,
за благо разсудилъ любопытно и внима-
тельно разсмотрѣвъ, чѣмъ причиною было
такою удачливости; понеже зналъ, что Ри-
мляне малою, такъ сказать, горстью народа
сражались съ многочисленными легионами не-
пріятельскими; вѣдалъ, что съ малочисленною
арміею щастливо и удачливо окончаны брани
съ богашѣйшими Царями; и разсуждая о томъ,
позналъ и выразумѣлъ, что малочисленныхъ
гражданъ изыщное мужество пому виною,
ко-

которое сдѣлало, что нищета богатство,
малочисленность многолюдство преодолѣли.
Но послѣ того, какъ Римъ впалъ, говоритъ,
въ развратность, то паки республика спра-
дала онѣ пороковъ своихъ великобъ и на-
чальниковъ. И такъ малочисленныхъ людей
добродѣтели, къ славѣ, чести власти истин-
нымъ пушемъ, то есть самою добродѣтелию
спрежнящихся, и самъ Катонъ похвалялъ. Он-
сюда-то происходило внутри государства
пищаніе, о которомъ упомянулъ Катонъ, да-
бы общественная казна была великою, а ча-
стное имѣніе малымъ. Чего для когда нравы
стали бытъ развращенными, вопреки напи-
салъ, то есть общественной казны недоспа-
шокъ, а частного имѣнія избыточество. По-
чему когда восточныя государства чрезъ мно-
го вѣковъ были знамениты, то благо-
волилъ Богъ бытъ и западному, которое хотя
временемъ позднѣе, но пространствомъ и ве-
ликою знаменитѣе; и оно препоручилъ ра-
ди обузданія великихъ золъ другихъ наро-
довъ такимъ людямъ, которые изъ чести,
хвалы и славы пеклись объ отечествѣ, въ
которомъ искали самыя славы, и ненаруши-
мость онаго предпочитали своему здравію;
которые симъ однимъ порокомъ, то есть
любовію похвалы, желаніе богатства и про-
чіе многіе пороки обуздывали.

Глава шрешіянадесять.

О любви хвалы, которая хотя въ самой величїи есть порокъ, однако добродѣтелию почитается; потому что другіе большіе пороки обуздываетъ.

Благоразуміе шѣшь разсуждаетъ, которой и любовь похвалы порокомъ признаваетъ, о чемъ и стихотворецъ Гораций не не вѣдалъ, который говоритъ: надѣнь ты любовію хвалы (). Безомнѣтельно по пороку. Тожъ сказалъ и въ стихѣ Лирическомъ для обузданія желаній обладать другими: прескромнѣе царствовать будешь (2), укрощая жадный къ владычествованію духъ, нежели когда Лавію съ удаченнѣмъ Гадитанскимъ (3) остроумъ совокупишь, и когда обаи Катрагенцы (4) будутъ тебѣ подвластны. Однако которые свои мерзкіи прихоти вѣрою благоговѣнію не обуздываютъ, шѣ хотя желаніемъ человѣческой хвалы и славы не могутъ назваться святыми, при всемъ томъ не столько, какъ прочіе, мерзостны. И Туллій сего упоминъ не хотѣлъ въ шѣхъ книгахъ, которые о республикѣ писалъ, гдѣ говоритъ о наставленіи вельможъ города, котораго, говоритъ, должно питать славою (5). И пошочъ упоминаетъ о злѣдкахъ, которые изъ желанія славы много ражныхъ дѣлъ сдѣлали. И такъ сего порока не только не истребляли, но еще вначашивали и возбуждали, почитая, что сіе для республики весьма полезно. Также не скрываетъ

о томъ Туллій и въ книгахъ философій, гдѣ онъ гораздо яснѣе по открываетъ; ибо когда говорилъ о ученіяхъ, которые пріобрѣщаютъ должно ради конца истиннаго добра, а не ради похвалы человѣческой, то симъ всеобщимъ заключилъ мнѣніемъ: честь питаетъ науки (6), и всѣ къ пріобрѣщенію ученіи возбуждаются славою; и то презираемо бываетъ всегда, чего никто не одобряетъ.

Глава четвертаянадесять.

Объ отверженіи любви похвалъ человѣческихъ; понеже праведныхъ хвала должна состоять въ Богѣ.

И такъ сему желанію лучше сопротивляться, нежели уступать должно; ибо шѣмъ всякъ Богу подобенъ, чѣмъ непорочнѣе. И нечестно въ сей жизни хощи совершенно не можетъ онъ сердца человѣческаго испребишся, понеже и въ благонравіи успѣвающія души не престають искушати: то по крайнѣй мѣрѣ должно преодолеваясь быть любящимъ правды, такъ что ежели гдѣ что либо пренебрегается и не одобряется, ежели оно хорошее и праведное, то любовь человѣскимъ хвалы должна постыдиться и уступить любви истинны. Ибо пороку сей крайнѣй пропавенъ благочестивой вѣрѣ, естли больше будешь въ сердцѣ желаніе славы, нежели спѣхъ и любовь къ Богу. И для того сказалъ Господь: *Какъ можете вѣровать, славу другъ отъ друга*

друга пріемлюше, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищуще? Также о нѣкоторыхъ, кои въ Него увѣровали, но боялись признавашь то явно, говоритъ Евангелистъ: *Возлюбиха славу человѣче кую паче, нежели Божию.* Сего святыя Апостолы не дѣлали, которые когда въ таковыхъ мѣстахъ проповѣдывали имя Христово, гдѣ не только благовѣстіе оное не одобряемо, но и досшойнымъ проклятія почитаемо было, памятуя слышанное отъ благаго Учителя своего и Врача душъ: *Аще кто отвержется мене предъ челоѣки, отвергуся его и азъ предъ Отцемъ моимъ (1), иже на небеси, и предъ Ангелы Божиими (2),* между злословіями и поношеніями, между тяжкими и жестокими гоненіями и казнями не убоялись проповѣдывать спасеніе людемъ, хотя чрезъ то до скрежетанія зубовъ раздражали людей упорныхъ; и что чрезъ оныхъ волю Божию исполняющихъ, богодухновенно глаголющихъ и богоугодно живущихъ, по препобѣжденіи нѣкоторымъ образомъ грубыхъ и жестокихъ сердецъ, и по введеніи мира правды великая церкви послѣдовала слава, копсую они къ Божіей славѣ, а не своей ситѣ относили, благодатию котораго таковыми они были. И симъ и шѣхъ, коихъ наставляли, поощряли, дабы и они таковыми же были. Ибо чтобъ они добрыми и благонравными были не для славы челоѣческой, научалъ ихъ Учитель ихъ, глаголя: *Блюдите, правды вашей не творите предъ челоѣки, да видима*

ми будете ими: въ противномъ случаѣ не будете имѣть мѣды отъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Но паки, дабы люди, не право понимая, не спрашивали угодными бышь другимъ, и шѣмъ самимъ не была бы ихъ тайная добродѣтель безплодною, показывая, на какій конецъ явными бышь они должны: *Такъ, говоритъ, да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.* И шакъ не для того, дабы вы видимы были отъ людей, и не для того, аки бы вы нѣчто были сами собою, но съ шѣмъ намѣреніемъ являйше свою добродѣтель, дабы другіе прославляли Олца вашего, иже на небесѣхъ; и чтобъ они, обратясь къ Богу, были таковыми же, какъ вы. Сему послѣдовали мученики, которые Сцеволовъ, Курціевъ и Деміевъ на себя казни нанося, но нанесенныя сноси, и мужествомъ истиннымъ и благоговѣніемъ, шакъ какъ и числомъ превзошли. Но когда язычники жили въ земномъ градѣ, которымъ и конецъ предложенъ былъ за всѣ къ нему услуги, цѣлостъ и ненарушимостъ онаго, и царство не на небеси, но на земли; не въ жизни вѣчной, но въ отшествіи умирающихъ и преемшвѣ умереть имѣющихъ: потому они и не любили ничего, кромѣ славы, которою хотѣли и по смерти какъ бы жити въ услахъ похваляющихъ ихъ.

Глава пятаянадесять.

О воздаяніи временномъ, которое воздалъ Богъ Римлянамъ за ихъ благонравіе.

И такъ коимъ Богъ не имѣлъ даровать жизни вѣчной съ святыми Ангелами своими во градъ своемъ небесномъ, въ которѣй вводитъ истинное благоговѣніе, которое не приноситъ рабѣннаго служенія, кое Греки Ластріею называютъ, кромѣ единого истиннаго Бога, ежели бы и сей земной славы знаменитаго государства не даровалъ имъ: то не выгодно былабъ имъ мзда ихъ добродѣтелямъ, коими они до толикой славы щцалися достигнуть. Ибо о таковыхъ, которые дѣлаютъ нѣчто добро для того, дабы видимы были и прославляемы отъ людей, и Господь сказалъ: *Аминь, глаголю вамъ, воспріяли мзду свою*: такъ и сіи часное свое имѣніе ради общественной казны презрѣли, пропились сребролюбію, совѣтовали въ пользу отечества свободно, по своимъ законамъ удалялись отъ пороковъ и роскоши, сими всѣми средствами какъ прямымъ пушемъ спремались къ чести, власи, славѣ; почитаемы были во всѣхъ почти народахъ, свои законы многимъ предписали странамъ, и нынѣ въ испоріяхъ у всѣхъ народовъ славится имя ихъ. Почему нѣтъ имъ причины жаловаться на правду истиннаго Бога: *воспріяша мзду свою.*

Глава шестаянадесять.

О воздаяніи праведныхъ гражданъ вѣчнаго града, коимъ полезны примѣры добродѣтелей, дѣланныхъ Римлянами.

Воздаяніе же праведныхъ совсѣмъ инаково, претерпѣвающихъ въ семъ мірѣ поношеніе за градъ Божій, ненавидимый любителями сего міра. Оный градъ есть вѣчный; въ немъ никшо не рождается, понеже никшо не умираетъ; тамъ находится полное щастіе, не богиня, но даръ Божій. Опшуда мы принимаемъ залогъ вѣры; покуда здѣсь странствуемъ, воздыхаемъ отъ желанія онаго благолѣпія и красоты. Тамъ солнце не сіяетъ на злыхъ и благихъ, но Солнце правды озаряетъ и покрываетъ единственно благихъ. Тамъ не будетъ нужды обогащать общественную казну частнымъ малымъ имѣніемъ, гдѣ сокровищемъ общимъ есть истинна. Потому не только, дабы таковая мзда воздана была таковымъ людямъ, Римское государство къ человѣческой славѣ распространено, но чтобы граждане вѣчнаго онаго града, покуда здѣсь странствуютъ, щцательнo и неусыпно взирали на оные примѣры, и внимали, коликая любовь потребна къ горнему отечеству ради жизни вѣчной, когда земный градъ отъ своихъ гражданъ любимъ былъ толико ради человѣческой славы.

Глава седьмаянадесять.

Сколь удалены должны быть Християне отъ высокомыслия о себѣ, естли что либо сдѣлаютъ изъ любви къ вѣчному отечеству, когда толь много важнаго Рмаиане учинили изъ любви къ славѣ и земному граду.

Великое ли дѣло почтеть себя сдѣлавшимъ, который ради небеснаго отечества все вѣка сего увеселительное и лесное презреть, когда Брушъ могъ и дѣшей своихъ умертвить за земное и временное отечество, къ чему оно небесное не принуждаетъ? Но поистиннѣ болѣе трудности въ себѣ заключаеиъ умертвить дѣшей, нежели лишиться того, что собираемо и хранимо бываеиъ дѣшамъ, разтаваніемъ нищимъ. Ибо щастливыми насъ и дѣшей нашихъ не земное дѣлаетъ богатство, котораго или при жизни нашей лишаемся, или по смерти оставляемъ невѣдомо кому, или, что огорчительное, имъ, коимъ оставимъ онаго мы не желали бы; но Богъ щастливыми дѣлаеиъ, который естъ истиннымъ душъ богатствомъ. О Брушовомъ же нещастіи, когда онъ дѣшей умертвилъ, свидѣтельствуеиъ стихотворецъ, который его хвалилъ; ибо говоритъ: дѣшей, новыя брани зачинающихъ за вольность народа, иззовешъ къ казни нещастный отецъ, какихъ бы мыслей ни были о томъ истомки. Но слѣдующимъ стихомъ утѣшаеиъ нещастнаго такъ: превзошла любовь къ отечеству и безмѣрное желаніе похвалы. Сіи суиъ двѣ

вещи,

вещи, то естъ вольность и желаніе похвалы человеческихъ, которыя понудили Римлянъ дѣлать удивленія достойныя дѣла. И такъ ежели за свободу смертныхъ, и изъ желанія похвалы, которой ищутъ люди, могли умертвлены быиъ отъ отца дѣши: то великимъ ли дѣломъ должно почтеться, когда за истинную свободу, которая насъ отъ области нечестія и смерти и дѣвола свободными дѣлаеиъ, не изъ желанія человеческихъ похвалъ, но любовію къ имѣющимъ свободиться людемъ; не отъ Тарквинія Царя, но отъ бѣсовъ и бѣсовскаго князя; не дѣши убиваемы бывають, но Христовы нищіе между сынами почитахся? Естли также и другіи вельможа Римскій, прозваніемъ Торкватъ, сына своего не за то, акибы онъ проиавъ отечества, но за отечество; однако поелику проиавъ повелѣнія отца своего вызванъ бывши непріятелемъ, и разгорячась сразился, хопя и побѣдилъ, непріятеля умертвилъ, дабы не было болѣе зла въ примѣрѣ презрѣннаго и пренебреженнаго повелѣнія, нежели добра въ славу пораженнаго непріятеля: то для чего хвастають, которые за законы безсмертнаго отечества все, которое меньше любимо бываеиъ, нежели дѣши, добро мірское презрѣли? Естли Фуриъ Камилъ и неблагодарное отечество свое, съ коего вы свергнули жестокихъ непріятелей Вегенцианъ иго, и осужденный отъ завистливыхъ людей въ изгнаніе, отъ Галловъ впрочино свободилъ, понеже не имѣлъ лучшаго, въ

въ которомъ бы жить славѣ: то для чего превозносился, какъ бы нѣчто важное сдѣлавъ, который по случаю въ церкви отъ враговъ плашскихъ тяжкое безчестіе и несносное претерпѣлъ, и не пріобѣдился къ врагамъ оной ерешикамъ, и самъ никакой противъ ея ереси не вымыслилъ, но напротивъ, сколько могъ, отъ ереспической смертоносной заразы защищалъ; когда иной нѣтъ, не для того, дабы жить въ славѣ человеческой, но въ которой бы пріобрѣсть вѣчную жизнь? Естли Муцій, дабы сдѣлавъ миръ съ Порсенною Царемъ, который Римлянъ войною притѣснялъ, понеже не могъ убить Порсенну самаго, но ошибкою вмѣсто его убилъ другаго: то руку свою на горящемъ жертвенникѣ простеръ, сказывая, что многіе таковые, каковымъ онъ его видитъ, заговоръ учинили на его гибель, котораго онъ крѣпости и заговора таковыхъ убоявшись, немедленно учинивъ миръ, брань снѣмилъ: то кто заслуги свои столь достойными неба почитетъ, естли ради онаго не только руку, терпя отъ нѣкоторыхъ гоненіе, но и все тѣло свое предасилъ пламени? Естли Курцій, вооруженъ будучи, разбѣжавшись на конѣ, въ разсѣлину земную бросился, исполняя повелѣніе своихъ боговъ, которые приказали, дабы то шуда ввержено было, что Римляне лучшее имѣютъ; и какъ Римляне понимали, что они превосходяще другихъ мужествомъ и оружіемъ, почему за достойное почли, дабы въ оную разсѣлину вооруженный мужъ бросился: то

что

что великое содѣлавшимъ почтитъ кто себя, когда онъ претерпѣлъ какого либо въ вѣѣ своей врага, не самъ себя умерщвляя, но отъ другаго будучи умерщвляемъ, особливо когда отъ Господа своего и Царя своего отечества получилъ ободрительное слово: *Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить?* Ежели убивая сами себя Декій, какъ бы въ жертву себя принесли богамъ, дабы гнѣвъ боговъ кровію своею отъ арміи Римской отвратили: то не должцы мученики высокоумствовать, аки бы достойное нѣчто за сщество оное учинили, гдѣ вѣчное и истинное естъ блаженство, ежели они подвизались до изліянія своей крови, любя не только свою бранію, за коихъ кровь проливали, но и самыхъ враговъ, которые оную проливали, какъ повелѣно; любя же любовію вѣры, и вѣрою любви. Естли Маркъ Пулвиллъ (1), освящая храмъ Юпитеру. Юнонѣ, Минервѣ, когда услышалъ о смерти своего сына отъ завистниковъ (2), которые нарочно дали ему знашь, дабы онъ, симъ печальнымъ случаемъ смущенъ будучи, оставилъ оное священное дѣйствіе, и оную славу получилъ бы его товарищъ, не только не смущился, но еще и приказалъ, дабы сына его бросили безъ погребенія (3); и такимъ образомъ безчадства печаль препобѣждена была въ сердцѣ его желаніемъ славы: то тѣмъ ли, какъ великимъ, похвалится Христіанинъ, что онъ за проповѣдію Евангельскою, коею граждане гордаго отечества отъ различныхъ свобождаются

ся

ся и собираются заблуждений, оставилъ сродниковъ безъ погребенія, когда Господь въ лицѣ заботящагося о погребеніи отца нѣкогда ему сказалъ: *Гряди во слѣдъ мене, и остави мертвыя* (4) *погребсти своя мертвецы*? Естли Маркъ Регулъ, дабы не обмануть клятвою жестокихъ непріятелей, изъ Рима къ нимъ возвратился; понеже когда Римляне удержавъ его хотѣли, сказали, что онъ, бывши въ неволѣ у Африканцовъ, въ Римѣ между честными гражданами, бысть не можетъ, котораго по возвращеніи, поелику онъ въ Сенатѣ Римскомъ въ прошивность желанію Кароагенцовъ софисы подавалъ, жесточайшими мученіями умерщвили: то какихъ мученій мы можемъ опрещися за оное опечесство и за вѣрность къ оному, къ которому самая вѣра насъ приводитъ? Ибо что воздастся Господу за все, что Онъ даруетъ, когда за вѣрность, къ Нему должную, таковое нѣчто человекъ претерпитъ, что за вѣрность къ жестокимъ врагамъ претерпѣлъ Регулъ? Какъ дерзнетъ Христіанинъ выхвалять себя самовольною нищетою, которую принимаетъ, дабы свободнѣе ипнн пѣмъ пушемъ, который веденъ къ опечесству, гдѣ истиннымъ богатствомъ есть самъ Богъ, когда услышитъ, или въ исторія самъ увидитъ, что Луцій Валерій (5), который и умеръ Консуломъ, споль былъ недоспапоченъ, что собранными онъ народа деньгами былъ погребенъ? Или когда услышитъ, или самъ прочитаетъ, что Квинцій

Цин-

Цинциннатусъ (6), имѣя четыре нивы земли, и оныя воздѣлывая самъ, онъ плуга взявъ и поставленъ Диктаторомъ, который чинъ больше былъ, нежели Консулатство (7), который, побѣдивъ непріятелей (8) и безмѣрную славу получивъ, въ той же пгебылъ навсегда нищенъ? Или можетъ ли Христіанинъ такъ какъ бы важнымъ похвалиться, что онъ никакими обѣщаніями онъ вѣчнаго онаго опечесства не отвлеченъ, когда увидитъ, что Фабріцій (9) великими обѣщаніями Пирра Элиотского Царя, къ коимъ прилагалъ дань ему еще четвертую часть своего гсударства, онъ Рима отвлеченъ бысть не могъ, въ которомъ онъ за благо разсудилъ при бѣдности частную препровождать жизнь? Ибо древніе Римляне общественную казну имѣли чрезвычайно обильную, а часто въ домахъ своихъ были совѣмъ недоспапочны, такъ что нѣкоторый изъ нихъ, бывший два раза Консуломъ (10), за то сирѣшенъ былъ отъ онаго Сената недоспапочныхъ мужей (11) Цензоромъ, понеже занесено было, что онъ десять фунтовъ сребра хранилъ въ сундукѣ. Ежели Римляне споль были недоспапочны, коихъ торжества надъ непріятелями обогащали общественную казну: то Христіяне не должны ли наипаче богатство свое общимъ поставлять, по написанному въ Дѣяніихъ Апостольскихъ, дабы даваемо было каждому, въ чѣмъ кому нужда, и чпобъ никто своимъ ничего не поставлялъ, но имѣли бы все общее? Разумѣютъ Христіяне, что не дол-

должно имъ симъ превозносившяся, когда они ио дѣлають для полученія сообщества съ Ангелами, когда Римляне почти таково же нѣчто дѣлали для приобрѣшенія славы. Сіе и шому подобное описанное въ книгахъ Римлянъ никогда бы другимъ не было свѣдомъ, никогда не было бы вездѣ разглашаемо, ежели бы Римское государство не распространилось. И такъ чрезъ обширность и долговѣчность ихъ государства, славимаго шоль многими добродѣтельными людьми, всадана имъ мзда по ихъ намѣренію, которой они искали, и намъ предложены къ увѣщанію и убѣжденію нужные примѣры, такъ что ежели мы добродѣтелей ихъ, коимъ нѣсколько подобны, которыхъ они ради славы земнаго града держашся, не будемъ ради преславнаго Божія града, то усрамлялись бы; а ежели держашся сшанемъ, то не превозносились бы. Понеже, говоритъ Апостолъ, *недостойны страсти нынѣшняго времени хъ хотящей славы явитися еъ насъ*. Въ разсужденіи же человѣческой славы и насшоящаго времени достойнымъ казалось житіе ихъ, чего для и Іудеи, убившіе Христа, по опкровенію новаго завѣша того, что въ вепхѣмъ было покровено, то естъ, чтобъ не ради временныхъ благодѣній, даруемыхъ отъ Промысла злымъ и благимъ, но ради вѣчной жизни и некончаемыхъ даровъ, и ради сообщества, чаемаго въ горнемъ градѣ, Бога единого и истиннаго почиташъ надлежишъ, праведно хъ умноженію славы Римлянъ преданы, дабы

сіи

сіи, копорые, какими бы то ни было добродѣтелями, земной славы искали, и обрѣи, побѣдили шѣхъ, копорые ужаснѣйшимъ беззаконіемъ Податели истинной славы и вѣчнаго града умерщвили и опвергли.

Глава осьмаянадесять.

Государство Римское устроено отъ истиннаго Бога, отъ коего зависитъ всякая власть, и коего промыслѣмъ все управляется.

Когда сіе такъ, то не должны мы никому власни присвоивать даанія государства, кромѣ одного истиннаго Бога, копорый даруетъ шастіе, то естъ царство небесное, одчимъ праведникамъ, царство же земное и благочесшивымъ и нечесшивымъ, какъ угодно шому, копорому все несправедное не благоугодно. Ибо хоща нѣчто мы и знаемъ, что намъ благоволилъ отккрыть, однако превосходитъ силы наши разбирать человѣческія сокровенности и совершенно разсуждать о заслугахъ государства. И такъ оной истинный Богъ, копорый ни въ разсужденіи суда, ни въ разсужденіи помощи не оставляетъ человѣческаго рода, когда Ему было угодно, и коликое было угодно Римлянамъ, далъ царство, копорый далъ Ассиріянамъ и Персамъ, копорые двухъ шолько боговъ почитали (1): одного добраго, другаго злаго, какъ свидѣльствуютъ ихъ книги. Я уже умалчиваю о народѣ Еврейскомъ, о копоромъ я выше говорилъ, сколь

Часть I.

Ѧ

ко

ко требовала матерія, который не почиталъ инаго Бога, кромѣ одного, когда и царствовалъ. И такъ который Персамъ даровалъ класы безъ почитанія богини Сегеціи; который другіе земные дары безъ почитанія полъ безчисленныхъ боговъ, которыхъ Римляне по одному къ каждой вещи, или лучше сказать, къ одной вещи многихъ приспавили, даровалъ: такъ и самое царство безъ почитанія тѣхъ боговъ, почитаніемъ коихъ царствовавшими себя признавали. Такъ и въ разсужденіи людей, который Марію, шотъ и Каію Кесарю (2); который Августу, шотъ и Нерону; которые Веспасіанамъ, какъ отцу, такъ и сыну, милостивымъ Государямъ (3), шотъ и жестокому Домитіану; и чтобъ не изчислять всѣхъ по одинакѣ, который Константину Хрисстіянину, шотъ и оискупнику Іуліану (4), котораго изрядную породу обольстило любовію къ владычествованію святошапское и проклятое любопытство, котораго онъ суешнымъ предавшись предвѣщаніямъ, и упоая получить побѣду, сжегъ корабли съ запасомъ; попомъ горячася и на все отважася, достойно за свое безуміе убитый, ошавилъ войско голодомъ погибающее въ непріятельскихъ мѣстахъ, такъ что опшуда инаково не могло свободиться, какъ только въ прошивность хорошаго знака бога Термина, о коемъ мы выше говорили, то есть уменьшеніемъ границъ государства Римскаго. Ибо богъ Терминъ принужденъ былъ уступить мѣсто крайности, который не

не уступалъ Юпитеру. Сіе поистиннѣ одинъ Богъ истинный управляетъ по своему изволенію, и хоща сокровенными въ разсужденіи насъ суть оныя причины, но праведныя.

Глава девятаянадесять.

Времена и окончанія браней отъ Божія зависятъ суда.

Такимъ же образомъ и самыя времена браней Божіимъ благоизволеніемъ и праведнымъ судомъ и милосердіемъ, или ради изнуренія, или ради утѣшенія человѣческаго рода скоро, или медлительно оканчиваются. Война съ морскими разбойниками (1) отъ Помпея, война съ Карѳагенцами (2) отъ Сципіона съ крайнею скоростію окончаны; и война съ бѣжавшими Гладіаторами, хоща по побѣдѣ многихъ Римскихъ полководцовъ и двухъ Консуловъ, и по опустошеніи ужаснымъ образомъ Италіи, однако въ третій годъ окончана. Пиценцы, Марсяне, Пелигны не виѣшніе народы, но Италійскіе, по долговременномъ понесеніи неволи ига свободить себя покушались и въ самое то время, когда Римляне многими обладали спранами и раззорили уже Карѳагенъ, въ которыхъ сраженіяхъ многократно Римляне были побѣждены (3), два Консула убиты (4) и другіе значныя Сенаторы; однако не долго продолжалось сіе зло: ибо пятый годъ оное окончилъ. Вторая война съ Карѳагенцами, къ великому несчастію Римлянъ продолжавшаяся

осьмнатицать лѣтъ, всѣ силы Римлянѣ истощила и почти совсѣмъ испребила. Во время оныя на двухъ сраженіяхъ (5) до семидесяти тысячъ Римлянѣ побито. Война съ Карфагенцами первая продолжалась дватицать три года, война съ Митридатомъ (6) сорокъ лѣтъ. Но чинобъ кто не подумалъ, что предки Римлянѣ военныя дѣла скорѣе рѣшили, будучи мужественнѣе: пошлѣ пускай посмотришъ на первенствующія времена и всѣми выхваляемыя: война съ Самниціанами продолжалась почти пятидесяти лѣтъ (7), во время которой такъ Римляне побѣждены, что подъ иго неволи покорены были. Но какъ они любили славу не для правды, но правду для славы, то мирной договоръ нарушили. Сіе для того я упомянулъ, понеже многие, не зная прошедшихъ вещей и дѣлъ, нѣкоторые же и зная, но припвораясь незнающими, когда видятъ въ Христіанскія времена продолжающуюся войну какую либо, потчасъ дерзновенно на наше благочестіе устремляются, крича, что ежелибъ сего благочестія не было и по древнему обыкновенію боги были почитаемы, то мужество Римлянѣ помощію Марса и Беллоны скоро каждую войну окончалобъ. И такъ пускай теперъ чинаюшъ, коль долго-временно войны, съ колико различными приключеніями, съ колико плачевными пораженіями древними были опправляемы. Увидяшъ по-длинно, что Римское государство на подобіе пространнаго моря непогодю заль было обу-

реваетъ.

реваемо, и не хоща признаюшъ въ истиннѣ, и престанутъ безумный свой языкъ воору-жать и изощрять на Бога и обманывашъ невѣждѣ.

Глава двадесятая.

О войнѣ, на которой Радагаисъ Царь Готтеской, почитатель бѣсовъ, въ одинъ день съ безчисленнымъ войскомъ побѣжденъ.

Что же Богъ въ наши времена чудное по милосердію своему сдѣлалъ, о томъ не только не упоминаютъ съ благодареніемъ, но сколько есть въ нихъ силъ, стараются скрыть и предасть забвенію, которое ежели и мы оставимъ и умолчимъ, то будемъ равно неблагодарными. Когда Радагаисъ, Царь Готтеской, съ безчисленною арміею приближившись къ предѣламъ Римскаго государства, и не далече наконецъ бывъ отъ Рима, угрожалъ погибелью народу: то въ одинъ день только скоро побѣжденъ, что не только ни одинъ Римлянинъ не убитъ, но ниже раненъ, хоща войска его побито болѣе ста тысячъ; наконецъ потчасъ и самъ оный Царь съ дѣтьми пойманъ и достойныя принялъ казни. Ибо ежели бы онъ, будучи только нечестивъ, и имѣя войско безчисленное, столь же нечестивое, вошелъ въ Римъ: когобъ онъ пощадилъ? Которымъ бы мѣстамъ священнымъ мучениковъ честь опдалъ? Въ какомъ бы лицѣ убоялся Бога? Чьей бы не пролилъ крови, и чьему

цѣломудрію не причинилъ бы насилія? Какихъ бы тогда Римляне не произнесли словъ? Какихъ бы не наговорили поношеній, сказывая, что того ради онъ побѣдилъ, понеже всегдашними жертвами своихъ боговъ умилостивлялъ и призывалъ, что Римлянамъ благочестіе Христіанское дѣлать возбраняло? Ибо когда онъ еще приближался къ тѣмъ мѣстамъ, въ коихъ изволеніемъ высочайшаго Величества пораженъ, когда о немъ слава повсюду происходила: то сказывали намъ въ Карфагенѣ, что язычники вѣряшъ, разславляющъ и разносяшъ, что Радагисъ, приносящій своимъ богамъ повсядневныя жертвы, и будучи подъ ихъ покровительствомъ и защитою, побѣжденъ бытъ не можетъ отъ тѣхъ, которые шаковыхъ же жертвъ не приносятъ, и священнослуженій не отправляющъ Римскимъ богамъ, и другихъ къ тому не допускающъ. И не приносятъ бѣдныя благодарности толпѣ Божію милосердію, который, опредѣливъ варварскимъ нападеніемъ достойныя тяжчайшей казни развращенія человѣческія наказанъ, растворилъ гнѣзъ свой человѣколюбіемъ, такъ что въпервыхъ чудную надъ Радагаисомъ даровалъ побѣду, дабы къ низложенію душъ немогущѣйшихъ не дана была слава бѣсамъ, коихъ Радагаисъ, какъ всѣмъ было извѣстно, почиталъ. Потомъ когда Римомъ сіи варвары обладали, и въ противность своего обыкновенія военнаго къ свншымъ мѣстамъ убѣжавшихъ изъ почтенія къ благочестію Христіанско-

янскому защищали, и самымъ демонамъ и обрядамъ нечестивыхъ священнослуженій за имя Христіанское толь противились, что казалось они съ демонами наипаче, нежели съ людьми воевали. Такимъ образомъ истинный Господь и Правитель вещей и Римлянъ съ милосердіемъ наказалъ и чудною почитателей бѣсскихъ побѣдою показалъ, что и священнослуженія, принсимыя богамъ, къ ненарушимости настоящихъ вещей не пользуютъ, и ради настоящихъ бѣдственныхъ приключеній благочестія Христіанскаго оснавливать не должно, но вѣрно ради будущей жизни чаяніи содержать.

Глава двадцать первая.

Сколь истинно есть Христіанскихъ Государей благополучіе.

Мы Христіанскихъ Государей не по тому щасливыми называемъ, понеже они долговременно царствовали, или по государствованіи оставивъ наслѣдниковъ, спокойно смертію умерли, или непріятелей своего государства усмирили, или враговъ домашнихъ гражданъ, на нихъ возстающихъ, избавивъ и преодолѣть могли; ибо сіе и другое подобное бѣдственной жизни сей, или даромъ, или утѣшеніемъ есть, котораго и почитатели бѣговъ удостоились; которые не принадлежатъ къ царству Божію, къ коему принадлежатъ Христіанскіе Государы, и сіе Божіимъ сдѣлано

милосердіємъ, дабы вѣрующіе въ Него не желали того, какъ высочайшаго добра: но благополучными и блаженными ихъ называемъ, когда они праведно государствуютъ. Еслили, видя подданныхъ уснами приписываемые себѣ высокіе титулы, и преданность, глубокимъ смиреніемъ имъ изъбывляемую, не превозносятся, но памятуя, что они люди; еслили свою власть и величество къ распространенію Божіа почтенія употребляю; ежели Бога боялися, любящъ, чтущъ; ежели пламенѣютъ любовію къ оному царству, гдѣ нѣтъ опасности имѣть сообщника царству (1); еслили не скоро опмѣщаваются, удобно прощая; еслили тоже опмѣщеніе по нуждѣ въ разсужденіи защищенія общесства, а не ради насыщенія себя ненавистію непріязни совершаютъ; еслили прощеніе не къ безнаказательности нечестія и непогрѣбства, но ради надежды исправленія даруютъ; ежели иногда жестоко что либо кому опредѣлили, милоспїю, снисхожденіемъ и щедростію благодарній вознаграждаютъ; ежели своевольство имъ болѣе опъ себя удаляютъ, чѣмъ оное имъ позволишельнѣе; ежели щастся злыми вождѣльниками обладать наипаче, нежели владычествовать надъ народами; и еслили при всемъ томъ сіе дѣлаютъ не изъ желанія тщешной славы, но изъ любви къ блаженству вѣчному; еслили за свои прегрѣшенія Богу единому истинному приносятъ с. пренія, соболѣзнованія и молитвы жертву: таковыхъ Христїанскихъ Государей называемъ мы блаженными,

которыя

которыя тогда совершенно благополучны, когда имъ приспѣтъ, чего мы ожидаемъ.

Глава двадесять вторая.

О благополучныхъ успѣхахъ, которые Богъ даровалъ Константину, Христїанскому Императору.

Преблагій Богъ, дабы люди, вѣрующіе въ Него и почиашіе ради будущей жизни, не подумали, что ничто не можеть достигнуть величества и царства земнаго, еслили кто демонамъ не будетъ отдавать Божеской чести, поелику много силы имъ въ семъ язычники присвояютъ: но Константина Императора (1), непокланяющагося демонамъ, но единого истиннаго Бога почиашаго, столь великими земными награди дарамъ, что желашъ болѣе того никто бы не ошважился; которому даровалъ удобство къ сооруженію города (2), равнаго Риму, но безъ всякаго демонамъ храма (3) и кумира. Онъ царствовалъ долговременно; весь міръ имѣя въ своей державѣ, его защищалъ. Въ опправленіи браней былъ наипощастливѣйшимъ и побѣдоноснымъ. Въ испребленіи тирановъ (4) имѣлъ всегда успѣхи. Умирая опъ болѣзни въ глубокой старости, оставилъ сыновъ своихъ на Царскомъ престолѣ. Но паки, дабы какой либо Государь для того не былъ Христїаниномъ, дабы благополучія Константина достигнуть, когда всякъ ради жизни вѣчной долженъ быть Христїаниномъ:

Э

по

то Іовиніана прежде несравненно скорѣе отсюда восхитилъ, нежели Іуліана. Граціану же (5) попустилъ убіену бысть мечемъ иранскимъ; при всемъ томъ легче, нежели Помпею великому (6), почитающему боговъ Римскихъ. Ибо за него Капонъ опмстивъ не могъ, котораго онъ какъ бы наслѣдникомъ оставилъ гражданской брани. За сегожъ, хотя благочестивыя души таковыхъ утѣшеній не прѣбуктъ, Θεодосій опмстилъ (7), котораго онъ царства общникомъ и участникомъ сдѣлалъ, когда малолѣтнаго имѣлъ брата, желая вѣрнѣйшаго сообщества, нежели наивеличайшей власпи.

Глава двадцать претія.

*О вѣрности, вѣрѣ, любви и благоговѣніи
Θеодосія Императора.*

Чего для Θεодосіѣ не только во время его жизни сохранилъ къ нему вѣрность, но и послѣ его смерти изгнаннаго отъ его убійцы Максима, малолѣтнаго брата, въ часъ своего государства такъ какъ Христіанинъ принялъ, и хранилъ съ отеческою любовію, котораго лишеннаго всякой помощи безъ всякой трудности могъ бы лишиться жизни, есмь ли бы пламенѣлъ любовію болѣе просиранно владычествовать, нежели къ благодѣтельствуванію. И такъ онъ, сохранивъ Царское его достоинство, принявъ милосердію своею и ласковосердію утѣшилъ. Потомъ, когда Максима () спрашнымъ содѣлали успѣхи, то Θεодосій, въ

въ тѣсныхъ будучи обстоятельствахъ, не успремилъ къ непопозволеннымъ и святошапскимъ любопытствамъ, но къ Іоанну, въ пущынѣ Египетской живущему (2), о коемъ вездѣ слухъ распроспирался, что онъ рабъ Божій духомъ Пророческимъ одаренъ, послалъ, и отъ него безсомнительное предсказаніе о побѣдѣ получилъ. Вскорѣ по убіеніи ширинна Максима, Валентиніана (3) отпрока въ ту часъ государства, откуда изгнанъ былъ, съ почтеніемъ возвратилъ. И по смерти его, которая ему послѣдовала или отъ умысла поданныхъ, или по случаю, или другимъ какимъ ни есмь образомъ, когда другіи ширани неправильно и незаконно вмѣсто оного Царемъ былъ поставленъ, Евгеній: то, получивъ наки вопоричное предсказаніе отъ тогожъ Іоанна, положивъ твердую надежду на Бога, онаго Евгенія побѣдилъ, противъ коего войска, сильнаго наипаче молишвою, нежели мечемъ, вооружался. Войны, которые въ ономъ сраженіи были, намъ объявляли, что у нихъ изторгнуто было все то, что они на войско Θεодосіево бросать намѣревали, въспромъ, который съ стороны Θεодосіевоѣ на нихъ вѣялъ; и не только то, что вергаемо было войскомъ Θεодосіевымъ, похищаемо было и сильнѣе поражало непріятелей, но и непріятельскія стрѣлы, испущенныя на войско Θεодосіево, обращаясь разили пущившихъ ихъ. Почему стихоморецъ Клавдіанъ (4) хотя былъ язычникъ, однако въ выхвалу ему сказалъ:

о крайнѣ возлюбленный Богу, съ коимъ купно разитъ непріятелей воздухъ, и сообщасъ помоществующѣмъ въшры! Будучи же побѣдителямъ, какъ въриль и предсказалъ, Юпитеровы ваянія и изображенія, которыя были прошивъ его невѣдомо какими обрядами посвященныя, и на Алпійскихъ горахъ пославленныя, низвергнулъ, и оныхъ перунамъ, поелику были золотые, когда смѣялись гонцы, сколько тогдашняя радость позволяла, и говорили, что они желаютъ оными перунами поражены быть, веселое имѣя лице, дарилъ щедро. Враговъ своихъ дѣшей, которые, не бывши Христіанами, ушли въ священные храмы, по тому случаю повелѣлъ огласить въ Христіанство, и по крещеніи любилъ оныхъ Христіанскою любовію, и не лишалъ имѣнія, но въ высочайшіе жаловалъ чины. Никому не попустилъ послѣ побѣды мстить за частныя обиды. Домашнія смятенія, не такъ какъ Марій и Цинна, и Силла, и другіе подобные усмиряли, которые и окончанныхъ окончати не хотѣли; но наипаче сожалѣлъ, ежелибъ когда оныя случились, нежели желалъ, дабы кому окончанный вредъ причиняли. Сверхъ сего, съ самаго начала вспуленія своего на престолъ не преспавалъ милосердными и праведными законами прошивъ нечестивыхъ изнемогающей церкви помоществовать, которую Валентій ерепикъ (5), пособствуя Аріанамъ, жестоко оскорблялъ, которой членомъ Θεодосій наипаче желалъ
быть,

быть, нежели царствовать на земли. Кумиры языческіе во всѣхъ мѣстахъ низринуть повелѣлъ, совершенно понимая, что и земное добро въ Божіей состоитъ власти, а не демонской. Что же было удивительнѣе его благочестиваго смиренія (6), когда пресупленіе Солунянъ тяжчайшее, коимъ было по предспашельству Епископовъ обѣщано прощеніе, возмущеніемъ нѣкоторыхъ ошмстить принужденъ былъ, и наказанъ бывши церковнымъ покаяніемъ, такъ сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, что народъ, за него моляся, болѣе тогда плакалъ, нежели прежде гнѣва его боялся. Сіи и подобныя добрыя дѣла, о коихъ предлагати не позволяешь времени краткости, откуда онъ съ собою понесъ, коихъ воздаяніемъ есть вѣчное блаженство, которое Богъ даруетъ однимъ неложно благочестивымъ. Прочее же жизни сея или достоинство, или другое что, такъ какъ и самый міръ, свѣтъ, воздухъ, земля, воды, плоды, также и душу, плоть, чувства, разумъ, жизнь, добрымъ и злымъ даруетъ, въ числѣ коихъ также находится и величество государства, которое по времени Богъ устроитъ.

Глава двадесять четвертая.

Противъ завистливыхъ, кои отвѣтъ писали на изданныя уже Августиномъ книги.

Теперь уже за нужное почитаю отвѣщать тѣмъ, которые ясными доказа-
тель-

пелѣствами, коими показывается, что ко временному добру, желаемому несмысленными, множество богѣвъ ни мало не пособствуетъ, сражены будучи и опровержены, силился доказывать, что не для выгоды въ настоящей жизни, но ради оной, которая по смерти бытъ имѣетъ, богѣвъ почитать надлежитъ. Ибо шѣмъ, кои изъ любви къ міру сему суету за долгъ славянъ почитать, и въ недопущеніи себя къ тому отъ малоразумія жалующся, сими пятыми книгами довольно кажется опровергнуто, изъ коихъ первыя три, когда я издалъ, и у многихъ въ рукахъ оныя появились, тогда услышалъ я, что нѣкоторые невѣдомо какое пишутъ на то возраженіе. Потомъ донесено мнѣ было, что уже написали, но ищутъ и ожидають времени удобнаго, въ которое бы безопасно могли издать, которымъ я совѣтую, дабы они того не желали, что имъ не полезно; ибо кто молчать не пріобыкъ, тому легко покажется, что онъ довольно опровергнутъ. Да и что можетъ быть многоглаголивѣе малоразсудлива, которое не столько можетъ, сколько истинна? Но ежели восхоцетъ, болѣе можетъ вопишь, нежели истинна. Но пуская разсмотрѣвъ все тщательно и разберушь безпристрастно, то увидяшь, что ни поколебать того не можно, не только чинѣ безразсудствомъ безстыднымъ, или пересмѣшкою сатирическою опровергнушь. И такъ пуская удержишь свои взоры и не почитають себя

себѣ за стыдъ исправленнымъ быть отъ благоразумныхъ, нежели непохваляемымъ отъ безумныхъ. Ибо ежели не ради свободности къ предложенію истинны, но ради злословія времени ожидають, то не дай имъ Богъ, дабы пожъ имъ прикажилось, что Туллій (1) говоритъ о нѣкоторомъ, который потому, что имѣлъ всегда удобство ко грѣхамъ, назывался щастливымъ. О несчастный, которому грѣшить вольно было! Почему всякой, по свободности къ злословію щастливымъ себя почитающій, несравненно щастливѣе будетъ, ежели онаго учинить ему будетъ не возможно, когда ему удобно, опложивъ хвастовство малоразсудствомъ и въ сіе время, какъ я подъ видомъ прѣгованія совѣта предлагалъ вопреки, что ему угодно, и отъ шѣхъ, коихъ подъ видомъ совѣта вопрошаетъ, такъ какъ въ дружескомъ словопрѣніи, то есть съ скромностію, основательностію и вольностію надлежащее слышать.

Конецъ I части.

ПРИМѢЧАНІЯ

на

Книгу Блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго, о градѣ Божіемъ, пятую.

На главу вторую.

(1) Цицеронъ сказываеиъ. Гдѣбѣ сіе Цицеронъ говорилъ, не извѣстно; однако думаю, что въ книгѣ о судьбѣ, копорая къ намъ дошла испорченная и неполная.

(2) Пассидоній Стоикъ. Онъ былъ изъ Родоса, гдѣ и училъ. Наконецъ въ Римъ пришелъ, былъ ученикомъ и преемникомъ Пепаніа, какъ увѣряеиъ Цицеронъ.

(3) Близнецы. Кавовыми были Проклъ и Цириспій, Лакедемонскіе Цари, какъ говорииъ Цицеронъ въ книгѣ о гадательствѣ второй.

(4) Ни въ какихъ близнецахъ. Квинтилианъ о двухъ близнецахъ болящихъ. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ подобнаго, котораго бы природа особливимъ свойствомъ не различила и проч. И далѣе: многіе вкупѣ раждаюиъся, но всякъ съ своею судьбою.

На главу третію.

(1) Нисгидій. Фигуль знашнаго рода, и разумный, искусный какъ въ другихъ наукахъ, такъ особливо въ математикѣ; въ философіи послѣдовалъ Писагоровымъ ученикамъ. Упо-

ми-

минаетъ о немъ Цицеронъ. Светоній въ Августѣ повѣснвуеиъ, что Нисгидій, узнавъ часъ рожденія Октавіева, сказалъ, что обладатель вселенныя родился.

(2) Быспроиъ. Квинтилианъ о близнецахъ болящихъ: сколько тебѣ думается прошло времени, когда первое бремя исходитъ. Крапко можеиъ кажеиъся смертныхъ очамъ, но ежели разсмотрѣиъ умомъ пространство міра, то узнаеиъ, сколь много проходииъ времени между рожденіемъ одного и другаго младенца.

На главу четвертую.

(1) Близнецы. Исавъ и Іаковъ оиъ Исаака и Ревекки. Бытія глава дванцаиъ пятая.

(2) Служилъ. Іаковъ Лавану, пестю своему, служилъ за Рахиль. Онъ былъ и Ревекки матери любезенъ, и у брата благословеніе предвосхишилъ, котораго по тогдашнему времени ничего не было честнѣе и полезнѣе.

На главу шестую.

(1) Такова есиъ сила. Изъ живопныхъ многіе сверхъ зачавшагося плода зачинаюиъ. Аристотель и Плиніи пишутъ, что зайцы по зачатіи зачинаюиъ. И у женъ поиъ случается, какъ Аристотель въ книгѣ седьмой испориі живопныхъ. Была, говоряиъ нѣкопорые, прелюбодѣица, копорая одного младенца родила мужу подобнаго, другаго прелюбодѣю, какъ Аристотель и Плиніи въ книгѣ седьмой говоряиъ; однако таковыя примѣры рѣдки.

Часть I.

Ю

На

На главу седьмую.

(1) Избирается день. Древнѣйшій изъ всѣхъ Исходъ дни года и луны для земледѣльцовъ раздѣлилъ. Ему послѣдовали Греки, Латинцы и Варвары, писавшіе о земледѣліи. Ему подражалъ Демокритъ, Виргилій, старшій Капонъ, Варронъ, Колумелла, Палладій, Плиній.

(2) Чуднымъ образомъ. По необходимости послѣдовать должно, дабы тогдѣ иногда попалъ въ цѣль, кпо много спрѣляется. Ложь математиковъ рѣдкіе помнятъ, а похожее на правду многіе между чудесами поспавляютъ.

(3) Тайнымъ вдохновеніемъ. Тожъ Августинъ на Бытейскія книги въ толкованіи и о ученіи Хрисціанскомъ. Сіи, говоритъ, знаки происходятъ отъ тайнаго вдохновенія демоновъ. Тспъ щасливѣе въ предвѣщаніи, которой благосклоннѣйшимъ имѣетъ къ себѣ демона.

На главу осьмую.

(1) Причинъ связь. Цицеронъ въ первой книгѣ о гадательствѣ, разумъ, говоритъ, убѣждаетъ вѣрить и признаваться, что все дѣлается судьбою. Чрезъ судьбу же разумъ порядокъ причинъ, когда причина причину рождаетъ. Она естъ отъ вѣчности происшедшая и вѣчная истинна.

(2) Изъ Омира стихи. Слова въ оныхъ заключаются Улиссовы къ Фемію, утверждающія, что мысли человѣческія перемѣняются непрестанно, и каждый день таковыми бывающъ, каковыми имъ быть Юпитеръ хочетъ.

На

На главу вѣторуюнадесять.

(1) Ассараковы попомки, то естъ Римляне. Ассаракъ былъ дѣдъ Анхизовъ, Капиъ отецъ, отъ котораго Еней, отъ Еней Іуль, отъ Іула Цари Албанскіе, а отъ оныхъ Римляне.

(2) Соединенные. Почти одинъ былъ храмъ добродѣтели и чести, который поспроилъ Марій по полученіи побѣды надъ Кимврами; но поелику между оными былъ каналъ, кѣ и казались два.

(3) Разсужденіе людское. Сіе естъ вообще славою. Но о истинной славѣ Цицеронъ въ претіей книгѣ Тускуланскихъ вопросовъ такъ говоритъ: слава естъ вещь непоколебимою и изображенною, а не прикровенною непорочнымъ гласомъ хорошо разсуждающихъ о изящной добродѣтели.

(4) Искать былъ не долженъ. Капонъ Упиценскій, о коемъ здѣсь говоритъ, просилъ, дабы поспавленъ былъ Трибуномъ народнымъ, и получилъ просимое; просилъ Преторства, и дано ему; однако прежде получилъ отказъ, когда предпочтенъ былъ непопрѣбнѣйшій человекъ Вагиній, богамъ и людямъ ненавистный. Просилъ Консульства, однако въ томъ ему отказано. Человекъ, какъ говоритъ Плутархъ, такой, котораго купишь дорогою цѣною для исправленія оныхъ должностей надлежало; который достоинъ былъ того, дабы принужденъ былъ принимать чины, нежели просить.

Ю 2

(5)

(5) Въ мнѣніи Катонѣ. Въ рѣчи, которую говорилъ въ Сенатѣ, когда назначенъ былъ Трибуномъ народнымъ противъ заговоръ учинившихъ, какъ пишетъ Саллюстій въ Катилинѣ.

(6) Кто слышитъ сіи слова. Всегда Римскіе потомки воспоминали о добродѣтеляхъ своихъ предковъ, и превозносили оныя до небесъ; или потому, что непрестанно къ худшему вещи клонились, или поелику народу прошедшія времена кажутся всегда лучшими.

На главу шестнадцатую.

(1) Любвию хвалы. Горацій къ Меценату въ книгѣ первой писемъ.

(2) Проспраніе царствовать будешь. Горацій въ книгѣ второй стиховъ къ Саллюстію.

(3) Гадитанскимъ. Сей островъ есть Испанской, знаменитый странствованіемъ въ немъ Ираклія, или Геркулеса.

(4) И обои Карфагенцы. Акронъ и Порфиріонъ чрезъ сіе разумѣютъ Африканцовъ въ Ливіи и Гадитанцовъ, которые произошли отъ Пенѣвъ, или Карфагенцовъ, что стихотворецъ изображаетъ здѣсь соединеніе земель, морями отдѣленныхъ.

(5) Должно питать славою. Такъ большая часть Схоиковъ; они своего мудреца называютъ животнымъ славы. Симонидъ стихотворецъ, приведенъ будучи въ мнѣніе такое отъ Ксенофонта, шѣмъ различаетъ человека отъ

отъ другихъ животныхъ, что человекъ къ чести и славы стремится.

(6) Честь питаетъ науки. Цицеронъ въ предисловіи книги Тускуланскихъ вопросовъ.

На главу четвертуюнадесять.

(1) Предъ Отцемъ моимъ. Маттея глава десятая.

(2) И предъ Ангелы Божіи. Луки глава втораянадесять.

На главу седьмуюнадесять.

(1) Естьли Пулвилла. Ливій въ книгѣ второй и Валерій въ книгѣ пятой, Плутархъ въ Публиколѣ, Діонисій и другіе пишутъ, что храмъ обѣщанъ Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ отъ Тарквинія Приска, посроенъ отъ Тарквинія Суперба, или гордаго, по изгнаніи котораго посвященіе досталось оный Консуламъ. Метаны были жребіи, по силѣ коихъ досталось посвятить его М. Орацію Пулвиллу, съ которымъ приключилось то, что Августинъ предлагаетъ.

(2) Отъ завистниковъ. Отъ М. Валерія П. Валерія Консула брата, который негодовалъ, что храмъ оный посвящается не отъ кого либо изъ ихъ фамиліи, столь великолѣпно посроенный. И такъ сказалъ нарочно Горацію, что у него сынъ скончался, дабы Гораціева фамилія, толикою печалію пораженная, удержана была отъ посвященія.

(3) Бросили безъ погребенія. Такъ пишетъ Плутархъ. Ливій же сказываешь, что онъ приказалъ его вынесъ.

(4) *Остази мертвыхъ.* Оставъ людей, живущихъ міру, но въ самой вещи умершихъ, поелику они въ разсужденіи Бога умерли, погребши тѣхъ, коихъ онъ умершими тогда подѣло щипалъ.

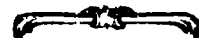
(5) Луцій Валерій. Пишутъ Ливій, Валерій, Плутархъ, Діонисій, Езроній, что Валерій Публикола по недоспашку своему погребенъ былъ общественныи иждивеніемъ. Плутархъ повѣствуетъ, что сложились граждане деньгами для погребенія его.

(6) Квинтіи Цинциннапусъ. Смотри Ливія книгу претію, и Валерія книгу четвертую.

(7) Больше былъ, нежели Консульство. Диктаторское достоинство было Царское, на которое суда нигдѣ не было, которому Консулы и прочіе начальники и народъ повиновались. Продолжалось оно только шестимѣсяцовъ, и Диктаторы въ великихъ бѣдствіяхъ республики поставлялись. Оное достоинство уставлено отъ построения Рима въ двѣсти пятьдесятъ вторѣмъ году по смерти Кесаревои, закономъ Марка Антонія изъ зависти вѣчнаго Диктаторства Кесарева.

(8) Побѣдивъ непріятелей. Яснѣе, надъ которыми онъ шоржествовалъ.

(9) Фабрицій. Онъ былъ недоспашочной челоуѣкъ и великой презритель богамства. И
когда

когда посланъ былъ къ Пирру ради искупленія пѣнниковъ, и прошенъ Пирромъ, дабы поѣхалъ съ нимъ въ Эпиръ, съ тѣмъ обѣщаніемъ, что онъ дастъ ему четвертую часть государства своего, отвѣтствовалъ, что сіе для него, Пирра, весьма вредно; понеже ежели жилиши Элиротскіе увидятъ и познаютъ Фабриціи, то лучше будутъ повиноваться ему, Фабрицію, нежели Царю Пирру. За сіе Пирръ не разгнѣвался, но великодушной простотѣ Фабриціевой удивился. Сей же Фабрицій подарокъ, изъ великаго числа денегъ состоящій, даруемый ему въ знакъ дружбы, отвергъ и не принялъ.

(10) Что нѣкоторый изъ нихъ, бывшій два раза Консуломъ. Валерій въ книгѣ второй повѣствуетъ сіе о Корниліи Руффинѣ, который отрѣшенъ отъ Сената симъ Фабриціемъ Ценсоромъ за то, что оказалось у него десятии фунтовъ дѣланнаго серебра. Тожъ пишетъ Ливій въ книгѣ четвертойнадесяти.

(11) Недоспашочныхъ мужей. Ни въ какой вѣкъ не было столь много воздержныхъ и непорочныхъ людей, какъ во время войны съ Пирромъ.

На главу осьмуюнадесять.

(1) Двухъ только боговъ почиали. Персіяне волхвы, коихъ начальникомъ былъ Зоороастръ, два начала полагали: одно доброе, другое злое. Отсюда Плутона и Ариманія называли демономъ злымъ, а Юпитера и Оромаза добрымъ, какъ пишутъ Ермиппъ,

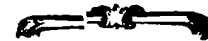
Евдоксѣ и Теопомпѣ у Діогена Лаерція. Кажется, что Платонъ послѣдовалъ вохвамамъ въ книгѣ десятой своихъ законовъ, когда двѣ души въ мірѣ полагалъ, изъ коихъ отъ одной происходишь добро, отъ другой зло. Манихеи также, какъ Августинъ въ книгѣ о ересьяхъ пишетъ, два начала полагали между собою противныя: вѣчныя и совѣчныя. Подобно два существа и природы добра и зла, въ коемъ мнѣніи древнемъ они другимъ послѣдовали ерешикамъ.

(2) Который Марію, потѣ и Каію Кесарю. Двухъ соединяетъ: одного злаго, другаго добраго. Безчеловѣченъ былъ Марій, милосердый Кесарь; лучший Государь Августъ, непогрѣбный Неронъ.

(3) Милоспивымъ Государямъ. Титъ Веспасіанъ двухъ имѣлъ сыновъ: одного именнаго себѣ, другаго Доменіаномъ называемаго. Отецъ для всѣхъ почитался утѣшеніемъ, сынъ Титъ рода человѣческаго любовію и удовольствіемъ нареченъ у Свепонія. Домитіанъ, отъ опцовскаго и брашнаина свойства удаленный, безчеловѣчнымъ былъ врагомъ всѣмъ.

(4) Ошступнику Іуліану. Который бывши прежде Христіаниномъ, ошступилъ отъ Христіанства, приведенъ будучи на то Ливаніемъ Софистомъ, и ошдался въ оракулы боговъ, жребіи, волшебства и гаданія; впрочемъ мужъ добраго сердца и къ правленію государствомъ способный и искусный.

На

На главу девятыюнадесять.

(1) Война съ морскими разбойниками. По прошествіи менѣе сорока дней, со времени того, какъ Помпей ошправился изъ Брундузіи, какъ пишутъ Флоръ и Цицеронъ за законъ Маниліевъ.

(2) Война съ Кареагенцами претія. Продолжавшаяся три года.

(3) Римляне были побѣждены. Аріій Претюръ и два Консула: Гн. Леншуръ и Л. Геллій, отъ Спарпака побѣждены.

(4) Два Консула убиты. Л. Юлій Цесарь, и П. Рупилій, какъ повѣстивуетъ Ливій.

(5) На двухъ сраженіяхъ. При озерѣ Трагименскомъ и при Каннахъ.

(6) Война съ Мипридапомъ. Такъ пишетъ Флоръ, но прервана миромъ, учиненнымъ съ Силлою; возобновлена Лукулломъ, окончана Гн. Помпеемъ великимъ.

(7) Почти пятьдесятъ лѣтъ. Евпропій и Орозій щитають продолженія сей войны сорокъ девять лѣтъ, Флоръ пятьдесятъ, Аппіанъ восемьдесятъ. Сіе послѣднее съ счисленіемъ Дивіевымъ сходственнѣе, который въ книгѣ двашцать преніей говоритъ, что у Римлянъ съ Самнитянами война продолжалась безъ малаго сто лѣтъ.

На главу двадесать первую.

(1) Нѣтъ опасности имѣть сообщника царству. Въ семъ мірѣ Цари боялись имѣть участниковъ государства; ибо всякая власть

Ю 1

уча-

участника не терпитъ, какъ говоритъ Луканъ. Но въ блаженствѣ Божіемъ вѣчномъ хопія множайшіе суть участниками, однако не меньшую всякъ имѣетъ радость, но еще тѣмъ большую.

На главу двадесять вторую.

(1) Константина Императора. Сей былъ Констанція и Елены сынъ, рожденный въ Британніи. Онъ по Филиппъ первый Христіанскимъ былъ Государемъ, и скончался природною смертію въ Никомидіи въ лѣто государствования своего припущае въ второе.

(2) Къ сооруженію города. Константинъ, окончавъ благополучно всѣ войны, вознамѣрился построить городъ и нарече оный опъ своего имени. И сперва хотѣлъ оный построить на Сардійскомъ полѣ въ Азіи, потомъ близъ Сигея въ Троидѣ основаніе оному положилъ, върешныхъ работу сію перенесъ въ Халкидонъ, и воздвигнулъ стѣны; но какъ шнуры похитили пптицы и пренесли въ Визанцію, Фракійской городъ, то тамъ построенъ городъ, нареченный Константинополь.

(3) Демоновъ храма. Ибо Божіей Матери градъ оный посвятилъ.

(4) Въ испребленіи мучителей. Максенція и Ликинія.

(5) Граціану же. Сіе о Императорахъ Римскихъ повѣствуется у Евтропія, Павла діакона, Орозія и Помпонія Лепта. Граціанъ былъ

былъ Валентиніановъ сынъ. Противъ его, жившаго въ Тревирѣ, полки Римскіе заговоръ учинили, избравъ себѣ въ предводители нѣкогого Максима, который коварно убилъ Граціана. Граціанъ былъ крайнѣ благочестивый Христіанинъ.

(6) Нежели Помпею великому. Помпей Пшоломеевы придворные при зрѣніи всего Александрійскаго народа въ лодкѣ умершвили, какъ пишутъ Ливій, Флоръ, Плутархъ, Луканъ и Аппіанъ.

(7) Θεодосій опмстилъ. Граціанъ Θεодосія Испанца, происходящаго опъ Траяна, съ согласія всѣхъ общникомъ государства учинилъ. Θεодосій, поймавъ Максима, тогда въ Аквилѣ жившаго, казнилъ.

На главу двадесать третію.

(1) Когда Максима. Войскомъ у Максима управлялъ Андрагатій, искусный въ воинскихъ дѣлахъ и хитрый, котораго умыслами въ великія затрудненія Θεодосій приводимъ былъ.

(2) Къ Іоанну, въ пустынѣ Египетской живущему. Іоаннъ пустынникъ, наполненъ будучи духомъ пророчества, какъ другимъ многимъ много предсказывалъ, такъ и Θεодосію Божіими словами предрекъ побѣду, какъ лишешъ Прэсперъ Аквитан. Діаконъ же повѣствуетъ, что еще въ сомнительныхъ бывши случаяхъ, Θεодосій ѣздилъ къ оному Іоанну для совѣта.

(3) Валентиніана. Граціанова брата поставилъ обладашелемъ западнаго государства, котораго Арбогастъ вельможа въ Віеннѣ коварно убилъ, и поставилъ вмѣсто его Евгения піранна, и собравъ изъ варваровъ великое число войска, засѣлъ на переходѣ Альпійскихъ горъ, дабы не допустить Θεодосія пройти онымъ. Θεодосій, будучи весьма набоженъ, чрезъ всю ночь, которая день сраженія предваряла, не вкушая пищи, молился. Въ слѣдующій день сразился, хотя войска имѣлъ меньше, нежели непріятель, и осызаемою почти Божіею помощію непріятельское войско поразилъ, Евгения поималъ и умертвилъ, а Арбогастъ самъ себя убилъ.

(4) Стихотворецъ Клавдіанъ. Большая часть писателей увѣряетъ, что онъ былъ Египтянинъ, первосвященникъ, человекъ хитрый, способный къ сочиненію стиховъ, которые и писалъ весьма изрядно; склонный къ суевѣрію, хотя находясь и о Христѣ его стихи. Сіи стихи, кои приводитъ Августинъ, обрѣтаются въ Панигирикѣ Оноріевоу.

(5) Валентъ ерешикъ. Начальникъ ереси Аріанской, Епископовъ, монаховъ и прочихъ Христіанъ жалости достойнымъ образомъ умертвилъ и мучилъ. Когда Готы просили принять ихъ въ Христіанскую вѣру, онъ Епископовъ послалъ Аріанской ереси.

(6) Благочестиваго смиренія. Въ Солунѣ, градѣ Македонскомъ, во время театральнаго

позо-

позорища сдѣлалось смятеніе, и народомъ начальники многіе были биты. Разгнѣвавшись Θεодосій на то, повелѣлъ строгое о томъ учинить слѣдствіе. Однако по прошенію Епископовъ просилъ было оной гражданъ поскупокъ. Но какъ въ числѣ народомъ обиженныхъ многіе были друзья Θεодосіевымъ придворнымъ, то придворные всѣми мѣрами довели Θεодосія до того, что онъ послалъ на Солунъ войско, которое нѣсколько тысячъ гражданъ побилъ; за которой поступокъ Амвросій, Медиоланскій Епископъ, не удостоилъ Царя въ Воскресеніе Христова причащенія, покуда не покается. Чего для Царь, повинувшись Епископу, публично приносилъ покаяніе, и прощенъ бывши, допущенъ.

На главу двадесять четвертую.

(1) Туллій. Въ книгѣ пятой Тускуланскихъ вопросовъ.

10
452.